ИНДЕКС: 73325
3 руб. 00 коп.

РОДИНА

9—10—1991

ISSN 0235—7089

Фото Владимира Семина

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ - МОСКВА

Фотопутешествие
наших корреспондентов
АШОТА АРУТЮНОВА и
ЮРИЯ КОЗЫРЕВА

РОДИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ: ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РСФСР

9—10—1991

Выходит с января 1989 г.

Издательство «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

СОДЕРЖАНИЕ

Сдано в нвбор 30.08.91. Подписано к печати 04.10.91. Формат 84×60⅛. Бумвгв офсетная. Печвть офсетная. Усл. печ. л. 18,6. Усл. кр.-отт. 75,8. Уч.-изд. л. 25,21. Тираж 115 095 экз. Заказ № 777. Цена 3 руб в розницу, 2 руб. 50 коп. по подписке

Адрес редакции: 109316, Москпа, Волгоградский проспект, 26. Тел. 270-52-54.

Типография издательства «Правда». 125865, ГСП. Москва. А-137, ул. «Правды», 24.

ДМИТРИЙ СЕЗЕМАНН

В МОСКВЕ ВСЕ СПОКОЙНО

Главы из романа

Фото Ашота Арутюнова.

«ЭТОТ СТРАННЫЙ ПРЕДМЕТ»

Так назвал свой фантастический роман «В Москве все спокойно» сам Дмитрий Сеземанн, продолжив это определение словами «предмет неопределенного жанра». Я полностью согласен с этим.

Сочинения, которые принято называть утопиями (или антиутопиями — в зависимости от соотношения ориентаций писателя и его героев), могут быть написаны в совершенно произвольных жанрах. «1984» Оруэлла, с которого, как обычно, стоит начать ряд,— по-моему, роман о любви. «Мы» Замятина — чистая фантастика, вроде «Железной пяты» Лондона, только с русской серьезностью. «Московские правила» Роберта Мосса, не известный у нас (а, на мой взгляд, отличный!) роман — типичный триллер, образцовый политический боевик. И так далее. Сеземанн же написал, мне кажется, беллетризованный политический комментарий к советской ситуации конца семидесятых — начала восьмидесятых годов.

Общее в этих книгах одно: очень часто — вопреки намерениям авторов, как правило — помимо их сознания, всегда — с полной очевидностью для читателей в такие тексты проникает будущее, накладывая на них несколько мистический отпечаток.

По собственному опыту сужу — самое странное, что получается в такого рода фантазиях, это совпадение деталей в тексте с деталями последующей жизни. Такого рода совпадения в реалистической жизнеописательной литературе понятны, поскольку там изображается автором уже виденное. *Но когда описываешь* еще не случившееся, *а попадаешь в абсолютное сходство... Тогда возникает эффект не литературы, а, скорее, фокуса: от сопоставления даты в конце романа с датами, когда в жизнь прорвались те самые люди (вплоть до созвучия фамилий), те самые события (вплоть до совпадения оружейных марок и количества жертв), что описаны беллетристом.*

Будущее пролезает в фантазии не целиком, а неаккуратными клочками сквозь более или менее гладкую прозаическую ткань. Как вата сквозь истертую зэковскую телогрейку, как палец сквозь дырявый, прикипевший за три штурмовых ночи носок.

Я пишу это предисловие сразу же после провала военного переворота 19—21 августа 1991 года. Сеземанн опубликовал свой роман в Париже в 1979-м. Но как совпадают детали! Гэбешник, явный Андропов — но до чего же похож на Крючкова... Руководитель секретариата генсека в романе — прогрессист, а не негодяй, как Болдин — но абсолютно тот же человеческий тип...

Дмитрий Сеземанн описал прогрессивный военный переворот. Через двенадцать лет произошел реакционный. Все остальное совпадает.

Я задаюсь вопросом: почему же известный специалист по кремлевским делам так ошибся с выбором вектора событий? Ответ вижу единственный: даже наиболее разумные и совестливые из нас — да и во всем мире — тогда еще не до конца простились с революционными иллюзиями. Еще казалось, что революция может быть и благодетельной. Собственно, Мосс в «Московских правилах» написал о том же, что и Сеземанн, только более приспособленно для англоязычного читателя. Сегодня и мы совсем другие, и жизнь совпадает с нашими нынешними представлениями. Сегодня уже видно, что революция — это благопристойное название мятежа, бунта, который всегда отвратителен. В минувшем августе победила не антикоммунистическая революция — наоборот, антикоммунизмом, уже до того овладевшим обществом, был подавлен очередной коммунистический бунт.

Слава Богу, что роман Сеземанна стал свидетельством наших общих заблуждений — это блестящее свидетельство. Слава Богу, что мы избавляемся, почти избавились от соблазна уповать на переворот, как на прорыв к лучшему.

И остается чисто профессиональный, сочинительский вопрос: как же все-таки прорывается палец будущего сквозь быстро изнашивающуюся ткань прозы? Кто диктует автору детали жизни, которая еще не наступила? Дмитрий Сеземанн отлично слышал эту диктовку, когда писал свой роман.

АЛЕКСАНДР КАБАКОВ.

Мы печатаем заключительные главы романа по изданию: Дмитрий Сеземанн. В Москве все спокойно. «Посев» США, 1989. Перевод В. Рыбакова, редакция А. Юровского и др.

Коротко о некоторых действующих лицах: полковник Генштаба Свиридов, генерал Маслов, физик Лонгинов — ведущие участники заговора; Орлов — начальник секретариата генсека (главного); Мантропов — председатель КГБ.

26. Две смерти

Ужин подходил к концу. Генерал Маслов все отлично организовал, его «перекусить по-походному» оказалось прекрасным ужином. Главный особенно оценил запеченный — с корочкой — кабаний окорок, придавший пирушке уместную в таких обстоятельствах мужественно-военную атмосферу. Воспользовавшись отсутствием своего адъютанта Крюкова, попросившего разрешения принять приглашение генерала Воробьева (врачи поручили Крюкову тайно следить, чтобы хозяин не выпивал лишнего), Главный поднажал на спиртное и находился в состоянии эйфории, способствующей желанию предаться военным воспоминаниям. Тем более, что ему хотелось напомнить собравшимся военным, из которых по меньшей мере двое не воевали, что он был не просто липовым маршалом, а носил военную форму во времена куда более тяжелые и опасные, чем нынешние.

— Вот я хорошо помню, как в Татрах, в Чехословакии, Конев, да, да, именно Конев, пришел ко мне посоветоваться, как пробиться через ущелье...

Никому не было интересно, так ли все это было, да и Конева давно уже не было в живых, чтобы подтвердить. На самом деле Главный в то время стоял во главе политотдела 17-й армии, и его действительно вызывал командующий фронтом Конев, но не для того, чтобы советоваться, а для того, чтобы учинить ему разнос за плохое моральное состояние войск. Один из полков армии столкнулся в бою с частью РОА — власовской армии — и вел себя в высшей степени вяло. В конце концов все обошлось, виновные были сурово наказаны, и теперь это никого не волновало.

Слегка наклонившись вперед, генерал Маслов слушал как будто бы с интересом. Но генерала гораздо больше интересовало лицо Главного, чем его рассказ. Казалось, генерал Маслов изучал его, пытаясь предсказать реакцию Главного на неотвратимо приближающееся событие. Это событие Маслов и создал. Он довольно грубо перебил монолог:

— Да, Николай Ильич, у Вас была длинная и насыщенная событиями жизнь.

Главный запнулся. Много лет уже прошло с тех пор, как кому-то могла прийти в голову мысль его перебить. Не представляя себе, что речь могла идти о знаке неуважения к нему, он принял происшедшее за не поддающийся контролю взрыв восхищения. И поэтому ответил с доброй улыбкой:

— Да, дорогой мой, но годы давят. А что делать, нужно работать.

— А вы не думаете, что пора уйти на заслуженный отдых?

Главный не понял.

— Что вы хотите сказать? Вы же не подразумеваете, что я...

На этот раз сомнению не было места. Неуважение заставило генерала заговорить изменившимся голосом.

— Думаю, думаю, и не я один, Николай Ильич.

Если бы Главному не было за семьдесят, то можно было бы сказать, что выражение, возникшее на его потасканном и одутловатом лице, было выражением ребенка, которого подразнили слишком зло.

К подобному происшествию никто не может заранее подготовиться, к тому же быстрая реакция на психологический шок никогда не была присуща Главному. Он спросил жалобно:

— Но чего вы хотите? И по какому праву вы разговариваете со мной таким тоном?

— Прежде всего, Николай Ильич, успокойтесь, мы вам не хотим зла. Просто, как я уже сказал, для вас пришло время уйти в отставку. Кстати, это время пришло и для большинства окружающих вас людей...

Произошло неожиданное. Главный с неожиданной быстротой встал и заорал:

— Крюков! Генерал Крюков, ко мне!

Четверо сотрапезников тоже вскочили на ноги. Сильно побледневший Свиридов потянул руку к своей кобуре. Из соседней комнаты, где ужинали Крюков и Воробьев, донеслись крики и звук чрезвычайно похожий на выстрел пистолета. Дверь под ударом внезапно распахнулась, и на пороге появился растерянный с блуждающим взглядом генерал Крюков с оружием в руке. Маслов сделал движение, чтобы помешать Главному шагнуть к Крюкову, поднявшему пистолет. Крюков целился в Маслова. Раздался выстрел. Крюков согнулся, выронил пистолет и упал. Свиридов опередил его. Он первый раз в жизни стрелял в человека. Главный беспомощно рухнул на стул.

В коридоре раздались шаги, и в комнату ворвались два запыхавшихся офицера. Луч надежды мелькнул в отупевшем взгляде Главного. Но офицеры повернулись к Маслову.

— Какие будут приказания, товарищ генерал?

На полу Крюков, держась руками за живот, издавал странное щебетанье. Маслов сказал, указав на Крюкова:

— Помогите ему. Воробьев, что? Ранен?

Один из генералов кинулся в соседнюю комнату. Бросив клич о помощи, Главный, казалось, исчерпал все свои силы. Он сидел молча, слегка свесив голову к правому плечу.

Генерал вернулся.

— Воробьев мертв, товарищ генерал. Попало прямо в сердце.

— Да, да, глупо вышло. Я, Николай Ильич, не хотел этого.

Два офицера вынесли из комнаты продолжающего слегка стонать генерала Крюкова. Маслов обратился к Свиридову:

— Уберите вашу артиллерию, полковник. Стреляете вы плохо. Пойдите в соседнее помещение и позвоните Орлову. Если его нет дома, спросите, когда ушел. Быстро!

Выходя из комнаты и засовывая на ходу пистолет в кобуру, Свиридов услышал шум подъезжающей машины. Маслов стоял посередине комнаты и не смотрел в сторону Главного.

В коридоре раздались шаги. Это были Орлов и Мантропов. Маслов обратился к вернувшемуся Свиридову:

— Полковник, пойдите, прошу вас, и проверьте, обезоружена ли его охрана. Мы здесь ничего не слышали; я надеюсь, что там все обошлось без драки.

Маслов повернулся к пришедшим.

— Я думаю, мы должны немедленно вернуться в город. Вы мне скажете по пути, какие меры вы приняли.

Последние слова его были обращены к Мантропову. Маслов словно не удивился его появлению и говорил так, будто заранее знал, что Мантропов примкнет к заговору.

Узнав своих ближайших сотрудников, Главный не проявил ни удивления, ни возмущения. Он не вспомнил, что при подобных обстоятельствах был лишен власти его предшественник, не подумал, что происшедшее — справедливое возвращение ветра на круги своя. Да и не мог он так думать, ему всегда были чужды критерии нравственного порядка. И уж тем более они не могли возникнуть теперь в его затуманившемся сознании. Нет, он просто перестал что-либо чувствовать. Он просто перестал существовать, в философском смысле слова.

27. Московский переворот

На следующий день номер «Известий» был распродан мгновенно, а перекупщики продавали его рублей за пять, не меньше. Переделать весь номер не хватило времени. На первой странице было длинное письмо металлургов комбината в Краснокаменске Главному, в котором они благодарили его за неустанную заботу о металлургии и обещали ответить новыми достижениями... В предыдущем номере подобное письмо было подписано свинарками Харьковской области.

Но на первой же странице, слева, была передовица «Партия и общество», как будто ничего особенного не предвещавшая. Под таким названием обычно печатались панегирики партии, ведущей общество к сияющим вершинам коммунизма. Но стоило прочесть лишь первую фразу передовицы: «Роль коммунистической партии в истории нашей страны отнюдь нельзя назвать второстепенной». Этой фразы оказалось достаточно, чтобы все телефонные линии столицы оказались перегруженными. Люди звонили друг другу, чтобы проверить, присинилось им это или нет. То, что следовало за первой фразой, было более взрывчатым. Анонимный журналист, которого вся Москва безуспешно пыталась «вычислить», писал: «Придя к власти в октябре 1917 года при обстоятельствах, которые историкам еще предстоит проанализировать со всей объективностью, партия большевиков под руководством В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева, Н. И. Бухарина и других взяла на себя трудную задачу восстановления экономики; задачу, выполнение которой, учитывая катастрофические последстия войны для нашей страны, было в высшей степени проблематично». От чтения подобного глаза лезли на лоб. Рядом со священным именем Ленина поместить фамилии его соратников, опозоренных, а затем забытых! И Троцкого! Того самого, о котором уже почти никто не знал, кем он был и что совершил, но фамилия которого была для нескольких поколений синонимом предательства и из-за которого сотни тысяч, а, возможно, и миллионы «троцкистов» заполнили братские могилы сибирских лагерей. Того самого Троцкого, о котором тельманы, торезы и ибаррури объявляли всему миру как об агенте Гестапо. И одно ритуальное перечисление преступлений которого вызывало новые волны арестов «врагов народа», кого рабочие и колхозники, вместе с видными писателями, «инженерами человеческих душ», страстно осуждали и с пристрастием требовали для них смертной казни.

И далее, когда, казалось, удивить читателя уже нечем,— он получил новый удар, самый сильный: «Необходимо отметить, что тема требует размышлений и исследований. За эту работу возьмутся наши историки, публицисты, социологи и писатели. Условия для выполнения этой задачи будут несравненно более благоприятны, если люди, руководящие страной, призовут на помощь разные слои общества, если они прислушаются к различным мнениям, которые, порой не совпадая с точкой зрения партии, не будут противоречить общим интересам». Затем следовало: «Мы часто забываем, что «партия» происходит от латинского «парс» и означает «часть», «фракция»; следовательно, согласно логике, нельзя отождествлять партию с чем-то целым. То, что главное направление развития нашей страны определялось партией и только партией, было, по всей вероятности, вредным. Как вредным было и то, что из жизненного процесса были исключены все другие течения политической, экономической и социальной мысли, свобода выражения которых не всегда поощрялась нашими руководителями». Эвфемизм последней фразы — «не всегда поощрялась»,— суть которого была в том, что миллионы людей были арестованы и уничтожены по обвинению в расхождении с линией партии, пусть самом ничтожном, прошел незамеченным: настолько сногсшибательными были слова, ставящие под сомнение правомочность многих десятилетий партийной диктатуры.

Абзац, посвященный действиям коммунистов во время войны, мог каждому, кто мало-мальски умеет читать между строк, объяснить, что произошло: «Во время Великой Отечественной войны члены партии храбро сражались плечом к плечу с другими советскими гражданами и в большой мере способствовали победе над гитлеровской Германией. Однако крупные ошибки, допущенные руководством партии в период, предшествовавший войне, стали причиной военной катастрофы в первые месяцы военных действий. А в течение всей войны, ничем не оправданное расширение полномочий института политических комиссаров часто приводило к неэффективности военных опе-

раций». Если этот абзац не убеждал, то тугодуму можно было напомнить прочесть на последней странице того же номера «Известий» сообщение о том, что генерал Маслов (никто не знал этого генерала) назначен первым заместителем Председателя Совета Министров.

А в самом конце передовой была затронута тема, не имеющая, казалось, никакого отношения к заголовку: речь шла о необходимости уважать конституцию и об усилении созданных на ее основе учреждений, являющихся единственной законной властью в стране.

Передовая вызвала в Москве не поддающуюся описанию лихорадку. На улицах люди толпой окружали счастливых обладателей беспрецедентного номера «Известий», просили прочесть вслух передовую. Все это происходило под бдительным, но добродушным оком появившихся вдруг, как по волшебству, на всех перекрестках столицы военных патрулей. Комментарии сыпались лавиной, нервное возбуждение росло, и только старые рефлексы, привычка людей к осторожности, не давала ему перерасти во взрыв ликования.

Западные дипломаты в Москве, осуждаемые своими правительствами, не знали, что отвечать. В советском Министерстве иностранных дел на неловко сформулированные вопросы по телефону неизменно отвечали с вежливым удивлением, что не понимают, «что же могло вызвать удивление г-на посла».

Дипломатический корпус начал о чем-то догадываться вечером того же дня, когда английский премьер-министр, встреча которого с Главным была установлена еще месяца два тому назад, был, к своему изумлению, принят Председателем Совета Министров, невзрачным человеком с желтым старушечьим лицом. Рядом с ним стоял незнакомый генерал.

— Генерал Маслов, первый мой заместитель.

Это так поразило англичанина, что он, позабыв правила приличия, выразил сожаление, что его принимает не Главный. Председатель Совета Министров бросил умоляющий взгляд в сторону Маслова.

Генерал ледяным тоном ответил:

— Мне кажется, что господин премьер-министр был приглашен советским правительством, а не коммунистической партией Советского Союза.

Ошеломленный англичанин сократил свой визит. Когда на следующий день в Палате общин депутат от оппозиционной партии потребовал отчета о поездке и оценки положения в СССР, министр иностранных дел ответил с достоинством, что правительство Ее Величества не может пока ничего раскрыть, но что оно бдительно стоит на страже прав и интересов Великобритании.

Все же, через два-три дня, миру стало доподлинно известно, что Главный изгнан с политической арены и что кардинально изменилась роль и функция коммунистической партии в жизни СССР. Можно лишь кратко напомнить о том, какие реакции в разных странах вызвал так называемый «московский переворот».

В Париже пресса пыталась выяснить, какие изменения новая обстановка может внести в отношения между партиями оппозиции. Президент республики отменил обед в честь принца Монакского. Генеральный секретарь ФКП, к которому обратились за комментариями, с возмущением заявил, что не понимает, почему обратились именно к нему, и что в любом случае политика Франции делается в Париже, а не в Москве.

В Риме центральный орган компартии с ликованием объявил, что в самом недалеком будущем в Москву отправится папский нунций. В Ватикане эту информацию не подтвердили, но и не опровергли.

В Вашингтоне представитель Белого Дома заявил, что президент, отдыхающий в горах Монтаны, где он охотится на оленей, позвонил и сказал, что он надеется на дальнейшее улучшение американо-советских отношений в сторону разрядки и что в самом ближайшем будущем начнется решающий тур переговоров ОСВ-14.

В Африке отклики на случившееся в Москве были противоречивыми. Наиболее четкой была реакция маршала Мандибаба, который заявил, что собирается объявить войну СССР и вернуть к власти своего старого друга Главного.

В Пекине молчали. Китайские средства массовой информации не проронили ни слова о московских событиях.

28. Удивление историка

Изучая события, которые мы пытались изложить, историк удивится, как мало сопротивления встретил в стране процесс установления новой власти, вернее, нового режима. Серьезные столкновения были считанными. После гибели Воробьева и Крюкова,— который умер в больнице,— только в Ленинграде произошла кровавая, но недолгая схватка между ротой морских десантников и гебистами города, защищавшими доступы к архивам КГБ. Следует напомнить, что наиболее яркой инициативой, проявленной новой властью после смещения Главного и отстранения коммунистической партии от власти, было обещание опубликовать архивы КГБ и ЦК. В Москве Мантропову удалось избежать кровопролития в связи с этим. В Чите был трагикомический эпизод. В одном из районов города группа «старых большевиков», средний возраст которых был не меньше восьмидесяти лет, забаррикадировалась, вооружившись одним охотничьим ружьем и двумя револьверами времен гражданской войны, в здании райкома партии. Старики заявили, что не дадут врагам уничтожить партию, которой верны с незапамятных времен, что они погибнут до последнего, но не дадут осквернить райком. Прибыв на место происшествия, комендант гарнизона Читы долго вел переговоры с «последними из могикан». Он им объяснил, что никто не собирается уничтожать партию, что она будет существовать наряду с другими общественными организациями, с профсоюзами, например, или с другими независимыми политическими партиями, только без того, чтобы диктовать другим свою волю. Он едва договорил последнюю фразу, как в него выпалили из охотничьего ружья. Коменданту дробью чуть не выбили глаз. Рассердившись, он приказал двум сопровождающим его офицерам начать штурм здания. Через десять минут оттуда выволокли пятерых растрепанных, галдящих стариков, посадили в милицейскую машину и увезли под насмешливые взгляды зевак.

Но в общем, к великому удивлению Лонгинова и его друзей, в стране, если не считать Москвы и тонкой прослойки интеллигенции в других городах, к случившемуся отнеслись почти равнодушно. Огромная часть политической, социальной и административной структуры страны рухнула так, как на киноленте с замедленной съемкой и с выключенным звуком падает взорванное большое здание. Самым интересным было то, что это падение продемонстрировало полную ненужность партии. Не то, чтобы партия отличалась бездеятельностью, наоборот; но множество функций, которые она себе присвоила, могли гораздо лучше выполняться без нее ведомствами, компетентными в своих отраслях. Компетентность же партии сводилась к области идеологии, но именно идеология-то уже десятки лет никого больше не интересовала.

Тем не менее, отстранение партии от власти, в общем встреченное страной с одобрением, вызвало и трудности. Часто оказывалось, что правительственные и советские организации отвыкли действовать самостоятельно; они были огромны, но не обладали мозгом. Импульсы, направлявшие их деятельность, исходили из другого организма, паразитировавшего на них. И хотя изъятие паразитирующего организма и было необходимо для страны, народа и государства, сама эта операция была для государства опасной.

Новая власть, а точнее прежнее правительство, став впервые с 1917 года настоящим правительством, направило в республики и области своих «уполномоченных по делам реформы управления». Их задачей было забрать у бывших партийных инстанций власть в области экономики, культуры и социальных дел и передать ее компетентным местным органам.

На всех ступенях партийной лестницы ответственные работники спешили выполнять указания новой власти, не забывая при этом предложить ей свои услуги. Они красноречиво объясняли, что знакомы с отбираемыми у них делами куда лучше, чем можно бы было ожидать от рядовых исполнителей. «Уполномоченные», в большинстве своем люди, неловко чувствовавшие себя в гражданских костюмах, шли этим просьбам настре-

чу. Приходилось работать с тем материалом, который был под рукой.

В Москве Лонгинов решил провести ряд телевизионных дебатов, во время которых высшие партийные руководители должны были, схлестнувшись со своими оппонентами, дать отчет о деятельности партии за все десятки лет ее пребывания у власти. Маслов и его друзья поддержали эту идею. Однако не нашлось ни одного секретаря ЦК, не говоря уже о членах Политбюро, кто согласился бы взять на себя защиту партии, знавшей до сих пор только похвалу, уверенной в полной своей безнаказанности. Выступление по телевидению было бы тем более рискованным, что в «Известиях» было только что опубликовано коммюнике совета министров о создании комиссии по проверке финансовых дел партии. Согласно этому коммюнике, предварительное следствие установило, что партия, существовавшая теоретически на взносы своих членов, на самом деле черпала неограниченные кредиты из государственного бюджета. На государственные деньги она содержала свой огромный административный и пропагандистский аппарат, давала материальные привилегии своей номенклатуре, строила для нее дачи и дворцы и обеспечивала многолетние субсидии иностранным коммунистическим партиям, перечень которых, не без лукавства говорилось в коммюнике, будет обнародован по окончании расследования. В конце этого документа говорилось, что если подтвердится расхищение партией огромного народного достояния, то долгом властей будет пересмотреть вопрос о будущем коммунистической партии.

Неожиданным последствием публикации этого коммюнике была просьба об отставке четырех секретарей ЦК, из которых двое были членами Политбюро. Свои заявления они направили... в министерство финансов, осведомляясь одновременно о размерах своих будущих пенсий. К великому изумлению секретарей, министерство им ответило на следующий же день. В ответе говорилось, что поскольку запрашивающие были на службе у общественной организации, а не у государства, то вопрос о пенсиях может решить лишь сама эта организация, то есть коммунистическая партия. Но, поскольку на финансовые счета партии наложен секвестр и расследование обещает быть длительным, то министерство готово, после рассмотрения личного дела, предоставить каждому из них временное пособие в размере 60 рублей в месяц.

29. Счастье народа

Собрание проходило бурно. Совещались те, кого уже окрестили «группой пятерых», хотя на самом деле их было семь, считая Лонгинова и Орлова. Они составляли «совещательный комитет» (назывался ли он так официально или нет,— никто не знал). Этот комитет временно держал в руках всю полноту исполнительной власти. Генерал Маслов осуществлял связь между комитетом и советом министров.

Сперва все шло спокойно. Орлов рассказал о своей встрече с личным советником президента США, примчавшимся в Москву за точной информацией и в особенности за всякого рода заверениями, на которые, кстати, Орлов не поскупился. Атмосфера стала накаляться, когда выступил генерал Малинин, назначенный главнокомандующим советскими войсками в странах Восточной Европы. Ему было приказано следить, чтобы население получило свободу слова, но чтобы одновременно в этих странах сохранялся строгий порядок. Ему нужно было также обеспечить меры безопасности по отношению к представителям власти и партии. Но вот в Праге начались демонстрации, сперва мирные и даже веселые, но веселье быстро прекратилось... Окна здания ЦК были разбиты, сам генеральный секретарь едва спасся — его чуть не разорвала толпа сограждан. Только благодаря находчивости шофера он нашел убежище в бельгийском посольстве, откуда позвонил, сконфуженный, советскому командующему с просьбой приехать за ним и переправить его в безопасное место. Малинин с наигранным простодушием ответил, что его никто не уполномочивал вступать в связь с какими бы то ни было посольствами, и что он не понимает, почему бы товарищу генеральному секретарю не вернуться спокойно домой. В Берлине советский командующий приказал местным погранвойскам очистить подступы к стене. В течение двух часов было тихо; затем берлинцы поняли, что ушедшие войска никем не заменяются... Толпа, стоящая в метрах двухстах от стены, все росла, но пребывала в тишине, словно ждала сигнала. И вдруг, хотя сигнала, конечно, никто не дал, толпа начала медленно, но с нарастающей скоростью двигаться к стене. Движение внезапно переросло в бурю, неумолимую, безумную. В истерике, плача и крича, люди пытались сломить железные прутья перегородок, пытались вырвать их и ранили себе руки. Одни лезли на сторожевые вышки и сбрасывали вниз прожектора. Другие, растрепанные, тяжело дыша, перелезали через стену и бросались в объятия стоящих на той стороне западных берлинцев. Парадоксально, но именно западноберлинская полиция начала через час устанавливать заставы, чтобы хоть как-то приостановить этот поток безумного счастья.

Малинин был в ярости. Он считал, что ему нарочно вставляли палки в колеса, что кто-то за его спиной старался вызвать, как он выразился, недопустимые эксцессы. Если дело будет так продолжаться, говорил он, положение быстро станет неконтролируемым, и тогда придется применять силу. Он обвинил во всем западный мир и заявил, что не позволит «растащить все добытое во время войны ценой пролитой крови и жизни миллионов наших солдат».

Когда Малинин сел на свое место, собрание сковала тягостная тишина. Маслов встал и взял слово.

— Я думаю все мы, как и генерал Малинин, озабочены судьбой страны. Вы говорили, генерал, о миллионах солдат, погибших во время войны. Большое количество людей погибло во время этой войны на моих глазах, многих я сам послал на смерть... и я не хочу, чтобы воспоминания о них использовались для выгодной кому-то полемики. Вы действительно думаете, генерал, что миллионы погибли для того, чтобы, скажем, чехи жили так, как хотим мы, а не они сами? Скажите, чего стоят как буферные государства оккупированные нами страны? Вы разве забыли, что, когда немцы вошли в 1941 году в Прибалтику, оккупированную нами годом раньше, население встретило их как освободителей? Даже оставив в стороне нравственную сторону вопроса,— хотя один Бог знает, как нужны нам сейчас нравственные устои,— с военной точки зрения я предпочитаю такое буферное государство, как Австрия, которой мы вернули независимость в 1955 году, чем Венгрия, где, можете мне поверить, не забыли и не собираются забывать 1956 год. Поверьте мне, все эти страны с радостью примут предложение стать нейтральными — и будут нам бесконечно благодарны! Конечно, мы потребуем некоторых гарантий, это нормально.

Последовала пауза, во время которой Маслов услышал, как Малинин саркастически хмыкнул. Он сделал вид, что не заметил, и продолжал:

— Позвольте мне развить несколько мыслей общего порядка. Проблема, которую мы затронули, будет касаться, и уже касается, и нашей собственной страны. Настанет время, когда мы должны будем спросить у народов нашей страны, как они собираются решать свое будущее. Спросить у русских, а также и у узбеков, грузин, таджиков, латышей и всех остальных народов, хотят ли они оставаться в общей упряжке, и если да, то на каких условиях? Я знаю, как и вы, что время нашему народу свободно выявить свою волю еще не пришло. Он должен сперва вспомнить азбуку свободы, восстановить утерянное политическое мышление. Мы должны по мере сил помочь ему в этом. Я не уверен, что нужно его побуждать на создание демократии, копируя Запад. Там политические партии слишком часто предают возложенные на них надежды. Возможно, надо будет создать новые формы демократии, более непосредственно связывающие власть и народ. Я не знаю. Но раз мы приобрели, хотя на время, право говорить от имени нашего народа, надо, чтобы мы говорили языком правды и никаким другим. Мы — великая держава, во всяком случае в военном отношении. Мы добились этого ценой сверхчеловеческих усилий нашего народа, ценой страшных жертв. Об этом никогда нельзя забывать. Величие вырабатывает свои собственные законы, свою собственную логику, и эту эволюцию

нам надо остановить. Мы должны заявить, нет, не только здесь, в своем кругу, а во всеуслышанье, что нет нам нужды для безопасности и величия нашей страны помогать эфиопам резать эритрейцев, мусульманам похищать христиан, поддерживать в Африке трон кровавого безумца потому только, что это противоречит интересам англичан или американцев, обучать в Чехословакии террористов, чтобы дестабилизировать Италию. Давайте попробуем служить правде, а не реализму. Не так давно Борис Михайлович Лонгинов процитировал мне Чаадаева, сказавшего, что Россия — страшный урок для других народов. Давайте докажем, что Чаадаев ошибся, дадим народам не урок,— слишком много мы их уже дали,— а пример! Я думаю, каждому из нас, всей стране надо на время замкнуться в себе, переосмыслить себя. Нам надо наконец уяснить себе, почему пора перестать призывать других к чему-то, одновременно продавая им оружие. Простите, я, кажется, увлекся...

Скептическое выражение на лицах окружающих заставило Маслова прервать свою речь. Он сел на свое место.

30. Литовцы и грузины

Маслов задумчиво смотрел на растущую на его письменном столе груду донесений. От только что закончившегося собрания у него остался горький осадок. «Этот Малинин — кретин, тупой солдафон... Плоды войны.. Миллионы жертв... Сволочь! На кого же можно по-настоящему положиться?»

Последнее донесение поступило из Литвы. Это был лаконичный отчет коменданта гарнизона Вильнюса, к которому были присовокуплены два документа. Первый был протоколом собрания «Временного комитета развития культуры литовского народа». Маслов невесело усмехнулся. Все было теперь временным, он сам себя ощущал временным... Одно только имя председателя комитета было целой программой — им был архиепископ Каунасский Межелайтис. Из остальных девяти членов комитета пятеро были священниками, четверо бывшими депутатами литовского сейма 1940 года. «И откуда они взялись? В каком лагере их откопали?» Маслов вновь улыбнулся, еще более грустно.

...Он в ту пору командовал полком под Ленинградом. К 10 августа ему дали приказ идти со своей частью к литовской границе. По чистой случайности в последний момент он лично был отозван в Генштаб. Позже, уже во время войны, его заместитель Петровский рассказал ему бесславную эпопею 1940 года. Советские войска тогда заняли территорию Литвы «по просьбе литовского правительства», а сейм, окруженный советскими танками, «единогласно проголосовал» за присоединение Литвы к СССР. Лишь президент Литовской республики Сметанас почему-то отказался встретить советские войска, заявив, что не будет сообщником самоубийства своей страны, и перешел немецкую границу. В Каунасе, в аэропорту, посланник Сталина Деканозов потребовал, чтобы его торжественно встретил президент страны, и, узнав о бегстве последнего, пришел в дикую ярость. На следующий же день Молотов позвонил Риббентропу с просьбой вернуть бежавшего президента. На что Риббентроп с вполне серьезной миной ответил, что Третий Рейх является правовым государством, которое свято чтит принцип политического убежища. Маслов образно представил себе диалог этих двух бандитов...

Что же писали члены литовского комитета сегодня? Маслов, сын православного крестьянина, относился с недоверием к католикам, хотя, наверное, за всю свою жизнь и не видел ни одного. В декларации говорилось прежде всего, что литовский народ всегда относился с уважением к русскому народу. Затем шел призыв к литовцам в метрополии — помириться с литовскими эмигрантами. Утверждалось, что было бы в интересах литовского народа воспользоваться политическим опытом, накопленным эмигрантами, в частности разработками «политических учреждений, соответствующих национальным традициям». Фактически, комитет предлагал создать в Вильнюсе под каким-нибудь безобидным названием, которое бы не тревожило московские власти, как бы «параллельное правительство», которое со временем сможет себя открыто провозгласить единственно законной властью в Литве. Развивая мысль о желательности возвращения литовских эмигрантов, комитет писал, что они «воспитаны в демократических традициях Запада и ... способны обогатить нашу культуру, влив в нее необходимый нам дух терпимости. Эмигранты и эмигрантские организации в качестве свободных представителей нашего народа сумеют наладить плодотворную связь со свободными представителями других народов СССР и Восточной Европы. Это позволит развить взаимопонимание, разработать общую политику и общие цели, подготовить совместные акции в настоящем и положить основу для будущих добрососедских отношений между нашими странами».

Нарочито расплывчатый характер документа успокоил Маслова, тем более, что в нем не было прямого призыва к провозглашению независимости Литвы. Маслов надеялся, что декларация эта будет приемлемой его коллегам — не очень, впрочем, в это веря.

Второй документ, тоже литовский, был совсем иного порядка. Это была листовка, подписанная «лесными братьями». Так назывались литовские патриоты-националисты, начавшие в конце второй мировой войны партизанскую войну против советской власти. Воевали они долго и упорно, пользуясь поддержкой большинства крестьян своей страны. Чтобы их победить, КГБ и армии понадобились долгие годы безжалостной борьбы.

В своей листовке «лесные братья», пренебрегая дипломатией, прямо призывали «сынов и дочерей Литвы изгнать советско-русских оккупантов, взять власть в свои руки и покарать без пощады всех, кто принес нашей родине неисчислимые беды». Концовка листовки заставила Маслова глубоко вздохнуть: «Месть — наша честь. Кровь за кровь».

«Да, хорошенькое начало!» Маслов подумал, что эти ребята все же слишком нажимают на педали. У него было достаточно честности, чтобы вспомнить бесчисленные товарные составы, которые до и после войны везли десятки тысяч литовцев погибать от голода и холода в Воркуту, Котлас, Тайшет. И все же... все же он не удивится, если узнает, что листовка эта была написана с единственной целью — дать таким, как Малинин, предлог для массовых репрессий. С неудовольствием Маслов подумал, что, пожалуй, надо будет узнать мнение шакала Мантропова. Этот человек был умен и, по всей видимости, готов был служить верой и правдой новой власти. Подумав, что нет в мире возможности обойтись без насилия, Маслов придвинул к себе другую папку донесений. Они касались Грузии. Он слегка повеселел. «Эти хоть обладают воображением, а, главное, не станут призывать к массовой резне». Тем не менее первый документ, за чтение которого Маслов принялся, поразил его. Это был протокол собрания, состоявшегося в Тбилисском университете под председательством,— Маслов не поверил глазам своим,— первого секретаря ЦК грузинской компартии Маглидзе! Вот это да! Случившееся было тем более невероятным, что собрание, состоявшее из студентов, ученых, писателей, врачей и рабочих, после трех суток прений (трех суток!) приняло проект «временного устава». Чтение первого параграфа этого устава навело Маслова на мысль, что речь идет о студенческой шутке, так как там черным по белому было написано, что «на время неопределенного еще периода Грузинская республика (Маслов отметил отсутствие слов «советская» или «социалистическая») будет находиться под управлением регентского (!) совета, состоящего из представителей самых знатный семейств нашей страны». Затем шел перечень княжеских и даже царских грузинских фамилий — Орбелиани, Саакадзе, Гурамишвили, Абашидзе, Табидзе, Яшвили и еще нескольких. Но остальная часть документа была куда менее фольклорной, Собрание объявило себя «представителем грузинского народа до тех пор, пока народ сам, путем демократических выборов, не выберет своих представителей». Указывалось, что, согласно Конституции СССР, каждая республика обладает правом на самоопределение. Однако, не требуя немедленного отделения от СССР, собрание сочло нужным подчеркнуть, что представительный орган (который будет создан в результате будущих свободных выборов) пересмотрит отношения между Грузией «и другими республиками,

входящими в состав СССР... и, возможно, восстановит отношения, существовавшие до 1922 года».

Тбилисское собрание также сочло необходимым срочно создать в грузинском правительстве два новых министерства: обороны и иностранных дел, «без которых национальный суверенитет невозможен».

Параграфы, касающиеся экономических вопросов, поразили Маслова своей разумностью. В них шла речь о постепенной, взаимовыгодной эволюции торгового обмена между Грузией и другими республиками в сторону равновесия, а также о передаче частной инициативе всего сектора обслуживания, а постепенно и всей мелкой промышленности. Но особенно поразило Маслова,— он испытал настоящее счастье,— требование немедленно дать крестьянам право выйти из колхозов и совхозов. При этом указывалось, что кооперативы, которые крестьяне пожелают создать (Маслов оценил тонкость формулировки), будут пользоваться поддержкой государства и вступать с ним в договорные отношения «на основе хозяйственной справедливости и действительности рынка».

Затем шли параграфы о религиозной свободе, о праве на свободные ассоциации, на изучение в школах и университетах предметов на грузинском языке, на полную свободу искусства и литературы. В проекте была также ссылка на «Документ о профсоюзных свободах», принятый трудящимися завода в Рустави, но текст этот не был приведен. Маслов остался доволен, он был почти счастлив, хотя и поморщился слегка, увидев, что на первом месте под документом красовалась подпись Маглидзе.

Маслов потянулся к следующей стопке бумаг. В ней были документы о положении на Украине.

Эпилог

Лонгинов стоял на Воробьевых горах и смотрел на открывающуюся перед ним Москву. Вид был изумительным. Лонгинов любил приходить сюда по вечерам и в особенности в плохую погоду, когда гуляющих было мало, чтобы спокойно поразмыслить. Лежащие на нем теперь обязанности не оставляли свободного времени, так что в этот раз он сюда пришел без угрызений совести.

И, как и в другие разы, не мог не вспомнить о Наполеоне, стоявшем когда-то здесь и тоже глядевшем на Москву. Та же панорама открывалась нынче перед Лонгиновым. Та же... не совсем. В 1812 году Москва насчитывала сотни церквей — «сорок сороков». Воспитанный в строгой коммунистической семье, Лонгинов тем не менее в отрочестве, да и позже, часто слышал во сне веселый пасхальный колокольный перезвон. Город, расстилающийся перед ним сегодня, был для него явно лишен характера. Величественный архитектурный беспорядок старой Москвы уступил место серости. Поэтому Лонгинов с большой симпатией, даже нежностью, смотрел на вновь позолоченные купола храма Смоленской Божьей Матери, на красные стены Богородичного монастыря с его огромным кладбищем и барочной колокольней. Он часто иронизировал над собой: «Поглядите на ностальгию еврея по Святой Руси!»

Он действительно глубоко любил Россию. Он иногда задавал себе вопрос — почему? Ответить на такой вопрос было невозможно, и Лонгинова это огорчало. Ведь у него была уйма причин Россию не любить. Хотя бы из-за антисемитизма. У одних замаскированный, у других открытый, привычный и почти естественный для многих «простых людей», он умело поддерживался и раздувался властями. Сохранился он и после смерти Хозяина. Вас привычно могли обозвать в метро жидом — и что вам оставалось делать? Жаловаться милиционеру? Искать свидетелей? А разве преемник Хозяина — такой кругленький и добродушный — не вызвал к себе президента Академии наук и не спросил у него: «Сколько вам понадобится времени, чтобы сделать мне Академию без евреев?» Президент осторожно ответил, что трудно назначать сроки. И добавил: «Ведь надо признаться, что среди них много хороших математиков...»

У Лонгинова много времени заняло убедить себя в том, что дебильный антисемитизм был, как и алкоголизм, следствием длительной материальной, нравственной и интеллектуальной нищеты, и если надо было что-то делать, то, не в последнюю очередь, избавлять народ от этой нищеты.

От такой мысли Лонгинов внутренне встрепенулся.

— Вот, начинается. Будто я, и никто другой, знаю, что надо народу, что ему нужно для счастья! Я ведь не выношу фанатизм, наследие славянофилов, изображающий мудрый народ ковчегом всех добродетелей, всей мудрости мира. Ковчегом, единственно сохранившимся после всемирной гибели религий, нравственных устоев, духовных ценностей. Но я также не выношу и презрения к народу, свойственного, как ни странно, и «либеральной» интеллигенции и партии, этим обладателям абсолютного знания: по какому пути вести народ к счастью... Когда наконец дадут этому несчастному народу самому сказать, чего он хочет?

Недавно Маслов сказал Лонгинову с некоторым снисхождением: «Согласитесь, Лонгинов, что мы, вы и я, говорим о нем впервые. Вы должны признать, что из нас двоих я, крестьянин, лучше знаю народ. В течение многих поколений у народа отнимали его ум, его волю, его способность к действию. Уже десятки лет он живет смирившись с тем, что он согнулся, чтобы выжить. Так дайте ему время выпрямиться, черт возьми! Я тоже стремлюсь вернуть ему власть и достоинство. Но к этому надо подходить постепенно. Вспомните прошлое: единственная память о свободе и славе, которую народ сохранил, касается времен Разина и Пугачева. Вы этого хотите?» И добавил: «Я понимаю, что вы с недоверием относитесь к нам, к военным. Вы ошибаетесь. Мы в России, не в Парагвае».

В словах Маслова было много правды; но то малое, что отделяло их от полной правды, было главным для Лонгинова. Да, народ согнулся, смирился, приспособился, подчиняясь инстинкту самосохранения. Хуже, он в конце концов принял навязанное ему ничтожное существование. Как могло быть иначе, после сорокалетней обработки неограниченным террором, после истребления цвета нации — десятков миллионов крестьян! Но о чем Маслов не сказал, а Лонгинов постоянно думал,— это о тех качествах, которые народ все-таки сохранил.

Возможно, что качества эти и не обеспечат ему сразу западной либеральной демократии, возможно, что она для России и не обязательна. Но, отбрасывая безумную доктрину, согласно которой надо быть непременно несчастным, чтобы стать добрым, Лонгинов тем не менее был убежден, что жизнь в столь долгом несчастье и лжи собрала всех, сохранивших душу и совесть: создала условия для гигантского заговора доброты, братства и солидарности.

Сопротивляясь неумолимой и вездесущей власти, необходимо было создать параллельное нравственно-неподкупное общество, чтобы не дать народу раствориться в серной кислоте трусости, морального распада и интеллектуального разложения. В то время как доносительство было возведено в гражданскую добродетель, а милосердие названо опасным мелкобуржуазным извращением, участники заговора стремились передать новым поколениям другой закон.

Закон, утверждающий, что доносительство — преступление и что надо немедленно помогать каждому, попавшему в беду. Помочь найти работу. Помочь деньгами. Дать кров приехавшему в город без прописки... Закон, утверждающий, что человек, вступивший в партию, чтобы попасть в институт международных отношений, не может считаться хорошим человеком, и что не помочь семье арестованного — позор... Конечно, люди слабы и злы (чаще слабы, чем злы), и поэтому этот нравственный закон часто нарушался, думал Лонгинов. Но оставалась традиция, и закон оставался в силе.

Лонгинов любил народ, в котором жил этот закон, хотя и проклинал каждый день его пьянство, грубость, лень и огромную силу его инерции. Он любил его, как любят жалкую и скорбную красоту русской осени с ее коричневатой зяблевой вспашкой, отделяющей серое небо от черных сосен и голых осин.

Был ли он в состоянии сделать хоть что-нибудь, хоть малостью помочь этому народу вернуть украденную у него судьбу? Он не знал.

Ему хотелось заплакать, но он не мог. Не было сил.

Национальный вопрос в России — не из последних, хотя есть люди, которые по-прежнему считают, что вопроса как такового нет, он надуман. События последних лет наглядно нам показали, что старая, добрая этнография все чаще уступает место политике. Выросшее самосознание народов породило множество доселе неизвестных проблем, решать которые — всем нам, сообща. Одна из самых «горячих» точек на политической карте России, несомненно, Татарстан, который уже не раз открыто заявлял о своем желании выйти из «единой и неделимой», создать неоднозначный национальный прецедент. Так что же происходит в Татарстане? Сегодня на этот вопрос пытаются ответить журналист и специалист-историк.

МНЕНИЕ УЧЕНОГО

ВЛАДИМИР ПИМЕНОВ,
доктор исторических наук

НАСЛЕДНИКИ БУЛГАР

Общественное сознание жителей России встревожено. Причин для этой тревоги более чем достаточно. Одной из них, крайне злободневной, стала проблема межэтнических отношений, и в рамках этой проблемы очень заметное место занимает то, что я решаюсь назвать татарским феноменом. Вопрос о татарах, о Татарстане, о татарстанском суверенитете у многих на устах.

Так что же, собственно говоря, происходит? В чем причины происходящего? Почему все, что обнаружилось сейчас, не фиксировалось раньше?

Вопросов, как видим, много. И, судя по всему, их будет еще больше. Ниже я попытаюсь поискать приемлемые ответы хотя бы на некоторые из них.

Этнос и этноним

Татары — один из крупных народов нашей страны. Их численность по последней переписи составляет в СССР более 6,6 миллиона человек, а в РСФСР — более 5,5 миллиона. Они расселены по преимуществу в европейской части России, главным образом в Урало-Поволжской историко-культурной области, но также и за ее пределами, в том числе в Сибири, Средней Азии, Донбассе, Москве, Ленинграде... Легко заметить, что расселение татар — компактно-дисперсное. Такой характер территориального размещения этого народа складывался исторически, постепенно — отчасти путем вольной миграции на более удобные земли, отчасти поневоле, в результате завоеваний, эксплуатации и насильственного перемещения.

Татары, как и другие народы, не представляют собой что-то абсолютно однородное в этнокультурном отношении. Они подразделяются на вполне отчетливые субэтнические группы. Среди татарского народа обычно выделяют собственно казанских татар (казанлы), расселенных главным образом в пределах Татарии, татар-мишарей, живущих по преимуществу в приволжских областях и республиках, а также татар-кряшен, тоже обитающих на территории Татарстана. Кроме того, существуют и другие группы татар (крымские, сибирские, астраханские и иные), происхождение и этническая история которых должны рассматриваться отдельно.

Татарский язык (кстати сказать, относящийся к кыпчакской ветви тюркской семьи языков) имеет ряд местных диалектов, отчасти совпадающих с субэтническими группами, а отчасти и не совпадающих. Татарское население страны отчетливо делится на городскую и сельскую часть, культурные особенности которых заметно различаются. Как в прошлом, так в определенной мере и теперь татары-горожане занимали и занимают традиционные социально-экологические ниши. До Октябрьской революции татары (в особенности мишари) нередко работали дворниками, в трактирах и ресторанах половыми и официантами, а в наше время это ча-

Фото Фарита Губаева

МНЕНИЕ ЖУРНАЛИСТА

НАТАЛЬЯ СЕВЕРИН,
политический обозреватель «Родины»

Социализм с «президентским лицом»

Теоретически Татарстан может стать единственной в мире уникальной республикой, где будет введено сразу три президентских правления. А если и министрам дадут чрезвычайные полномочия, то на одного жителя республики свалится едва ли не три премьера. Весь этот «механизм» придется охранять каким-нибудь смешанным конно-верблюдо-ракетным патрулированием.

Но если даже подобное все же состоится, я уверена, ни один простой татарин, русский, тюрк или мариец бровью не поведет, а будет продолжать свое тяжкое существование в очередях, ругаться с ЖЭКом из-за текущей крыши и ждать каких угодно выборов, чтоб добыть кусок мяса в агитационном буфете. Политика становится в нашей стране все более и более «академической», далекой от жизни маленького человека. В Татарии это видно, как нигде. В результате республика существует не по кремлевскому, не по российскому и, я бы даже сказала, не по казанскому времени. А каждый ее социально-культурный срез — по своему собственному. Времена, как в фантастическом рассказе, иногда пересекаются, и тогда люди пытаются искать общий язык.

Я не берусь судить, какое время лучше. Но на улицах Казани я видела одно, в Казанском кремле, где заседает Совет республики и из бойниц выглядывают министерства,— другое, в демократической газете «Вечерняя Казань» — третье, самое, пожалуй, интересное, в городских трущобах — четвертое.

Ситуация в Татарстане драматическая. Мне показалось, что республика втянута в глобальный эксперимент политического характера. Его можно назвать так: «социализм на новом витке».

Улица

Когда я ехала в Казань, демократы меня предупреждали, что там на митингах уже летают ножи. Русские с трудом увертываются. Но первое же, что я увидела в городе, была нежнейшая дружба народов: две татарские и две русские женщины волокли ящики с мусором, в подземном переходе христарадничал русский гармонист, а с ним рядом — женщина в восточных шароварах с двумя маленькими детьми. Прежде чем расположиться по соседству, они первыми подали милостыню друг другу.

Я приехала за несколько дней до выборов Президента Татарии и Президента России. Мне показалось, что в Казани либо нет бумаги, либо нет политической жизни. Почти не найти было и следов агитации «за» или «против» президентства. Хотя, как известно, вопрос о российских выборах привел республиканский парламент к расколу. Сначала было принято решение участвовать в выборах РСФСР, позже — категорически от них отказаться. Компромиссный вариант состоял в том, чтоб желающим не мешать.

На столбах и давно не штукатуренных стенах висели жалкие самодельные плакатики: «Люди! Голосуйте за Жирино...»

Только что закончила 14-дневную политическую голодовку духовный лидер национальной партии «Иттифак» Фаузия Байрамова. Она была против того, чтобы на участках даже выдавали бюллетени с именами московских претендентов. Другой голодающий выдвинул требования, чтоб за Президента Татарии дали возможность проголосовать всем татарам, живущим в СССР.

Но, повторяю, это — островки политической борьбы. Улица, то есть простой обыватель, жила совершенно другим. Она — выживала...

Вот иная голодовка. У издательства голодает журналист. Его обвинили в том, что у него лишняя жилплощадь, и он борется за несколько метров.

А вот попытка «спасти» население от голода — мальчишки продают роскошных карпов. Тут же выясняется, что карпы эти несъедобны. Произошел выброс отравленной рыбы на озере в Отарах. Дети делают бизнес со страшными последствиями.

Рядом гнилую рыбу за десять рублей торгуют в нагрузку к напитку, который стоит 60 копеек.

Тягостно, почти безысходно...

Зато перед выборами отменен президентский налог. Началась вербовка казанских девушек для работы в Южном Китае. Совмин республики, установивший штраф за попадание в вытрезвитель в размере 50 рублей, решил с инвалидов Отечественной войны не брать ничего.

Известное обувное объединение «Спартак» в Татарии выпускает 10 миллионов пар обуви в год. В магазинах нет ни одного ботинка. Зато в лавочках под вывеской «Народные промыслы» — знакомые нам коммерческие кроссовки по 600 рублей. Что касается какого-нибудь национального татарского сувенира, не найдешь днем с огнем.

Мало кооперативных кафе. Как мне объяснил один бармен: «Успели те, кто дал «наверху», а теперь это не приветствуется».

В разгар лета базар в Казани полупустой.

За молоком нужно приходить в магазин к 6 утра. Зато в булочных несколько сортов хлеба. К счастью, татарские кондитеры не потеряли рецептов пирога

Короче, этногенез татар, как, впрочем, и любого другого народа, очень сложен. И тем не менее вопрос о булгарских истоках происхождения татар (с теми оговорками, которые сделаны выше), по-видимому, следует считать решенным. Недаром казанские татары еще в прошлом веке нередко продолжали называть себя булгарами.

Но вместе с тем имеющиеся данные говорят и о том, что в XIV — первой половине XVI в. в процесс татарского этногенеза сильно осложнился золотоордынским влиянием. Именно с этого времени сначала в среде социальных верхов, а позднее и среди народа постепенно распространяется этноним «татары».

Очень важно, кроме того, принять во внимание, что предки татар прошли этапы самостоятельной государственности (Булгарское государство, а также Казанское ханство, или царство, XV — первой половины XVI в.), что у этого народа сложились относительно развитая городская культура и городское население. В этом, на мой взгляд, одна из причин этнической устойчивости современных татар.

Общая судьба

В нашей совместной истории, как известно, было всякое. А вот в написании, в изложении, в том числе и в учебниках истории, реальные события и процессы нередко получали искаженное отражение. Начать с того, что школьные учебники истории о татарах, по сути дела, говорят лишь дважды — один раз при описании татаро-монгольского нашествия (к которому, как было сказано, татары и их предки не имели отношения) и другой — в ходе рассказа о «присоединении» Поволжья в XVI веке и взятии Казани в 1552 году. Поволжье было, по сути дела, завоевано. Завоевание сопровождалось репрессиями, выселениями, конфискациями земли и передачей ее монастырям и другим крупным собственникам, принудительным крещением местных народов. Об этом нужно сказать ясно и прямо, так как в отечественной литературе в доперестроечные годы приобрела чуть ли не всеобщее хождение благостная, сусальная «концепция» о якобы тотальном добровольном присоединении волго-уральских народов к державе Ивана Грозного. Следует, впрочем, припомнить, что правительство Ивана Васильевича железом и кровью расправлялось не только с жителями разгромленной Казани, но и с широкими кругами русского народа.

Вместе с тем следует принять во внимание, что деятельность российского правительства по отношению к татарам и Поволжью в целом включала в себя не только репрессивные меры, но также действия и тенденции, отвечавшие интересам как привилегированной верхушки местного населения, так отчасти и общим интересам коренного народа, среди которого в ту эпоху появились и русские люди. Показательно в этом смысле, что вхождение Поволжья в состав Российского государства обеспечило мирное развитие живущих здесь народов. Чрезвычайно важно и то, что закрепощение, которому подверглись русские крестьяне в Поволжье, почти не коснулось татар и других народов этого региона. И если нет сомнения в том, что народы Урало-Поволжья в дореволюционной России подвергались национальному угнетению, то, как я думаю, не может быть поставлена под сомнение и другая сторона процесса — сближение между народами, взаимная «притирка» друг к другу, формирование своеобразной Урало-Поволжской историко-культурной области. Имеются обширные данные этнографии, свидетельствующие о многообразном взаимопроникновении местных культур. Не случайно в русской номенклатуре собственных имен заметный пласт составляют фамилии, имеющие тюркское, преимущественно татарское, происхождение. Среди них, например: Аксаков, Карамзин, Корсаков, Муратов, Мусин, Тенишев, Тургенев, Салтыков. Обратим также внимание и на другой факт, а именно на наличие в русской лексике небольшого, но достаточно яркого слоя заимствований из тюркских языков, в значительной мере из татарского: алтын, аршин, безмен, бирюк, буран, деньги, ералаш, изюм, кабан, каблук, казна, лабаз, лачуга, мишень, нефть, очаг, парча, стакан, сундук, таз, товар, утюг, чердак. Слой тюркских лексических заимствований в русском языке численно не слишком объемен, но он существенен и влиятелен. Во всяком случае не заметить его нельзя.

В послереволюционный период Татарстан претерпел существенные перемены в экономическом, культурном и политическом положении. Эти перемены носили во многом положительный характер. Не замечать этого было бы несправедливостью. Но, к сожалению, имел место не только прогресс.

В нашей совместной истории были черные страницы и тяжелые времена. Вместе с тем важно не только это. В общей истории татар, русских, народов Урало-Поволжья есть такие ценности, значение которых представляется непреходящим. К ним относятся не только экономические, политические и культурные интересы, но и многовековой опыт совместной жизни, принадлежность к общей цивилизации, к общему культурно-историческому региону.

Татарстан может — с той или иной степенью решительности и ригоризма — объявить ту или иную меру республиканского суверенитета. Однако, я уверен, татары физически не смогут, да и не захотят сколько-нибудь полно обособиться от русских и других народов Урало-Поволжья. Дело не в словах, не в названиях, не в неосторожных или непродуманных заявлениях. Они преходящи. Дело в реальной жизни, реальных отношениях и практической политике.

Мэрство Собчака, Попова — это ведь тоже своего рода президентство. Ничего лучшего человечество пока не придумало.

Я не поддерживаю радикалов наподобие тех, что встречаются в партии «Иттифак». Мне бы хотелось мира между национальным движением и демократами. Русское население не должно опасаться перемен. Мы не утвердили татарский язык как государственный. Еще никто для этого не созрел. И не хочется, чтоб какая-нибудь русская старушка начинала бегать со словарем. Воспримите мои слова как клятву — я не позволю, чтобы какой-либо народ был ущемлен на территории Татарстана.

В Совмине — над которым, кстати, нет никакого флага, что пока еще для населения Казани непривычно,— премьер-министр Татарстана Мохаммат Сабиров дал мне экономические выкладки, иллюстрирующие то, что политическое решение о новом статусе республики просчитано и продумано:

— Мы вывозим в Россию продукции на 1 миллиард больше, чем завозим. Сейчас вследствие укрепления вертикальной власти отношение к автономиям ужесточится. По прогнозам, вывоз из республики станет еще больше. А мы не хотим, как прежде, отдавать не считая. Наш самый важный продукт — нефть. Что же с ней сделали за годы советской власти? Ее черпали в огромных количествах — 103 миллиона тонн в год, а продавали за бесценок. Я вспоминаю любимую шутку экономистов прошлых лет: стакан нефти у нас дешевле стакана морса. И все хлопали, когда слышали эту глупость. Кто в результате такой добычи нефти обогатился? Страна? Наш народ? Нефть выкачали. Теперь мы добываем 32 миллиона тонн в год. И все не наше. Недавно дали нам один миллион, для себя. Но сколько пришлось бегать и к Рыжкову, и к его заместителям, а потом уже к Павлову и просить, чтобы это имело какой-то практический результат.

А как живут люди, добывающие нефть! В каких условиях! Из 29 миллионов тонн, которые мы должны добыть в следующем году, 14 миллионов тонн нефти — наши. Если мы отстоим свой суверенитет. Это — валюта, это выход на мировой рынок. Мы не собираемся постоянно продавать нефть. Нужно сделать, как канадцы. Закрыть добычу. Оставить что-то детям. Мы ведь у них и так все забрали! Со временем будут построены нефтеперерабатывающие производства, мы сможем торговать не сырцом, а цивилизованным продуктом. Конечно, правительство Татарстана надеется на иностранную помощь. Вон у меня весь стол завален визитными карточками инофирм. Землю мы продавать не будем. Но хотим вместе строить, вместе эксплуатировать некоторые наши промышленные гиганты. Нам предлагает очень выгодные кредиты Тайвань. А мы не можем переступить то, что у нас с Тайванем нет дипломатических отношений. Почему коммерция опять должна находиться под пятой политики? Что плохого сделал Тайвань Татарстану?

Политические «мичуринцы»

Самое парадоксальное пересечение времен произошло именно в Казанском кремле. Появились уникальные с точки зрения истории фигуры — Президент, Премьер. Я слушала их речи, в них был свой резон, была надежда. Но чем-то до боли знакомым повеяло от грандиозных планов. Можно ли осуществить их именно в Татарстане, хотя бы при том техническом уровне, который существует на местных производствах? Да и будут ли они осуществляться? Программа Президента, Премьера — весьма обща, размыта. Что, к примеру, означает такая ее строка: «Социально-ориентированный рынок — не цель общества, а средство быстрейшего удовлетворения материальных и духовных потребностей народа»? Я как будто уже это слышала.

Что они имеют в виду, когда обещают выступать против «разгула цен»?(Вместо того, чтобы ликвидировать дефицит).

Новая власть — за фермерство, а также свободные действия колхозов. Но уже на следующий год колхозы и совхозы получили госзаказ — 70 процентов. А фермеров пока единицы, их никто не защищает, не поощряет.

Какой парламент у Президента? Какие законы он будет проводить в жизнь? Пока парламент, как считают казанские демократы, не принял ни одного полноценного демократического закона. За приватизацию голосовали таким образом: 80 — за, 80 — против, 80 — воздержались.

Какие парламентские фракции, партии будут контролировать деятельность Президента? Фракции есть. Но они, насколько мне удалось заметить, больше заняты выяснением отношений.

Хорошие планы — дать свободу заводам и частным лицам. Но о планах мы слышим уже 6 лет! Нет механизма их осуществления. И в Татарстане его не создали. И здесь при всех внешних новшествах живут в рамках ветхой, латаной-перелатаной Конституции, при беззаконном социализме. Значит, президентское правление, о котором идет речь в Татарстане, в конечном счете будет снова опираться на кулак? Проблемы будут решаться явочным порядком?

Выборы на безальтернативной основе, членство в ЦК КПСС, утопические разговоры о равенстве в то время, как Татарстан коррумпирован не меньше, чем другие республики, сюда с трудом пробивается демократическая печать страны, отсюда гонят демократические веяния. За исключением нескольких бойких мест — в республике очевидна политическая апатия, правовая неразвитость и незащищенность. Тут... все спокойно. Люди исполняют свой долг, опустив головы. Но ведь это уже было! Это — социализм. Лидеры же республики, говоря прекрасные новые слова, от прежнего выбора на деле не отказываются. Можно ли обрести экономический суверенитет через бесплодный, как нам уже известно, социалистический труд? Без частной собственности, без нормального рынка, без законов, охраняющих человека? Да и национальный суверенитет тут вряд ли будет иметь «зеленый оттенок». Скорее красный...

В чем же смысл президентства там, где для этого нет надлежащей демократической почвы? И Сталин мог бы назначить себя Президентом. Но он был менее эклектичным политиком, чем нынешние. Ему в голову не пришло создавать поражающие мир гибриды — прищеплять свежую ветку на мертвое дерево.

В Татарстане сделана попытка сохранить социализм «с президентским лицом». Социализм «на новом витке».

Как возникла идея очередного эксперимента?

Для меня очевидно, что она возникла не в Казани. Политический «мичуринец» сидит в другом Кремле.

Татарстан разыгран, как козырная карта. Разыгран и... брошен. Правы члены ТОЦ, когда говорят, что «9+1» их предали. Но предали их не демократы. А именно «плюс 1». В его стиле — использовать, выжать человека, идею, ситуацию, а там пусть сами выгребают.

Когда разыгрывалась карта целой республики, расчет был многоцелевой. Расколоть российское государство, ударить по Ельцину. Потом наступил временный альянс президентов. Но Татария уже «завелась», Татария далеко зашла, увлекаемая посулами Центра. Что ж, эта история теперь будет саморазвиваться, дирижер может сделать вид, что он ни при чем. Зато сколько перспектив в этом развитии! Ельцин становится заложником собственной политической порядочности. Он сказал «берите суверенитет» и теперь не может повлиять на ситуацию нажимом. Иначе где его демократизм?

Командировка в Татарстан вызвала у меня ощущение, что я побывала в каком-то крупном политическом театре. В действо втянуты многие, некоторые участвуют в нем вполне искренне. Власть, ее авторитарная суть, остается здесь прежней. Модернизируется вывеска. Если и другие автономии начнут таким же путем спасать свой аппарат и кормивший его социализм — то... мне жалко обманутых людей.

P.S.Трущобный марш

Прощаясь с политикой в городе Казани, иду в трущобы, чтобы вспомнить, что такое жизнь. Трущобы эти выдвинули своего депутата СССР Красильникова. Теперь он в Москве, в какой-то подкомиссии Верховного Совета.

Район базара, центр, улица Ухтомского, 24. Красные кирпичные развалки. Прошусь в гости в первую попавшуюся коммуналку. Тут живет татарская и русская семьи. Как по заказу. Туалет во дворе, воду носят из колонки. Зимой, когда она замерзает,— растапливают лед. Моются в цинковом корыте, топят печь, комнаты завалены многолетним хламом, который некуда деть. Один выбивали квартиру 30 лет, другие — 50. Теперь затихли.

В 12-метровой комнате живут мать и дочь, русские. Матери — 77, дочери — 39 лет. Дочь никогда не была замужем. Ей не попался претендент с квартирой, и к себе она никого не могла привести. Постепенно стала инвалидом по психиатрии.

Татарская семья живет среди розовых занавесок, чуть зажиточнее. Здесь есть муж.

— Ссоритесь,— спрашиваю,— на национальной почве?

Отрицательно качают головами. Знаете ли нового Президента Татарии? Его программу? Верите в рынок? Хотите приватизировать свое жилье? Робко улыбаются. Не понимают, о чем речь. Ходили голосовать?

— Ходили. За всех президентов! Но вечером ходили. Утром были в бане. Утром баня на 40 копеек дешевле!..

Я ходила по грязным, ободранным дворам и все думала: чего мне здесь не хватает? Вот чего! Белья постельного на веревках. Теперь никто не рискует оставлять. Украдут. А новое — дорого и не купишь.

Итак, эксперимент продолжается. Подождем результатов...

г. Казань

сто носильщики на железнодорожных вокзалах, почтальоны и шоферы такси. Впрочем, сегодня эти тенденции становятся все более размытыми.

Так кто же такие татары? Каково их происхождение и культура? С чем связано их название (этноним)?

Спор о булгарском наследстве

Современные татары — земледельцы. И уже давно — много веков подряд — занимаются земледелием. А вот их далекие предки были кочевниками и скотоводами. История этого народа восходит к тем временам (VII—VIII вв. н. э.), когда в низовьях Волги появились тюркские племена булгар, которые в силу разных причин разделились. Часть их откочевала далее на запад, отдельные группы задержались на Северном Кавказе и приняли участие в этногенезе балкарцев, а возможно, и других северокавказских народов. Остальные продвинулись на Балканы, в пределы тогдашней Византийской империи, где растворились в местном славянском населении, оставив по себе память в названии народа — болгары и самой страны — Болгария. Однако другая часть древних тюрок-булгар поднялась вверх по реке Итилю (Волге) и заняла довольно обширную территорию, на которой обитали древние волго-финские племена — предки современных марийцев, мордвы и удмуртов.

В новых условиях древние булгары радикально сменили характер своей хозяйственной деятельности. От местных народов они переняли основы земледелия и впоследствии весьма сильно продвинули его вперед. Довольно быстро создалось и развилось древнебулгарское ремесло. На почве сложившегося хозяйства завязалась внутренняя и международная торговля. Появились города, рынки, караван-сараи.

Конечно, древние булгары завоевали Среднее Поволжье. Их появление в этом регионе означало возникновение новой социально-этнической ситуации: с одной стороны, в составе местного населения появился тюркский элемент; с другой же стороны, именно тюрки-булгары явились тем социальным ферментом, который способствовал зарождению и становлению в регионе раннефеодального государства — Волжской Булгарии. Полагают, что древние булгары составили главный этнический компонент в населении нового государства, социальные верхи которого в IX—X вв. приняли ислам. Вместе с тем едва ли можно сбрасывать со счетов участие в его формировании и местных финно-угорских этносов. Иначе говоря, древнебулгарское государство сложилось и исторически развивалось скорее всего как разноэтническое социальное образование.

В истории древней Булгарии еще далеко не все ясно. Сравнительно невелик объем письменных источников, до сих пор не обнаружены какие-либо местные хроники или летописи. Правда, о древней Булгарии писали арабские путешественники, некоторые европейские паломники и дипломаты, древнерусские летописцы. Современные археологи исследовали немало памятников, имеющих отношение к Волжской Булгарии и булгарской эпохе (IX—XIV вв.). Известно, что древнебулгарское государство подверглось жесточайшему погрому со стороны татаро-монголов, хотя и оказало агрессорам отчаянное сопротивление. Обращаю внимание на этот факт, так как он имеет принципиальное значение. Один из стереотипов обыденного общественного сознания состоит в том, что современных татар представляют как прямых потомков татаро-монголов, сокрушивших Древнюю Русь, древнюю Булгарию и другие процветавшие государства Европы и Азии. Однако такое сближение совершенно неверно. Нынешние татары восходят не к татаро-монголам Чингиза и Бату, а к древнебулгарским корням. И подобно тому, как татаро-монгольское иго не прекратило (хотя и очень осложнило) всю историю восточных славян, точно так же татаро-монгольский разгром Волжской Булгарии не остановил развитие древнебулгарской народности, послужившей одним из наиболее существенных составных элементов при формировании будущих поволжских татар.

Культура древних булгар, как свидетельствуют историки и археологи, достигла высокого развития. И это обстоятельство явилось поводом не только для научных разысканий, но и для национально-политических споров, попыток монополизировать право на древнебулгарское наследство. Специалисты из Казани, Чебоксар, Уфы, к сожалению, подчас не только стремятся выяснить реальную историю древних булгар и их культуры, но иной раз — вольно или невольно — стараются потеснее связать с ними этногенез либо только татар, либо только чувашей.

В научных кругах ни у кого нет сомнений, что древние булгары и их культура имеют прямое отношение к становлению татарского народа. Можно сказать больше: древнебулгарский компонент, бесспорно, лежит в основе формирования татар Поволжья. Однако на этом нельзя ставить точку. Едва ли было бы верно утверждать, будто только татары — наследники древнебулгарского этноса и его культуры. Есть достаточно оснований для того, чтобы видеть среди наследников булгар также чувашей и отчасти башкир. А что касается культурного влияния, то оно сказалось на всех народах Урало-Поволжского региона. Спор о древнебулгарском наследии вряд ли будет плодотворным, если мы не признаем, что оно должно рассматриваться как общий исток, как общий базис, на котором выросли позднейшие этносы и культуры (подобно тому, как культура Киевской Руси и древнерусская народность послужили общей основой, на которой сложились впоследствии белорусский, русский и украинский этносы и их культуры).

с курагой, треугольников с луком, капустой, рисом, изюмом.

Вечером на митинге, организованном комитетом «Суверенитет», обещанные в Москве ножи тоже не летали. Были зеленые знамена, зеленые повязки. Народу собралось немного. Любопытствующим русским объясняли с восточной доброжелательностью, что Татарстан не хочет российского Президента, а только своего — потому что «баран не бывает о двух головах».

«Незваный гость»...

Считается, что понятие «суверенитет» в Татарстане ярко окрашено в зеленый цвет, наполнено исключительно национальным содержанием и за него горой стоит все татарское население. Мне приходилось разговаривать с представителями татарской технической интеллигенции — она на выход из России смотрит скептически: нет экономической, технической базы, слабая организация труда.

Но мне понятны и настроения интеллигенции, основавшей Татарский общественный центр (ТОЦ), партию национальной независимости «Иттифак». У всех малых народов в этой стране накопился миллион обид. Одна пословица «Незваный гость хуже татарина» чего стоит!

ТОЦ, как «Саюдис», обвиняют в экстремизме. Особенно пламенные речи о национальном суверенитете в одном из городов привели к тому, что участники митинга двинулись громить нефтепровод «Дружба» — едва спасли. Было повреждено 59 нефтяных скважин. Как месть за то, что нефть не оставляют в республике.

Попытки возродить национальное достоинство человека у нас всюду происходят с надрывом. Так ведь есть от чего надорваться! Какой национальный интеллигент хочет видеть свой народ в качестве «химерического этноса», уходящего в небытие? Кто может спокойно наблюдать гибель национальной ментальности, которая по-своему уникальна, неповторима, содержит интеллектуальную информацию, накопленную веками? Национальное движение — признак того, что народ еще жив. Конечно, когда в одном из татарских телевизионных фильмов проскальзывает фраза о том, что дети от смешанных русско-татарских браков чуть ли не мутанты,— это оскорбление. И для татар, и для русских. Но такие завихрения скорее всего нужно воспринимать как приступы болезни. Откуда взяться здоровому национальному чувству в насквозь больном обществе?!

Страшно другое. Когда на искалеченном, растоптанном национальном чувстве, как на расстроенном инструменте, начинают играть политики...

Впрочем, я думаю, жители Татарстана разберутся, кто какую партию ведет в этом оркестре и для чего.

Мне кажется, точнее всего высказала отношение татар к суверенитету инженер Салиса Кревнева, приехавшая голосовать за своего национального Президента аж из Риги:

— Нами движет не ненависть к русским и России, а желание восстановить татарскую государственность, потерянную однажды в 1552 году, а потом во второй раз в 1920-м... Я голосую за Президента Татарстана как за символ того, что мой народ может возродиться, получить настоящую Родину. И наши дети не будут «прятаться» в паспорте за национальностью отца или матери, если те представляют большой, более влиятельный народ...

Что тут возразишь? Ведь прятались — как евреи, как немцы. И разряд «автономий», в который записали Татарию, изначально был унизительным. Как бы мы ни жаждали единства и мощи России, «табель о рангах», вероятно, придется менять. И не только ее — наши мифы, наши взгляды на то, что есть единство.

Многие члены ТОЦ прекрасно понимают, что и с большим русским народом при социализме обошлись не лучше, чем с татарами. Ученый-историк Гаптельбар Файзрахманов совершенно справедливо говорит о том, что жесточайшая властная вертикаль, которая существовала 73 года, разрушила вековые горизонтальные связи народов Поволжья. От этого в равной мере пострадали все.

— Так называемое чересполосное сосуществование народов — марийцев, татар, чувашей, русских, мордвы — было уникальным в своей экономической оправданности, межнациональной гармонии. Русские выращивали на «общий рынок» овощи, татары занимались животноводством, среди них было много сапожников, портных. Марийцы снабжали углем, лесом, рогожей. Рядом с моей татарской деревней была русская деревня Александровка. Нас связывала естественная хозяйственная дружба, без агитации и пропаганды. Мы приходили в гости на православные праздники, звали к себе русских на все сабантуи.

Обострение отношений с русскими происходило на почве насильственных крещений при Иване Грозном, Петре I, Екатерине I (при ней было разрушено 318 мечетей). Если в татарской деревне жила одна крещеная семья, то уже мусульманский храм нельзя было строить.

В XIX веке это насилие кончилось. Русские зажили с татарами мирно. Расцвет нашей культуры приходится все на тот же пресловутый 1913 год, когда по всей России издавались книги на татарском, когда в татарских школах изучали несколько арабских языков. Мы бы не против вернуться в то время.

После 17-го года — новая волна истребления. У нас появилась особая татарская прослойка, которую можно считать большевистской. Спасая свою жизнь, делая карьеру, вступая в партию, эти татары отрекались от родного языка и культуры, даже стыдились их. Мы их называем «манкуртами» и не уважаем. Теперь некоторые срочно «перестраиваются», видя возможность продвинуться на высокий пост с помощью национального движения, получить портфель и тут же забыть об «исторической справедливости». В этом смысле у нас с русскими — одни беды...

Параллельно с национальным в Татарстане развивается исламское движение. В Казани прошли съезд Исламской демократической партии, Ассамблея тюркских народов, международный Конгресс по изучению современных проблем мусульманства. Однажды я слышала, как Татарстан назвали «северным форпостом ислама».

Это звучит серьезно. Особенно в устах политиков. На самом же деле, как мне показалось, сегодня в татарах религиозности не намного больше, чем, например, в русских. На ней «форпост» явно не построишь. Очень набожно лишь старшее поколение. Когда на площади Свободы была голодовка, пожилые татарки легли на рельсы в знак солидарности с политиками, они же сидели рядом с голодающими днем и ночью, ухаживали за ними... Именно они, эти бабушки в марлевых накидках, помогли мне найти (среди зловонных заводов) первую в мусульманском мире женскую Азимовскую мечеть, открытую недавно. Молодые татарки даже не знали о ней.

Президент*

За три часа до того, как стало известно о предварительной победе на выборах Бориса Ельцина, в Татарстане появился свой Президент. Им стал 54-летний Ментимер Шаймиев, Председатель Верховного Совета Татарии, член ЦК КПСС. В прошлом — Председатель Совмина республики.

На избирательный участок Ментимер Шаймиев пришел с женой. Он — в черном костюме. Она — в белом платье. Он взял два бюллетеня: «Я должен знать, с кем буду вести переговоры в России». Она взяла один: «Мне хватит одного президента».

Будущий Президент с женой произвели на всех впечатление скромной, несколько застенчивой пары, далекой от броских международных стандартов. Президент Татарстана ездит на машине «Нива».

Шаймиев баллотировался без альтернативы, но не без сложностей. Никто из четырех возможных его соперников не набрал голосов даже для регистрации. Но национальное движение «согласилось» с его кандидатурой всего за три дня до выборов. Дело в том, что Председатель Совета вначале пытался провести в парламенте закон о двойном подчинении: СССР и России. Появились плакаты «Шаймиев — ты татарин!». Прозвучало слово «предатель».

Когда мы беседовали с Президентом, я поняла, что передо мной сидит человек, которому не позавидуешь. Хорошо быть президентом в богатой, счастливой стране. В нашей же ситуации он в любой момент может стать «мальчиком для битья».

Ментимер Шарипович при всей своей приверженности абстрактным идеалам коммунизма и верности новому уставу партии производит впечатление человека порядочного, мягкого, по натуре — миротворца. Раньше к таким партийным лидерам трудящиеся ходили на прием, и они помогали.

— Я хочу объяснить, почему мы так упорно стремимся к суверенитету, к тому, чтобы стать субъектами Союза. Это не значит, что мы — против России или против Ельцина. Когда я увидел в Ново-Огареве, что Союзный договор дает учредителям и что автономиям,— я потерял покой. Почему, имея положительное сальдо почти со всеми республиками, мы все время отдаем больше, чем получаем? Зачем мы живем себе в убыток? Нам принадлежат всего 2 процента предприятий, размещенных на территории Татарстана. 18 — России. Остальные — Союзу. А производим мы столько, сколько три прибалтийские республики, вместе взятые. Почему именно президентство нам нужно? Все сейчас ищут формы укрепления исполнительной власти.

* Материал о Татарстане сдан в набор в июле, естественно, сюда не вошли события, связанные с августовским путчем.— ред.

АЛЕКСАНДР КОРНИЛОВ

ОТЦЕУБИЙЦА

НАЧАЛО АЛЕКСАНДРОВСКОГО ЦАРСТВОВАНИЯ

ЛЕКЦИЯ II

Как известно, в первое десятилетие прошлого века русское общество с облегчением перевело дух: очередной тиран пал жертвой заговора, уступив место наследнику — Александру, в чьих указах и проектах настойчиво повторялось одно и то же слово — «свобода».

Упразднение тайной экспедиции, восстановление жалованных грамот дворянству и городам, учреждение частных типографий, отмена унизительного запрета на ввоз иностранных книг, «Указ о вольных хлебопашцах» и другие добрые дела не были похожи на краткосрочную кампанию по завоеванию популярности у соотечественников. И тем не менее время правления Александра I стало, по меткому выражению историков, «временем упущенных возможностей».

Историк А. Корнилов, размышляя о причинах несбывшихся надежд, находит разгадку неудачной политики Александра в трагических противоречиях судьбы самого государя. Любимец Екатерины, талантливый ученик Лагарпа — европейца, демократа-республиканца, Александр в то же самое время не раз подвергался психологическим экзекуциям со стороны отца, заставлявшего юношу подписывать смертные приговоры.

Не отсюда ли происходит известная раздвоенность личности русского царя, столь болезненно отразившаяся на жизни целого общества?

С 12 марта 1801 года начинается настоящая история XIX века в России. Приступая к ее изложению, будет, быть может, не бесполезно бросить предварительный взгляд на ее содержание и сказать несколько слов о возможном разделении ее на периоды. Тот процесс, который совершался в России в XIX веке, процесс раскрепощения сословий и смягчения деспотизма верховной власти, совершался путем борьбы отдельных сословий и классов между собою и борьбы представителей власти с освободительными стремлениями наиболее сознательных и передовых представителей общества. На ход и исход этой борьбы влияли как внутренние, так и внешние отношения и те мировые события, которые совершались в это время в остальной Европе. Если мы будем иметь в виду лишь самый общий ход исторического процесса, в развитии которого участвовали все эти явления, мы можем теперь же указать те два периода, на которые процесс этот естественно разделяется главнейшим событием внутренней истории XIX века в России — падением крепостного права.

С этой точки зрения к первому периоду истории XIX века в России относятся первые 55 лет XIX столетия, т. е. царствования Александра I и Николая I. Период этот характеризуется подготовлением падения крепостного права — того великого события, которое послужило началом решительного раскрепощения всего населения страны. К следующему периоду должны быть отнесены остальные четыре десятилетия XIX века, когда развились последствия падения крепостного права и вместе с тем подготовлялась именно этим дальнейшим развитием процесса замена самодержавного строя конституционным.

Значение великого перелома 1861 г. для всех более или менее ясно, и потому и в литературе мы часто встречаемся с выражениями «дореформенная» и «пореформенная» Россия в смысле именно двух совершенно различных периодов ее развития.

Однако при подробном изучении истории целого века, при изучении событий и фактов, как они происходили в действительности, следя за всеми дробными поворотами изучаемого процесса, происходящими нередко от внешних толчков и событий в других странах мира, приходится допустить деление гораздо более дробное, сообразно этапам, обусловленным главным образом перипетиями той борьбы, которая то затрудняла ход этого процесса, то, напротив, двигала его вперед. Таких более дробных делений можно насчитать несколько в одном и том же царствовании.

В России только первые годы XIX столетия прошли мирно, причем мирная обстановка и прогрессивное настроение правительства способствовали правильному ходу внутренней жизни страны и спокойному развитию того исторического процесса, который подготовлен был историей прошедшего времени. Затем общий ход дел в Западной Европе, развивавшийся чрезвычайно бурно и имевший прямую тенденцию захватить весь мир в свой круговорот, повлиял самым решительным образом на темп и направление дел в России. Он повлиял на настроение русского правительства и на изменение стоявших перед ним задач, причем участие в мировой борьбе, разыгравшейся в это время, преградило мирный путь развития, но зато и ускорило темп событий, ускорив биение пульса в нашем народном организме и разом, окончательно вдвинув Россию в сферу европейской общественной и политической жизни. Царствование Александра I было исполнено великих событий, и процесс развития русской жизни, испытывая в это время сильнейшие внешние толчки и потрясения, шел бурно и быстро, но с резкими колебаниями, делая, так сказать, значительные зигзаги. Эти зигзаги и обозначают те дробные периоды, или этапы, на которые приходится делить внутреннюю историю царствования императора Александра. Таких этапов в этом двадцатипятилетии новейшей русской истории мы можем насчитать целых шесть.

Первый этап царствования Александра — 1801—1805 гг. — характеризуется горячим и искренним приступом к реформам по инициативе самого юного императора. В то же время это период самых розовых, хотя и очень неопределенных, надежд и ожиданий со стороны общества. Следующие затем два года (с конца 1805 по 1807 включительно) резко отделяются от этого периода: это годы первых войн с Наполеоном,— войн, которые были ведены вне всякого видимого отношения к русским интересам и тяжело отозвались на положении народа. В течение этих войн правительство временно оставило всякие мысли о реформах.

Когда вторая война кончилась (в 1807 г.), наступил новый, третий период (1808—1812 гг.), который характеризуется прежде всего союзом Александра с Наполеоном, а в зависимости от этого союза и той континентальной системой, которая имела такое большое и пагубное значение для русской торговли и внутренней жизни и вызвала первую порчу отношений между обществом и правительством.

Эти четыре года являются в то же время вторым приступом к реформам,— приступом менее пылким и мало оставившим следов в действительной жизни, но уже предпринятым в связи с общественным недовольством и в этом отношении довольно симптоматичным. Это был период, когда общество впервые стало более или менее сознательно и критически относиться к политике Александра.

Затем следует новый период наполеоновских войн (1812—1815 гг.), который характеризуется участием России (и не одного только правительства, а именно

всей страны) в великих мировых событиях того времени.

Пятый период — с 1816 по 1818 г. включительно — является периодом начавшихся международных конгрессов для Александра и новых ожиданий для русского общества,— ожиданий тех реформ и преобразований, которые тогда назрели в общественном сознании и к которым представители общества относятся уже гораздо сознательнее, выставляя определенные запросы, но не разрывая еще вполне с правительством и не теряя надежды на проявление с его стороны желательной обществу преобразовательной инициативы.

Наконец, шестой период (1819—1825 гг.) — период вполне определившейся реакции в правящих сферах, период отчаяния общества, а вместе с тем и период уже начавшегося революционного движения, довольно острого, хотя и подпольного, но во всяком случае выставившего вполне определенные политические идеалы.

Прежде чем приступить к изложению событий начала царствования Александра, необходимо остановиться на личности самого Александра,— личности, которая влияла заметным образом на развитие внутренней и внешней истории России и современной ему Европы.

Александр был старшим внуком и личным воспитанником Екатерины, которая потратила много энергии и обнаружила замечательный педагогический талант, стремясь сделать из него если не идеального человека, то идеального государя. Как только Александр родился, державная бабка тотчас взяла его к себе. Нельзя здесь не указать, что насколько была неподготовленна и неподходяща к роли воспитательницы Елизавета, когда она отобрала у родителей Павла, настолько Екатерина проявила необычайный талант и наличность ясного сознания и продуманной системы и приемов воспитания, которые она подробно описывает в своей переписке с бароном Гриммом. С первых же дней жизни Александра мы видим его в обстановке, вполне отвечающей требованиям разумной общей и детской гигиены, мы встречаемся с замечательно вдумчивым взглядом на задачи физического и нравственного воспитания в возрасте первого детства и с таким твердым, неуклонным и уверенным применением этих взглядов, что можно подумать, будто Екатерина весь век свой занималась воспитанием детей. Она выказывала при этом столько энергии, горячности, нежности и любви ко внуку, сколько едва ли кто мог предположить в этой женщине, привыкшей посвящать свое время государственным делам или личным наслаждениям — чувственным и умственным. Она не ограничивалась общим руководством и надзором за воспитанием, но входила сама во все мелочи, проявляя на каждом шагу свой ясный, к сожалению, несколько отвлеченный ум и свои творческие способности.

Когда Александр стал подрастать, Екатерина сама сочинила азбуку и написала ряд сказок, которые были изданы и в свое время имели широкое распространение; впоследствии, с целью написания учебника русской истории, Екатерина не остановилась перед изучением источников русской истории и даже сама углублялась в летописи.

Когда Александр стал выходить из возраста первого детства, Екатерина тщательно обдумала план дальнейшего воспитания и умственного образования внука и подробно изложила свои мысли и инструкции воспитателю Салтыкову. Вместе с тем она тщательно подобрала штат воспитателей и учителей. Может показаться несколько удивительным только выбор главного воспитателя — графа Салтыкова, ловкого придворного, но весьма заурядного человека, о котором известный Массон (один из учителей Александра) в своих мемуарах едко замечает, что его главная и, можно сказать, исключительная обязанность состояла в том, чтобы предохранять великого князя и его брата от сквозного ветра и засорения желудка. Однако и этот выбор был также вполне обдуман. Салтыков был выбран для того, чтобы служить ширмой для Екатерины, которая, в сущности, желала сама быть главной воспитательницей. Вместе с тем Екатерина, по всей вероятности, ценила и то, что Салтыков в своей прежней должности гофмейстера двора Павла Петровича доказал свои способности быть ловким посредником между нею и Павлом и всякие затруднения и обострения сводить на нет. Екатерина, очевидно, надеялась, что он будет в состоянии оказать ценные услуги по этой части, когда отношения между ее внуком и его родителями сделаются щекотливыми впоследствии, чего, конечно, можно было опасаться в действительности.

Ближе стоявшие к делу педагоги были выдающиеся люди; среди них первое место, несомненно, принадлежит швейцарцу Лагарпу, приисканием которого Екатерина обязана своим связям с лучшими умственными силами тогдашней Европы.

Лагарп сначала был приглашен, по рекомендации Гримма, сопровождать в Италию младшего брата фаворита Екатерины, Ланского.

В 1782 году, когда Александру было всего 5 лет, Екатерина, не желая упускать Лагарпа, пригласила его состоять при великом князе «кавалером» и обучать его французскому языку. Но уже через два года (в 1784 году) Лагарп представил записку, в которой изложил свои мысли о задачах воспитания будущего императора, высказав при этом возвышенный взгляд на обязанности государя в отношении к подданным. Екатерина одобрила и взгляды, и воспитательный план Лагарпа и предоставила ему полную волю вкладывать в душу Александра те идеи, которыми он сам был воодушевлен и которые соответствовали лучшим идеям передовых людей его века.

Лагарп был уроженец республики и воспитывался в идеях республиканских и демократических; человек высокообразованный, он был не только в теории приверженцем возвышенных взглядов, но и в действительной жизни был человеком безукоризненно честным, прямодушным, искренним и неподкупным. Эти нравственные его свойства действовали не менее сильно на Александра, чем те познания, которые передавал Лагарп своему воспитаннику.

Лагарп состоял учителем и воспитателем Александра в течение 11 лет, с 1784 по 1795 год, и Александр неоднократно заявлял впоследствии во всеуслышание, что всем, что в нем есть хорошего, он обязан Лагарпу.

Весьма замечателен и характерен был также выбор законоучителя великих князей Александра и Константина, которым был назначен протоиерей Самборский. Протоиерей этот был женат на англичанке и долгое время жил в Англии. Это был человек, до такой степени привыкший к условиям европейской жизни, что Екатерина должна была разрешить ему носить светское платье и брить бороду и усы, приводя этим в смущение окружающих.

Самборский пробыл не менее 9 лет при Александре. Он искренне заботился о том, чтобы слово Божие не почиталось уроком его юными воспитанниками. Внушая им евангельские истины, он учил будущего императора прежде всего «находить во всяком человеческом состоянии своего ближнего». «Тогда,— говорил он (по словам Я. К. Грота),— никого не обидите, и тогда исполнится закон Божий». На свои обязанности Самборский смотрел как на священную миссию, и несомненно, что его влияние на Александра было благоприятно. Он же был преподавателем английского языка (Александр, впрочем, английскому языку начал учиться с колыбели, так как нянюшка его была англичанка).

Преподавателем русского языка и русской истории был Михаил Никитич Муравьев, один из лучших русских писателей конца XVIII века, содействовавший впоследствии научным занятиям Карамзина в области русской истории. Александр сохранил и к нему признательность и уважение на всю жизнь. Следует также упомянуть о Массоне, который был преподавателем математики, о Палласе, знаменитом ученом-натуралисте и путешественнике, дававшем Александру уроки географии, и профессоре физики Крафте. Значительное влияние имел на Александра и его воспитатель и дядька генерал Протасов, который оставил весьма любопытный дневник. Это был человек старых правил, но, несомненно, вполне добросовестный и честный; большой патриот и консерватор, он отрицательно относился к политическим взглядам Лагарпа, но признавал его заслуги, ценя в нем его честность и неподкупность. Роль Протасова заключалась главным образом в том, что он следил за повседневным поведением Александра, за каждым его шагом и довольно строго указывал ему всякие, даже мелкие, промахи, к чему Александр относился вполне терпеливо.

Так было обставлено воспитание Александра до 16-летнего возраста. К сожалению, широкие образовательные и воспитательные планы Екатерины и Лагарпа не были доведены до конца, а были скомканы, когда у Екатерины возникли новые государственные планы, которые ею овладели в последние годы ее жизни. Убедившись окончательно в неспособности своего сына Павла к управлению государством, Екатерина решила его устранить и возвести на престол Александра. Вместе с тем, имея в виду свой преклонный возраст, она решила спешить и стала нетерпеливо гнать весь ход обучения Александра. Не довольствуясь этим и желая как можно скорее сделать его взрослым в глазах окружающих, она не нашла ничего лучшего, как женить его, и подыскала ему невесту, когда ему не было и 16 лет. В то же время Екатерина поссорилась с Лагарпом: она рассчитывала, что Лагарп будет сочувствовать замене Павла Александром и окажет ей поддержку в подготовлении самого Александра к этой мысли. Но Лагарп, который был человеком прямодушным и строгим, посмотрел на это как на придворную интригу и категорически отказался способствовать приведению в исполнение плана Екатерины, чем и вызвал ее раздражение. После свадьбы Александра Екатерина не замедлила устранить Лагарпа под тем предлогом, что женатому великому князю воспитатель уже не требуется.

Таким образом, Александр лишился главного своего руководителя и в то же время вступил в положение, которое явно не соответствовало его возрасту.

Все планы его образования были, таким образом, спутаны. Лишь отрывочное чтение книг продолжалось и далее по плану Лагарпа, который, по просьбе Александра, оставил ему и подробное наставление относительно поведения его во всех возможным случаях жизни. Само собой разумеется, что десятилетнее пребывание Лагарпа не осталось без влияния на взгляды его юного питомца; но преждевременное прекращение правильного и систематического учения отразилось крайне неблагоприятно на Александре. Лагарп вложил в Александра целый ряд возвышенных идей и благородных стремлений, но не успел дать ему достаточных положительных знаний, приобретение которых должно было начаться как раз в тот момент, когда так неожиданно остановилось его образование. Что касается внушения Александру либеральных идей, то в этом отношении и сама Екатерина, хотя и охваченная в конце своего царствования уже вполне реакционным настроением, продолжала тем не менее в воспитании внука оставаться сторонницей тех идей эпохи Просвещения, которыми она увлекалась в начале своего царствования. Замечательно, что она сама читала и растолковывала Александру знаменитую Декларацию о правах человека и гражданина, чем, конечно, содействовала развитию в нем либеральных идей.

Но все это не устраняло недостатка в положительных знаниях. Этот недостаток положительных знаний, обусловливавший в Александре излишнюю склонность к мечтательности, ярко отмечает в своих мемуарах кн. Адам Чарторыйский, склонный отнестись скептически ко всей воспитательной системе Лагарпа, которого он признавал человеком весьма почтенным, но стоящим, в сущности, ниже своей репутации.

Что касается образования самого характера Александра, то на нем отразились самым неблагоприятным образом те ненормальные семейные условия и та нездоровая придворная атмосфера, среди которых он рос и действия которых не могли парализовать никакие воспитательные планы даже и удачно подобранных Екатериной воспитателей.

К самой Екатерине в раннем детстве Александр относился с аффектированной нежностью, по-видимому, впрочем, не совсем искренней, но по мере того как в чутком мальчике развивалось сознание, он не мог не заметить целого ряда противоречий между внушаемыми ему идеями и окружавшей его средой. Вместе с тем он не мог не почувствовать и ненормальности тех отношений, какие существовали между ним и его родителями и между этими последними и Екатериной. Чем больше он развивался и понимал, тем более открывались у него глаза на отрицательные стороны екатерининского двора, а вместе и на несимпатичные черты характера самой Екатерины. Оценить ее государственных заслуг и дарований он еще, конечно, не мог, а разглядеть или по крайней мере почувствовать ту атмосферу лжи и интриг, которая ее окружала, он должен был довольно рано. Наставники его Лагарп и Протасов считали своим долгом поддерживать и развивать в доверенном им юноше добрые чувства к отцу, а отец со своей стороны не мог, а может быть, и не хотел скрывать своего отрицательного отношения к «большому двору». В конце концов Александр если и не знал этого определенно, то, конечно, не мог не почувствовать что-то неладное и натянутое, что образовалось между его отцом и его бабушкой, образовалось по вине этой последней, и что во всяком случае в этих отношениях страдательная и угнетенная роль выпала на долю его отца. При таких отношениях очень возможно, что, несмотря на всю дикость и непривлекательность гатчинских порядков, в сердце юного Александра могло образоваться некоторое сочувствие к положению отца и скрытое осуждение поступков Екатерины. Мало-помалу это отрицательное отношение к бабушке и окружавшим ее порядкам он стал и высказывать по секрету людям, которым тогда доверял. Вслух и открыто высказывать этого он не мог, приученный с ранних лет к тому, что бабушке можно говорить одни только почтительные и лестные для нее фразы. Немудрено, что при подобных условиях в нем рано развились скрытость и лицемерие. Очень может быть, что в «малом дворе» он получал даже определенные наставления в этом духе, если не от отца, то от матери. Под влиянием таких обстоятельств те яркие и в его глазах возмутительные противоречия, которые он наблюдал между внушаемыми ему с детства идеями и действительной окружавшей его жизнью, возбудили в Александре естественное отвращение к придворной жизни и к той атмосфере лжи, интриг, разврата и личной корысти, которая там господствовала. От природы уклончивый, мягкий, не склонный к резким формам протеста, хотя и упрямый, и в то же время чрезвычайно склонный к мечтательности и идеализациям всякого рода благодаря особенностям полученного им воспитания, он стал строить себе планы мирной жизни частного человека где-нибудь на Рейне, посреди прекрасной природы, и мало-помалу пришел к мысли о возможности и необходимости отречения от того высокого и вместе и неприятного для него положения, которое предстояло ему в будущем. Планы эти всецело разделяла — а мо-

жет быть, и участвовала в их составлении и развитии — молоденькая жена Александра, Елизавета Алексеевна, по единодушному свидетельству современников, она была в высшей степени привлекательное и обаятельное существо с честной душой и развитым умом, открытым для всех возвышенных идей и понятий, которыми был в то время одушевлен ее муж. Поэтому в течение нескольких лет, вплоть до восшествия Александра на престол, молодые супруги жили, по-видимому, душа в душу. Можно думать, что в это время Елизавета Алексеевна, по характеру более пылкая и более открытая, нежели ее муж, быть может, даже оказывала на него некоторое влияние в сторону дальнейшего развития усвоенных обоими ими принципов.

В последний год царствования Екатерины планы Александра, как раз противоположные ее государственным планам, по-видимому, созрели окончательно, и он сообщает их в письмах Лагарпу и своему молодому другу Кочубею, бывшему в то время посланником в Константинополе, а затем и в личном разговоре с молодым польским аристократом и патриотом князем Адамом Чарторыйским, с которым он незадолго перед этим познакомился. Неизвестно, что ответили (и даже ответили ли что-нибудь?) на письма Александра Лагарп и Кочубей, но, как видно из мемуаров Чарторыйского, он, как ни был поражен таким настроением юного Александра, как ни восхищала его видимая искренность, энтузиазм и простота, с которой Александр поверял ему свои мысли,— однако ж и тогда сумел различить, что было в них мечтательного и, в сущности, эгоистичного, и своего мнения не скрыл от своего нового высокопоставленного друга. Убеждения Чарторыйского и других молодых друзей, которых Александр вскоре приобрел при его содействии,— Строганова и Новосильцева,— подействовали на Александра, и он понял, что сложить с себя предстоявшее ему бремя, именно ввиду трудности положения, в котором тогда находилась страна, он не вправе, и потому он вскоре видоизменил свое первоначальное решение. Через несколько месяцев после первого конфиденциального разговора с Чарторыйским он уже признает, что не имеет права отказываться от престола, когда придет его очередь царствовать, и соглашается, что должен сперва дать стране прочное свободное политическое устройство, а затем уже может отказаться от власти и уйти в частную жизнь.

Последствия показали, однако, что и это решение было совершенно мечтательно и для Александра неосуществимо. Прежде, однако ж, чем ему пришлось выдержать это испытание, ему предстояло пережить четырехлетнее царствование своего отца — поистине каторжный период в жизни самого Александра.

Это тяжелое четырехлетие сильно и болезненно отразилось на окончательном сформировании его характера и на дальнейшей судьбе. Положение Александра в это время вместе с положением всей России описано им самим в сильных и ярких чертах в письме к Лагарпу, посланном, конечно, тайком с Новосильцевым, который в сентябре 1797 г. уехал за границу, спасаясь от грозившего ему гонения. *«Чтобы сказать одним словом,*— писал Александр в этом письме,— *благосостояние государства не играет никакой роли в управлении делами. Существует только неограниченная власть, которая все творит шиворот-навыворот. Невозможно передать все те безрассудства, которые совершались здесь. Прибавьте к этому строгость, лишенную малейшей справедливости, немалую долю пристрастия и полнейшую неопытность в делах. Выбор исполнителей основан на фаворитизме; заслуги здесь ни при чем, одним словом, мое несчастное отечество находится в положении, не поддающемся описанию. Хлебопашец обижен, торговля стеснена, свобода и личное благосостояние уничтожены. Вот картина современной России, и судите сами по ней, насколько должно страдать мое сердце. А сам, обязанный подчиняться всем мелочам военной службы, теряю все свое время на выполнение обязанностей унтер-офицера, решительно не имея никакой возможности отдаться своим научным занятиям, составлявшим мое любимое времяпровождение... Я сделался теперь самым несчастным человеком...»*

Эта выписка показывает, как чувствовал себя Александр уже в первый год царствования Павла. В том же письме он сообщает Лагарпу об образовании того дружеского кружка, который играл впоследствии такую важную роль в первые годы его царствования и состоял из Чарторыйского, Строганова, Новосильцева и Кочубея.

Теперь этим молодым либералам все пути были заказаны. Им оставалось заниматься переводами полезных иностранных книг, которые они не имели даже возможности издавать *.

Но и это невинное занятие им вскоре пришлось оставить и разъехаться в разные стороны в ожидании лучшего будущего.

Таково было положение юного Александра в начале царствования Павла. А затем, по мере того как Павел становился все неистовее в отношении к своим подданным, и положение Александра делалось все хуже. За эти четыре года он прошел страшную школу, оставившую на нем на всю жизнь свои роковые следы. Павел заставлял его быть не только свидетелем, но вместе с тем нередко и участником всех сумасбродств, которые он проделывал, и тех жестоких мероприятий, которые от него исходили. В самом начале царствования Павла Александр был назначен главным военным губернатором Петербурга и в силу этого назначения сделался главной полицейской властью в столице. Через него, таким образом, по должности проходила главная масса тех карательных мер, которыми в таком изобилии осыпал своих подданных Павел. Вместе с тем в этой должности Александру приходилось служить с такими людьми, как Архаров, один из самых грубых гатчинцев. После Архарова товарищем Александра по должности сделался тот самый граф Пален, который впоследствии был душой заговора, приведшего к убийству Павла. Это был человек очень сильной воли, большого властолюбия и, бесспорно, большого ума, но циник, не останавливавшийся ни перед какими средствами...

Иногда Александру приходилось переживать прямо трагические минуты, которые не могли не оставить глубокого болезненного следа в его сантиментальной мечтательной душе: это бывало именно тогда, когда Павел хотел специально подчеркнуть свое с ним единодушие. Дело доходило иногда до того, что Павел заставлял Александра собственноручно писать приказы о расстрелянии невинных людей, чтобы все видели, как он выразился, что «вы одним со мной духом дышите!»

Разумеется, подобные обстоятельства не могли не отразиться самым тяжелым образом на сформировании характера Александра, тем более что при вступлении Павла на престол Александру не было еще и 20 лет. Легко себе представить, каково было пережить эти 4 года царствования Павла воспитаннику Лагарпа после тех настроений и идиллических планов, с которыми он носился в последние годы царствования Екатерины.

В заключение Александру пришлось против воли принять участие в заговоре против родного отца. Заговорщики не пощадили Александра: они рассудили, что если они его втянут в заговор, то обеспечат себе безнаказанность. И вот Пален и Панин вдвоем в течение нескольких месяцев уговаривали и наконец уговорили Александра принять участие в этом деле, представив его в таком виде, что речь идет лишь об устранении Павла и об учреждении затем регентства *. В необходимости устранить безумного Павла трудно было сомневаться: этого требовали благо и безопасность России. Александр взял с Палена клятву, что жизнь Павла останется неприкосновенной, и затем дал свое согласие на переворот.

Когда же эту клятву заговорщикам пришлось нарушить и последовала трагическая смерть Павла, Пален объяснил Александру, что иного выхода не было. Такой трагической развязки Александр по своей наивности не предвидел, хотя, в сущности, трудно было себе представить, как можно было устранить Павла, не лишив его жизни. Насильственная смерть отца произвела на Александра отчаянное, удручающее впечатление. Следы этого впечатления, как свидетельствуют о том близкие ему люди, остались на всю жизнь. Некоторые его биографы, может быть не без основания, утверждают, что то тяжелое, мистическое, почти болезненное настроение, в какое впал Александр в конце своего царствования, имело свои корни, с одной стороны, в ужасах царствования Павла, а с другой — именно в этом вынужденном косвенном участии в убийстве отца.

Вот под каким тяжелым влиянием и при каких исключительных обстоятельствах развивался и складывался характер Александра, казавшийся столь загадочным и современникам, и позднейшим его биографам. В раннем детстве его воспитание было поставлено, по-видимому, рационально и даже блестяще его бабкой, но и в то время он не мог не испытать вредного влияния нездоровой и ненормальной атмосферы екатерининского двора и странных отношений, установившихся между его родителями и Екатериной. Дальнейшее воспитание, которое велось по плану Лагарпа, было неожиданно прервано, до своего естественного окончания, ранней женитьбой Александра и преждевременной отставкой самого Лагарпа. После этого наступил период, весьма неблагоприятный для правильного хода занятий; хотя чтение и продолжалось согласно тем наставлениям, которые оставил Лагарп, но оно не сопровождалось приобретением положительных знаний. Отсюда — период стремлений благородных и возвышенных, но вместе с тем чрезвычайно беспочвенных и мечтательных... И эта склонность носиться с возвышенными планами, не давая себе отчета о способах их осуществления и о всех их последствиях, осталась у Александра в известной мере навсегда — отсюда те противоречия, которые мы наблюдаем во многих его действиях на протяжении всего его царствования. Наконец, ужасная четырехлетняя школа при Павле, закончившаяся трагедией, довершила образование его сложного и загадочного характера.

* Лишь некоторые из этих переводов были, по-видимому, напечатаны в самом начале царствования Павла в «Петербургском журнале».

* Панин, по-видимому, и сам искренно так думал.

БОРИС АНАНЬИЧ,
член-корр. АН СССР
ВАЛЕНТИНА ЧЕРНУХА,
доктор исторических наук

Первый шаг к революции

П.А. Вяземский

С.С. Уваров

Русская интеллигенция вступила в XX век с ощущением неизбежности революции. Лев Толстой писал в марте 1901 года: *«Правительство решило не только не идти вперед, соответственно общему развитию жизни, а в продолжение 20 лет не стоит на месте, а идет назад, этим открытым движением все более и более разделяясь с народом и его требованиями»*. Расхождение между властью и обществом приближалось к роковой отметке. За ней начиналась революция. Задержать процесс расхождения могли только радикальные реформы.

Вперед — назад

За преобразование России в течение XIX века боролись три поколения русских революционеров. Условно им можно противопоставить три поколения российских реформаторов-бюрократов, выступавших с разного рода проектами перемен в социально-экономической системе и государственном управлении: в начале XIX века, в его середине (60—70-е годы) и, наконец, в последнее его десятилетие (90-е годы). Предстояло осуществить обширную программу радикальных преобразований.

Для того, чтобы занять достойное место в ряду передовых стран Европы, самодержавная Россия должна была покончить с сословной системой и крепостным правом и постепенно трансформироваться в правовое государство с представительными учреждениями (это мог быть земский собор или парламент западного образца) и объединенным правительством.

Во внутренней политике России преобладали запоздалые, непоследовательные, прерванные реформы, перекодящие в «попятное движение», «контрреформы», означавшие отказ от уже объявленных или начатых преобразований. На протяжении XIX века наблюдается известная цикличность в реформаторском процессе. Периоды активного обсуждения и проведения реформ сменялись периодами застоя, как это было в царствование Николая I или в 1880-е годы. Россия то откатывалась назад по сравнению с развивающимися странами Запада, то делала попытки наверстать упущенное.

К концу XVIII века Россия встала в ряд с большинством еще феодальных европейских держав, сохранявших сословное неравенство, привилегии дворянства и церкви, абсолютную власть монархов. Так было до 1789 года, когда Великая революция резко изменила государственный строй Франции. Отозвались эти события и в России. «Вольноглаголание о власти самодержавной почти всеобщее, и чувство, устремляющееся к необузданной вольности, воспалившееся примером

Франции, предвещает нашему отечеству наиужаснейшее кровопролитие»,— восклицал священник А. А. Самборский, наставник великого князя Александра Павловича. Именно так — как опасная болезнь, которая может перекинуться на Россию, была воспринята Французская революция и Екатериной II, и ее преемником Павлом I.

Тогда же возникает и иная оценка событий: революция во Франции — это расплата абсолютизма за издержки, крайности, неуступчивую политику. Вот одно из свидетельств, принадлежащее участнику войны 1812 года и декабристского движения генералу М. Ф. Орлову. *«Эпоха французской революции — великая эпоха...— писал он в 1814 году.— Я вижу, как из глубины необъятной катастрофы возникает прекрасный урок для народов и королей. Подобный пример дается для того, чтобы ему не следовать»*. Спасение от насилия и разрушении революции — в своевременных реформах. Одним из первых в России эту истину осознал молодой император Александр I (1777—1825).

«Кочующий деспот» — это язвительное прозвище отразило всю горечь разочарования, пережитого пушкинским поколением в итоге хотя и обещанных, но не осуществленных реформ, а заодно и всю трагедию императора, тридцать лет обсуждавшего планы превращения России в свободную и просвещенную страну. Почему же, всю жизнь намечая серьезные преобразования, Александр I не совершил их — этот вопрос уже полтора столетия занимает историков. Поскольку собственные объяснения императора отсутствуют, то приходится делать умозрительные заключения и предположения.

Но будем справедливы. Советская историография три четверти века подходила ко всем носителям дореволюционной власти с позиций презумпции виновности. Применительно к Александру I это означало подчеркивание того, что им не было сделано.

«Дай только бог,— писал Александр в конце 1790-х годов своему воспитателю Лагарпу,— *чтобы мы когда-либо могли достигнуть нашей цели даровать России свободу и предохранить ее от поползновений деспотизма и тирании. Вот мое единственное желание, и я охотно посвящаю свои труды и всю свою жизнь этой цели, столь дорогой для меня»*.

Тогда же, тайком от отца, он пишет Лагарпу: *«Но когда же придет и мой черед, тогда нужно будет трудиться над тем, чтобы создать народное представительство, которое, будучи направляемо, составило бы свободную конституцию, после чего моя власть совершенно прекратилась бы и я... удалился бы в какой-нибудь уголок и жил там счастливый и довольный, видя процветание своего отечества и наслаждался бы им»*. В 1797 году через Николая Николаевича Новосильцева он просил у Лагарпа даже *«указаний в деле величайшей важности, а именно: обеспечить благо России, утвердив в ней свободную конституцию»*.

Под конституцией в первую очередь подразумевалось создание народного представительства и гарантии прав человека. В России любой разговор о гражданских и политических правах сразу же наталкивался на проблему крепостного права и означал неизбежное изменение положения крепостных, превращение их из рабов в граждан.

Страна остро нуждалась в реформах еще и в связи с ростом империи. Присоединение новых территорий с иноплеменным населением выдвинуло в начале XIX века целый ряд проблем, требовавших срочного и радикального разрешения: национальную, взаимоотношений окраин и центра, реорганизации системы управления. Постоянно расширяясь, империя достигла известной критической массы, превратившись в качественно новое образование. Старый порядок не мог уже обеспечить ее нормальное развитие.

Но, как бы то ни было, бесспорно одно: на протяжении четверти века Александр I считал возможным даровать конституцию и отменить крепостное право.

Посмотрим на следы, которые остались от этих намерений. В ходе русско-шведской войны 1808—1809 годов решалась судьба Финляндии. 15 марта 1809 года император объявил о взятом на себя обязательстве сохранять «права и преимущества» финского народа согласно конституции. Финляндия вошла в Россию на правах имеющего конституцию великого княжества. В 1814 году, во время реставрации Бурбонов во Франции, он использовал свое влияние, чтобы Людовик XVIII даровал «хартию», превращавшую Францию в конституционную монархию, где власть короля была ограничена двухпалатным парламентом. Такая позиция демонстрировала политическую трезвость Александра. В 1815 году, когда после победы над Наполеоном шла перекройка европейской карты, Герцогство Варшавское в качестве Царства Польского вошло в состав России, причем Польша получила одну из самых либеральных по тем временам конституций. Она гарантировала существование двухпалатного сейма, где верхняя палата состояла из членов, назначаемых королем, а нижняя избиралась на основе избирательного права. Выступая в марте 1818 года в Варшаве на открытии сейма, Александр I не только назвал себя приверженцем польского парламентского устройства, но и объявил о своем желании ввести конституционный режим в России.

«Образование, существовавшее в вашем крае,— говорил император,— *дозволило мне ввести немедленно то, которое я вам даровал, руководствуясь правилами законосвободных учреждений, бывших непрестанно предметом моих помышлений и которых спасительное влияние надеюсь я при помощи божией распространить и на все страны, провидением попечению моему вверенные. Таким образом, вы дали мне средство явить моему отечеству то, что я уже с давних лет ему приуготовляю и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости»*. Речь эта была опубликована в русских газетах. Более того, Александр I дважды (1809 и 1819) давал поручение о составлении конституции для России: проекты были составлены, но не получили законодательного движения. Так продолжалось до самого конца его правления. Отправляясь в сентябре 1825 года в Таганрог (откуда уже не вернулся), он опять говорил о своем намерении дать России «коренные законы» (синоним «конституции»).

С первых же дней царствования Александр I поставил и вопрос о крепостном праве. Он был вынесен на заседания Негласного комитета уже в 1801 году. Дело освобождения крестьян обсуждалось и в принципе, и конкретно. Преобладала трезвая мысль о возможности в настоящее время лишь постепенных его изменений. Однако дело осторожно ограничили лишь указом о праве купцов, мещан и казенных крестьян покупать ненаселенные земли да известным законом 1803 года о вольных хлебопашцах, выкупающихся у своего владельца целыми обществами. Многочисленные войны надолго отвлекли императора от крестьянского вопроса, но вернулся он к нему в 1816 году, начав опять-таки с самого безопасного — с прибалтийских крестьян. На этот раз они получили полную свободу, но были обезземелены, обречены на батрачество. И тем не менее, это увеличивало число свободных крестьян в России, создавало прецедент для дальнейших действий.

Итак, уже в 1801 году императором был поставлен вопрос об отмене крепостного права, решенный его племянником лишь через 60 лет, и вопрос о конституции, которая так и не была добровольно октроирована ни им, ни его преемниками на протяжении столетия, а лишь вырвана революционной борьбой в 1905 году.

Загубленные проекты

Ближайшее окружение Александра I составляли люди, разделявшие эти идеи и способные их осуществить. Хотя в царствование Александра I и не было недостатка в сановных реформаторах, однако наиболее полно и широко программа преобразований была оформлена в виде проектов первым крупным чиновником из разночинцев.

Михаил Михайлович Сперанский был человеком одаренным, образованным, работоспособным и умелым компилятором. Взлет его карьеры начался с 1803 года — в течение десятилетия он был доверенным лицом русского царя. Сперанский оставил большое документальное наследие, но наиболее важны разработанные по высочайшему распоряжению проекты судебной реформы и российской конституции. Сбыться им было не суждено, но они предвосхитили и судебную реформу 1864 года,

Ведь конституция была связана лишь с расширением прав общества, в то время как освобождение крестьян ущемляло права многочисленных и влиятельных владельцев крепостных душ. Поэтому его конституционный проект создавался как документ сегодняшнего дня, а отмена крепостного права откладывалась на будущее. При подготовке «Введения к уложению государственных законов» Сперанский не только руководствовался уже существовавшими в Европе конституционными нормами, в частности английскими, но и опирался на европейский исторический опыт. Оглядываясь на историю европейских государств, он замечал:

«Сколько бедствий, сколько пролития крови можно было бы упредить, если бы правители держав, точнее наблюдая движение обществе[нн]ого духа, сообразовывались ему в началах полити[ч]еских систем и не народ приспособляли к правлению, н[о н]аправление к состоянию народа».

М.М. Сперанский

П.Д. Киселев

Н.И. Тургенев

Н.Н. Новосельцев

и создание в 1905—1906 годах Государственной думы.

В сочинениях Сперанского был развернут спектр современных ему правовых и политических идей, выдвинутых европейскими правоведами. В *«Записке об устройстве судебных учреждений в России»* (1803) он, развивая мысль об ответственности исполнительной власти перед законодательной, специально выделил контролирующую роль общественного мнения и назвал два условия, при которых оно могло служить гарантом соблюдения законов: во-первых, *«публичность всех деяний правительства» (то есть гласность)* и, во-вторых, *«свободу тиснения» (печати)*.

Уже в 1803 году Сперанский говорил о необходимости разделения властей, верховенстве законодательной власти, ответственности исполнительной власти перед законодательной (что отвергалось и полвека спустя, в царствование Александра II), подконтрольности исполнительной власти общественному мнению и открытости деятельности министров и правителств в целом.

В 1809 году Сперанский составил по поручению Александра I российскую конституцию «Введение к уложению государственных законов». Это сочинение — проект превращения России из деспотического государства в конституционное, имеющее законодательные преграды на путях возрождения деспотизма. Введение конституции, по мнению Сперанского, предупредило бы революцию, насильственные действия снизу.

В начале XIX века многим в России казалось, что конституция — дело гораздо более простое, нежели отмена крепостного права. Так думал и Сперанский.

Проект конституции Сперанского предусматривал создание законодательной Государственной думы из депутатов, выбранных в губерниях на основании имущественного ценза. Ее председатель избирался депутатами, но утверждался императором. Депутаты думы образовывали из своего состава несколько специализированных комиссий. Государственная дума должна была рассматривать дела и законопроекты, представленные министрами от имени монарха или Государственного совета. Последний создавался в виде некоторого противовеса думе, укреплявшего власть императора.

Предложения Сперанского, сочувственно встреченные Александром I, не были осуществлены. Зато немедленно был учрежден Государственный совет, рассматривавший законопроекты и принимавший законы, вступавшие в силу только после утверждения их императором. Это чисто бюрократическое учреждение просуществовало вплоть до революции 1917 года, когда оно было преобразовано в верхнюю палату российского парламента. Накануне войны 1812 года Сперанский был внезапно выслан из Петербурга. Он принадлежал к наиболее крупным реформаторам первой половины царствования Александра I, считавшейся либеральной.

От «застоя» к кризису

Среди реформаторов конца десятых годов выделяются занимавшиеся в 1819 году разработкой, опять-таки по прямому поручению императора, «Уставной грамоты Российской империи», то есть той же конституции.

В качестве составителя проекта был приглашен француз П. И. Пешар-Дешан, а переводчиком проекта на русский язык — поэт и чиновник Петр Андреевич Вяземский. Организатором всего этого дела выступал возглавлявший российскую администрацию в Царстве Польском Николай Николаевич Новосильцев. «Уставная грамота Российской империи» должна была быть единой для всей империи, а потому означала отмену польской конституции 1815 года, но в значительной мере строилась по ее образцу и отличалась либеральным характером.

Проект российской конституции предусматривал создание парламента (Государственного сейма или Государственной думы), состоящего из двух палат, и провозглашал неприкосновенность собственности, независимость суда, ответственность чиновников, равенство всех граждан перед законом, свободу печати, эмиграции. Вопрос о крепостном праве в проекте был обойден. Однако в 1820 году по инициативе группы аристократов, в том числе П. А. Вяземского, была предпринята попытка образовать общество помещиков — сторонников отмены крепостного права. Оно и должно было сдвинуть с места больной вопрос.

Для Новосильцева и Вяземского подготовка проекта конституции была осуществлением их главных устремлений. Новосильцев принадлежал к числу давних поклонников английской парламентской системы, для Вяземского участие в работе над российской конституцией стало важнейшим делом жизни, и он тяжело пережил, что Александр I не дал ей хода.

Николай Иванович Тургенев — пример иного рода. Этот человек принимал самое деятельное участие как в правительственной политике (помощник статс-секретаря Государственного совета с 1816 года и служащий Министерства финансов с 1819 года), так и в движении декабристов. Служба и судьба свели Тургенева с бароном Генрихом Фридрихом Штейном, известным реформатором Пруссии.

В июне 1816 года Тургенев составил план государственных преобразований, рассчитанный на четверть века — пять пятилеток.

Первым шагом на пути создания свободной парламентской России должно было стать обеспечение страны компетентными реформаторами. Для этого предполагалось послать на четыре года за границу, преимущественно для изучения права, 100 или 200 молодых людей.

Затем в течение первого пятилетия комитетами из трех человек должны были быть подготовлены проекты: кодекса законов, внутреннего управления и усовершенствования финансовой системы. Подготовленные законопроекты предполагалось утвердить в течение второго пятилетия.

Главным делом третьего пятилетия Тургенев считал создание «пэров» — политического сословия из дворян, не имевших крепостных. Они должны были стать опорой царской власти в преобразовательном процессе.

Отмена крепостного права планировалась на четвертое пятилетие, а введение народного представительства — на пятое. Тургенев полагал, что в России самодержавная власть должна быть ограничена, но не в такой степени, как, например, в Англии. «Все в России должно быть сделано правительством; ничто самим народом»,— провозглашал он.

Итак, все реформаторы александровского царствования уже считали неотложными мероприятиями постепенное и поэтапное упразднение крепостного состояния, введение начал буржуазных свобод и единовременные преобразования государственного строя на принципах народного представительства. Речь шла о неприкосновенности личности и собственности, равенстве всех перед законом, свободе печати, создании законодательной палаты (или палат) с непременным наличием выборных представителей, с установлением буржуазного имущественного ценза для избирателей и депутатов.

Во второй половине царствования Александра I самодержавие впервые столкнулось с организованной политической оппозицией. Декабристы, как и правительственные реформаторы, рассматривали Россию как европейскую державу и выступали против деспотической формы правления, крепостного рабства, за обеспечение гражданских свобод. Они приняли тактику военного переворота, но стремились свести насилие к минимуму и рассматривали его как меру вынужденную и обусловленную медлительностью правительства, запаздывавшего с реформами.

Дворянские революционеры составляли верхушечную привилегированную социальную группу, на них могли бы опереться Александр I и позже Николай I в своей реформаторской деятельности: политическая программа декабристов во многом совпадала с неосуществленной правительственной.

О причинах, по которым Александр I отложил грандиозные проекты преобразований сложившейся системы, историки гадают и по сей день. Казалось бы, царствование Николая Павловича могло стать временем реализации отсроченных реформ. Первая четверть века уже подготовила для последующего времени целый набор аргументированных идей, программ и проектов, а также необходимых для преобразований деятелей. (Кстати, если бы была принята программа Тургенева или ей подобная, то уже к 1840-м годам ее могли бы осуществить, и Россия оказалась бы конституционным государством со свободным крестьянством.)

«Догнать Европу» можно было, лишь обеспечив внутри страны правовые гарантии свободы предпринимательства, развития личной инициативы деятельных и активных элементов нарождавшегося буржуазного общества. В этом случае не военная мощь, а естественный уровень цивилизованности обеспечил бы России ведущее положение на континенте.

Однако Николай I не только расправился с восставшими декабристами, но и начисто отверг реформистское наследие старшего брата.

Вторая четверть XIX века бедна яркими политическими деятелями. Известное исключение составляют умеренный реформатор Павел Дмитриевич Киселев, случайно избежавший репрессий 1826 года, Сергей Сергеевич Уваров, умный и образованный человек, сознательно поставивший своей задачей задержку прогресса: «Оттеснить Россию на 50 лет назад до того, что ей уготовано будущим».

Формула Уварова «православие, самодержавие, народность» стала лозунгом официальной идеологии, утверждавшей незыблемость самодержавия как особой, традиционной и неизменной формы правления, которой привержен русский народ.

Отсутствие политических свобод начинает взращивать все большее количество людей, убежденных, что насилие против деспотизма неизбежно и оправданно. Первая половина XIX века — это время упущенных возможностей. В государствах Западной Европы идея народного представительства была выдвинута не как умозрительная, а как средство проведения оптимальной политики, при которой учитываются насущные потребности всей страны и ее экономически влиятельных групп. Форма государственной власти, законодательный процесс теснейшим образом связаны с экономикой и ее состоянием. Замораживание процессов, время николаевского «застоя», как этот период называли уже его современники (например, П. Я. Чаадаев), губительно сказались на положении дел в стране. Логическим следствием такой политики было и поражение в Крымской войне: страна, считавшаяся почти полвека арбитром в европейских спорах, оказалась в состоянии глубокого кризиса.

Так Россия делает первый шаг к революции.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ТРУДНЫЙ ПУТЬ

МИХАИЛ ЛЕОНТЬЕВ,
экономический обозреватель

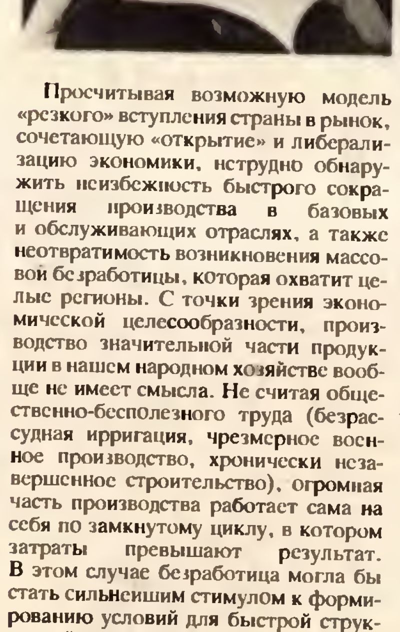
«Побежденная» безработица, как и «подавленная» инфляция, на самом деле благополучно существовали у нас всегда. Так же, как и уродливый, бюрократический рынок труда. Расселившееся практически во всех отраслях экономики страны и давно уж переставшее стыдливо маскироваться безделье Система подпитывает и упрочает монотонно-вечными судьбоносными планами мобилизации резервов, экономии и отчаянного повышения производительности труда...

В нормальной экономической системе безработный (если это не люмпен, конечно) переживает сильнейший стресс, обнаружив себя в социальных аутсайдерах. Советский же человек, обреченно убивающий время на службе за нищенское пособие, иезуитски поименованное зарплатой, ничего похожего не испытывает. По той причине, что социальное прозябание на задворках жизни — это его постоянное нормальное состояние. Именно поэтому появление в нашей стране более или менее открытого рынка труда в первую очередь приведет к выделению таких аутсайдеров в отдельную, достаточно массовую группу, которая станет главным источником социальной нестабильности и, в определенных обстоятельствах, будет способна провалить любую реформу.

Однако уже сегодня традиционные формы застойной безработицы становятся все менее «комфортными». Инфляция опускает размер пособия-жалования ниже прожиточного минимума. И неизбежное усиление таких тенденций не может не привести к тому, что размер заработков на неэффективных предприятиях (даже если они будут искусственно удерживаться от банкротства) окажется ниже любого, самого нищенского, пособия по безработице.

Особое место в советской экономике занимает скрытая безработица в сельском хозяйстве, где значительная часть работников лишь минимально занята в так называемом общественном секторе. И одна из причин необычайной устойчивости колхозного строя — не пресловутый «заговор председателей», а тот простой факт, что сельское население уже основательно приспособило этот строй под себя, растаскивая по домам корма и материалы, а также используя технику и инвентарь на личные нужды.

В условиях, когда государство неизбежно будет способствовать поддержанию уровня занятости в общественном секторе и, таким образом, провоцировать рост инфляции, идеальным стимулом к формированию рынка труда и в промышленности, и в сельском хозяйстве может стать развитие альтернативного частного сектора, где уровень вознаграждения за труд на порядок выше. Огромную роль здесь могли бы сыграть иностранные инвестиции. Однако в ближайшее время получение их кажется крайне проблематичным.

Просчитывая возможную модель «резкого» вступления страны в рынок, сочетающую «открытие» и либерализацию экономики, нетрудно обнаружить неизбежность быстрого сокращения производства в базовых и обслуживающих отраслях, а также неотвратимость возникновения массовой безработицы, которая охватит целые регионы. С точки зрения экономической целесообразности, производство значительной части продукции в нашем народном хозяйстве вообще не имеет смысла. Не считая общественно-бесполезного труда (безрассудная ирригация, чрезмерное военное производство, хронически незавершенное строительство), огромная часть производства работает сама на себя по замкнутому циклу, в котором затраты превышают результат. В этом случае безработица могла бы стать сильнейшим стимулом к формированию условий для быстрой структурной перестройки, без которой нашей экономике просто нечего делать в системе мирового хозяйства.

Однако такой поворот не представляется реальным ни по политическим обстоятельствам (практически в стране сейчас нет достаточно влиятельных социальных сил, способных провести такой сценарий в жизнь), ни по причинам технико-экономическим.

Главное препятствие на пути формирования в стране эффективного рынка, и, в первую очередь, рынка труда — крайняя негибкость, закостенелость советской экономики. При любом серьезном «давлении» на нее она не будет менять своих форм, а попросту начнет со скрежетом ломаться на сгибах. Так, нормальному перераспределению рабочей силы препятствует отсутствие рынка жилья. Трещит, расползается «железный» уклад, а мы по-прежнему боязливо озираемся, молчаливо свидетельствуем...

Правда, по мере развития альтернативных рыночных форм, в советской экономике все же появляются гибкие, восприимчивые зоны, способные реагировать на изменения конъюнктуры. Но очевидно и то, что эти сферы более чем неравномерно распределяются по отраслям и секторам отечественной экономики. Таким же образом реальный рынок труда будет развиваться прежде всего в тех отраслях, где работают новый отечественный и иностранный капиталы. Формирование же рынка капиталов, если оно не будет тормозиться нелепыми мероприятиями государства (такими, как бесплатная раздача «инвестиционных чеков» с последующим запрещением их к продаже), создаст условия для нормальной структурной перестройки и формирования рынка рабочей силы с экономически осмысленной ценой на труд.

Однако формирование рынка труда — процесс крайне болезненный даже и в том случае, если он будет проходить не лавинообразно, а, как представляется, достаточно медленно. И если возникнут регионы явно трудоизбыточные и трудонедостаточные, со значительной разницей в цене на труд, то при отсутствии условий для свободы передвижения (недоступность жилья, региональные и национальные ограничения миграции), у нас появятся субкриминальные поселки нелегальных мигрантов, вроде американских «чиканос». Кстати, это может стать одним из вероятных негативных последствий создания различных «свободных экономических зон». С другой стороны, трудовая эмиграция из СССР не только способна ослабить давление на рынок труда, но и, так или иначе, способствовать формированию нормальных цен на труд внутри страны.

И наконец — цивилизованный рынок труда является результатом *конкурентного партнерства* капитала и независимых профсоюзов. Наивно ожидать, что такая система может заработать без наличия того или другого из компонентов. Большой удачей можно считать уже то, что, не имея сильного частного работодателя, мы не имеем и достаточно мощных независимых профсоюзов.

Пока можно тешить себя надеждой, что оба этих агента современного рынка будут формироваться параллельно, не имея возможности раздавить друг друга политически и экономически.

ЗДРАВСТВУЕТ НЕРУШИМАЯ СОВЕТСКО-ВЬЕТНАМ
TÌNH HỮU NGHỊ BỀN VỮNG XÔ-VIỆT MUÔN NĂM

МИХАИЛ ИРОШНИКОВ,
доктор исторических наук

ЮРИЙ ШЕЛАЕВ,
кандидат исторических наук

ОКТЯБРЕНИЕ

В помещении Псковского губисполкома. 1924 г.

А. И. Рыков ив лесообрабатывающем заводе им. А. И. Рыкова. Апрель 1925 г.

...Поскольку Октябрьская революция 1917 года объявила войну всему старому миру и перечеркнула одновременно всех его героев (к слову, даже имена Александра Суворова и Александра Невского официально вспомнились только в годы Отечественной войны), возникала потребность в новых. И, словно идя ей навстречу, Советская власть декретом от 30 июля 1918 года канонизировала своих святых. Из мировой истории были выбраны имена особо почитаемых большевистскими лидерами мыслителей и деятелей революционного и освободительного движения, среди которых оказались Спартак и Разин, Марат и Робеспьер, Гарибальди и Пестель, Герцен и Фурье, Сен-Симон и Оуэн, Радищев и Чернышевский, Маркс и Энгельс.

Уже в первую годовщину Октябрьского переворота решением Петроградского Совета было проведено массовое переименование улиц, площадей и мостов. Вместо дворянских и мещанских, благовещенских и знаменских, миллионных улиц и проспектов, полицейского моста и т. д. появились: проспекты 25 Октября, Советский, Нахимсона, Бакунина, Володарского; улицы Социалистическая, Красных Зорь, Мира, Стачек, Пролеткульта, Герцена, Желябова, Перовской, Воинова; площади Урицкого, Жертв революции, Восстания; мосты Равенства, Лейтенанта Шмидта, Строителей и многие другие названия.

Отменив все чины и сословия, провозгласив равенство граждан, новая власть создала и новую шкалу общественного почитания и уважения, которые стали зависеть теперь не от нравственного или интеллектуального потенциала личности, а от наличия руководящей должности, кожаной куртки или маузера, с одной стороны, и степени и стажа участия человека в революционном движении — с другой, а также от того, на какой стороне баррикады он находился в 1917 году.

Оторванные от народа и овеянные легендами, прославившие друг друга и непогрешимые в глазах простого человека, вожди становились образцами для подражания и в повседневной жизни. Ориентация на них («Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше» или прямой совет делать жизнь «с товарища Дзержинского») стала делом совершенно обыденным. Наивные герои платоновского «Чевенгура» присваивали себе великие имена «в целях самосовершенствования граждан: кто прозовется Либкнехтом, тот пусть и живет подобно ему, иначе славное имя следует изъять обратно». Писатель Платонов нисколько не передергивает действительность. Как раз в данном случае сама жизнь значительно превзошла все ее литературные описания. Вскоре после революции российский «именник» пополнился доселе не известными именами. Это были: Артиллерия и Бухарина, Диктатура и Кадр, Ленин и Март, Мир и Молот, Нинель (Ленин наоборот) и Октябрина, Октябрь и Серп, Сталина и Террора, Труд и Трудослав, Федерация и Эра, а также Главспирт.

В таком важном для человека вопросе, как выбор имени для своего ребенка, в полной мере отразились политические коллизии этого времени. Исследователи отмечают, что по всем регионам страны в 20-е годы резко сократилось количество присвоений младенцам имени Николай и, наоборот, значительно увеличилось число младенцев Владимиров (по отдельным губерниям — до 12 процентов). Были и эпизодические вспышки, например, наречение именем Лев (отмечено в Москве в 1926 году). Именно на период 1924—1932 годов пришелся всплеск новых словообразований, связанных с именами вождей и в большинстве случаев являвшихся их аббревиатурами (Вилен — В. И. Ленин, Ледат — Лев Давидович Троцкий, Марэнленст — Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин и т. д.). И хотя в общем ряду имен их было около 5 процентов, для нас особенно важно то, что наибольшее распространение они получили в крупных городах и в основном в семьях партийных и советских работников, командного состава армии и органов безопасности, а также интеллигенции в первом поколении, то есть тех, кто своим выдвижением и высоким положением был всецело обязан революции и вождям, иллюстрируя своей судьбой народную поговорку: «из грязи — в князи». Эти выдвиженцы активно боролись с традиционной формой имянаречения по святцам.

Фантазия родителей была столь бурной, что современные историки порой даже не в состоянии расшифровать «тайный» смысл некоторых аббревиатурных имен. Общее число нововведений вряд ли удастся установить точно, сегодня их известно несколько сотен. В рабочих клубах утверждались на многочисленных собраниях «революционные имена». Родители получали Красную люльку, а к пеленкам младенца прикалывали комсомольский значок — «принимали в комсомол». Весь этот ритуал именовался «октябрением».

В то же время пролетарские вожди, довольно быстро уверовав в свои особые заслуги и исключительность, щедро наделяли своими именами все, что только могло носить имя: больницы, общежития, заводы и фабрики, причем уже в середине 20-х годов этот процесс стал практически безудержным. В зависимости от региона список прижизненно почитаемых лиц варьировался, к нему добавлялись вожди «уездного масштаба». Костяк же оставался почти неизменным.

«Петроградская правда», видимо, по аналогии с печатавшимися в 1918 году бюллетенями о состоянии здоровья Ленина после ранения, помещает на своих страницах сводки о течении болезни страдающего желудочными коликами председателя Петросовета Г. Е. Зиновьева.

И, что любопытно, чем более руководителям партии и правительства хотелось слышать дифирамбы в свой адрес, тем более усердствовали они, возвеличивая и обожествляя образ Ленина, выстраиваясь за ним колонной верных учеников и продолжателей его дела. Практически сразу после смерти Ленина в Петрограде возникла горячо проталкиваемая Зиновьевым идея переустройства Александровской колонны архитектора Монферрана на площади Урицкого (Дворцовой) и водружения на месте ангела с крестом статуи «Великого вождя пролетариата тов. Ленина». Трудно даже сказать, что же спасло знаменитый Александрийский столп — технические сложности осуществления замысла, многочисленные протесты или личное обращение наркома просвещения к Зиновьеву? Но резолюция последнего на письме Луначарского, адресованная секретарю Ленинградского губернского исполкома Комарову, достаточно красноречива: «Ну их к черту. Оставьте им колонну с «ампирным» ангелом».

В короткие сроки число памятников Ленину, воздвигнутых по городам и весям, превзошло все разумные пределы. И сейчас мы часто сталкиваемся с этим именем, которое носят заводы и птицефабрики, метрополитен и свинофермы, пр. и пр.

Но это был тот обязательный фон, на котором, видимо, только и могли существовать и выглядеть достаточно безобидно фабрики и корабли имени его соратников...

Иногда кажется, что былые революционеры будто соревновались друг с другом, кто на этом поприще наберет больше «очков». И что поразительно — среди них почти нет исключений, разве что Л. Б. Каменев, который в отличие от большинства своих товарищей по партии не наградил собственным именем ни корабль, ни город (по заводам и учреждениям страны мы не имеем информации).

Журнальный вариант глав из будущей книги М. П. Ирошникова и Ю. Б. Шелаева «Без ретуши». (В 1991 году выходит в свет в Ленинграде. Фотографии предоставлены ЦГА КФФД г. Ленинграда.)

Вагон агитпоезда. 1920 г.

Сами вожди относились к процессу переименования весьма серьезно. Объектам, носящим их имя, они оказывали особое внимание и «покровительство»: присутствовали на торжественных мероприятиях, запросто, по-отечески тут же в цеху беседовали с рабочими, фотографировались на память.

На одном из кадров старой кинохроники — улыбающееся лицо А. И. Рыкова, искренне верившего в социалистические идеалы крупного пролетарского революционера и государственного деятеля, весьма уважаемого и заслуженного человека, который, видимо, как нечто естественное воспринимает то, что его несут на руках, и ему это приятно. Тем, кто несет, тоже приятно. Во-первых, покажут на экране, а потом не каждый рядом-то стоял с самим Председателем Совнаркома. Всем приятно. Наверное, и тем, кто сидел в кинозалах...

На первый взгляд может показаться, что процесс появления новых имен и переименований носил случайный, спонтанный характер. Однако это не так. В этих вопросах существовал четкий регламент и порядок. Число населенных пунктов, носящих имена деятелей примерно одного «калибра», было почти одинаковым (Ворошилов — 11; Буденный — 10; Молотов — 10), «всесоюзный староста» Калинин мог иметь чуть больше — 16; Сталин, разумеется, превосходил всех (на 1947 год — 25 населенных пунктов). Но это уже в сороковые годы, когда все более или менее устоялось. Тридцатые же — для картографов, художников и маляров были в этом плане горячими годами. Не успели сменить вывески на киевском динамовском стадионе «им. Ягоды» на «им. Ежова», как вскоре их пришлось переделывать на «им. Берии». Причем задержка или ошибка могла стоить ответственному лицу головы; политический момент всегда необходимо было чувствовать.

Стоило Льву Троцкому проиграть в соперничестве с коллегами по партии и ЦК, как судно «Троцкий» тут же переименовали в «Андре Марти», а город Троцк (бывш. Гатчина) — в Красногвардейск. Не успел Авель Енукидзе доехать до Кавказа после «размолвки» со Сталиным, как судно «Енукидзе» превратилось в «Генриха Ягоду». После устранения Г. Зиновьева с политической арены грузо-пассажирское судно «Григорий Зиновьев» преобразилось в «Рудзутак».

Но с этим еще как-то можно было разобраться: в газетах печаталась информация об исключениях из партии, о процессах и приговорах. А вот распределить всех вождей по степени их значимости и каждому подобрать соответствующее судно было нелегко. Во всяком случае, изучение материалов Морского регистра СССР позволяет сказать, что политические заслуги деятелей партии и государства оценивались и числом брутто-регистровых тонн, и количеством мачт, и размерами судов. А появление в регистре нового корабля чьего-либо имени свидетельствовало, что на политическом горизонте восходит новая звезда. Именно так произошло в 1931 году со спуском еще скромного грузового судна «Хрущев».

Суда меньших классов получали имена и более скромных деятелей, так сказать, средней руки. Как вспоминал Лев Разгон, среди заключенных на Севере была популярна песня:

Трюм наш тесный и глубокий,
Нас везут на «Глебе Бокий»,
Как баранов...

Наиболее крупные суда полагались товарищу Сталину, а остальные распределялись между приближенными в соответствии с их «весом»: «Иосиф Сталин» (наливное) — 140 м, «Сталин» (наливное) — 132 м, «Калинин» (грузовое) — 111 м, «Каганович» (грузовое) — 109 м, «Алексей Рыков» (грузо-пассажирский рефрижератор) — 105 м, «Бухарин» (грузовое) — 91 м и т. д.

Однако подобная субординация тоже сложилась не сразу — лишь к началу 30-х годов; в середине двадцатых об абсолютном лидерстве Сталина еще не было и речи.

ТАКИЕ ИМЕНА ПОЯВИЛИСЬ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Арвиль — армия В. И. Ленина.
Арлен — армия Ленина (Варлен — Великая...)
Вектор — великий коммунизм торжествует.
Веор — Великая Октябрьская революция.
Видлен — великие идеи Ленина.
Вилен — В. И. Ленин.
Виленин — В. И. Ленин.
Вилан — В. И. Ленин и Академия наук.
Вилиор — В. И. Ленин и Октябрьская революция.
Вилор (а)— В. И. Ленин — организатор революции
Вилорд — В. И. Ленин — организатор рабочего движения.
Вилорк — В. И. Ленин — организатор революционной коммуны.
Виль — В. И. Ленин..
Вилюр — Владимир Ильич любит Россию.
Винун — Владимир Ильич не умрет никогда.
Вист — великая историческая сила труда.
Виулен — В. И. Ульянов-Ленин.
Владлен — Владимир Ленин.
Волен — воля Ленина.
Ворс — ворошиловский стрелок.
Гертруда — герой труда.
Далис — да здравствуют Ленин и Сталин.
Дележ — дело Ленина живет.
Джонрид — Джон Рид.
Замвил — заместитель В. И. Ленина.
Идлен — идеи Ленина.
Изиль — исполняй заветы Ильича.
Икки — Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала.
Ильком — Ильич. коммуна.
Кид — коммунистический идеал.
Ким — Коммунистический интернационал молодежи.
Крармия — Красная Армия.
Лагшмивара — лагерь Шмидта в Арктике.
Ласт — латышский стрелок.
Ледав — Лев Давидович.
Ледат — Лев Давидович Троцкий.
Ледруд — Ленин — друг детей.
Лелюд — Ленин любит детей.
Лемир (а)— Ленин, мировая революция
Ленар (а)— ленинская армия.
Ленгерб — ленинский герб.
Лениз — ленинские заветы.
Ленинид — ленинские идеи.
Ленинизм — Ленин и знамя марксизма.
Ленинир — Ленин и революция.
Лениор — Ленин и Октябрьская революция.
Ленст — Ленин, Сталин.
Лента — Ленинская трудовая армия.
Лентрош — Ленин, Троцкий, Шаумян.
Ленэра — ленинская эра.
Лес — Ленин, Сталин.
Лестак — Ленин, Сталин, коммунизм.
Лист — Ленин и Сталин.
Лорикс — Ленин, Октябрьская революция, индустриализация, коллективизация, социализм.
Лориэрик — Ленин, Октябрьская революция, индустриализация, электрификация, радиофикация и коммунизм.
Лунио — Ленин умер, но идеи остались.
Луиджи (а)— Ленин умер, но идеи живы.
Люблен — люби Ленина.
Марлен — Маркс, Ленин.
Марэнленст — Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин.
Мотвил — мы от В. И. Ленина.
Мыслис — мысли Ленина и Сталина.
Мэлис — Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин.
Мэлс — Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин.
Оюшминальда — Отто Юльевич Шмидт на льдине.
Папир — партийная пирамида.
Плинта — партия Ленина и народная трудовая армия.
Полес — помни Ленина, Сталина.
Пол(ь)за — помни ленинские заветы.
Порес — помни решение съездов.
Правлен — правда Ленина.
Правлес — правда Ленина, Сталина.
Пятвчет — пятилетку в четыре года.
Рэм, Ремир — революция мировая.
Рес — решение съездов.
Роблен — родился быть ленинцем.
Ромблен — рожден могущий быть ленинцем.
Револьд — революционное движение или революционное дитя.
Силен — сила Ленина.
Стален — Сталин, Ленин.
Статор — Сталин торжествует.
Таклис — тактика Ленина и Сталина.
Томил — торжество Маркса и Ленина.
Томик — торжествует марксизм и коммунизм.
Трик (ом)— три «к»— комсомол, Коминтерн, коммунизм.
Тролезин — Троцкий, Ленин, Зиновьев.
Тролен — Троцкий, Ленин.
Фэд — Феликс Эдмундович Дзержинский.
Черказ — червонное казачество.
Эрлен — эра Ленина.
Яслен — я с Лениным.
Ясленик — я с Лениным и Крупской.

От редакции. Мы обращаемся к читателям с предложением поддержать представленную выше коллекцию экзотических имен. Просим тех, у кого в памяти хранится хоть один подобный экземпляр, прислать его в отдел истории.

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

ИЗНАЧАЛЬНО В ТУПИК

В № 6—7 журнала «Родина» опубликована беседа с членом Верховного Совета РСФСР профессором Д. А. Волкогоновым. Недавний начальник Института военной истории Министерства обороны СССР раскрывает некоторые детали печальной судьбы 10-томника «Великая Отечественная война советского народа». «Был преднамеренный, заранее спланированный разгром в худших традициях идеологических судилищ 1930—1950-х годов»,— говорит Волкогонов о заседании Главной редакционной комиссии. И я, зная подноготную десятитомника не понаслышке, полностью с ним согласен. В то же время считаю необходимым развеять широко распространенное представление, будто бы подготовленный первый том, да и направление работы в целом носили сугубо прогрессивный характер. Труд был обречен на неудачу изначально — с момента принятия решения Политбюро ЦК КПСС в августе 1987 года о его выпуске.

Сегодня (июль 1991) уже известно: первый том решительно забракован, начальник института генерал-полковник Д. А. Волкогонов освобожден от занимаемой должности, а судьба самого издания повисла в воздухе. Но, может быть, нет худа без добра! Ибо десятитомник замышлялся как очередной инструмент для укрепления идеологии ура-патриотизма и тоталитаризма в СССР и за его пределами и, тем самым, упрочения позиции верхушки партаппарата КПСС и его составной части в маршальских и генеральских погонах.

Позорный провал самой затеи с выпуском десятитомника по старой схеме «Великой Отечественной» — крупная неудача идей и людей, от засилия которых так называемый «мир социализма» принялся наконец решительно избавляться. С публикацией стенограммы заседания ГРК седьмого марта 1991 года («Независимая газета», 18 июня 1991), нынешние высшие военачальники страны предстали в своем истинном свете: не только невеждами, но и бесцеремонными душителями науки по «праву» субординации.

Есть способ, которым и сейчас, к чести нашей науки и страны, можно поправить дело. Следует анализировать не проблему «Великой Отечественной войны советского народа», а тему «Советский Союз во второй мировой войне». Это далеко не одно и то же. «Великая Отечественная война» — термин, изобретенный у нас еще в июне 1941 года. Его полезность для СССР в 1941—1945 годах бесспорна: за Отечество люди готовы были погибнуть в неравном бою. Однако, чем больше мы отдаляемся от 1945 года, тем очевиден далеко не стопроцентно освободительный характер нашей войны, особенно на заключительном этапе — за рубежами Советского Союза. Героизм народа — одно, курс руководства страны — совсем другое.

ЮРИЙ ТРИБИЦОВ
кандидат исторических наук,
старший преподаватель
Кемеровского госуниверситета

СВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ:

Хромого звали Федором Достоевским: так он сам себя перерегистрировал в специальном протоколе, где сказано, что уполномоченный волревкома Игнатий Мошонков слушал заявление гражданина Игнатия Мошонкова о переименовании его в честь памяти известного писателя — в Федора Достоевского, и постановил: переименоваться с начала новых суток и навсегда, а впредь предложить всем гражданам пересмотреть свои прозвища — удовлетворяют ли они их,— имея в виду необходимость подобия новому имени. Федор Достоевский задумал эту кампанию в целях самосовершенствования граждан: кто прозовется Либкнехтом, тот пусть и живет подобно ему, иначе славное имя следует изъять обратно. Таким порядком по регистру переименования прошли двое граждан: Степан Чечер стал Христофором Колумбом, а колодезник Петр Грудин Францем Мерингом, по-уличному Мерин. Федор Достоевский запротоколил эти имена условно и спорно: он послал запрос в волревком — были ли Колумб и Меринг достойными людьми, чтобы их имена брать за образцы дальнейшей жизни, или Колумб и Меринг безмолвны для революции. Ответа волревком еще не прислал. Степан Чечер и Петр Грудин жили почти безымянными.

— Раз назвались,— говорил им Достоевский,— делайте что-нибудь выдающееся.

— Сделаем,— отвечали оба,— только утверди и дай справку.

— Устно называйтесь, а на документах обозначать буду пока по-старому.

— Нам хоть бы устно,— просили заявители...

«Чевенгур»

Манифестация на Марсовом поле. Петроград, декабрь 1917 г.

АЛЕКСЕЙ ЕЛЫМАНОВ

О ПОЛЬЗЕ И НЕУДОБСТВАХ КРИЗИСА

Так ли уж плохо, что Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем?

Итак, начиная с V съезда народных депутатов России, у нас больше нет единого демократического стана, а есть очень сложная гамма течений и организаций, при общем отрицательном отношении к коммунистическому тоталитаризму нередко диаметрально расходящихся и в понимании настоящего, и в видении будущего. Разногласия вышли на поверхность именно тогда, когда пробил «звездный час» демократического движения и только-только опала пена в бокалах шампанского, поднятых в честь победы Б. Ельцина на президентских выборах. В этом есть, конечно, особенная досада. И все-таки в причинах ссоры между демократами стоит разобраться спокойно и обстоятельно.

Кризис свирепствует не только у демократов. Сегодня налицо и второй кризис — все ускоряющийся процесс распада коммунистической партии. Эта нервная система тоталитарной диктатуры, потерпев поражение в борьбе за власть в России и раскалываясь на части, не может уже использовать основной козырь, на котором держалось все ее влияние,— монополию в кадровой политике.

Почувствовав, откуда дует ветер, флюгеры начинают поворачиваться в сторону «сильного лидера». Что это — английская «славная революция» в российском исполнении? Иначе говоря, «обуржуазившееся дворянство», как и в Англии XVII века, спешит в ряды новой либеральной элиты?

Трудно сказать, какой приговор вынесет суд истории тому, что происходит сейчас в нашей стране. Пока же как «непримиримых» левых, так и бескомпромиссных правых тревожит и наводит на глубокие сомнения идущее сегодня полным ходом слияние политических элит — старой и новой, номенклатурной и демократической, получившей мандат от народа. Здесь, в этом новом факторе нашей политической жизни, следует, на мой взгляд, искать один из детонаторов кризиса в стане российских демократов, неожиданно для самих себя почувствовавших недостаточность своего влияния на выдвинутых ими государственных лидеров.

Демократическое движение ставило перед собой задачу лишить КПСС монополии на власть и добилось этого, однако оно отождествило победу над коммунистами с победой демократов — и глубоко просчиталось. На самом деле у власти сегодня по-прежнему находятся не демократы, а лишь радикальное крыло коммунистических реформаторов. Да, они порвали или порывают с КПСС, не найдя там поддержки и находя ее у демократов. Но, тем не менее, нынешние обладатели мандата на власть в России, как и прежде, всеми нитями связаны с породившей их номенклатурной средой, которая остается им гораздо ближе, чем любая другая. Они стремятся к союзу с ведущими политическими фигурами «старого порядка» и с сочувствием относятся к их стремлению сохранить определенные преимущества и в новой системе.

Для демократов же, наконец, настал момент истины, момент прозрения, когда у одних открываются глаза и прежнее, неадекватное понимание своего места и значения сменяется более адекватным, другие же окончательно слепнут. Этот момент резких, качественных изменений, связанных с процессом взросления демократического движения, и выражается сегодня в форме кризиса.

Иными словами, сейчас, когда реформаторы-коммунисты получили свой шанс на реализацию программы перемен в республике, демократы в свою очередь получили — и получили очень кстати — тайм-аут для самоосмысления и самообретения. Впервые перед ними открывается возможность занять нишу конструктивной оппозиции. Между ними и коммунистическими реформаторами нет сегодня серьезных программных расхождений, поэтому демократы могут взять на себя функции контроля и критики. И часть демократов, кажется, начинает делать поворот в этом направлении. Другие же, думается, избрали иллюзорную стратегию, усугубляющую обнаружившиеся только сегодня слабости прежнего курса демократов в России.

Я говорю о той линии, которая нацеливает демократическое движение на попытку обойти российскую исполнительную власть «сверху», завоевав большинство во властных структурах Союза.

Случайно ли, что эта тактика оказалась привлекательной в первую очередь для «партии Травкина», лидер которой исповедует откровенно антидемократический «Führerprinzip» строения партии, находящийся в вопиющем противоречии даже с самоназванием — «Демократическая партия»? Сегодня ее единоличный лидер ведет своих приверженцев в бой за создание всесоюзной объединенной демократической партии, к которой примкнула и часть лидеров остальных «карликовых» партий. Другая же их часть, понимая, что «тяжелая рука» лидера Демократической партии — это не самая приятная перспектива, пытается убедить своих сторонников влиться в «Движение демократических реформ», также пытающееся придать себе общесоюзный характер и создать еще один, новый, на этот раз «демократический» сильный Центр.

Раскол в столичной организации «Демократической России» дает основания проанализировать глубинные мотивы недовольства многих лидеров и членов демократических партий. Все, как известно, началось с уставного положения о возможности индивидуального членства. Руководители «карликовых» партий резко воспротивились новшеству, заявив, что уравнивать индивидуальных и коллективных членов движения — это означает наносить удар по и без того малочисленным «старым» партиям, размывать их границы и устои.

Думается, однако, что подлинная причина разлада совсем не в этом. Вряд ли индивидуальное членство может вызвать в движении «демографический взрыв», который превратит «Демократическую Россию» в «суперпартию». Дело в том, что сами формы партийной жизни, копирующие КПСС как массово-политическую организацию, изжили себя и уходят в прошлое. Они были вполне понятны во времена резкой социальной дифференциации, когда массовые партии, «партии класса», брали на себя роль «передового отряда», несли «просветительскую» миссию, нередко не только политическую, но и общекультурную,— вплоть до организации досуга и быта.

Для нормального существования подобных партий необходимо четкое различие между «массой» рядовых членов и хранителями «священных истин», необходим режим идеократии, основанный на идейной монополии партийной верхушки. Социальную базу для деятельности политических элит массовых партий создал в свое время процесс индустриализации, накатывавший на города одну за одной волны люмпенов, вчерашних крестьян, которые, если и не все жаждали «света» новой для них культуры, то, во всяком случае, объективно нуждались в весьма плотной социальной опеке.

Где возьмется в современном мире — более или менее культурно однородном и напичканном альтернативными источниками информации — подобная благодатная социальная нива, необходимая для процветания массово-аппаратных партий? Сами «карликовые» партии, численность которых не только не растет, но и день ото дня снижается — не подтверждение ли тому? В самой многочисленной из них — ДПР — насчитывается всего лишь 36 тысячи человек, главным образом активистов, то есть пастырей без паствы.

«Демократическая Россия», хотя ее организаторы и вдохновлялись опытом польской «Солидарности», с самого начала выступила как альтернативная по отношению к массово-аппаратным партиям форма политической организации. По самим своим истокам и общему замыслу «Демроссия» — партия электорального типа, то есть офис для организации выборов. Ориентируется такая партия не на членов, а на избирателей и популярных политических деятелей, способных получить поддержку на выборах.

Время показало, что модель электоральной партии, поднимающей избирателей на поддержку популярной политической фигуры, но не рекрутирующей в свои ряды формальных членов, начала теснить классический для наших условий взгляд на партию как на коллектив единомышленников, соединенных, подобно «Церкви Христовой», принципами «священноначалия». Более того, оказалось, что совмещение в рамках одной политической организации таких двух разных принципов партийной жизни действует явно не в пользу партий, основанных на единоверии и соборности. «Партия избирателей», в частности, не может претендовать на существенное влияние на политику избранных с ее подачи лидеров. Это уж их собственное дело — устанавливать свои отношения с избирателями; если эти отношения испортятся, то на следующих выборах избиратели сами поставят на них жирную точку.

«Партия членов», наоборот, стремится «держать» своих лидеров на поводке партийной доктрины, направлять их политику. Возможность влиять на лидеров поддерживает активность членов партии, удовлетворяет их самолюбие. Сразу же после избрания Ельцина перед «карликовыми» партиями, «партиями членов», их лидерами и идеологами встала острая проблема: либо выйти из политического объединения, которое не располагает реальными каналами влияния на президента и его команду, либо стать жертвами политической болезни, известной под названием «кризиса доверия». Скорее всего, для большинства «членских» партий этот недуг завершился бы летальным исходом.

Недавно Л. Баткин, сознавая опасность «кризиса доверия» в демократическом стане, выдвинул тезис о том, что «Демроссия» кое-что сделала и уже отжила свое», она уже не нужна «даже самому Ельцину и его окружению». Речь идет, таким образом, о самоликвидации «Демроссии». Как бы ни относиться к выводам Л. Баткина,— в своих констатациях он не ошибается.

Думается, однако, что самороспуск «Демроссии» сказался бы крайне негативно на политических процессах и в Союзе, и в России. Начнем с того, что у этого движения есть свои собственные обязательства перед избирателями и задачи, вытекающие из этих обязательств. «Демроссия» стоит ныне перед необходимостью держать руку на пульсе общественного мнения, следить за тем, как меняется отношение общества и его различных слоев к кандидатам, получившим поддержку избирателей и занявшим важнейшие государственные посты в России. Необходимо, наконец, искать и выдвигать новых лидеров, которые могли бы со временем занять место у руля демократических преобразований.

Самороспуск «Демроссии» опасен еще и потому, что в нынешней, все еще крайне тяжелой и напряженной ситуации незаменим политический механизм объединения широких слоев общественности в случае попыток реакции уничтожить завоевания демократии. Ни одна из «карликовых» партий сыграть такую роль не в состоянии. К тому же их будущее вообще покрыто туманом: каких-либо серьезных шансов на власть в России они не имеют, вряд ли удастся им оседлать и союзную власть, вдохнув новую жизнь в имперские структуры.

Получается, что американская (электоральная) модель партийной системы, при всей присущей ей — прав Л. Баткин — «рыхлости» и «нескладности», выглядит в наших условиях куда перспективнее, чем «европейская», основанная на массовых аппаратных партиях. За три четверти века монополии такой массовой партии общество устало и от амбициозных «вождей», обладающих отмычкой к тайнам исторического процесса, и от смешной атрибутики таких партий — с нелепыми процедурами приема, с партсобраниями, «членскими взносами» и активистами. Истощены и социальные ресурсы таких партий.

Остается, правда, незанятой одна ниша: когда-то многие из сегодняшних «карликовых» партий начинали свое существование в качестве политических клубов, небольших общедоступных, хотя и локальных центров кристаллизации общественного мнения. Пожалуй, иные из них зря оставили это полезное для общества дело. К тому же политическая партия, не имеющая шансов на приход к власти,— это все равно не больше, чем политклуб.

Если же говорить о более серьезных возможностях, то мне они видятся в объединении «карликовых» партий, в освоении ими некоторых важных черт поведения электоральных партий, например, по образцу французской соцпартии, имеющей формальное членство только для активистов.

В этом случае можно ожидать, что со временем нынешний конфликт между электоральной «Демроссией» и блоком «карликовых» партий перерастет в чисто программное противоречие. В частности, «Демроссия» вполне способна занять пустующее до сих пор место либеральной партии, а блок демократических «карликов» может со временем составить достаточно сильную партию социально-защитной ориентации.

Подобное размежевание, кстати, вполне соответствует существующим на Западе различиям между классическими «правыми», обычно электоральными, и «левыми», обычно массовыми партиями. Если события будут развиваться в этом направлении, то, может быть, не так уж и плохо, что поссорились между собой наши демократические Иваны Ивановичи и Иваны Никифоровичи.

Статья написана в начале августа 1991 года. Представляется, однако, что основные ее положения полностью сохранили свою значимость. Ред.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЖУРНАЛ

«СОВРЕМЕННИК»

(Торонто, Канада)

Об этом журнале, выходившем с конца пятидесятых до начала восьмидесятых годов, мало кто у нас знает. Вспыхнув на волне энтузиазма и любви к России, к русской культуре, журнал сгорел как свеча на ветру времени. Но сгорел, оставив заметный след в душах его поклонников-читателей.

Впервые о «Современнике» нам рассказала поэтесса Элла Боброва. Показала отдельно его выпуски, поведала грустную историю его кончины. Мы узнали не только о деятельности небольшой группы подвижников, выпускавших журнал «русской культуры и национальной мысли», но и о судьбах людей, оказавшихся в эмиграции. Нет, не жажда наживы, дохода двигала ими. И не неудовлетворенное тщеславие или честолюбие. Цели были благородны: следовать гуманистическому пафосу русской литературы, стремиться быть независимым и демократическим по духу. Все усилия журнала, его авторов были устремлены к освобождению русского человека от любой формы духовного угнетения. Девизом журнала стали строки Аполлона Майкова:

Благодарю Тебя, Творец, благодарю,
Что мы не скованы лжемудростию узкой,
Что с гордостью я всем сказать могу, я — русский.
Что пламенем одним с Россией я горю.

Да, в тяжелые для Отечества годы, когда невозможна была правдивая информация с отчей земли, когда каждый приезд «советского гражданина» в командировку или «насовсем» становился сенсацией, событием, сотрудники журнала «горели одним пламенем с Россией». Больной и уставшей.

Достаточно перечислить лишь некоторые материалы «Современника», чтобы убедиться: журнал не истощал без нужды свои силы на внутриэмигрантские распри. Мало того, многие темы литературного или исторического звучания были сделаны под оригинальным, неожиданным углом зрения, отличаются свежестью мысли: Е. Вертлиб «От Гоголя до Гегеля, или «Мертвые души» в «Селе Степанчикове» Достоевского»; Д. Брединский, З. Жукова-Брещинская «Литературный Бред Андрея Белого»; В. Седуро «Нравственный Императив и герои Михаила Булгакова». В статье А. Шиляева «Литературное убийство и самоубийство» рассматривается переделка Л. Леоновым его замечательного романа «Вор». Автор романа, делает вывод А. Шиляев, совершил двойное преступление. Журнал опубликовал философские штудии ученого Дм. Панина, в которых изложены его мечты о «революции в умах в Советском Союзе». «Сила революции в умах в том, что она несет правду, презирает ложь и не совершается под покровом тайны» — это сказано как будто о нашей перестройке, о гласности, которая и стала подлинной революцией в России. Публиковал журнал и такого рода призывы-обращения, как «Открытое письмо ко всем жертвам коммунизма». Нет, в нем не идет речь о насильственном свержении коммунистического строя. В письме говорится о судьбе дочери Льва Толстого Александры Львовны Толстой, отсидевшей в советских лагерях пять лет и вынужденной выехать в США. С ее именем связано образование знаменитого Толстовского фонда помощи эмиграции, создание центров русской культуры. «Филантропия А. Л. Толстой принесла обильные плоды. Теперь, когда эта славная гуманистка тяжело больна, Интернациональный Комитет Жертв Коммунизма призывает всех к месяцу скорби и молитвы за нашу спасительницу...» — обращался «Современник» в № 42 за 1979 год. «Всего лишь!» — воскликнет иной читатель. Призыв к скорби, к молитве... Но именно такие призывы и объединяют людей, делая их добрее, человечнее.

Публиковал «Современник» поэзию, прозу, литературное наследие, библиографию. И конечно же, полемические материалы. Особенно регулярно «доставалось» почему-то журналу «Континент», его главному редактору Владимиру Максимову. К сожалению, полемика эта велась, как нам показалось, подчас излишне запальчиво.

Видимо, полемические материалы «Современника» вызывали ответные залпы и в других изданиях. Поэтому в номере, посвященном двадцатилетию журнала, редакция сообщала: «Независимая позиция журнала «Современник» привела к тому, что против нашего журнала сложился блок великодержавных шовинистов и всякого рода нечистоплотных политиканов. Используя национальные предрассудки, нас обвиняют то в «русофобии», то в «антисемитизме», то, наоборот, в «сионизме»... Нас пытаются подвергнуть бойкоту... Такова — в сложных условиях нашего времени — расплата за стремление соединить дело русского патриотизма с принципами свободы и гуманистической мысли». И здесь же «Современник» призывает читателей к материальной помощи журналу. Но, по-видимому, она не подоспела вовремя. Журнал остановил свою историю на 45-м номере. Основан он был в 1960 году профессором Л. Страховским, затем главными редакторами стали В. Савин и А. Гидони.

«Современник» был одним из немногих (два-три) литературных журналов на всю Русскую Америку. Как писал Петр Балакшин, «журнал «Современник» — явление исключительное в зарубежье...»

Думается, что не напрасны были старания крохотного коллектива «Современника». Журнал жил, действовал, влиял, воспитывал. Он был трибуной русских читателей, он был попыткой еще раз доказать, что и в изгнании можно помнить и любить свою родину, свой родной язык.

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию публикацию из журнала.

АЛЕКСАНДР ГИДОНИ

ГОРОСКОП БЕРИИ

Будиани был единственным человеком, кроме Сталина, которого Берия боялся и уважал. В Сталине воплощались видимые параметры власти и силы; в Будиани — таилось нечто более сильное, чем очевидность, и хотя Берия не был мистиком, сфера таинственного страшила его именно своей неуправляемостью. Даже Сталина можно было понять, а значит, и обезвредить; потусторонние же силы не укладывались ни в какую схему, не поддавались контролю. Будиани являлся их вестником, полпредом, так сказать. Формально он был доктором-психиатром и цирковым иллюзионистом; фактически же — личным астрологом Берии.

БЕРИЯ, Лаврентий Павлович (р. 1899), один из виднейших руководителей ВКП(б) и ближайших учеников и соратников Сталина, член Политбюро ЦК ВКП(б). Зам. председателя Совета министров СССР. Родился в селении Мархеули Сухумского р-на (Груз. ССР) в бедной крестьянской семье. С юношеских лет примкнул к революц. движению. В партию большевиков вступил в марте 1917 в г. Баку. В 1918—20, в период господства муссаватистов и меньшевиков в Закавказьи, вёл активную подпольную работу в Баку и Грузии. В 1920, после установления в Азербайджане Советской власти, был направлен на нелегальную

Типичный южанин, в кольцах кудрявых, кое-где поседевших, но в целом еще черных волос, стройный, высокий, с орлиным носом и яркой смуглостью кожи, Будиани знал свою власть и умел ею пользоваться. С Берией он был знаком еще с юности: встретились на работе в Закавказской Чека, где Будиани пригодился как гипнотизер во время допросов. И в тех случаях, когда Берия не мог выбить нужных показаний, Будиани умел их вытянуть. Они сработались неплохо; даже подружились. От Будиани Берия узнал такие имена, как Нострадамус и Сведенборг, Блаватская и Штейнер, получив если не вкус, то некое тяготение к запретным темам, связанным со спиритизмом, астрологией и теософией. Все это было скорее баловством, нежели устойчивым интересом до той поры, пока Берия на личном опыте не убедился, что не стоит так уж отмахиваться от сферы призраков и предсказаний. Не кто иной, как Будиани, предостерегал его от поездки по Кавказу в 1930 году, говоря, что на него будет совершено покушение. «Хотя,— добавил он,— покушение не достигнет своей цели». «Откуда знаешь?» — спросил Берия. «Не могу сказать,— ответил Будиани,— ты все равно либо не поймешь, либо не поверишь. Но лучше тебе не ездить по Военно-Грузинской дороге. Звезды мне это говорят точно». Берия рассмеялся: «Звезды?.. Но ведь сам ты уверяешь, что со мной ничего не случится. Вот я и поеду проверять твои отношения со звездами».

И поехал. А когда на перевале Военно-Грузинской дороги посыпались на кавалькаду чекистских машин гранаты, застрекотали пулеметные очереди, ой как вспомнился Будиани! Хорошо, что не подкачал новенький «бьюик»; проскочил проклятый перевал на полном ходу, умчался в безопасный Тбилиси. Напуган был так, что на всякий случай арестовал Будиани: не верилось, чтобы тот ни с кем, кроме «звезд», не якшался. Но следствие ничего не дало, а во время личного свидания с глазу на глаз Будиани сказал: «Лаврентий! Не испытывай судьбу против меня. Связаны мы с тобой силами неземными. Убьешь меня — сам погибнешь. Не хочешь погибнуть — освобождай!» И было во взгляде Будиани что-то такое грозное, что понял Берия: лучше освободить! Стольких расстреливать приходилось — одним больше — никого не удивишь, себя не потешишь. А пригодиться «звездочет» еще может.

И пригодился. Предсказал много таких мелочей, которых никто другой не смог бы. Был в разговорах груб и резок; дьяволом называл и злодеем, но дело свое астрологическое ведал крепко. Ну и Берия в долгу не остался: карьеру обеспечил для Будиани блестящую —

* Отрывок из повести «Иосиф и его небратья».

что по артистической линии, что по медицинской. Денег он зарабатывал кучу, стал заслуженным артистом республики и профессором медицины. Но самое главное: был он единственным человеком в стране (опять же — кроме Сталина), который мог резать Берии в лицо правду-матку. Наедине, конечно, без свидетелей.

Крепко запомнился Берии исторический пример, который в назидание ему рассказал однажды Будиани.

— Ты, Лаврентий, хоть и считаешься историком, поскольку написал книжонку о Сталине, однако истории настоящей, без всяких там партийных наслоений, не знаешь. А жаль! — вещал Будиани.— Ведь я, поскольку судьба свела меня с тобою,— прямой наследник Галеотти.

— Это Галилея, что ли? — хмыкнул Берия.

— Да нет, Галилей тут ни при чем. Марций Галеотти был астрологом французского короля Людовика XI. Однажды король решил испытать его и задал провокационный вопрос: «Если вы умеете точно определять будущее по звездам, то вам должен быть известен час собственной смерти. Вот и скажите мне, когда вы умрете?» Представляешь, в каком положении оказался астролог? Ведь если он скажет, что проживет долго, король убьет его тут же, лишь бы доказать, что звезды лгут. И Галеотти, подумав, ответил: «Я могу, Ваше Величество, определить час моей смерти, но лучше этого не делать». «Почему?» — спросил король. «Потому что звезды сказали мне, что я умру за двадцать четыре часа до вашей смерти»,— отрезал Галеотти. Поверил или не поверил ему король,— неизвестно. Но больше он никогда не обсуждал астрологические проблемы. Понял, Лаврентий?

И Лаврентий понял. Будиани был нужен ему не меньше, чем он — Будиани. В конце концов, человек, который говорит правду — пусть даже смазанную каким-то, черт его знает, мистическим налетом,— сам по себе капитал. Лизоблюдов, поддакивающих каждому слову, сказанному Берией, подобострастно ловящих каждый его намек, всегда хватает. А вот правдолюбцев — в них как-то недобор наблюдается. Хотя удивляться особенно нечему: в стране победившего социализма быть правдолюбцем — вещь опасная. Смертельно опасная, как наверняка бы сказал Сталин, узнай он о такого рода размышлениях Берии. Само собой, он о них не узнает...

На сегодня Будиани был приглашен с весьма ответственной целью. Очередной гороскоп, составленный им, должен был прояснить: сулит ли неминуемая схватка со Сталиным надежду на успех? Собственно говоря, независимо от предсказаний, единственный способ выжить — это помочь Сталину умереть. По многим, еле уловимым признакам ясно, что Хозяин собирается ускорить новую чистку. А поскольку Берию — своего неизменного Прокурора, он потихоньку отодвигает в сторону, значит, в чистке этой быть перемолотым очень легко. И серая скотинка, вроде Игнатьева, займет его место. Для Сталина, конечно, оно даже выгоднее: Берия в его глазах слишком колоритен, чересчур самостоятелен, а лакеи типа Игнатьева безотказны, как пешки. С течением времени пешки заменяются другими — и так без конца. Он же — Берия — фигура! И в шахматной партии, которую он играет против Хозяина, пешечная роль оправдана только одной возможностью: пройти в ферзи...

Все эти рассуждения ушли в подсознание, когда Будиани, сидевший теперь в кресле, хрипловатым голосом разматывал перед Берией цепь предсказаний и намеков. Встряхивая то и дело кудрявой шевелюрой, закинув ногу на ногу и дымя сигаретами, он говорил:

— Лаврентий, ты понимаешь, что я тебе всего сказать не могу и не хочу. Для профанов, вроде тебя, астрология — темный лес. Да и не только в звездах дело. Вот твой гороскоп — погляди на него! Он такой же по виду, как и те, что я делаю тебе ежегодно. И каждый год ты мне говоришь, что они похожи один на другой, словно «близнецы-братья». А они очень и очень разные.

Будиани протянул через стол бумагу с изображением гороскопа. Берия повертел его в руках, снял пенсне, потом снова водрузил его на нос, а затем перебросил бумагу через стол обратно.

— Каждый раз одинаковая история,— ворчливо сказал он.— Я тебе говорю, дорогой мой колдун, что мне твоей письменной документации не требуется. Что я с ней делать стану? Не на Лубянке же хранить твои гороскопы!.. Ты мне давай устно и четко: чего ожидать, на что надеяться? И вообще, как там расположение твоих звездочек: благоприятное или не очень? Не думай, что я на сто процентов верю в твою чертовщину. И без нее буду действовать, как задумал. Однако я давно дал зарок: при прочих равных обстоятельствах с Богом и Дьяволом лучше не ссориться. Потому и с тобой якшаюсь, что ты их представитель. Во всяком случае,— хохотнул Берия,— с Дьяволом ты знаком несомненно.

— Правда твоя, Лаврентий,— поддержал игривую ворчливость тона своего собеседника Будиани.— Твоя правда! Ведь мы с тобою знакомы очень плотно. А в святые ты никак не годишься...

Берия как бы в задумчивости развел руками:

— И почему я тебя не расстрелял до сих пор, генацвале,— понять не могу. Столько дерзостей от тебя слышу. Разве мое долготерпение не равно святости?

Блестящие глаза Будиани заискрились еще сильней от предвкушения словесной игры. Такого рода перепалки с Берией были ему привычны.

— Лаврентий, ты, как всегда, подменяешь понятия. Своей терпеливости ты научился у Сталина, которого объявили Богом. Но если он и Бог, то очень странный. Что-то вроде идола языческого. Святости от него ждать — это все равно что надеяться на доброту змеи или вегетарианство тигра. И вообще, святость предполагает терпение, но терпение не порождает святых. Как тебе нравится такой афоризм?

— Ничего, сойдет,— благосклонно кивнул Берия.— А не боишься ли ты, генацвале, что я тебя с такими афоризмами представлю Сталину, попросив, чтобы ты повторил их ему в глаза? Что тогда, дорогой, что будет?

И Берия выразительно прищелкнул языком.

— Будет, Лаврентий, худо для нас обоих. И уж тогда попадем мы в святые на пару. Не за терпение — за мученичество. И знаешь, это даже звучит: «Лаврентий Великомученик!» Только вряд ли прельстит тебя этот титул. Так что повремени с нашим совместным визитом к Иосифу Виссарионовичу. Гораздо полезнее тебе встретиться с ним наедине.

И Будиани густо нажал голосом на последнее слово, прозвучавшее оттого особенно зловеще и выразительно. Берия так и вскинулся: стекла пенсне схлестнулись со взглядом отливающих чернью, гипнотизирующих глаз Будиани.

— На что намекаешь? — спросил Берия.

Будиани перегнулся через стол, резко надавил сигарету в пепельнице и перешел на шепот почти:

— Слушай, Лаврентий. Судьба твоя на большом переломе. Крест на пути твоем. Главного врага ты победишь и силу обретешь могучую. Но крест все же — знак недобрый. Поэтому подумай хорошо, прежде чем начнешь что-нибудь делать в течение года между двух летних месяцев. Июнь — июль — для тебя опасное время. Все остальные знаки в твою пользу. Победишь ты злую звезду, скрывающую твою планету сейчас. Вижу я, как тень уходит, и свет воссияет вскоре. Все хорошо, только крест падает на летние месяцы. И боюсь я за тебя.

— Может, не мой крест? — шепотно, как и Будиани, спросил Берия.

— Твой, Лаврентий, твой. Потому предостерегаю тебя. Не зарывайся слишком.

— А значение креста ты истолковал правильно? Вдруг это хороший признак, а?

Будиани покачал головой:

— Если б я не был твоим настоящим другом, я сказал бы тебе что-нибудь утешительное. Но я твой друг и говорю правду. Крест — опасный символ в твоем случае.

— И это неотвратимо?

— Как тебе сказать? — проговорил Будиани, вновь закуривая и выдержав паузу.— В старину считали, что предсказания звезд — все равно что приговоры трибуналов военного времени: окончательны и обжалованию не подлежат. Современная астрологическая мысль гораздо шире в этом плане. Помимо судьбы, есть человеческая воля, которая свободна во многих своих решениях. Поэтому астрологические знаки указывают не столько на неотвратимость, сколько на возможность, а реализуется она или нет — это зависит еще от многих факторов.

Фото Дмитрия Бальтерманца.

— Понятно,— задумчиво произнес Берия.— Но меня интересует одна деталь. Ты говоришь, что планету мою заслоняет злая звезда, но что она уйдет. Это будет раньше июня — июля, которых ты советуешь опасаться?

— Да, раньше.

— А крест уж потом?

— Крест потом,— подтвердил Будиани.

Стекла пенсне некоторое время буравили его встречный взгляд. Потом Берия резко встал:

— Что ж, генацвале! Спасибо за совет и, как говорится, за любовь и дружбу. Если повезет мне — ничего не забуду. В долгу не останусь. А не повезет — что ж! Как оно поется: «Эх, пить будем, плясать будем, а смерть придет — помирать будем!»

И Берия, с грацией, неожиданной для его располневшего тела, одетого в ниспадающий атласными складками халат, чуть пританцовывая, прошелся по комнате. «Астрологическая аудиенция» окончилась. Будиани распрощался. Берия остался один.

Он размышлял не слишком долго. Та выборочная способность человеческого ума, которая заставляет каждого толковать многозначность символов в однозначно полезном для себя смысле, быстро сделала свое дело. «Злая звезда» — это Сталин, и «злая звезда» должна уйти. Все остальное после этого нестрашно. Если он переиграет самого Сталина, найдется ли человек, способный победить его после такой победы? В конце концов, как правильно сказал Будиани, существует множество факторов, зависящих от человеческой воли и находчивости. А этими качествами судьба его не обделила. Вот он и должен, устранив Хозяина, сделать себя властелином будущего. Только себя и никого больше. Что же до креста, то после устранения Иосифа наверняка предстоит схватка с его оставшимися «братьями по оружию». Их придется ликвидировать. Так, может быть, тень креста падает именно на них — не на него? Может, именно он должен вбить этот самый крест в могилы сталинских лизоблюдов, которые все — как он знал — боятся его, но вряд ли вполне могут понять его высокое предназначение быть не одним из многих, не «сподвижником», не «учеником», а настоящим учителем народа! Для этой цели стоит рискнуть и бороться. Вся его жизнь была борьбой — так ему ли отступать перед символами, которые можно истолковывать и так, и этак? Будиани, конечно, хороший человек и друг настоящий, но именно из-за дружбы своей он может преувеличивать и ошибаться...

Берии довелось убедиться в своей правоте буквально через несколько недель. Было тридцать первое июля, когда ему сообщили, что профессор Будиани, находясь в Тбилиси, во время публичной лекции о гипнозе почувствовал себя плохо, потерял сознание и, несмотря на все усилия врачей, скончался от острого сердечного приступа. Честное слово, Берия едва не всплакнул! Все-таки Будиани был по-настоящему своим человеком...

Он тут же распорядился устроить торжественные похороны и сделать все, чтобы увековечить память покойного хотя бы в пределах родной Грузии: соорудили соответствующий памятник над могилой, переименовали одну улицу в его честь, издали сборник медицинских статей о проблемах психологии. Но про себя Берия с удовлетворением отметил, что Будиани умер в последний день июля — одного из тех месяцев, которые объявил опасными для него — Берии. А себя-то и проморгал, бедный астролог! Вот так и бывает в жизни: нет пророка в своем отечестве, нет познания самого себя; если кто-то и знает о тайнах судьбы больше других людей, все же тайны ее до конца известны одному Всевышнему. Если он существует, разумеется...

И Берия твердо решил, что он должен действовать, сообразуясь лишь с собственными планами уничтожения «злой звезды». Если исходить из предсказаний покойного Будиани, это должно было случиться очень скоро. А там — будь что будет!

М. МОГИЛЯНСКИЙ

КРУШЕНИЕ «СВЯТОГО НИКОЛАЯ»

ИЗ ИСТОРИИ РУССКИХ В КАНАДЕ

Начало 19-го века было, пожалуй, одним из самых буйных и судьбоносных периодов в многовековой истории народов Европы. России пришлось тогда одновременно воевать и с Персией, и с Турцией, и с Францией, и со Швецией. Сколько русской крови проливалось тогда в одних только сражениях с многонациональными армиями Наполеона Бонапарта!

Все эти события, конечно, полностью отвлекли в те годы внимание русских людей, русского правительства от далекого, дикого заморского края, носившего, однако, громкое название Русской Америки. Вот почему единственный материал, который мы смогли обнаружить в русских источниках для написания нижеследующего рассказа, был найден нами не в книгах, посвященных русской Аляске, а в изданном в Санкт-Петербурге в 1853 году многотомном труде В. М. Головина, называемом «Описания примечательных кораблекрушений».

Генерал Вульф вступает в бой с французами в городе Квебеке 13-го сентября 1759 г.

Каное из коры и выдолбленные из дерева (большие вмещали до двадцати человек)

Карта сев… сти бассейна Тихого океана (по русской карте 1861 года).

Приступим, однако, к нашему рассказу. Осенью 1808 года из столицы Русской Америки — города Новоархангельска — вышел в море небольшой русский парусник — бриг «Св. Николай». Его молодому капитану — офицеру императорского военного флота Николаю Булыгину — было поручено спуститься на юг вдоль побережья Аляски и Канады до устья реки Колумбия, берущей свое начало в канадских Скалистых горах, и подыскать там подходящее место на берегу океана для постройки в будущем флота. Одновременно капитан Булыгин должен был вступить в контакт с индейцами для закупки у них пушнины. С ним, помимо его юной 18-летней жены Анны Петровны и 20 человек команды, отправился и всеми уважаемый старожил Русской Америки, соратник правителя Александра Баранова — Тимофей Тараканов. Он, между прочим, был одним из очень немногих русских, уцелевших после нападения в 1799 году воинственных индейцев из племени тлингитов на Новоархангельск, бывший тогда только небольшим, слабо укрепленным фортом.

Вначале все шло очень хорошо. Бриг «Св. Николай», используя хорошую погоду, часто подходил вплотную к берегу и бросал якорь в тех местах, где между прибрежных скал можно было заметить ярко раскрашенные, высоченные тотемы индейского становища. Между прочим, эти искусственно вырезанные из ствола дерева тотемы встречаются только у индейцев, живущих на Тихоокеанском побережье Северной Америки (главным образом в Канаде и на Аляске), и у племени маори в Новой Зеландии. Как только с борта русского парусника давался холостой пушечный выстрел, к нему устремлялись десятки индейских пирог, груженых пушниной, и начинался торг. Так как многие индейцы имели при себе огнестрельное оружие, капитан Булыгин, по совету знавшего, на что они способны, Тараканова, не пускал на борт больше трех человек одновременно. Жена капитана, Анна Петровна, с большим любопытством, но и страхом рассматривала этих угрожающего вида полуголых «краснокожих», а они в свою очередь с большим удивлением смотрели на «бледнолицую», с белокурой косой, женщину, не виданную ими до сего времени. Пользуясь попутными ветрами, капитан Булыгин, отойдя от побережья, побывал даже на канадских островах королевы Шарлотты, а затем прошел вдоль всего огромного острова Ванкувера на юг до пролива Хуан де Фука, отделяющего его от материка. И вот именно здесь, в этом предательском, часто покрытом туманами проливе, маленький бриг «Св. Николай» настигла большая беда. Сильные течения и штормовой ветер с моря втянули русское судно в пролив и выбросили его на прибрежные камни. Когда все добрались до берега, то Тараканов первым долгом роздал всем оружие, сказав, что «попасть в плен к индейцам в сто раз хуже, чем смерть». Укажем в связи с этим, что в отличие от индейских племен всего остального Североамериканского континента, индейцы, жившие на его Тихоокеанском побережье, делились на три сословия: аристократию, рядовых людей и рабов. Последние состояли из захваченных у других племен пленных и их потомков и были лишены каких-либо прав. С ними обращались хуже, чем с домашними животными, перепродавали, приносили в жертву богам, подвергали пыткам для развлечения гостей.

Но, несмотря на все принятые русскими предосторожности, они все же не смогли избежать плена и рабства. Рассказывать о всех их мытарствах, мучениях от руки обративших их в своих рабов индейцев тяжело даже и сейчас, спустя столько лет после этого происшествия. Скажем только, что часть из них, вместе с капитаном Булыгиным, или погибла во время стычек с индейцами, или умерла, не выдержав жестокого обращения с ними рабовладельцев. Бедная же Анна Петровна, которую один из индейских вождей сделал своей наложницей, а потом продал в рабство другому, покончила жизнь самоубийством. Обо всем этом стало известно, когда американские моряки, привлеченные летом 1810 года к берегу воздушным змеем, который смастерил для этой цели Тараканов, выкупили его и еще нескольких оставшихся в живых русских моряков у их хозяев-индейцев племени макас и доставили назад в Новоархангельск.

Судя по всем имеющимся данным, юная Анна Петровна Булыгина была первой русской женщиной, появившейся у берегов Канады 160 лет тому назад. Более того, как утверждает американский историк Гектор Шевиньи, написавший три очень интересные книги о Русской Америке и ее замечательных людях, Анна Петровна была вообще первой белой женщиной, ступившей на берег Нового Альбиона. Под этим названием понимался тогда весь тихоокеанский берег Северной Америки, лежавший между Аляской и Калифорнией и служащий сейчас границей для большой канадской провинции Британская Колумбия и американского штата Вашингтон.

Но если о первой русской женщине, попавшей в Канаду, сохранились хоть и полные трагизма, но точные известия, то о первых мужчинах русского происхождения, попавших в страну, нет никаких определенных сведений. Есть, однако, основания утверждать, что русские промышленники, моряки и просто искатели приключений стали попадать в Канаду уже в первые годы 19-го столетия, особенно после того, как сравнительно недалеко от Канады, на большом острове, который носит теперь его имя, Баранов начал строить столицу Русской Америки в 1804 году. Проникновению русских в западную Канаду способствовали также хорошие отношения, которые установились между правителем Русской Америки и главой огромной, уже тогда известной на весь мир компании Гудзонова залива сэром Джорджем Симпсоном. Эти русско-канадские отношения поддерживались и укреплялись до самого 1867 года, когда Русская Америка, которой столько бравых, самоотверженных русских людей отдало свои силы, превратилась в американскую территорию Аляска. Большой русский патриот М. Ломоносов, вероятно, перевернулся от этого в гробу. Ведь именно он, еще в середине 18-го века, с уверенностью писал в поэме «Петр Великий»:

«...Коломбы Росские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на Восток,
И наша достигнет в Америку держава».

Сразу после перехода Аляски в американские руки они не послали туда гражданские власти, а создали там военно-оккупационный режим, что заставило даже тех русских пионеров, которые думали там остаться, покинуть этот край и вернуться в Россию или переселиться в западную Канаду, откуда некоторые отправились дальше на юг, в Соединенные Штаты. О том, сколько русских осело тогда в Канаде, также не сохранилось никаких сведений. Сейчас же установить это почти невозможно. Некоторые из этих переселенцев, как я случайно установил, даже не помнят больше о своем русском происхождении. В прошлом году я разговорился в городе Принс Руперт, лежащем на границе с Аляской, с одним молодым канадцем явно славянского происхождения (круглое лицо, курносый, русые волосы) по фамилии Макаров. На мой вопрос, когда и откуда приехали в Канаду его предки, он ответил, что они, видимо, шотландского происхождения и приехали в Британскую Колумбию очень давно, кажется, с севера. Фамилию же свою он, оказывается, пишет так: МакАрров и произносит ее «мэкэрроу»!

Известный франко-канадский антрополог, знаток культурных традиций индейских племен Канады профессор Мариус Барбо писал и рассказывал автору этой статьи, что, изучая обычаи и культуру индейцев на западе страны, он обнаружил явные следы русского влияния.

Например, некоторые рисованные на дереве или коже изображения напоминают по стилю русскую иконопись, а на старых тотемах можно иногда обнаружить сказочные существа, головы которых, окруженные нимбом, похожи на лики святых на русских иконах. Проф. Барбо считает также, что выделывать кустарным способом изделия из серебра с чернью канадские индейцы научились у русских.

Все это говорит за то, что русские уже давно и в немалом числе появились в западной Канаде. Однако многие из них, живя разрозненно, не имея возможности из-за огромных расстояний общаться друг с другом, успели ассимилироваться еще до появления в западной Канаде новых русских переселенцев в самом конце 19-го века. Эти очень странные русские люди прибыли, однако, большой группой, которая держалась совершенно обособленно от всех остальных канадцев, в том числе и людей русского происхождения. И приехала она не с запада, а с востока, и не на свои средства, а на деньги, предоставленные им Львом Толстым. Речь идет, конечно, о членах секты духоборов. Как известно, эта секта раскололась затем на две части: умеренных, к которым принадлежит примерно 90 процентов членов секты, и экстремистов, число которых достигает около двух с половиной тысяч человек. Так как о духоборах много пишется и говорится, особенно об экстремистах, называющих себя «Сынами свободы», я ограничусь лишь очень кратким изложением личных впечатлений, вынесенных от недавнего посещения районов западной Канады, населенных членами этой секты. Умеренные духоборы ведут сейчас жизнь, мало отличающуюся от жизни хлеборобов Канады различного национального происхождения. Это очень простые, трудолюбивые люди, сохранившие и свою русскую деревенскую речь, одежду, обычаи. Что же касается их религиозных верований, то они представляют собой полнейший сумбур: народные поверья, искаженные библейские сказания, перевранные цитаты из Евангелия, отрывки из православных молитв и песнопений вперемешку с народными песнями и т. п. Например, на похоронах одной старушки-духоборки в Британской Колумбии мне пришлось услышать хоровое пение старой русской песни «Спите орлы боевые...»! Объяснить — мягко выражаясь — такие странности можно только тем, что все духоборы, за исключением некоторых из молодого поколения, получивших хорошее канадское образование, весьма малограмотные люди, которые к тому же считают грехом читать какие-либо книги, включая священные. Иными словами, все должно держаться в памяти и передаваться устно из поколения в поколение. Все вышеуказанное доведено до совершенно фантастических размеров у так называемых «Сынов свободы». Последние представляют собой наиболее отсталую часть секты, полностью находящуюся во власти у нескольких ловких руководителей, обогащающихся за их счет. Сообщения о голых парадах, о взрывах и поджогах, устраивавшихся «Сынами свободы» с целью повлиять на канадские власти, облетели весь мир несколько лет тому назад. Ни в одной стране мира не встретишь, пожалуй, такого количества религиозных сект, как в Канаде. При этом некоторые из них, как, например, немецкие меннониты и австрийские гуттериты, переселились сюда из России, где они до революции 1917 года прожили многие годы. Всех их Канада привлекла полной свободой религиозного вероисповедания, отсутствием воинской повинности и даровыми плодородными землями. Например, духоборы, которых в России преследовали за отказ служить в армии, получили письменное заверение канадского правительства в том, что их здесь никогда не заставят носить оружие. Однако, когда в Оттаве велись сыном Толстого переговоры о переезде в Канаду духоборов, здесь еще не было и всеобщего обязательного школьного обучения. Когда же оно было введено, то многие сектанты забеспокоились, и в первую очередь духоборы, смотревшие на всякое образование как на большой вред, как на сатанинские козни и т. п. Более умеренные из них все же смирились и стали посылать своих детей в школы, экстремисты же, называющие себя «Сынами свободы» и находящиеся на самом деле полностью в руках у своих руководителей, начали протестовать самыми невероятными способами, упомянутыми выше. Относительное спокойствие наступило на западе Канады только тогда, когда целый ряд «Сынов свободы» были отданы под суд и лишились свободы в полном смысле этого слова. Только, к сожалению, подстрекавшие их «духовные» вожди остались безнаказанными и живут себе припеваючи в Южной Америке, где на средства рядовых «сынов» они приобрели уже много ценного недвижимого имущества.

Сказанное о духоборах-экстремистах, которых одна англо-канадская писательница (опубликовавшая о них целую книгу) называет своеобразной мафией, является, пожалуй, единственным печальным эпизодом во всей истории русских в Канаде.

Для большинства из них эта история начинается только в 20-м столетии, когда сюда хлынули три большие волны: первая в самом начале века, еще до 1-й мировой войны, вторая в 20-е годы и третья волна после 2-й мировой войны. Все эти русские люди (и их родившиеся здесь дети) общим числом примерно в 130.000 человек нашли себе место под канадским небом. В отличие от тех русских людей, которые пошли в Канаду в 19-м веке с запада и о которых мы упомянули вначале, переселенцы из России, прибывавшие сюда с востока, не теряли связи между собой, благодаря чему многие из них сохранили до сих пор русские традиции и язык.

С начала 20-го века по всей Канаде стали открываться православные приходы, создаваться общественные, культурно-просветительные организации, а позднее и школы, театральные труппы, хоровые и музыкальные ансамбли, выпускаться газеты и журналы. Большую роль во всем этом, особенно в сельской местности, играли всегда православные приходы, бывшие иногда единственными центрами русской религиозной и общественной жизни для целого района. Из среды канадцев русского происхождения вышло много видных деятелей: дипломатов, ученых, художников, инженеров, врачей, адвокатов, журналистов, артистов...

Автору этих строк пришлось совсем недавно совершить огромное путешествие по Канаде с группой советских ученых и специалистов, которые знакомились с крупнейшими стройками, заводами, гидростанциями, учебными заведениями. И почти всюду мы встречали на ответственных постах канадцев русского происхождения, несмотря на то что, по сравнению с другими этническими группами в Канаде, русские по численности стоят на одном из последних мест.

В заключение хочется отметить, что Канадское Государство, как мы его знаем сегодня, выросло и развивалось не без помощи русских людей, которые добровольно или вследствие сложившихся обстоятельств осели и построили тут себе новую жизнь. И можно с уверенностью добавить, что и в дальнейшем русские в Канаде будут, как и в прошлом, привносить свой вклад в духовную, интеллектуальную, культурную и экономическую жизнь своей новой Родины — Канады.

1968 год

■

ЕЛЕНА КАМЕНЦЕВА,
доктор исторических наук

Летом 1942 года Владислав Крекентьевич Лукомский был зачислен в штат кафедры вспомогательных дисциплин Историко-архивного института. К этому времени относится и мое знакомство с ним. Мы, молодежь, увы, тогда не очень ценили Лукомского, считая его чудаком, даже чуждым нам, и отчасти немного виноватым в гибели ценнейшей коллекции геральдических памятников, которую он собирал всю жизнь.

На сложных путях к XIX веку древний дворянский полулитовский-полурусский род Лукомского потерял и имения и капитал. Его предки — отец, дед, прадед и прапрадед обеспечивали свое существование только трудом. И потомок их сохранил в полной неприкосновенности лишь гордость своим родом и чувство достоинства. У профессора геральдики имелась книжка небольшого формата в красном сафьяновом переплете с золотым тиснением. На обложке в середине помещался экслибрис Лукомского, а на втором листе значилась надпись: «Хроника моей жизни» — Владислав Крекентьевич вел записи об основных событиях. И теперь «Хроника» позволяет узнать о нем намного больше, чем дают возможность публикации Лукомского по геральдике и генеалогии — раскрыть человека педантичного и чиновного, но безусловно уважаемого.

Пропустим записи о его рождении в Калуге, о первоначальном образовании, отметив, что интерес к геральдике был предопределен еще в детстве. После окончания юридического факультета университета в Петербурге (первые два курса он учился в Москве) приказом герольдмейстера Сената В. К. был «допущен к занятиям в канцелярии департамента Герольдии», а с 1906 года там началась и его служба. Вступив в должность помощника обер-секретаря, он через восемь лет стал управляющим гербовым отделением Правительствующего Сената. Чувствуя недостаточность своих познаний в столь специальной отрасли знаний, с осени 1907 года Лукомский поступает слушателем в Петербургский археологический институт.

Вскоре начинается активная научно-общественная жизнь. Он участвует в археологических съездах в Костроме и Новгороде, публикует научные работы по геральдике, постоянно сотрудничая в журналах «Старые годы», «Гербовед» и др., редактирует отделы родословий и гербоведения в «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, где дает ряд статей по вспомогательным историческим дисциплинам. Постепенно складывается коллекция гербов — печатей, фарфоровой посуды, пуговиц, книг с гербовыми экслибрисами. В 1911 году в Новгороде, на развале ярмарочного базара в лотке со всяким хламом, Лукомским была обнаружена подлинная, резанная на молочном агате печать арапа Петра I — Абрама Петровича Ганнибала. С этой ценнейшей находкой он не расставался до последних своих дней (теперешняя ее судьба не ясна).

Приходит известность. Лукомского избирают действительным членом архивных комиссий в Петербурге, Москве, Костроме, Витебске, Туле. С 1912 года начинается его преподавательская деятельность в Петербургском археологическом институте. Запись в «Хронике»: *«приглашен к чтению лекций по курсу общей и русской геральдики».*

В 1915 году — *«Назначен управляющим Гербовым отделением департамента Герольдии Правительствующего Сената».*

В 1917 году — новые дела и заботы: *«Февраля 27 (понедельник) — последний день в старом Сенате». «Марта 18 — избран учредителем и действительным членом Союза Российских архивных деятелей». «Апреля 20 — избран председателем Союза членов Петроградского археологического института, организованного в тот же день». «Мая 15 — октябрь. Состоял членом Ликвидационной комиссии по делам царства Польского». «Лето — в Царском селе на добровольной работе в дворцовых музеях». «Июль 23—1918 — состоял членом Союза деятелей искусства».* И наконец,— *«ноября 22... на последнем заседании III департамента (герольдии) Правительствующего Сената».*

Записи этого периода завершаются так: *«Ноября 27 (понедельник) — «Сенат (как и Синод) закрыт навсегда».* (Объявление на входных дверях Сената)».

Новое направление работы ученого можно назвать охранительным — участие во многих комиссиях по охране дворцов и музеев, организация выставок.

«С конца 1917 г.,— записывает В. К.,— начал работу по инвентаризации, описанию имущества личных аппартаментов Николая II (особенно подробно определял фотопортреты, альбомы, рукописные материалы и книги библиотек Павла I, Александра I, Николая I, Александра II и Николая II)».

И, наконец, запись декабря 21—22 о возобновлении занятий в Гербовом отделении — «открытие Гербового отделения». *«Апреля 12 (30 марта ст. ст.) 1918 года постановлением народного комиссара юстиции оставлен управляющим Гербовым отделением, преобразованным для научной деятельности в Гербовый музей, к которому присоединен архив бывшего департамента Герольдии Сената». «Февраля 8 — получил ученый паек, установленный Комиссией содействия улучшения быта ученых, спасший от голодной смерти».*

Были и более радостные события. В конце сентября 1920 года *«Советом Археологического института совместно с представителями 12-ти высших учебных учреждений и организаций избран профессором по кафедре геральдики и генеалогии, в коем звании и утвержден Г. У. С.».* В эти же годы определились и два направления дальнейшей научной работы. Первое — собирание материалов о неутвержденных гербах, бытовавших в России с XVII до начала XX века, гербовая экспертиза музейных библиотечных и архивных материалов. В 1922 году весь собранный к тому времени материал (около 2000 гербов) был перерисован на кальку в двух экземплярах. Один из них пропал в блокадном Ленинграде. Другой был передан Н. А. Типольту и увезен им в Париж (судьба парижских кáлек в настоящее время неизвестна).

Не менее актуальной стала и работа по гербовой экспертизе. После 1917 года в государственные хранилища поступили ценнейшие частные собрания. Требовалось тщательно их паспортизировать. И Лукомский осуществил экспертизу всех предметов с гербовыми эмблемами, хранившихся в Московской Оружейной палате, коллекцию оттисков печатей из Академии художеств, матрицы печатей в собрании Русского музея, определил владельцев книжных собраний по гербовым переплетам и экслибрисам Исторической публичной библиотеки, библиотеки Академии наук, книжного фонда в Ленинграде.

Время шло. Он отмечал, что никогда ранее не работал столь результативно. В «Хронике» записано: 1932 год. *«Ноября 6 — награжден почетным званием ударника 4-го года Первой пятилетки за качество работы и ударные темпы».* 1935 год. *«Января 1 — награжден почетным званием ударника за проявленную преданность делу и энтузиазм в работе».* Но тут же читаем и другое. 1928 год.— *«Ноября 30 — по распоряжению нового начальства... сняты в Гербовом музее все орлы, портреты и иконы, и тем искажен весь интерьер музея с его характерным бытовым обликом».* Весной того же года В. К. организовал в Гербовом музее отдел памятников материальной культуры с гербами феодальных родов Западной Европы и России.

1937 год —*«Марта ночь с 23 на 24 подвергся домашнему обыску в течение пяти часов. Арестован и заключен в камеру Военной тюрьмы на Выборгской стороне, в 2 часа дня освобожден без последствий».*

Война застала Лукомского за разборкой и подготовкой к сдаче в Государственный архив своего архива, коллекций и библиотеки. Осенью и зимой 1942 года работа была в основном закончена. Но... обратимся вновь к его записям в «Хронике»: *«Января 30 — в связи с блокадой Ленинграда, приведшей к разрушению домового хозяйства (отсутствие света, водопровода, канализации), оставил свою квартиру и пошел на казарменное положение в Архивный отдел УНКВД, став с этого для бездомным скитальцем». «Февраля 7 (ночью) — Пожар в доме, начавшийся с моей квартиры и погубивший все дотла».*

В 1944 году В. К. составил записку об истории своего собрания и его составе. Заканчивая ее, он писал: *«На фоне переживаемых грозных событий и тех грандиозных разрушений и лишений, которые несет моя Родина, личное, свое, становится гораздо мельче. Жаль одного, что все то, что удалось собрать, сохранить и приготовить к дальнейшему использованию с таким искренним и горячим чувством, погибло навсегда для любимых мною науки и Родины».*

Чтобы советская историческая геральдика (я не имею здесь в виду современной нашей государственной геральдики как советской эмблематики) развивалась, необходимо следующее.

Во-первых, опубликование первоисточников русской геральдики. Общее количество русских гербов, бытовавших среди феодального и буржуазного классов России, далеко не так значительно, как в странах Западной Европы. Цифра их составляется из:

а) гербов феодальных родов, официально зарегистрированных в так именуемом «Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи» (20 частей по 150 гербов в каждой и 60 гербов, утвержденных при Временном правительстве в 1917 г.);

б) гербов, жалованных российскими императорами в дипломах XVIII—XX вв. (до 1917 г.), не вошедших в общий гербовник — немногим более 1500 гербов, а всего официально утвержденных гербов — 4679;

в) национальных гербов Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии за время зависимости Польши от России и прибалтийских стран от Швеции и учтенных гербовниками этих стран в количестве около 2000;

г) гербов самобытных, т. е. гербов, созданных бытом феодальных родов, как русских родов, так и народов, населяющих СССР — украинских, белорусских, кавказских и других, учтенных в свое время кропотливой работой отдельных геральдистов,— около 2500.

Из этого числа 10 000 гербов, бытовавших в России, доступна в настоящее время исследователю геральдики только одна треть:

1) 1500 гербов, изданных в 10 частях «Общего гербовника» в 1799—1840 гг.;

2) около 1500, опубликованных в «Гербовнике Царства Польского» (2 части из 8) и в гербовниках Прибалтийского края и Финляндии.

Все остальное, хотя учтено официальными источниками, но хранится в уникальном рукописном виде в наших государственных архивах, или, хотя было учтено научной работой геральдистов уже в советское время, но погибло в период блокады Ленинграда в 1942 г. и требует восстановления заново.

Вот эти-то две трети гербов, т. е около 6000 недоступных сейчас историку-геральдисту, подлежат сбору и пуску их в научный оборот, хотя бы небольшими раздельными, но систематизированными сериями.

ВЛАДИСЛАВ ЛУКОМСКИЙ

Типы иностранных гербов: французский итальянский португальский английский немецкий

Приступая к определению исследуемого герба, прежде всего необходимо установить следующие три характерные для него признака: 1) национальность, 2) «достоинство», т. е. ранг или титул, 3) время, к которому относится композиция герба.

I. Следует начинать с установления национальности герба, имея в виду здесь принадлежность гербовладельца к той или другой народности, ярко выразившей свое общее миросозерцание, развитие художественных вкусов и сложившихся бытовых особенностей, отразившихся, так или иначе, на всех внешних проявлениях жизни.

Так, для гербов французских родов особенно типично: прежде всего, чрезвычайная простота изображений, помещенных в щите,— по большей части в виде простейших так называемых «геральдических» фигур (глава, пояс, столб, перевязи, стропило), иногда с положенными на них простейшего же вида предметами (звезды, полумесяц, кресты, кружки, лилии и розы), что свидетельствовало о происхождении от древнейшего рыцарского дворянства, и, наряду с этим, пышность окружения щита картушем стиля барокко, рококо или рокайль, богато изукрашенными всякими деталями. Для тех же французских гербов характерны: преобладание однопольных и прямоугольных, с небольшим заострением книзу, щитов перед многопольными; употребление «brisures» — особых отличий, главным образом отмечавших внебрачные линии рода; использование в гербах, по преимуществу, однообразных видов животных (лев, орел) и предметов реального мира; наконец, обычное отсутствие шлемов и нашлемников, но крайне выпяченное употребление корон, непосредственно возлагаемых на щит или венчающих картуш герба...

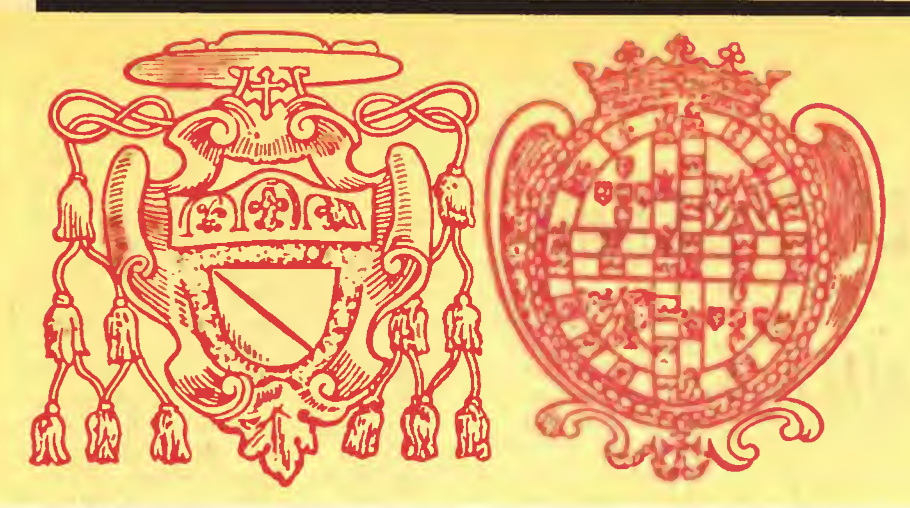
В гербах родов Испании и Португалии особенно типичны окаймления щита, состоящие обычно из перемежающихся цветных отрезков или с наложенными на эти каймы повторенными несколько раз фигурами: часты в гербах изображения звезд, полумесяцев, котлов, раковин и самых причудливых форм крестов, как знаки воспоминаний о крестовых походах.

Отличием в английских гербах служит, прежде всего, форма щитов — с выступающими верхними углами, иногда же круглых, охваченных ремнем с пряжкой (наподобие ордена Подвязки), на котором помещается девиз. В отличие от французских гербов, с которыми они сходны по изображенным в щите простым фигурам, английские гербы чаще многопольны, так как соединяют в себе, кроме родового герба, также и гербы родственных, угасших фамилий, или гербы восходящих предков гербовладельца по женским линиям...

Немецким гербам свойственны: вычурные формы щита; помещение над ними не одного, но двух и нескольких шлемов с утрированным развитием решетин; чрезвычайное разнообразие нашлемников и, притом, самых фантастических видов, невероятное развитие намета, превращающегося из плаща, которым прикрывал воин свои латы, в затейливейший орнаментальный рисунок, в основе своей имевший акант или другие листовидные формы растений...

Геральдике славянских народов и, в особенности, польской ее ветви, ставшей главенствующей и оказавшей влияние на развитие гербов в соседних странах — Литве, Белоруссии и Украине, чужды были те формы рыцарского быта, которые создали западно-европейскую геральдику. Здесь реальным содержанием гербов стали знаки собственности, сначала — личные, потом — родовые, состоявшие иногда из простых, иногда из замысловатых комбинаций черточек, давших повод видеть в них заимствование рунических знаков, которые непосредственно появились в военном (на

знаменах и значках), юридическом (на печатях) и домашнем быту всех классов, но удержались впоследствии лишь в среде господствовавшего класса, использовавшего эти знаки как основу для преобразования и оформления их в духе общеевропейской геральдики... Тот же генезис гербов был и у русской геральдики раннего ее периода XII—XVI вв., не давшей, однако, своего развития. Гербы русских родов появляются вновь лишь с XVI в., притом чаще всего по готовым образцам польских гербов, заимствованным, по преданиям, из Литвы и Польши...

Своеобразную группу русских гербов представляют собой гербы родов, «происходящих от Рюрика», т. е. составляющих группу объединенных общим происхождением потомков князей XII—XV вв., сидевших на своих уделах, «знамена» которых, принятые в государственные печати XVI—XVII вв., стали в XVIII в. их отличным признаком. Для этой группы гербов типичны покрытые княжеской шапкой и мантией щиты с гербами, составляющими так называемые «титульные» гербы, отчасти совпадавшие с гербами некоторых стольных, позднее губернских городов (Киева, Чернигова, Смоленска, Ярославля, Ростова). Таковы гербы князей Одоевских, Горчаковых, Борятинских, Волконских, Вяземских, Лобановых и других. Таких гербов до 50-ти.

Другую серию представляют собой гербы жалованные. В гербах родов, возводимых в почетные титулы — княжеский, графский и баронский — помещался российский двуглавый орел, иногда весь — в том или другом поле щита, иногда частью — как бы вылетающий из «главы» щита или в виде нашлемника...

Потомство «выезжих» родов из Литвы, Польши, Пруссии, Цесарии (Германии), Франции, Италии и т. д. использовало в своих гербах: или гербы, бывшие у их родоначальников (особенно это применимо к литовско-польским родам), или какие-либо памятные эмблемы, которые усваивались всем потомством иммигранта, хотя бы и носившим в отдельных ветвях разные фамилии, например, в потомстве Гланды Камбилы (в щите — два «лапчатых» креста, один под другим, и сверху их корона), у Шереметевых, Колычковых, Яковлевых, Боборыкиных и еще пяти родов; в потомстве Радши (в щите — орел, рука с мечом и корона), у десяти фамилий и, в их числе, у Пушкиных и т. д.

В общем, русским гербам свойственна эклектика всех характерных разновидностей западно-европейских гербов: в XVII в. — почти все они заимствованы с литовско-польских гербов; в XVIII в. носят явный характер композиций в духе французской геральдики — наличие геральдических фигур, простота эмблем и стиль их расположения; в XIX в., особенно во второй половине его, сильное влияние немецкой геральдики времени ее упадка — сухость схоластичной эмблематики, нагромождение фигур, отсутствие выдержанного стиля и гармоничной тональности в общей композиции...

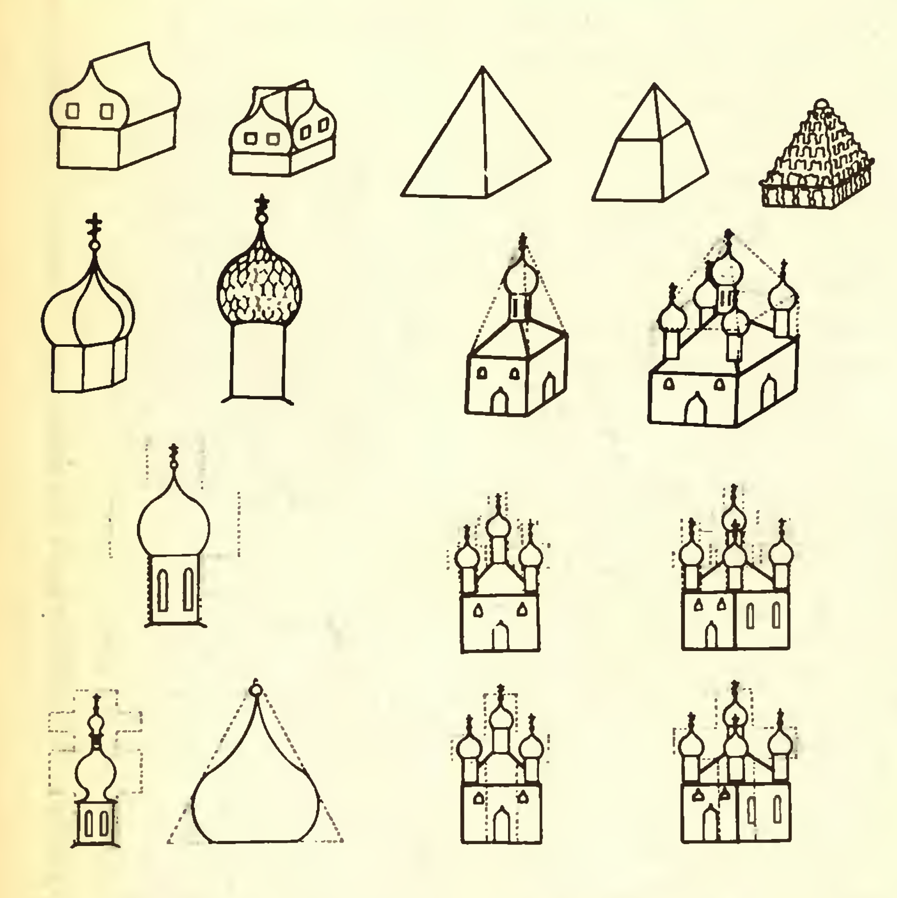
II. Следующий признак, облегчающий распознавание герба,— его ранг или титул. Выше уже было указано на один из элементов герба, служащих этой цели,— корону. В разных странах и в разные времена короны служили отличиями для различия высших и низших степеней того же класса феодалов. Так, для суверенов и членов их династий — принцев и герцогов — устанавливаются короны в виде золотого, богато украшенного драгоценными камнями обода с исходящими от него пятью дугами, скрепленными вверху и увенчанными державой и крестом; для князей — шапка с горностаевым околышем, охваченным тремя дугами, также с державой; для графов — золотой обод с исходящими вверх девятью жемчужинами; у баронов — обод с семью жемчужинами или обод, трижды перевитый жемчужной нитью, и, наконец, у дворян — обод с пятью жемчужинами или, обычно принятый вид, с двумя жемчужинами между тремя выступающими из того же обода трилистниками; для маркизов — обод с тремя трилистниками и между ними по три жемчужины, и у герцогов (не принцев по крови) — обод с пятью однородными трилистниками.

III. Последним показателем, способствующим установлению всех качественных признаков герба, является датировка его происхождения на основе анализа его общей композиции и стиля. Для этого следует учесть: и вид шлема и короны, и форму щита, и характер более ранних — стилизованных или поздних,— трактуемых более натуралистично изображений и, особенно, надо обращать внимание на стиль картуша или намета, окружающих герб. Последние характернее всего. В частности, для польских гербов типично нередкое отсутствие и того и другого; для русских гербов известны за два столетия девять типичных наметов, принятых в рисунках официальных гербов и дающих возможность определить датировку их почти безошибочно по десятилетиям.

СЕРГЕЙ МЕРЖАНОВ,
архитектор

«И построил церковь чюдну вельми...»

Тысяча лет и три года минуло с той поры, когда Русь приняла христианство, и едва ли найдется такой период в ее истории, чтобы не строился здесь новый храм. Сегодня, увы, само сочетание этих слов — строительство храма — воспринимается как метафора, как символ ушедшей эпохи.

Если же говорить о профессиональной стороне дела, то приходится констатировать, что с 1917 года понятие культового зодчества в нашей стране потеряло всякий смысл как раздел архитектуры. За прошедшие семь десятилетий на громадной территории СССР не построено практически ни одного церковного здания.

Исключений, пожалуй, лишь два. Первое состояло в том, что иногда, в особых случаях разрешалось открывать молельные дома, но обязательно при отсутствии над ними куполов.

Второе заключается в том, что порой реставраторам удавалось вернуть к жизни памятник церковной архитектуры, буквально собирая его заново, по камню. Формально это можно назвать «возведением культового здания», но только формально, ибо это «возведение» проходило по графе «реконструкция», «реставрация», «возрождение культурных ценностей» и так далее. А главное, никогда, ни при каких условиях не разрешалось вернуть восстановленному храму присущие ему изначально функции.

Итак, «культовой архитектуры» — в качестве особого раздела, имевшего глубокие исторические корни и вековые традиции — в нашей стране недавних лет уже не существовало. Но время шло. Сталинское «оледенение» сменилось хрущевской «оттепелью». Что же касается культовой архитектуры и религии в целом, то для нее, казалось бы, ничего не изменилось. Возможно, положение даже ухудшилось, поскольку новый лидер пообещал показать тогдашнему поколению советских людей «последнего попа». Однако та же «оттепель» позволила основательно демонтировать окружавший страну «железный занавес», в результате чего все больше и больше людей получило возможность выезжать за границу. Художники, архитекторы, дизайнеры знакомились там с древними храмами, памятниками архитектуры и искусства, с современными тенденциями строительства и оформления. Естественно, интерес вызывала и новейшая культовая архитектура.

Еще одно следствие хрущевской «оттепели» — сборники, посвященные проблемам строительства за рубежом, в которых порой «проскакивали» церкви, соборы, капеллы, возведенные в 30—50-е годы по проектам крупнейших архитекторов. Но приблизительно в то время, когда прозвучало уже цитируемое обещание по поводу «последнего попа», наступила новая волна «замалчивания» культовой архитектуры. Это, кстати, совпало с осуществлением грандиозной перепланировки многих городов, где вместе с кварталами исторической застройки, с памятниками гражданской и промышленной архитектуры было уничтожено немало церквей и часовен. Только теперь их ломали не с комсомольскими песнопениями, как в 30-е годы, а тихо, без излишней рекламы, порой по ночам.

Однако у зодчих, которые успели-таки познакомиться с новинками западной архитектуры, творческое мышление получило серьезный импульс. Правда, без всякой надежды на реализацию. Да, нельзя было забыть Кафедральный собор Оскара Нимейера в городе Бразилиа, где тонкие железобетонные опоры подобно языкам пламени устремлялись в небо. Или собор Святой Марии, построенный Кендзо Тэнге в Токио,— его тонкостенные оболочки по головокружительным математическим кривым соединяются вверху, образуя световой проем в виде креста. А в капелле в Роншане Ле Корбюзье воплотил столько авангардных идей, что она по праву считается поворотным пунктом во всей архитектуре XX века.

Однажды, еще студентом Московского архитектурного института, я оказался в небольшом польском городке Сохачеве. Наш автомобиль остановился в самом центре, и первое, что я увидел, выходя из машины, был устремленный ввысь «модернистский» костел, удивительно удачно гармонирующий с окружающей его старой застройкой. Но мысль моя была не о католицизме, а о древней русской архитектуре. Действительно, подобная динамическая композиция всегда была присуща нашим лучшим церковным зданиям. Была... И мне, гражданину Страны Советов, в тот момент было искренне жаль, что интереснейшие находки зарубежных коллег, продолжающих и развивающих зодческие традиции своих предков, не могут найти применение в моей стране.

Несколько оптимистичнее смотрели на эту проблему другие представители моего поколения, студенты начала и середины семидесятых, когда буквально за несколько лет сумели покорить архитектурный мир, став победителями многих престижных конкурсов в Японии, Нидерландах, Франции. Творчество представителей этой волны, названной «концептуальным» или «бумажным» проектированием, питалось из самых различных источников, среди которых, конечно же, была и культовая архитектура. Так, если в проекте М. Белова, который он назвал «Рынок информации, или Святилище 11 оракулов», можно уловить лишь мимолетное, формальное сходство с композицией многоглавого храма, то в «Реперном кресте для «Космогонии», предложенном В. Тюриным и А. Крупиным, имеется вполне определенная образная перекличка с некогда многочисленными на Руси придорожными крестами и надгробиями. Что же касается концептуального проекта М. Филиппова «Сон Вождя», первоначально озаглавленного «Вавилонская башня на месте Храма Христа Спасителя», можно сказать, что его основа есть материализованная память об одной из главных святынь отечественного православия.

Но поиски поисками, а отношение к культовой архитектуре в СССР — и, стало быть, к самой религии — продолжало оставаться таким же, каким оно было и двадцать, и тридцать, и сорок лет назад. Необходимо было принципиальное изменение общественного сознания, в первую очередь сознания многочисленных представителей руководящего класса.

И вот — середина 80-х. Все пришло в движение, забурлило, зашевелилось. То, о чем вчера еще нельзя, опасно было говорить вслух, начало появляться на страницах вполне официозных изданий. Конечно, накопившиеся проблемы не могли разрешиться сразу — их было чересчур много, да и сами по себе религиозные темы слишком деликатны, чтоб их рассматривать наскоком, они требуют осмысления, постепенного вживания, принятия в сердце, а, следовательно, и времени. Сейчас, после нескольких «перестроечных» лет, многие церковные здания возвращаются верующим. Но все это, главным образом, с т а р ы е храмы. Широкомасштабному же проектированию и строительству н о в ы х — по сложившимся у нас правилам — должно было предшествовать какое-то знаменательное событие, служащее своего рода призывом к действию.

Таким событием стало празднование Тысячелетия Крещения Руси.

В возрожденном ансамбле Свято-Данилова монастыря, среди хорошо известных памятников русской архитектуры, появилось небольшое сооружение. Это — часовня, возведенная по проекту Ю. Алонова и З. Осиповой. Облик ее вполне традиционен, лишь некоторые детали, выполненные с допустимой долей стилизации, выдают руку наших современников.

Тогда же, близ усадьбы Царицыно, было определено место, где в честь великого исторического события предполагается воздвигнуть храм-памятник Живоначальной Троицы, и в 1989 году Московская патриархия объявила конкурс на лучший его проект. И здесь снова можно было наблюдать процесс «всеобщего движения», но теперь уже прямо связанного с мобилизацией всех выстраданных за прошедшие годы архитектурных идей и художественных принципов.

Задался ли конкурс? Можно ли однозначно оценить решение жюри? В чем выражаются каноны Русской Православной Церкви, которые были провозглашены в качестве необходимого условия проекта?..

В одной из статей в «Московском церковном вестнике» было сказано о том, что «истинная преемственность церковного зодчества не в повторении освященных временем форм, а в стремлении наилучшим образом воплотить в зримых формах *идею* (подчеркнуто мной.— С. М.) Церкви». Но даже не вдаваясь глубоко в само понятие «преемственности» — оно весьма сложно и неоднозначно,— можно отметить и то, что устроители конкурса подразумевали под этим термином как раз формы того храма, что возник на заре русского христианства и не единожды возрождался в дальнейшем. Подтверждение тому — четыре проекта-лауреата, хотя и не одинаковые по пластике, силуэту, количеству куполов, однако не имеющие, на наш взгляд, принципиальных различий в образно-формалистическом решении.

Но ведь выдающиеся зодчие прошлого всегда совмещали планировочные и объемные традиции культового зодчества со стилевыми и инженерно-строительными новациями конкретной эпохи. Так, Аристотель Фиораванти внес в архитектуру Успенского собора в Московском Кремле элементы, свойственные эпохе Возрождения. Варфоломей Растрелли изящно синтезировал древнерусские традиции с принципами европейского барокко. Огюст Монферран построил Исаакиевский собор в стиле классицизма, используя новейшие достижения инженерии, которые способствовали возведению грандиозных куполов завершения храма. Этот перечень можно было бы продолжить. Но за канонической традицией пятиглавого храма так или иначе следовала добрая треть представленных проектов.

А теперь позволю себе выразить исключительно свое личное мнение: интерес вызывали не только эти проекты. Люди останавливались около тех моделей, которые хотя бы в некоторой степени обладали способностью поразить воображение новизной и оригинальностью. И, несмотря на то, что среди этой группы предложений многие были слишком уж наивны, выглядели почти «по-детски», а другие своей — иногда немного шокирующей — смелостью ставили задачу эпатировать публику, их немалая численность и единовременное представительство в одном месте создало определенный социохудожественный комплекс.

Конкурс стал подлинной демонстрацией идей, концепций, предложений — и отнюдь не в узком, «храмовом» значении архитектуры как искусства.

Идеи некоторых проектов могут использоваться в строительстве столь популярных у нас небольших общественных зданий в «русском» стиле. Было и вовсе нечто необыкновенное: российский вариант «Диснейленда»... Одним словом, крупная по размерам и необычная по содержанию экспозиция проектов храма попросту стала своего рода «банком» архитектурных идей. И тут мне не видится ничего кощунственного. Напротив, есть нечто символическое в том, что талантливые идеи в изобилии появились именно на выставке, посвященной Храму.

«Дорогой Рюрик!»

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА ДРУГУ

Сергей Есенин и Рюрик Ивнев. Десятилетняя дружба связывала двух поэтов. Они познакомились в 1915 году, когда «рязанский пастушок» прибыл в холодный, чопорный Петербург. Рюрик Ивнев подробно описывает это событие в своих воспоминаниях, они неоднократно публиковались. Есенин посвятил ему три стихотворения, в том числе свой единственный акростих. Обменивались они записками и письмами.

Дружба эта длилась до самой смерти Сергея Есенина. Потом... потом имя величайшего русского поэта оказалось не то чтобы под запретом, нет, в стране победившего социализма никаких запретов быть не могло, однако упоминать Есенина стало небезопасно. Но в 60-е годы, когда интерес к его личности и творчеству пробудился вновь, друзья стали просить Рюрика Александровича показать есенинские автографы. Не желая рисковать подлинниками, Ивнев собственноручно переписал все письма, сами же письма спрятал. И пока они не найдены, возможно, потому, что архив его толком еще не разобран.. Но ведь если бы нашлись неизвестные прежде письма Пушкина, переписанные рукой Жуковского, разве прошли бы мимо них исследователи литературы? Да и причин не доверять Ивневу у нас нет: кроме глубокой его порядочности, следует отметить, что он не стремился к их публикации, просто давал читать друзьям и знакомым.

Фото Евгения Каширина.

1. Дорогой Рюрик!

Прочел твои дневники 1903—1910 годов. Как в зеркале увидел все то, о чем ты вспоминаешь. Очень понравилась мне игра в «морской бой» с твоим закадычным другом Павликом Павловым. А игра в «историю Рима»! Надо же додуматься до этого. Два брата Липпомана, их мамаша и друг дома ксендз. Это прямо страницы из повести. Хохотал, когда читал про шельму Андроникова, выгнанного из Пажеского корпуса в Петербурге. Особенно выпукло вижу Вакилова, умевшего с изумительной точностью передразнивать всех от директора кадетского корпуса до священника Зверева, сменившего мундир драгунского офицера на рясу. А когда читал страницу, в которой ты описываешь, как кадеты забросали сапогами дежурного офицера за его провокаторские «способности», пожалел, что меня не было среди этих кадетов. Завтра ночью буду продолжать чтение.

Обнимаю. Твой Сергей Есенин.

2. Дорогой Рюрик!

Весь вечер я рассматривал афиши, которые выпросил у тебя на несколько дней, когда ты показывал мне свой архив. Особенно заинтересовала меня та афиша 1911 года, когда ты играл роль старого студента в пьесе Леонида Андреева «Гаудеамус», а также в пьесе Найденова тоже главную роль. Очевидно, ты играл хорошо, иначе тебя не пригласили бы. Ты представь себе, что ты родился бы не поэтом. Уверен, что ты стал бы артистом. Это гораздо ближе к поэзии, чем какая-нибудь другая профессия. И я подумал, кем бы я был, если бы не родился поэтом, и живо представил себе соблазны жизни актеров. Особенно гастроли, поездки по всем городам России, встречи с интересными людьми, в провинции их не меньше, чем в столицах. Ложусь спать. Завтра жду тебя в «Лампе Алладина» в два часа дня.

Целую. Твой Сергей Есенин.

3. Дорогой Рюрик!

Пришел, как мы условились, равно в восемь часов вечера, но еще в передней, взглянув на огромный стенной календарь, висевший на дверях библиотеки, понял, что ошибся днем. Как это со мной случилось, не могу понять. Павлова была весьма любезна и проводила меня в свою комнату, сказав: «Миша живет у нас, как в своей семье. Он друг нашего сына Павлика еще со времен кадетского корпуса». Мне не хотелось вступать с ней в долгий разговор, и я не сказал ей, что ты еще раньше в «Лампе Алладина» рассказал мне о твоей дружбе с Павликом. Завтра буду ждать тебя у Кости Ландау в пять часов дня.

Обнимаю. Твой Сергей.

4. Дорогой Рюрик!

Нет, положительно твои «бумажные драгоценности» куда интереснее драгоценных ваз и уникальных ламп нашего друга Кости Ландау. Завтра в три часа дня при встрече верну тебе почтовую открытку 1903 года с портретом коменданта Порт-Артура Стесселя и его словами: «Что бы ни случилось, я не сдамся. Порт-Артур будет моей могилой», а также однодневную газету с опросом читателей, что пожелаете вы к новому году Вильгельму II. Твой ответ мне понравился больше всех. Обнимаю тебя.

Твой Сергей Есенин.

5. Дорогой Рюрик!

Так и тянет все время в «Лампу Алладина», но всякие дела и встречи закрутили меня. Черт знает что такое. После нашей беседы о Толстом и Достоевском прошло уже пять дней. Я был очень рад, что ты и Володя согласились без всяких оговорок, что я был прав.

Твой Сергей.

6. Милый Рюрик.

Ты знаешь, как трогательно и нежно принял меня Александр Блок и какое участие он принял во мне. Я не могу не чувствовать к нему большой благодарности. Блок еще до встречи с тобой на вечере в доме «Армии и Флота» признал меня «настоящим поэтом». Я тебе об этом сразу не сказал, так как хотел узнать мнение о моих стихах у «представителя» более молодого поколения, опасаясь, что похвала Блока может повлиять на твою «оценку». Но я должен тебе сознаться, что чувствовал какую-то связанность, когда говорил с ним, и не потому, что Блок знаменитый поэт, в совсем подругому. В Блоке, несмотря на внешнее уважение ко мне, проскальзывало, как мне все время казалось, что-то чужое, надменное. Порою мне казалось, что я заблуждаюсь и сам себя ругал мысленно за неблагодарность, но избавиться от этого ощущения не мог. Может быть, все это происходило потому, что говоря с Блоком, я вспоминал рассказ моего деда Титова, который часто говорил мне про далекие времена. Ведь мой дед жил еще в эпоху крепостного права. Я понимал, что живи Блок в те времена, он был бы скорее «добрым помещиком», и вот у меня было такое ощущение, как будто я говорю не только с поэтом, но и с помещиком. Но я, кажется, зарапортовался. При свидании ты мне скажешь, есть ли хотя бы капля истины в моих переживаниях.

Обнимаю тебя. Твой Сергей Есенин.

7. Дорогой Рюрик!

Вчера, когда я разговаривал с Зинаидой Гиппиус, Философов сидел почти рядом со мной, в разговор не вмешивался, но и не уходил. Он посмотрел на меня особенно пристально, когда Гиппиус заговорила о тебе. Семейство Мережковского, Гиппиус и Философова кто-то назвал «французским браком». Гиппиусиха неугомонная баба. Так и лезет в душу со своим лорнетом (...) Пристальный взгляд Философова меня насторожил. Я крепко держу слово насчет нашей переписки. Смотри, не проболтайся. А то такие типы, как Ф. нагородят такое, что черт ногу сломит.

Целую. Твой Сергей.

8. Милый Рюрик.

Заходил к тебе и опять не застал. Надо срочно повидаться. Будь обязательно дома. Зайду в 11 часов вечера. Если немного опоздаю, не сердись.

Твой Сер. Есен.

9. Рюрик!

Не сердись, что я задержал «кусочек твоей жизни» еще на несколько дней. Вместе с афишами ты мне дал несколько писем и карточек. Очень забавило меня «предсказание» твоей подруги гимназистки Маруси Афанасьевой, когда вам было лет по четырнадцать. Обнимаю тебя.

Твой Сергей Е.

10. Дорогой Рюрик!

У нас на Руси два писателя, два гиганта. Мы должны гордиться, что они выросли на нашей русской земле, и не где-нибудь, в чужих местах. А ведь эти два гиганта никогда не встречались. Я часто думаю о том, как же это могло случиться? Многие мне говорили, что встрече их мешала гордыня. Никто из них не хотел первым «протянуть руку». Но мне кажется, что это не так, что дело не в гордыне, а в чем-то другом. Мне кажется, что обвинять их в «гордыне» могут только люди, занятые собой настолько, что у них нет времени думать о других, или же обыватели, мелкие людишки, объясняющие все по-мелкому, дескать, соперничество и тому подобное. Толстой и Достоевский так были переполнены не только своим творчеством, но и страстным желанием перекроить мир так, чтобы не было на свете «униженных и оскорбленных» и хотя рецепты на «излечение» человечества у них были разные, но цель была одна. Как ты думаешь обо всем этом? Мы с тобою как-то начали этот разговор в «Лампе Алладина», но нам помешали. Хорошо было бы узнать также мысли Володи. Мне кажется, что вы оба со мною или, по крайней мере, «приблизительно» согласитесь.

Целую тебя. Тв(ой) Сер. Ес.

11. Я вспомнил, как ты мне рассказывал, какое огромное впечатление произвела смерть Толстого на весь мир. Если у тебя сохранились газеты этих дней, ты дай мне прочесть.

Обнимаю тебя. Тв(ой) С. Ес.

12. Милый мой Рюрик!

Прошло всего два дня после нашей беседы, но мне так захотелось ее продолжить, но когда взглянул на часы, понял, что это невозможно, ибо если бы я пришел так поздно, то не только генерал Павлов, но и его любящая супруга выпроводила меня за дверь, а тебе на правах родителей твоего друга сделали бы выговор, что ты якшаешься с деревенскими нахалами, не знающими правил хорошего тона.

В «Лампе Алладина» буду в 5 часов. Не опаздывай.

Целую тебя. Твой Сергей Есенин.

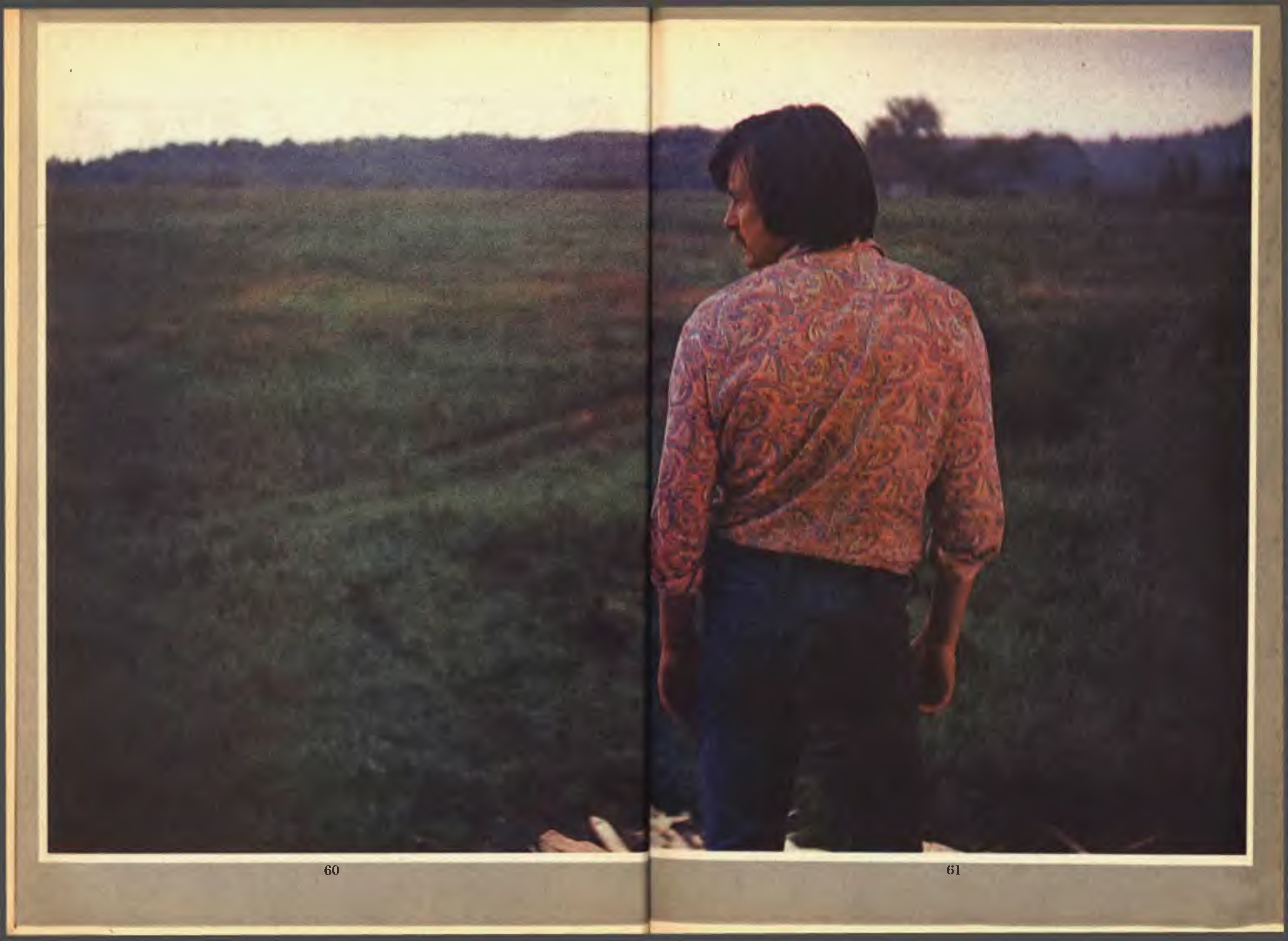
Вступительное слово и публикация
НИКОЛАЯ ЛЕОНТЬЕВА

ОН СТРОИЛ ДОМ В РОССИИ НЕ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ УМЕРЕТЬ НА ЧУЖБИНЕ

БУНД — ИЗВЕСТНЫЙ И НЕИЗВЕСТНЫЙ

Рубрику ведет
ЛЕВ ОВРУЦКИЙ,
кандидат исторических наук

В РАЗГОВОРЕ УЧАСТВУЕТ ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК МАЙЯ ЧЕРВЯКОВА (г. Тверь)

Фото Анюты Арутюновой.

Лев Овруцкий Еврейская эмиграция из СССР, благодаря своей массовости, становится, похоже, вторым Исходом. Эта ситуация придает особую актуальность нашему обращению к истории Бунда — Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России. Рядовой читатель знает о нем из учебников только то, что он был «носителем национализма и сепаратизма в рабочем движении» и на II съезде РСДРП вышел из нее, а также высказывание Плеханова о бундовцах, пытавшихся «утвердить Сион не в Палестине, а в пределах Российского государства». И это, пожалуй, все...

Майя Червякова Можно бы повторить классика: «Мы ленивы и нелюбопытны», но это будет неверно. Во-первых, Бунд, попав в разряд т. н. «мелкобуржуазных» партий, разделил в массовом сознании их судьбу. То есть, все, что бы они ни делали, толковалось как отступление от марксизма, или — хуже того — противодействие Ленину и большевикам. А был ли грех страшнее? Во-вторых, постоянно присутствовавший в нашей внутренней политике момент антисемитизма блокировал все попытки отдать должное Бунду, его заслугам перед российским освободительным движением. Наконец, в-третьих, господствовало представление, будто национальные движения есть нечто второстепенное и подчиненное движению социальному.

Л. О. Однако в годы перестройки сразу же обнаружилось, что национальное вовсе не поглощается социальным. И даже иногда — напротив.

М. Ч. Вот потому-то и пришло время для честной истории национальных партий.

Из истории еврейского вопроса в России

Влившееся в состав Российского государства в результате разделов Польши в конце VIII в. еврейское население сразу же было выделено правительством в особую гражданскую группу, обладающую самоуправлением (кагалом) и своим судом, но лишенную права владеть землей, собирать хлеб с полей помещиков и жить вне «черты оседлости» — 10 польских и 15 южных, юго-западных и северо-западных губерний.

В середине 50-х годов XIX века вступившее на путь реформ правительство предприняло попытку ослабить обособленность евреев. Прежде всего, административными мерами. Им запрещается носить национальный костюм, упраздняется кагал, вводится разделение по роду занятий на купцов, цеховых ремесленников, слуг, рабочих, земледельцев и пр. Удовлетворяя нужды нарождающейся промышленности в крупных капиталовложениях, правительство с конца 50-х до конца 70-х годов снимает ограничения «черты оседлости» для купцов I гильдии и лиц с высшим образованием, а также для ремесленников. Дети евреев получают доступ во все училища, гимназии и университеты, а евреев-купцов и почетных граждан даже обязывают обучать своих детей.

С наступлением реакции начала 80-х годов этот процесс прерывается печально знаменитыми «Временными правилами» Александра III. Теперь евреев высылают из столиц и губернских центров, лишают доступа к образованию, вводя так называемые «процентные нормы». К концу XIX в. скученные в городах и местечках «черты оседлости» еврейские массы переполняют ремесленное производство. Согласно переписи населения России 1897 года численность евреев-ремесленников достигла 501 тыс. человек, 40 процентов из них были сапожниками, четвертая часть — портными и т. д. Еврей-ремесленник обслуживал живущего в нищете крестьянина-белоруса или украинца или бедняка-мещанина и потому был сам обречен на нищету.

Быстрое развитие промышленности в конце 90-х годов XIX века вытесняло ремесленника из сферы частного предпринимательства. Он попадал в зависимость от фабриканта и по своему положению приближался к положению рабочего. Таково было чулочное производство в Виленской губернии, производство обуви в Юго-Западном крае, ткацкое производство в Лодзинском районе. Эксплуатация этих ремесленников была даже более жестокой, чем фабричных рабочих, ибо они трудились в худших условиях и за меньшую плату. Средний заработок, например, портных и сапожников в начале XX века был от 150 до 250 руб. в год, в то время как прожиточный минимум составлял 360 руб.

Не случайно часть еврейских трудящихся стала искать спасения в эмиграции: так, в начале 90-х годов из России выехало около 200 тысяч евреев.

Л. О. Одни уезжают, другие ищут выход в борьбе и, стало быть, в объединении. В профсоюз? В партию? Некоторые историки полагают, что Бунд представлял собою, цитирую: «не качественно новую форму партийной организации, а расцвет старых форм национально-общинных связей под «пролетарской» вывеской. Бундовские лидеры оказались в хвосте тред-юнионизма и национальной обособленности».

М. Ч. В действительности, Бунд сформировался на базе просветительных кружков и стачечных касс еврейских ремесленников и рабочих, возникших на почве экономической борьбы. Потому-то и партийная структура Бунда приспосабливалась к структурам цеховой ремесленной организации. Насколько это было разумно, доказывается тем, как быстро и эффективно был создан Бунд.

Еще в 1881 году в Минске была организована типография «Черного передела». После разгрома полицией, работавшие в ней еврейские революционеры скрылись за границу и примкнули к группе «Освобождение труда». Новый шаг был сделан в середине 80-х годов, когда вернулись из ссылки Исаак Гурвич с женой и приняли от студента Дерптского университета Р. Абрамовича кружки типографских рабочих в Минске. В них изучали марксизм уже около 100 человек. Успешно велась работа «паспортного бюро», снабжавшего документами революционеров Петербурга, Москвы и других крупных городов. В конце 80-х годов аресты прервали деятельность первых еврейских марксистов. Часть из них уехала в Америку, среди них был и Гурвич. Он поселился в Нью-Йорке и продолжил здесь социалистическую пропаганду среди еврейских рабочих. Эмигрировавшие в Америку руководители минских кружков создали в Нью-Йорке «Русское рабочее общество самообразования», позже преобразовавшееся в «Русское социал-демократическое общество». Оно оказывало значительную материальную помощь плехановской группе «Освобождение труда».

Круг революционных лидеров пополнили находившийся на воинской службе Т. М. Копельзон, учащиеся ремесленного училища А. И. Кремер, Дж. Миль, П. Берман, И. Айзенштадт и др. Они создали в Вильно (ныне Вильнюс) социал-демократическую группу, которая объединяла около 150 рабочих. Виленцы добились значительных успехов в установлении связей с ремесленными и кустарными рабочими.

Через Вильно пролегал транзитный путь пересылки нелегальной литературы, издававшейся эмигрантскими центрами. Виленцы первыми сумели поставить нелегальную типографию. Наконец, в сентябре 1897 года был созван учредительный съезд еврейских социал-демократов, который избрал ЦК и редколлегию центрального органа — газеты «Арбетер штимме».

Л. О. Между тем, советский историк Ю. И. Шестак утверждает, что I съезд Бунда был специально проведен на год раньше I съезда РСДРП. Таким образом, лидеры Бунда пытались явочным порядком войти в общероссийскую партию как полностью независимая в тактическом отношении национальная организация.

М. Ч. С этим трудно согласиться. Есть внутренняя логика развития событий, она и обусловила появление на свет Бунда раньше, чем РСДРП. Следует учитывать, что жители местечек, несмотря на нищету, представляли собой особую субкультуру, особый тип личности:

Андрей Тарковский —

кирпич из кладки нашего самосознания и
национального достоинства,
без которого шаткая стена нашей исторической
памяти не станет прочнее.
Мы можем выкорчевать сосну им выращенную,
окружить дом им смастеренный глухим
забором личных дач, мы можем из мемориала
сделать "зону" —, нам это доставляет удовольствие
— всем поровну, всем плохо.
Валим на царя, большевиков, Ленина, Сталина, Хрущева,
Брежнева, Андропова, Черненко, партократию и ГКЧП.
Там, за "бугром" пусть помнят.
А нам? Похоже ничего не надо.
Можно спать спокойно.
Беспамятство продолжается..?

Редакция благодарит Ларису Павловну Тарковскую
за предоставленные фотографии.

более грамотный, чем российский рабочий и крестьянин, более предприимчивый, и уже в силу этого — более восприимчивый к новым идеям. Не будем также забывать, что именно бундовцы помогли организовать I съезд РСДРП в Минске, благодаря их усилиям был опубликован Манифест съезда и налажено издание центрального органа РСДРП — «Рабочей газеты».

Л. О. Бунд признавал интернационалистский принцип построения революционной партии «нецелесообразным». Это вызвало резкую критику со стороны Ленина. «Вместо того, чтобы стремиться к сближению еврейских рабочих с нееврейскими,— писал он,— Бунд начал вступать на путь отрыва первых от последних» (т. 10, с. 267). Не кажется ли Вам, что Ленин исходил из схемы, из марксова тезиса о том, что «у рабочих нет отечества», а бундовцы были склонны более считаться с реальностью?

М. Ч. Наверное, это так. Упор на автономию, с которым не пожелал согласиться II съезд РСДРП, исключивший Бунд из партии, был обусловлен многими моментами. Во-первых, пропаганда шла на идиш — разговорном еврейском языке. Во-вторых, надо было считаться с тем, что в сознании еврейской массы социал-демократические идеи уживались с представлением об особых страданиях еврейского народа. Не говоря уже о средневековых национальных ограничениях («черта оседлости» и т. п.), один только факт: если в центральной России один ремесленник приходился на 20 жителей, то в местечке — на 6. Страшная конкуренция! Понятно, что в этих условиях возникала мысль о специфической судьбе еврейского пролетариата, трижды бесправного и гонимого, и о необходимости национальной социал-демократической организации. Любопытно, что этот вывод был сформулирован не кем иным, как Ю. Мартовым в речи «Поворотный пункт в еврейском рабочем движении», произнесенной на маевке в Вильно (1895 г.).

Л. О. Тем самым Юлием Мартовым — сначала ближайшим сотрудником, а затем постоянным оппонентом Ленина?

М. Ч. Именно. Но дело не только в Мартове, которого, кстати сказать, бундовцы всегда считали своим идеологом. Переход виленских социал-демократов к агитации на идиш привел к пополнению марксистских групп деятелями так называемых «жаргонных комитетов», переводивших для рабочих популярную научную и политическую литературу. Они-то и акцентировали протест против национального гнета, лозунги равенства народов, сочетания национальных и классовых интересов, национальной школы.

Л. О. Сегодня и КПСС де-факто строится по федеративному принципу. Возможно, в нынешних условиях полемика между Бундом и большевиками не имела бы почвы?

М. Ч. Трудно сказать. Ведь настаивая на признании его «единственным представителем еврейского пролетариата» в партии, Бунд отдавал себе отчет в своих собственных силах и своей роли в общественном развитии. Достаточно сказать, что только за два года (1898—1900) Бунд возглавил 312 забастовок. В начале XX века его организации имелись во многих городах России, издавались газеты, листки на идиш, их общий тираж достигал 45 тыс. экземпляров.

Л. О. 1897 год отмечен не только созданием Бунда, но и появлением на политической арене сионистов (их первый конгресс состоялся в Базеле). По иронии судьбы, сионисты подвергли нападкам Бунд за... «национальный нигилизм». С другой стороны, большевики утверждали, что признание бундовцами евреев в качестве нации — это заем из идейного багажа сионистов. Давайте все же уточним, в чем сходство и различие между Бундом и сионистами. Тем более, что с подачи «Памяти» понятия «еврей», «сионист», а теперь еще и «бундовец», могут кое-кому показаться синонимами.

М. Ч. Бунд отнюдь не разделял установки сионистов, согласно которой единственный путь спасения от антисемитизма — это эмиграция на историческую родину. Но в то же время бундовцам импонировала концепция тех сионистов — Ахад-Гаама (У. Гинцберга) и С. Дубнова, которые, признавая за Палестиной роль еврейского духовного центра, первоочередной задачей считали отстаивание евреями своей национальной самобытности в диаспоре, борьбу за автономию общины, школы и языка. Бундовцы разделяли также идеи Х. Житловского, будущего основателя Социалистической еврейской рабочей партии, который утверждал, что социализм не ставит своей задачей уничтожение наций. Напротив, он обеспечивает возможность для каждой нации развивать свою индивидуальность. Это право должно быть обеспечено и евреям, поэтому надо укреплять еврейскую демократическую культуру, создавать систему школ и университетов с преподаванием на идиш.

Между прочим, в конце 90-х годов появляются организации «пролетарского сионизма» — «Поалей Цион» («Рабочие Сиона») и социалисты-сионисты, с которыми Бунд одновременно и конкурирует, и сотрудничает. Интересно количественное сравнение: к концу 1906 года в 274 местных организациях Бунда состоит 34 тысячи членов, в «Поалей Цион» — 16 тысяч, у социалистов-сионистов — 24 тысячи.

Л. О. Первая русская революция, казалось бы, сблизила позиции социал-демократов всех оттенков...

М. Ч. ...И Бунд возвращается, правда ненадолго, в РСДРП. Происходит это на IV Объединительном съезде партии в 1906 году. Действительно, и бойкот т. н. «булыгинской», а затем I Думы, и курс на вооруженное восстание, на союз пролетариата и крестьянства — многое в этот момент сближает большевиков и бундовцев.

Из политического досье

Резолюция VI конференции Бунда (февраль 1906 г.).

«Ввиду того, что переживаемое нами время является периодом длящегося революционного брожения, которое и каждый момент может превратиться во всеобщее восстание;

ввиду того, что успех этого восстания требует возможно более широкого и одновременного распространения его, и притом не только в крупных политических и промышленных центрах, но и пунктах менее значительных,

Конференция находит,

что следует постоянно усиливать и расширять это революционное брожение, стремясь в подходящий момент превратить его во всеобщее народное восстание,

и соответственно этому признает необходимым, в отличие от методов борьбы, практиковавшихся нами до сих пор, придавать нашим революционным выступлениям самый решительный характер и стремиться вовлекать в них самые широкие массы.

Из форм революционных выступлений, отвечающих потребностям данного момента, конференция придает особо важное значение всеобщей забастовке как могучему средству остановить промышленную и культурную жизнь страны и вызвать широкие массы на улицу. Помимо же этого конференция находит необходимым, чтобы в моменты сильного революционного брожения устраивались массовые вооруженные демонстрации... (следует конспиративное добавление)».

Л. О. Однако, объединение в рамках РСДРП оказалось непрочным, и вскоре бундовцы отошли (на этот раз окончательно) от большевиков, решительно сблизившись с меньшевиками...

М. Ч. ...Что неудивительно, поскольку меньшевики, в отличие от большевиков, признавали: бундовская концепция «культурно-национальной автономии» не противоречит национальной программе российской социал-демократии.

Л. О. Жесточайшее поражение, которое потерпела революция 1905—07 годов, свело влияние Бунда к минимуму; из 34 тысяч членов партии к октябрю 1910 года осталось всего около 2 тысяч. Впрочем, сходный процесс наблюдался во всех революционных партиях. Так, РСДРП потеряла 90 процентов своего состава, и хотя Ленин оптимистично уверял, что очищение партии от неустойчивых элементов и «ликвидаторской сволочи» укрепляет, в конечном счете, партию, это мало кого утешало. Но вскоре Бунд возродился. Что способствовало этому: дело Бейлиса, кризис самодержавия?

М. Ч. И то, и другое. И еще третье — война. Она разделила бундовские организации линией фронта. Поэтому поначалу руководство Бунда не могло сформулировать определенной позиции по отношению к войне: эмигранты колебались между Антантой и австро-германским блоком, польские бундовцы требовали мира, российские — ориентировались на свое правительство. И хотя с началом военных действий под предлогом борьбы с «еврейским шпионажем» стало практиковаться взятие евреев-заложников, еврейская общественность твердо придерживалась российской ориентации. Например, орган виленской общины «Новый восход» заявлял: «Мы неотторжимо связаны со страной, от которой ничто — ни преследования, ни гонения — не в состоянии нас оторвать». Конференции Бунда (июнь 1915 г., Киев, и май 1916 г., Харьков) призывали еврейских рабочих выступать в защиту своего отечества.

Война дала новый импульс деятельности бундовцев. Они сосредоточили ее в комитетах обороны, бюро труда, рабочих столовых, филантропических организациях и культурно-просветительных обществах. Благодаря этому, бундовцы укрепили связи с массами, что впоследствии сказалось на широком их представительстве в Петроградском, Московском и провинциальных Советах рабочих депутатов после свержения царизма, а также привело к выдвижению лидеров Бунда на руководящие роли в общероссийском социал-демократическом движении.

Л. О. Как известно, Февраль был встречен Бундом с ликованием. Еще бы! Ведь Временное правительство отменило разом все 140 законов и распоряжений, ограничивающих евреев во всех сферах гражданской жизни.

Из политического досье

Из передовицы «Арбетер штимме» (1917, № 1).

«Временное правительство публично обязалось, что в деятельности своей оно проведет принцип национального равноправия, что не будет больше разницы между одним гражданином и другим, что все будут равны перед Законом. Это означает, что уже сегодня пало самое крупное ограничение — в выборе места жительства, пусть это будет город или деревня, Сибирь или Кавказ. Уже сегодня для еврейских детей открыты все существующие школы, и позорная процентная норма уже не будет больше напоминать еврею, что он был угнетенным и преследуемым. Уже сегодня открывается для всех еврейских граждан широкое поле для работы общественной и государственной. В революционных муниципалитетах, в новой народной милиции, в новых судах, которые должны вырасти вместо старой антисемитской управы, вместо пристава и городового — во все эти учреждения евреи получают доступ наравне с русскими, поляками и украинцами».

М. Ч. Февраль еще теснее сблизил Бунд с меньшевиками, которые вместе с эсерами поддерживали Временное правительство. Представители Бунда возглавили почти все фракции меньшевизма. В лагере правых меньшевиков, группировавшихся вокруг газеты «День», задавали тон В. Канторович и Д. Заславский, М. Либер снискал славу талантливого пропагандиста правоцентристской платформы Церетели и Чхеидзе, Г. Эрлих проводил в Исполкоме Петроградского Совета линию левого центра, а Р. Абрамович вместе с Ю. Мартовым возглавлял левое крыло меньшевизма.

Бундовцы стали во главе и общеменьшевистских руководящих центров. Канторович был избран товарищем председателя бюро меньшевистской фракции в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов. Заславский и Эрлих вошли в редколлегию «Рабочей газеты». Теперь Бунд официально заявлял, что в своей политической программе и тактике он является выразителем последовательного меньшевизма.

Как и меньшевики, бундовцы считали революцию пролетарской по форме, но не по содержанию. Задачу свержения буржуазного строя они считали несвоевременной, полагая, что пролетариат во имя будущей победы должен в настоящем прибегнуть к самоограничению, дав возможность новорожденной демократии укрепиться на российской почве. Естественно, такой подход предполагал резкое размежевание с большевиками.

Из политического досье

Из передовицы «Арбетер штимме» (1917, № 15).

«Что нас отделяет от ленинцев? Не только различие в тактике. Гораздо важнее этого — различие во взгляде на революцию и на задачи рабочего класса. Ленинцы заверяют нас, что революция должна кончиться триумфом пролетариата. Они зовут рабочий класс к захвату власти. Они говорят о социализме как о программе сегодняшнего дня.

Безумные, слепые политики, они не видят, что Россия только еще вступает на путь широкого капиталистического развития, что капитализм должен еще перемолоть отсталые, распыленные формы мелкого производства, что, если пролетариат сейчас захватит власть, он оттолкнет от себя все другие общественные силы, он вооружит их против себя и погибнет в неравной борьбе.

Даже объединение с крестьянством, которое сейчас очень сильно, не будет долго длиться, так как пути рабочей демократии и крестьянской демократии в скором времени разойдутся.

Вот почему «ленинцы» — враги революции...»

Л. О. Похоже, что Временное правительство приняло основные программные требования Бунда? Оставалось их только воплотить в реальной жизни?

М. Ч. Да, лидеры Бунда, казалось бы, отказались от идеи развития еврейской нации, остановившись на «культурно-национальной автономии». На первых порах она их вполне удовлетворяла, и поэтому они лишь после долгих споров приняли участие во Всероссийском еврейском съезде, который должен был сформулировать требования к Учредительному собранию. А на совещании представителей еврейских общин и культурно-просветительных учреждений ряда губерний бывшей «черты оседлости» видный бундовец призывал собравшихся к освобождению от «гегемонии сионистских и националистических утопий». Характерно, однако, что на проходившей в то же время X конференции Бунда было выдвинуто (хотя и не собрало большинства) предложение объединиться с сионистскими социалистическими партиями.

Бунд всегда колебался и лавировал между двумя полюсами — отрицанием сионизма и кооперированием с ним.

Л. О. Будучи политически близким к меньшевизму, Бунд, конечно же, враждебно встретил Октябрьский переворот. Как и меньшевики, бундовцы отвергали мнение большевиков, будто Октябрь явился выражением воли народа. Напротив, они считали его узурпацией народной воли.

М. Ч. Если стратегия Бунда, направленная на свержение власти большевиков, была единой, то тактически бундовцы разделялись. «Активистское» крыло (его возглавлял М. Либер) считало допустимым военные действия против большевиков, бывшая же часть бундовцев (Р. Абрамович и др.) выступала за переговоры с большевиками. VIII съезд Бунда (декабрь 1917 г.)

принял установку на парламентский, демократический путь борьбы с большевиками. Учредительное собрание отстранит их от власти — эта надежда объединяла бундовцев всех течений. После разгона «Учредилки» и подписания Брестского мира, согласно которому жители белорусских и украинских местечек оставались под немецкой оккупацией, Бунд сделал ставку на свержение Советской власти, но уже в мае возобладала более умеренная линия — «борьба с большевизмом в Советах и путем Советов».

Л. О. А как реагировали большевики на эти тактические повороты?

М. Ч. Надо отдать должное их гибкости: они то прибегали к «прянику», заключая соглашения с бундовцами в рамках «Комитетов спасения революции», то брались за «кнут»: расстреливали даже за расклеивание бундовских листовок. На поворот к лояльной оппозиции и даже сотрудничеству с большевиками Бунд толкало и разочарование в демократических эсеро-меньшевистских правительствах, возникавших летом 1918 года то там, то сям. Везде и всюду эта «третья сила» не смогла удержать власть, став лишь ступенькой для генеральских диктатур. Главным же фактором в переходе Бунда на сторону Советов стали кровавые еврейские погромы, которые сопутствовали армиям и Юденича, и Деникина, и Петлюры, и Махно, и бандам «зеленых». По подсчетам С. М. Дубнова, только на Украине за время гражданской войны было учинено 877 больших и 349 меньших по масштабам погромов. Об их чудовищности говорят такие цифры: в Волынской, Подольской, Киевской и Черниговской губерниях пострадало 500 тыс. человек — убитых, заживо погребенных и сожженных, 30 тысяч изнасилованных женщин и девочек.

Национальная трагедия разрушила надежду бундовцев на союзников «справа». Оставались только союзники «слева», те самые большевики, которых они прежде обвиняли в «развязывании анархии».

Л. О. Пересмотр Бундом своих тактических установок длился два года. Он шел мучительно и в «закордонной части» Бунда — в Польше и Литве, и в Белоруссии, и на Украине, и в российских организациях. И что в итоге?

М. Ч. Уже в конце 1918 года в Бунде определились три течения: левые — сторонники участия в работе Советов для борьбы за созыв Учредительного собрания, правые — сторонники принципиального непризнания власти Советов, и центр, считавший, что социал-демократия в Советах должна играть роль парламентской оппозиции. На состоявшейся в марте 1919 года XI конференции Бунда победила линия центра. Конференция провозгласила признание Советской власти, хотя и отказалась взять на себя ответственность за ее политику.

Смысл этой «тактической оппозиции» состоял в борьбе за восстановление и утверждение принципов правового государства. В Советах и печати бундовцы выступали с требованием ликвидации Чрезвычайных комиссий. Так, на заседании пленума ЦИК Белоруссии в феврале 1919 года руководитель левых бундовцев М. Я. Фрумкина доказывала, что Советская власть крепче там, где нет «чрезвычаек». Орган Бунда «Фолксцайтунг» («Народная газета») писал, что суровые меры вредят Советской власти. Что касается хулиганов и погромных агитаторов, то против них были бы более действенны не бессудные репрессии, а гласный народный суд.

В апреле 1919 года бундовский ЦК объявил о мобилизации членов партии в Красную Армию и призвал еврейский пролетариат встать на защиту революции и Советской власти. Была организована еврейская военная секция, которая приступила к изданию газеты «Красная Армия» и отправке бундовцев на фронт. Особенно много бундовцев было на Западном фронте, создавались даже части, личный состав которых целиком состоял из евреев.

Л. О. Формирование особых воинских частей и отрядов, провозглашение «тактической оппозиции» — можно ли рассматривать это как попытки сохранения независимого Бунда?

М. Ч. Пожалуй, так. Свою независимость бундовцы демонстрируют и на съездах Советов. Например, на VII Всероссийском съезде Советов (декабрь 1919 г.). М. Я. Фрумкина говорила: «Мы пришли сюда как принципиальные сторонники Советской власти. Но в то же время мы оппозиционная партия, мы далеко не во всем согласны с политикой, которая проводится сейчас в жизнь.

Мы хотим говорить о существенном недостатке механизма, который выражается в том, что этот самый механизм Советской власти, который делается идеалом революционного пролетариата всего мира, который является лозунгом, с которым на устах умирает рабочий, отстаивающий его, этот самый идеал, идеал Советской власти, фактически в России еще не осуществлен. В России нет еще, скажу я от имени нашей партии, нет еще власти Советов».

Л. О. Понятно, что Бунд, как и другие партии, выступал против монополии большевиков на власть. Поэтому большевики считали необходимым побудить бундовцев к дальнейшему с ними «сближению», читай: самоликвидации...

М. Ч. Большевики берут на себя финансирование деятельности левых бундовцев, выделяют дотации на издание и распространение их газет и даже делают уступки их стремлению сохранить свою самостоятельную организацию. В Белоруссии на короткий срок левым бундовцам предоставляется статус Еврейской коммунистической партии. На Украине левые бундовцы объединяются в Коммунистический Бунд — Комфарбанд. «Отеческую» заботу проявляют большевики и о созыве XII конференции Бунда, подготовленную к апрелю 1920 года. Красноармейцы получают двойное представительство, два мандата от ЦК передаются левой фракции, не признаются два мандата от витебской организации, где тон задают правые. Так готовится победа левого течения. Под нажимом правящей партии левые бундовцы принимают на конференции решения о выходе Бунда из меньшевистской партии, признании программы РКП(б) и присоединении к Коминтерну. Правда, они пытаются сохранить свою организационную автономию и настаивают на передаче Бунду функций еврейской секции при агитпропе ЦК РКП(б). Однако комиссии Политбюро ЦК РКП(б) и Коминтерна отвергают предложенный Бундом организационный проект, и XIII Чрезвычайная конференция Бунда после долгой и острой дискуссии заявляет о присоединении Бунда к РКП(б) на условиях, предложенных Коминтерном. Не признавшие этого решения правые бундовцы объединились на своей конференции в Витебске (апрель 1920 г.) в Бунд социал-демократический и разделили общую судьбу меньшевиков. Часть их руководителей — Р. Абрамович, В. Косовский, Г. Аронштейн, А. Мутник и др.— эмигрировала, создав за границей «представительство ЦК Бунда». Оставшиеся были репрессированы.

Л. О. Наверное, сказанное не означает, что судьбы левых бундовцев были менее трагичны.

М. Ч. Конечно. В 30-х годах многие руководители бывшего Бунда были посажены, расстреляны...

Л. О. Очевидно, что среди бундовцев было много искренних революционеров, людей талантливых и сильных духом. Жаль, что их имена забыты...

М. Ч. Не только забыты, но продолжают оставаться оклеветанными и поруганными. Процесс реабилитации до сих пор обходит их стороной. Нужны активные действия для того, чтобы и на эту трагическую страницу истории был пролит свет, а несправедливо репрессированным членам Бунда возвращены честь и достоинство.

ОЛЬГА ЩЕРБИНИНА

НЕВЕДОМАЯ И КРЕСТНАЯ СИЛА

«Все гении тяготеют к пре-мирному. Не есть ли преддверие этой черты — то, что и все люди тяготеют к необыкновенному, странному, к ужасному даже»,— писал В. В. Розанов в сборнике «Религия и культура».

В наши недавние времена насильственно лишали человека тяги к потустороннему, невидимому, запредельному, сводя суть жизни к очевидному и арифметически простому. Достоевский называл таких «атеистов» аптекарями.

Ныне жажда трансцендентного распускается пышным цветом (неся и значительные издержки), интерес к преданиям, к мифологии возрастает. И хотя нельзя воспринимать старинные сюжеты с тою же наивной верой, что и наши прадеды, можно почувствовать неодномерность, неоднозначность мира, таящего в себе неизмеримо больше того, что воспринимается нашими несовершенными чувствами...

ЧЕРНЫЙ ЯГНЕНОК

Как-то, сметав последний зарод, муж с женой возвращались домой лесною дорогой. На душе было легко и спокойно: будут с сеном, с молоком. Солнышко садилось за зубцы елок, мужик погонял Коурку, и та бежала, потряхивая гривой.

Вдруг на поляне под мохнатой елью мужик с бабой увидали черного, как смоль, ягненка.

— Вот так удача! Давай-ка возьмем ягненочка! — обрадовалась баба. И посадила находку на телегу.

Чудно как-то взблеял ягненок и глянул сверкнувшими зеленью глазами. «Видно, это солнышко блеснуло в зрачках»,— подумалось бабе, но по телу прошел озноб, и смутная тяжесть сдавила душу. Мужик стегнул Коурку. Но лошадь стало не узнать. Захрапев, она взвилась на дыбы, зафыркала и не могла сдвинуться с места, как будто на телеге была страшная тяжесть. Ездоки чувствовали все сильнее непонятную тоску, словно предсмертное томление. Лошадь, вся в мыле, косила кровавым глазом и, казалось, вот-вот понесет...

«Господи, да что же это такое!» — вскрикнула баба и осенила себя крестным знамением. В тот же миг черный баран соскочил с телеги и исчез...

Сюжет повсеместно бытует в деревнях и селах Урала. Приведен в моей обработке; интересна антитеза черного агнца известному образу белого, непорочного агнца.

ОГНЕННЫЕ ЛЮДИ

Как-то много бабенок собралось по ягоды, ушли далеко, да в лесу и заночевали. Разложили огня. И вдруг вихрь прошел, огонь взметнулся, искры посыпались, а через костер как люди бегут, и каждый по головешке хватает и так и раскидывает! Потом вышел один и говорит:

— А вы зачем здесь раскладываете? Это наше место, это наша тропа!

(Записано в д. Шайдуриха, Свердловская обл.)

Мотивы духов огня использованы в сказе П. П. Бажова «Огневушка-поскакушка». Бажов после окончания университета в течение года был учителем в школе в Шайдурихе.

ПРЕДСКАЗАЛ ВОЙНУ

Мы с мужем шли на покос по дороге на Петраковскую. Шли березняком. Муж ушел вперед и начал косить. А тут из ельника вышел старичок в домотканой рубахе, поздоровался. Он сказал, что будет страшная война, мужа моего заберут, и он не вернется. Но победа будет наша, враг будет разбит.

Показался, сказал это, и не стало его. Трава была тут высокая, на начале нашей поляны, я поглядела — следов нет и трава не примята. Со мной собака была, Азка, так она и не взлаяла. Я мужу-то рассказала. Такая жуть нас взяла, что мы не стали грести сено, бросили, что муж накосил, и пошли скорее домой. Пришли и узнали, что в этот день началась война.

А муж мой, как и сказано было, ушел на войну и домой уже не вернулся.

Записали в селе Нижняя Синячиха юные краеведы О. Кубасов, К. Назукин, А. Беляйкин.

ПТИЦЫ-ВЕЩУНЬИ

Была христосска заутреня. Раньше семьи-то большие были, вот у нас двенадцать человек детей было, бабам уйма работы.

Мужики ушли в церковь, а бабы дома остались. Вот мама тетке и говорит: да кто это где с причетом ревет? Вышли из дому — а филин сидит на крыше. К худу!

На другой год в деревне тридцать два дома сгорело; дома густо стояли, все разом и погорели. А мы не сгорели. По нам отсекло.

(Записано в д. Шайдуриха.)

Перед тем, как помер муж, филин прилетел и сидел на антенне дома. Сама не видала, а после соседка сказывала, как мужа я похоронила.

(Записано там же.)

Неделю назад у нас в деревне дом сгорел. И в том краю перед тем кокушка коковала — на диво прямо в деревне. Обычно она в лесу кокует, а тут близко прилетела...

(Записано там же.)

Птицы издревле почитались как вестники — доброго или злого — у всех народов. Но если у одних вестником беды был, скажем, удод (в Абхазии), то у славян — это в основном филин. Кукушка — также вестница, вещунья. Вспомните знаменитое: «Кукушка, кукушка, сколько лет мне осталось?» А в той же Шайдурихе мне не раз доводилось слышать припевки типа:

Ой, кокушечка-горюшечка,
Не ты ли мне сестра?
Много горя и печалюшки
Не ты ли принесла?..

КОМ САЛА

Напротив нашего дома жила Зиновья, у ней был троюродный брат Данило. Раньше ведь ездили «стараться» (т. е. добывать золото.— О. Щ.). Вот он уедет на неделю, а к субботе — домой. Вот как-то уехал Данило, и в двенадцать часов ночи слышно: коробок подъезжает ко двору; шум, ржанье коней, стук в ворота, сами собой открываются закрытые на ночь ставни, и слышен на всю избу громкий голос: «Данилу затопило!» Стало быть, в шахте-то, в разрезе вода пошла. Все испугались, сидят, не шевельнутся. На другой день тот же голос: «Данилу затопило! Идите выручайте!»

В субботу Данило приехал, ему рассказывают про этот случай. Он и не поехал на работу-то: посмотреть, что будет. И вот в полночь опять то же: ставни распахнулись сами собой, и слышен возглас: «Данилу затопило!» А Данило-то дома. И он тоже слышит это, и вся семья его, и жена, и дети.

Мужики сговорились назавтра: зарядили ружья солью да медными крестиками. И вот как этак-то коробок подъехал и опять в ворота застучали, мужики из ружей давай палить по ставням и по дверям. Страшный шум поднялся, заохало что-то, застучало — и смолкло. Вышли в сенки — а там большой ком сала лежит. Затопили баню и сожгли его в печке.

Зиновья все это видела сама.

(Записано в г. Верхний Тагил.)

Мотив ложной вести. Нечистая сила представляется здесь имеющей явно телесный облик, в нее стреляют зарядом соли, сжигают в печи.

Подъезжающий экипаж — возок, тройка — распространенный в фольклоре образ нечистой силы. Он широко вошел и в русскую классическую литературу: «Чьи-то кони храпят у двора» (Есенин) — ее отголоски.

Замечательно, что видение явилось группе людей и было устойчивым в течение нескольких дней.

БЫЛЬ О БОГОРОДИЦЕ И СТАРАТЕЛЯХ

Мой отец был старатель. И подолгу искали золота. Бабушка Пея им говорит: «Хотите найти золото? В двенадцать ночи в лесу двенадцать раз прочитайте «Богородицу» и идите прямо на восход солнца». Отец думает: «И вот мы уже измучились искать, обнищали; сделаем, как она сказала». Прочитали «Богородицу» и пошли на восход. Шли-шли, сели покурить — видят: впереди идет женщина в белом и платочком машет. За ней пошли. Долго они шли-шли, шли-шли, уж все измучились. Никита и говорит: «Господи, да когда же мы дойдем?» Только сказал — и не стало женщины в белом. Они пошли на то место, где она остановилась, а там под березой вывороток, и в нем лежит большой самородок золота. Там они сделали шахту, я сама в ту шахту еду отцу носила. На двадцать пятом метре от земли здесь они нашли жилу и шли по ней вплоть до реки. Это в трех километрах от деревни Шайдуриха на реке Аятке.

(Записано от Марии Николаевны Новоселовой в д. Шайдуриха.)

Очевидна фольклорная основа сказов П. П. Бажова.

ПРЕДАНИЕ ОБ ИКОНЕ

Это предание живет на уральской земле с начала XVIII столетия. Оно изустное, хотя и записано в качестве такового на церковно-славянском языке в различных вариантах; это дает право рассказать его на свой манер.

...На месте нынешних горных заводов при наших прадедах были глухие леса. Там на ключике стоял скит монашествующих старцев. На них набрели бурлаки, что шли наниматься на работу в Невьянские заводы, к Никите Демидову. Этому разбогатевшему тульскому кузнецу Петр I в 1702 году передал тамошний казенный завод. Рабочие руки нужны были позарез в малонаселенных краях, и царь разрешил принимать рабочих без разбора их прежней жизни. Много шло лихих людей, перекати-поле, не имеющих ни кола, ни двора и ничем не дорожащих. Русь голяцкая, ушкуйная, потянулась туда, где по лесам и топям жили святые отшельники, о коих говорится: «душа да Бог».

Бурлаки, набредя на скит, там переночевали, а уходя его разграбили и сожгли, ненавидя то, что непонятно. Вряд ли было что грабить у отшельников. Самая большая ценность их была — старинного письма икона Знамения Богородицы.

Икону бурлаки бросили на дороге. Но уйти не смогли: Богородица возвращала их невидимой властной силой вспять; лежа поверженная в пыли, Икона была сильнее мощных бродяг. Тогда те, не в силах оставить ее лежащею на дороге, вернулись и решили донести до реки и бросить в воду. Однако Икона не потонула, а поплыла вверх по течению реки и приплыла к Невьянским заводам, где и очутилась на Тульской башне (ныне знаменитой Невьянской наклонной башне).

А в это время некоему жителю Савве Медведеву приснился сон: Богородица явилась к нему и сказала: «Ожидают тебя гонения и напрасные притеснения, но я тебя спасу. Только обрети меня на Тульской башне». Поутру Савва получает повестку в суд по подозрению в воровстве. Он срочно идет в Невьянск и обретает Икону Знамения Богородицы, точь-в-точь такую, какая явилась в видении.

Доказательств невиновности Савва представить не мог и был заключен в темницу. «Не усомнюсь в знамении Богородицы»,— подумал он и тут увидел Икону, малую аки ладанка: она в размерах уменьшилась и прошла невидимо сквозь стены узилища. И вскоре дверь тюрьмы распахнулась, и Савву выпускают с поклонами и извинениями, поймав настоящего вора.

Слава Иконы Знамения Богородицы разнеслась по заводам. Когда Медведев переехал в Верхний Тагил, Икону он взял с собою и передал ее церкви, которая и до сей поры зовется Знаменской. И та чудотворная Икона Знамения Богородицы — с печальным и нежным ликом Божьей Матери, скорбящей о нас, грешных, жестоких, насильниках друг над другом... Эта Икона на почетном месте, близ аналоя, в шитой старинным бисером ризе голубовато-серых тонов, древняя, прекрасная, с глубокой трещиной через всю доску, как шрам, знак былого поругания жестоких безбожников, которых Она победила незримою силой...

С этою Иконой вплоть до самой революции совершались крестные ходы по ближним селам и деревням, она творила многие исцеления, ею освящались поля.

Как-то в Верх-Нейвинске поленились и не вышли с хоругвями навстречу чудотворной Иконе на дорогу, как бывало прежде, думая в то лето обойтись без крестного хода. И вскоре там случился великий пожар, и много хороших домов выгорело...

Икона Знамения Богородицы в Невьянском и Верхнетагильском районах Свердловской области и ныне одна из самых почитаемых.

ВМЕСТО КОММЕНТАРИЯ

«На Руси спокон веку были «разбойнички» муромские, брянские, саратовские, бегуны, шатуны, бунтари против всех и вся, голь кабацкая, пустосвяты, сеятели всяческих лжей, несбыточных надежд и свар. Русь классическая страна буяна. Был и святой человек, был и строитель, высокой, хотя и жестокой крепости. Но в какой долгой и непрестанной борьбе были они с буяном, разрушителем, со всякой крамолой, сварой, кровавой «неурядицей и нелепицей»!»

Ив. Бунин. «Окаянные дни»

ЛУКУЛЛОВ ПИР

Фото Виктора МАРУЩЕНКО

СЕРГЕЙ КУЛЕШОВ,
доктор исторических наук

С ноября 1921 года по май 1922 года по Татарской республике случаев трупоедства — 72, людоедства — 223. По Башкирской республике соответственно 220 и 58. Представитель Здравотдела, давший эти сведения, сказал, что они далеки от истины, действительная цифра в десять раз больше.

Из рукописи доктора медицины Я. Виолина. Казань, 1922 г.

Постановлением Политбюро ЦК РКП от 12 апреля 1921 года был создан специальный золотой фонд для «лечения больных товарищей» — семей партийных бонз. 24 марта 1922 года на заседании Оргбюро ЦК РКП на это было ассигновано 200 000 золотых рублей. В мае 1922 года отправлены на лечение за границу жена Артема (Сергеева) с ребенком, в июле — Бош с дочерью, Стучка с женой, Данилов с дочерью, Русанов...

Начало двадцатых — самое страшное время для России. Нищета, разруха, голод... Но те, кто призывал народ во имя светлого будущего затянуть пояса, сами этого делать отнюдь не собирались. Напротив, усердно заботились о здоровье и благополучии собственном и своих близких. Так, в июне 1921 года в местные партийные организации рассылается за подписью секретаря ЦК Михайлова и наркомздрава Семашко специальная инструкция, в которой говорилось: «Ввиду крайней переутомленности ответственных партийных работников ЦК РКП предлагает порядок предоставления возможности использовать отпуск «для отдыха и поправления здоровья». Была разработана иерархическая система номенклатурных привилегий в зависимости от должности. Высшие партийные бонзы получали право «помещаться в специальные санатории. Управление курортами обеспечивает их полной санаторной нормой» [1].

6 апреля 1922 года на заседании Политбюро ЦК слушается вопрос «О результатах медицинского осмотра ответственных товарищей». Итоги оказались печальными — большинство ответственных товарищей признаны серьезно больными [2]. Сказывались авралы, штурмовщина, методы «красногвардейской атаки», усердное проталкивание «партийной линии» в ущерб конкретному делу. В интервью с Фарбманом, не опубликованном у нас, Ленин сказал: поскольку мы единственная партия, то вынуждены работать без смены до изнеможения [3]. Уж лучше бы не работали... Оттеснив от власти все политические организации, большевики осуществляли диктатуру своей партии, как правило, силовыми методами. Все это действительно подрывало и тело, и дух.

Но каким образом поправлялось здоровье представителей тоталитократии (термин, на наш взгляд, наиболее точно выражающий правящую партийно-бюрократическую элиту)? За счет народа, цинично и скрытно. Чего стоят рекомендации о лечении в Висбадене и Карлсбаде, Киссингене, Тироле.

24 марта 1922 года заседает Оргбюро ЦК РКП, на котором слушается вопрос о создании специального золотого фонда для «лечения больных товарищей за границей» и реализации соответствующих постановлений Политбюро и Оргбюро от 12 апреля и 5 августа 1921 года. Еще тогда Наркомфину было предложено ассигновать дополнительно (!) 100000 рублей золотом для выдачи необходимых пособий уезжающим за границу «больным товарищам». Составлялись сметы на специальный фонд. Так, решением Оргбюро от 12 апреля 1922 года для этих целей было ассигновано 200000 золотых рублей [4]. Именно этот год характеризовался потоком решений по отправке номенклатурных семейств с солидной валютной дотацией. Май 1922 года — отправлена за границу жена Артема (Сергеева) с ребенком. Июль 1922 года — Бош с дочерью, Стучка с женой, Данилов в Германию с дочерью, Русанов в Швейцарию [5]. И т. д. и т. п.

И именно этот год характеризуется самыми ужасными последствиями массового голода. Это прекрасно знали «слуги народа» — в высшие партийные инстанции непрерывно поступала страшная информация с мест.

20 декабря 1921 г. Всем членам Политбюро. *«Доношу, что в Любимовской волости... было обнаружено в декабре месяце человеческое тело у гражданина... Стешникова Василия, каковой вышеуказанное тело вырывал из могилы и употреблял со своим семейством в питание».*

3 января 1922 г. Всем членам Политбюро. Самара. *«Голодная... отрубила от человеческого трупа руки и ноги, каковые ела. Наблюдается голодание, таскают с кладбища трупы для еды. Наблюдается, детей не носят на кладбище, оставляя для питания... Нет возможности описать весь ужас голода, который убивает чувства еще живых...»* [6].

И это — еще далеко не вся правда. Факты, приводимые в рукописи доктора медицины Я. Виолина (Казань. 1922),— жуткие, но этот мартиролог продовольственной политики партии-государства знать необходимо, чтобы положить конец слюнявым побасенкам об аскетической скромности вождей революции, деливших с голодными детишками «картошку в мундире».

Вот некоторые данные из этой рукописи.

<u>По Татарской республике.</u> С ноября 1921 года по май 1922 года случаев трупоедства — 72, людоедства — 223.

<u>По Башкирской республике.</u> С сентября 1921 года по апрель 1922 года — 220 и 58 (Виолин замечает при этом, что представитель Здравотдела, давший эти сведения, сказал, что они далеки от истины, действительная цифра в десять раз больше).

А ВОТ ФАКТЫ:

Одиннадцатого мая 1921 года агентом уголовного розыска установлено, что гражданка города Мамадыша Татарской республики, Артемьева Анна, ее дети Федор 12-ти лет и Константин 10-ти лет, а также проживавшие у нее на квартире граждане Сазонов Терентий 70 лет и его жена употребляли в пищу части человеческого трупа утопленника, найденного на берегу реки Вятки.

В селении С. Славино, Пугачевского уезда Самарской губернии официально засвидетельствован факт кормления матерью 3-х детей трупом умершей 13-летней дочери. У крестьянки Алексеевской волости, Спасского кантона Надежды Ивановой имелось 5 детей, из которых двое умерли. Одного ребенка Иванова съела целиком, от 2-го остались только ноги, изрубленные в куски. На допросе полуобезумевшая от голода женщина заявила, что, если помощь не придет, она съест и остальных детей.

В деревне Кармане Марасинской волости Спасского кантона крестьянка Васфазнмвл Сафиуллина, терзаемая голодом, зарезала свою дочь 12 лет и съела ее при участии второй дочери. В с. Три Озера Спасского кантона голодные мальчики зарезали брата. Они положили его на пол, перерезали ему горло, распороли живот, затем разрубили тело на куски и начали печь в печке. В городе Агрызе в мае месяце рабочие, выйдя с вокзала в пять часов утра и очутившись вблизи кладбища, увидели страшную картину: человек двенадцать вырезали от трупа мягкие части тела и тут же в сыром виде поедали это мясо. К тому же, это был труп умершего от заразной болезни [7].

СЛОВА ОДНИ — ДЕЛА ДРУГИЕ...

Закономерен вопрос: а что же вожди, руководители? Наверное, недоедают, каждый кусочек стремятся оторвать от себя, чтобы отдать голодающим. Как бы не так!

Вот, к примеру, что пишет супруга Сталина Н. Аллилуева М. Калинину 15 марта 1921 года.

В выдаиный продуктовый месячный паек входило 15 куриц «исключительно для Сталина», 15 фунтов картофеля и одна головка сыра («это уже общее»). Уже 10 куриц израсходовано, а впереди еще 15 дней.— «Сталину же ввиду диеты можно питаться только курами». Аллилуева просит в списке продуктов увеличить количество кур до 20 штук, картофеля до 30 фунтов, а сыра не одну головку, «так как с этими продуктами такая же история, как с курами, хотя они и для общего пользования» [8].

В 21-м году Сталин еще не был на самом верху партийной иерархии, потому и нет в его пайке черной и красной икры, как у Ленина, Троцкого...

А ведь как на словах в это же время заботился товарищ Сталин о необходимости «сохранить и укрепить доверие рабочего класса... систематически воспитывать рабочий класс в духе коммунизма» [9]. Но стандарт двойной морали — «слова одни — дела другие» — был для Сталина, как, впрочем, и для всех большевистских руководителей, политическим кредо.

Когда известный большевик С. И. Гусев ехал на IX съезд РКП(б), его отдельный вагон, благодаря упрямству и настойчивости начальника заградительного отряда, был проверен на предмет провоза нормированных продуктов. Таковых оказалось изрядное количество: окорока, колбасы, консервы, крупа, в том числе около тридцати бутылок спиртных напитков (формально в России еще действовал сухой закон). В ответ на вопросы начальника заградотряда Гусев заявил, что тот «хам, дурак и болван». Это дело, как и множество подобных, завершилось постановлением Оргбюро и Наркомпрода, давшим «полную возможность освободить ответственных товарищей от осмотра заградительными постами» [10].

Стоит, ох, как стоит заглянуть в бухгалтерские ведомости Управления делами ЦК РКП за 1921—1922 годы. Создается впечатление, что это какой-то анклав продовольственного изобилия. День начинается с записок и распоряжений в различные продовольственные инстанции. Подводы, грузовики с продуктами движутся к штабу партии трудящихся. В июне 1921 года Управделами ЦК пишет на имя секретаря ВЦИК Енукидзе: *«Ввиду крайне тяжелого продовольственного положения **наиболее ответственных*** (подчеркнуто мной.— С. К.) *работников секретариата ЦК РКП необходимо установить для них регулярную ежемесячную выдачу продуктов питания»* (это — помимо питания в столовой). Прилагается смета продуктов на 1 человека в месяц.

Сахару — 4 фунта; чаю — 4 фунта; муки ржаной — 20 фунтов; мяса — 10 фунтов; масла сливочного — 3 фунта; сыру или ветчины — 4 фунта; сушеных овощей — 5 фунтов; соли — 1 фунт; мыла простого — 2 куска; туалетного — 2 куска; папирос — 500 штук; спичек — 10 коробков [11]. Мелькают в накладных ящики с вином, коньяком, бужениной, иные деликатесы.

Не отставали от «старших товарищей» их партийные коллеги на местах. Например, в Татарском обласкоме, там, где голод свирепствовал особо люто. Просматривая накладные обласкома РКП за конец 1922 — начало 1923 года, видишь в списках такие продукты, как мясо, причем с обязательной маркировкой «продукт доброкачественный», масло, мука и т. п. Позволяют себе побаловаться «вкусненьким» ответственные товарищи. Отсюда — расписка в хозяйственную часть обласкома — «получено масла коровьего 1/2 фунта к чаю на пленум ОК».

А вот еще один документ холуйского раболепия: *«В хозчасть обласкома. Получено ландрину 1 1/4 фунта к чаю зав. отделом ОК с 2 по 6 января 1923 г. и кофе 2 фунта на январь месяц»* [12]. Лакомились карамельками с кофе, а в это время в Татобласком шли сводки — «случаи людоедства и трупоедства», «есть волости, где население питается одними суррогатами» [13].

Система, обеспечивая безбедное проживание своих функционеров, создавала всевозможные препоны для продовольственной и финансовой помощи «проклятого империализма». Пусть люди будут умирать с голоду, но не брать помощь от классовых врагов.

Наглядно это проявилось в отношении к Американской администрации помощи — АРА. Делалось все, чтобы дискредитировать эту организацию, преуменьшить значимость ее акций по организации помощи голодающим Советской России. В продовольственные посылки клали листовки будто это закупленное страной на золото продовольствие. Скрывались подлинные масштабы продовольственной помощи. А она была велика. Об этом свидетельствует письмо полномочного представителя правительства РСФСР при всех заграничных организациях помощи голодающим А. В. Эйдука от 13 марта 1922 года.

Директору Русского отдела АРА полковнику В. Госкелю: ***«На пожертвования американского народа АРА может только на Волге кормить 5 млн. взрослых и 2 млн. детей в течение пяти месяцев».*** Но поскольку, вследствие замерзания Балтийского моря, грузы запаздывали, то, по мнению Эйдука, можно было немедленно приступить к оказанию помощи голодающему Крыму [14].

Однако уже 17 марта командующий войсками Укрепрайона Крыма М. Фрунзе посылает на имя Ленина, Зиновьева, Каменева и Сталина телеграмму следующего содержания: ***«При посещении Одессы лично убедился в явном стремлении организации АРА широко развернуть свою деятельность в Одесском районе и создать в самой Одессе базисный склад.***

Допуская, что за спиной АРА пробираются враждебные нам организации, считаю необходимым прекратить такого рода стремления, развернутые на побережье Черного моря» [15]. Вот так — пусть гибнут дети и взрослые, лишь бы соблюсти свои интересы.

Такая же политика проводилась и поддерживалась Лениным. 31 декабря 1921 года Политбюро ЦК РКП(б) отказывается от предложений АРА о закупке хлеба и семян для голодающих губерний России. Мотивировка все та же: политическая «невыгодность». Скорее всего, в действиях АРА были и интересы разведывательного характера. Страна, осуществлявшая широкомасштабный экспорт мировой революции, представляла немалую опасность. Но разве это было главным, когда люди пухли от голода?! Впрочем, сами власти искали любые лазейки, чтобы урвать для себя от иностранного пирога. Показательно письмо, написанное в 1922 году председателем одного из облисполкомов на имя руководства АРА. Он просит, в обход существующего порядка, выделить дополнительные посылки для своих детей. За это обещает подарить самодельную папиросницу, которую «никто не сможет открыть» [16].

Вельможи от партии открывали недоступные для других двери к изобилию. Особо выделялся своим «гедоизмом» тиран Питера Г. Зиновьев. Очевидцы вспоминают, что по его личному распоряжению в Смольном стали давать так называемые комиссарские обеды, которые не только на фоне революционного всеобщего недоедания, но и в мирное время могли казаться лукулловыми [17].

Система, творя этот лукуллов пир во время голодной чумы, позволяла и другим в качестве поощрения «прикоснуться» к заграбастанным ею богатствам. В архиве Гуверовского института войны, революции и мира, в фонде Б. Николаевского сохранились анонимные воспоминания советского певца «Как я пел перед Сталиным». Речь идет о 1940 годе, когда был уже провозглашен курс на «коммунистическое строительство». Правда, это лишний раз подтверждает приводимый документ: кое-кто уже при этом коммунизме жил. После выступления перед Сталиным и другими вождями в Кремле участников ансамбля наградили орденами:

Все на продажу... Поволжье, 1921 год

«Но все мы с нетерпением ждали не орденов, а ордеров в один из закрытых кремлевских распределителей... С этими ордерами мы могли идти в распределитель, где нормально могут покупать только высшие кремлевские чиновники, и по ценам гораздо более низким, чем в обычных государственных магазинах. К тому же, в этих распределителях были вещи, которые только во сне видит обыкновенный советский обыватель. Тут всего за 400 рублей мы могли купить радиоаппарат СВД, который для простых смертных стоил 1500 рублей. За 200 рублей могли купить часы ЗИС, которые для смертных стоили 600 рублей, за 180 рублей — костюм, который стоит 800 рублей. А продукты! В этом «распределителе для коммунистической аристократии» мы могли по этому ордеру свободно купить сало, масло, крупы, сахар, что являлось совершенно недоступным для рядового советского гражданина. Тут были (о, счастье женщин!) кастрюли, сковородки, тарелки, чего в Советской России ни за какие деньги найти было нельзя.

У дверей распределителя нас останавливали дежурившие с раннего утра спекулянты, предлагая по 1000 рублей за ордер. Но никто из нас этой тысячью рублей, конечно, соблазниться не мог. Целых два чемодана я набил в распределителе всякими продуктами. Купил жене две кастрюли, сковородку, три тарелки, купил масла, сала, крупы, сахара, колбасы. И теперь с этими чемоданами, счастливый, возвращался домой, предвкушая, как вечно недоедающая моя семья будет радоваться всем этим продуктам».

ЩЕДРОСТЬ ЗА ЧУЖОЙ СЧЕТ

«Помоги голодающим Поволжья» — призывы начала 20-х годов. Как утверждалось, во имя этой гуманной цели изымались ценности, опустошались музеи... Однако голодающим из изъятого доставались лишь крохи. Вдохновителей экспроприаций волновали другие заботы.

В присланной в 1931 году из СССР на имя П. Б. Струве шуточной «Поэме о бедламе», анонимно подписанной Василем Молотобойцем, есть строки, обличавшие сталинскую политику обдираловки населения:

Содержу я за границей банды,
И в Москве легко мы сводим счет,
Коминтерн на дело пропаганды
Всенародно денежки сосет[18].

«Банда» — «пропаганда» — не для рифмы. Архивные документы подтверждают правомерность такого сравнения. Посмотрите на совершенно секретную схему функциональной структуры Коминтерна в Германии (1921 год). Здесь и «контрразведка», «лагеря», «закупочный отдел», «экспертный отдел», «особый отдел» и многие другие службы, наглядно демонстрирующие суть этой «пропагандистской» организации.

Молох мировой революции требовал. Отбирая последнее у собственного народа, система бросала в топку раздуваемого ею пожара национальное достояние. Это стало сутью геополитики интернационального гегемонизма. Наглядное свидетельство тому — протоколы заседания Оргбюро ЦК РКП (б): 18 ноября 1921 года — отпустить Коминтерну 5 тыс. германских марок; 19 мая 1922 года — утверждается смета ЦК РКП на золотую валюту на август — сентябрь: ЦК КП Латвии — 20 000 р., ЦК КП Эстляндии — 13 000 р., ЦК КП Финляндии — 50 000 р.[19]. И таких фактов множество.

Небезынтересны и данные о том, во что обходились разведывательные акции: во имя все той же идеи мировой революции. В феврале 1921 года на Оргбюро рассматривалась переданная от Дзержинского «просьба тов. Раковского ассигновать миллион валютой для закордонной работы».

Резолюция: направить просьбу в Коминтерн для срочного рассмотрения[20].

По данным советских перебежчиков, на содержание агентуры в Берлине тратилось 20 тыс. долл. (1922 г.), 35 тыс. (1923 г.), 45 тыс. (1924 г.), 75 тыс. (1925 г.). В 1926 году весь бюджет ГПУ составлял 60 млн. золотых рублей. Немалые средства ассигновались и на «воспитательные нужды». 29 июля 1921 года на Оргбюро ЦК «слушали: *об отпуске средств для содержания лагерей ВЧК в Архангельской губ. (на 12 000 чел.). Постановили: отпустить на содержание лагерей 2.318.000 руб.*[21].

«Диалектика» интернационалистско-партийной совести была такова, что у своих можно было отбирать, а чужим отдавать. Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» превращался в черную дыру, куда утекали продовольствие и ценности. Вспомним, как у Булгакова мужеподобная заведующая культотделом предлагает профессору Преображенскому взять несколько журналов в пользу детей Германии:

«Нет, не возьму,— кратко ответил Филипп Филиппович, покосившись на журналы. Совершенное изумление выразилось на лицах, а женщина покрылась клюквенным налетом.— Почему же вы отказываетесь? — Не хочу.— Вы не сочувствуете детям Германии? — Сочувствую.— Жалеете по полтиннику?! — Нет.— Так почему же? — Не хочу»[22].

А в 1921 году во все губкомы партии рассылается циркуляр о борьбе с излишествами. В частности, жены коммунистов или коммунисты в случае появления в общественных местах с золотыми украшениями должны были сдать их в пользу МОПРа или детей Германии[23]. Почему Германии, а не России? Или голодающих Поволжья? Это ведали только устроители мировых революционных спектаклей.

Но золотишка из госказны явно не хватало. С собственной Родиной поступали как конкистадоры, которые уникальные золотые изделия инков и ацтеков переплавляли на лом. Показательно, что расстрелом царской семьи большевики не ограничились. Изъятые драгоценные вещи, семейные реликвии, имеющие художественную ценность, в том числе и нательные кресты, образки, медальоны, были пущены на переплавку[24].

В августе 1922 года активно работает комиссия по изъятию экспонатов высокоматериальной (заметьте — не духовной, а именно материальной) ценности из музеев. Хотя в нее включены представители Наркомпроса и Главмузея (И. Э. Грабарь), директор Эрмитажа (Тройницкий), но главную скрипку играют особый уполномоченный СНК Базилевич и представитель Наркомфина и Гохрана Вейс. Комиссия производит осмотр музейных экспонатов высокой материальной ценности в Оружейной палате и постановляет: передать в Гохран панагию, снятую с евангелия из Троице-Сергиевой лавры, с бриллиантами, розами и цветными камнями. Далее следует — глазетовая, с жемчугом, бриллиантами и цветными камнями митра Елизаветы Петровны, застежка от порфиры золотая с изумрудами и другие ценности. И вот уже готов подробный список, однако сверху следует окрик: подобные акты нам не нужны, нам требуется: «обследовали Сергиев музей, изъято столько-то пудов серебра, золота, на такую-то сумму сдано в Гохран». В итоге в совершенно секретном циркуляре приводится форма, по которой требуется регулярно сообщать сведения об исследовании и изъятии ценностей.

Обследован музей	Изъято столько-то (пудов)	На такую-то сумму	Сдано в Гохран
такой-то	серебра, золота, и пр.		

16 октября 1922 года Базилевич пишет секретарю Ленина докладную записку следующего содержания: *«Сообщаю, что Комиссия свои работы закончила... обследованы музеи Москвы, Петрограда и их окрестностей и назначено для передачи в фонд республики до 25 фунтов золота в изделиях, серебра в изделиях до 35 пудов и до 150 карат бриллиантов... сданы в Гохран»*[25].

Но вот куда пошли эти ценности? Есть все основания предполагать, что «без мировой революции» здесь не обошлось. Ибо откуда появились крупные бриллианты у известного финского (а затем советского) деятеля Отто Куусинена (он еще в 1920 году снабжал ими коммунистов за рубежом)[26]. Давали продукты, деньги бастующим иностранным «братьям по классу», а у своего народа подводило от голода брюхо.

Да, поиск счастья во имя человечества и за счет человека обернулся подлинным преступлением. И высший суд тоталитарной системе, облачившейся в тогу социализма, — суд истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Партийный архив Татарского обкома партии, ф. 15, оп. I, д. 74, л. 41.
2. ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, д. 50, л. 120.
3. Л. Фишер. Жизнь Ленина. Лондон. 1970. С. 889.
4. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 112, д. 303, л. 2, 18, 19, 20.
5. Там же, д. 925, л. 2; д. 339, л. 5, 6.
6. Там же, ф. 5, оп. 2, д. 45, л. 1, 3.
7. Архив Гуверовского института войны, мира и революции ГА, коллекция Виолина Я. А.
8. ЦПА, ф. 78, оп. 1, д. 46, л. 2.
9. Сталин И. Сочинения. Т. 5, с. 13.
10. См. Наше Отечество. М., 1991. С. 82.
11. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 65, д. 643, л. 35, 36.
12. ПАТО, ф. 15, оп. 1, д. 875, л. 1, 3, 5, 9, 30.
13. Там же, д. 568, л. 109, 206.
14. ЦПА, ИМЛ, ф. 5, оп. 1, д. 45, л. 7.
15. Там же, л. 10.
16. ГА, коллекция АРА.
17. Там же, коллекция Б. Николаевского, кор. 137.
18. ГА, коллекция П. Струве, кор. 25.
19. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 112, д. 244, д. 331, л. 10.
20. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 112, д. 123, л. 3.
21. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 112, д. 195, л. 3.
22. Михаил Булгаков. Собрание сочинений в пяти томах. Том второй. М., 1989. С. 139.
23. Партийный архив Новосибирской области, ф. 10, оп. 1, д. 564, л. 79.
24. Коллекция ЦГАОР.
25. ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 2, д. 341, л. 26, 27, 33, 34, 36, 39, 45.
26. См. «KGV». 1990. № 4, р. 12.

МЕНЮ

БУФЕТА ОБЩЕГО ЗАЛА СТОЛОВОЙ ЦК КПСС

на 5 мая 1988 года

Грамм			Коп.
	ЗАКУСКИ		
100	Салат с крабами		30
100	Салат из квашеной капусты с яблоками		06
100	Салат из редьки с луком		07
50	Салат из огурцов		10
100	Салат из моркови с орехами		12
50	Салат из помидоров с раст. маслом		16
20/5	Икра паюсная с луком		76
30/10	Спинка осетра с огурцом		45
90	Треска по-шведски		15
30/10	Бекон с хреном		10
100	Сыр домашний		09
180	Кефир		06
180	Кумыс		19
180	Простокваша		07
180	Ряженка		08
100	Сливки		09
130	Творог с сахаром и сметаной		16
110	Сметана с сахаром		19
50	Сметана		09
10	Масло сливочное		04
20	Масло растительное		04
10	Сахар-песок		01
	ПЕРВЫЕ БЛЮДА		
300/25	Суп картофельный с осетриной		28
300/25	Суп харчо с бараниной		21
300/10	Щи из свежей капусты со сметаной		15
300	Суп молочный гречневый		09
	ВТОРЫЕ БЛЮДА		
75	Кижуч отварной		32
75	Муксун жареный		38
90	Тельное из судака		32
100	Котлеты полтавские		37
50	Котлеты полтавские		23
100/75	Треска тушеная с овощами		25
150/40	Судак в тесте жареный		38
75	Эскалоп из свинины		45
180	Макароны с сыром		14
150/25	Колобок творожный с курагой		32
150/20	Оладьи со сметаной		16
150/30	Оладьи с протертой малиной		16
200/10	Каша пшенная молочная с маслом		09
60	Пирожок слоеный с печенкой		13
	ОВОЩНЫЕ БЛЮДА		
100/15	Пудинг из свеклы со сметаной		09
150/5	Рагу из овощей с грибами		21
100/20	Биточки морковные с изюмом		16
	ГАРНИРЫ		
150	Картофельное пюре	1	06
105	Капуста тушеная квашеная	2	06
110	Рис припущенный	3	06
130	Свекла тушеная	4	06
	СЛАДКИЕ БЛЮДА		
180	Кисель из черной смородины		08
150/30	Кисель с мороженым		13
180	Компот из свежих фруктов		17
200	Сок из брусники		19
60/40	Чернослив со взбитыми сливками		20
50/10	Брусника с сахарной пудрой		25
1 шт.	Пирожное		11
100	Мороженое		20
190	Молоко		06
1 ст.	Чай зеленый с сахаром		03
1 ст.	Чай с сахаром		03
1 ст./30	Чай с вареньем ореховым		07
180	Какао		08
180	Кофе с молоком		16
150/30	Кофе черный с мороженым		26
80	Кофе черый		08
7	Лимон		03
	КОМПЛЕКСНЫЙ ОБЕД		
300/25	Суп харчо с бараниной		
50	Котлеты полтавские		52
180	Кисель из черной смородины		
	ПОРЦИОННЫЕ БЛЮДА ГОТОВЯТСЯ ПО ЗАКАЗУ		
	I		
300/2 шт.	Похлебка по-суворовски с расстегаями		32
	II		
75	Осетрина жареная		96
125	Котлета юбилейная		49
150	Шампиньоны в сметанном соусе		68
320	Окунь по-московски		58
75/150	Филе со сложным гарниром		53
115	Омлет с зеленым луком		25
	ХЛЕБ		
76	Хлеб столовый		01
71	Хлеб ржаной заварной		01
43	Хлеб ржаной российский		01
36	Хлеб пшеничный		01
30	Батоны нарезные		01

По желанию вторые блюда отпускаются без гарнира, при этом стоимость блюда уменьшается на 6 коп.

МЕНЮ

ОБЫЧНОЙ СТОЛОВОЙ ДЛЯ ТРУДЯЩИХСЯ

на 6 марта 1990

	ХОЛОДНЫЕ ЗАКУСКИ	
100	Салат из квашеной капусты	04
100/½	Салат из свеклы с яйцом, майонезом	10
150	Салат мясной	22
100/30	Студень гов. с хреном	17
50/10	Лосось-горбуша с луком	28
35/50	Сельдь с луком	15
100	Сметана	18
	ПЕРВЫЕ БЛЮДА	
50/500	Суп рисовый с курами II кат.	28
1/500	Бульон с яйцом	32
	ВТОРЫЕ БЛЮДА	
100/8	Котлеты «особые» с м/сл	22
100/75	Куры II кат. отварные (нет)	44
75/75	Бефстроганов (нет)	46
75/100	Мясо тушеное (нет)	40
75/75	Мясо отварное (нет)	31
300/15	Каша геркулесовая с м/сл (нет)	14
	ГАРНИР	
100	Картофельное пюре	05
100	Макароны отварные	03
	НАПИТКИ	
200	Компот из сухофруктов	08
200	Какао на молоке (нет)	09
200	Кофе б/раст.	13
200	Чай инд.	01
200	Чай разовый	04
200	Чай кит.	01
15	Сахар ресторан.	02
200	Напиток ябл./вишневый	13
2к/31	Хлеб пшен.	01

ЮРИЙ ОРЛОВ,
почетный председатель Международной Хельсинкской Федерации (США)

СВОБОДА — В ВАС САМИХ

Понятие «Права человека» в цивилизованном мире наполнено не только политическим, юридическим, но и философским содержанием. Самоценность человека выше его политических убеждений.

Тем не менее, надежда на то, что и мы научимся, появилась. В стране одна за другой возникают правозащитные группы, которые, по точному выражению Кэтрин Фицпатрик (США), станут буферными зонами между властью и народом.

Наш журнал начинает публикации по этой проблеме. Мы предоставим свои страницы зарубежным и отечественным правозащитникам. Статья Ю. Орлова в этом номере передана московской группой «Хельсинки».

Каждому, кто занимается правами человека, рано или поздно приходится сталкиваться с такими трудными концептуальными и моральными проблемами, которые иногда приводят в отчаяние и к большим сомнениям. Прежде всего, задается вопрос — а нужны ли человеку права человека? Эта очень старая проблема существует потому, что есть известная и правильная точка зрения, что свобода человека — это прежде всего внутренняя свобода, а не внешняя свобода. И если ты свободен внутренне, то так ли уж важно, что происходит в этом мире? Это было выражено многими авторами и даже нашим Пушкиным, когда он писал: «И мало горя мне, свободно ли печать морочит олухов, иль чуткая цензура в журнальных замыслах стесняет балагура... Иная, лучшая, потребна мне свобода; зависеть от царя, зависеть от народа,— не все ли мне равно? Бог с ними! Никому отчета не давать, себе лишь самому служить и угождать. Для власти, для ливреи не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи. По прихоти своей скитаться здесь и там». Если взять хотя бы эти стихи Пушкина,— вот оно, счастье, вот свобода в вас самих! Мысль кажется мудрой, может быть, потому что стихи очень красивы. Так молодым ребятам кажутся умными красивые девушки. На самом деле эта мысль глубоко нелогична. Пушкин сам говорит, что он хотел бы «по прихоти своей скитаться здесь и там» — вот свобода, но и через сто лет, и в то время, когда он это писал, он имел лишь относительную свободу «по прихоти своей скитаться здесь и там», а его крепостные этой свободы не имели. Через сто лет колхозники тоже этой свободы не имели. Прошло 150 лет, и вы не можете сказать, что вы обладаете такой свободой. А у Пушкина даже не возникло мысли, что может и не быть этой свободы «скитаться здесь и там». У нас этой свободы и сейчас нет. Поэтому ответ такой: конечно, совершенно очевидно, что внутренняя свобода это и есть настоящая свобода. Но ее не может быть, если не выполнен определенный уровень внешних свобод. И в этом все дело. А если ваше детство прошло в таких условиях, что вас воспитали рабом, и вы потом всю жизнь «выдавливаете из себя по капле раба» — это не свобода. Если, побывав в лагерях, вы, задыхаясь от ненависти, начали считать — хватит ли столбов от океана до океана, чтобы повесить всех ваших мучителей, то у вас душа несвободна. Хотя вы и сопротивлялись до конца, но если возникла ненависть, то уже нет свободы в душе. Поэтому я и говорю, что для внутренней свободы нужен определенный уровень свобод внешних. Это совершенно очевидно. Одна из тяжких проблем, которая возникает в трудных ситуациях,— а они, может быть, в ближайшие времена опять наступят,— это вопрос о том, за кого же мы боремся? Мы — за людей, а все ли люди — люди? Может получиться, что люди, за свободу и права которых вы боролись, отдали часть своей жизни, эти люди проклянут вас же публично! Как это и было даже в период гласности, когда многие интеллигенты все еще боялись сказать что-нибудь положительное о диссидентах, которые продолжали сидеть в лагерях. Так для кого и за кого мы боролись? Для вот этих же и за этих же людей! Почему? Потому что, может быть, только продавши нас, они начнут сомневаться и начнут развиваться. А без этого, может быть, с ними ничего и не произойдет. За это развитие и движение мы и боремся. Но это еще не самый трудный вопрос. Если вы помните, Салтыков-Щедрин писал: «Взгляни на первую лужу — в ней найдешь гада, который геройством своим всех прочих гадов превосходит и затемняет».

Вы боретесь за права человека, и это означает, в частности, за равенство прав всех людей, а вам говорят, что люди — стадо, что люди, как и животные, подвержены иерархической структуре, они любят или быть лидерами или иметь лидеров, или быть Наполеонами, или подчиняться Наполеону, и им это равенство совсем не нужно. К сожалению, вот на такое соображение ответа вообще нет, потому что это правда. Люди — существа сложные, они хотят и равенства, и в то же время господства, мы это знаем. И ответ тут только один: если у вас такое сомнение возникло, значит вы не защитник прав человека. Отойдите в сторону, займитесь другими делами...

Из этого примера видно, что нужны разные деятели: и те, которым нравится такая иерархическая структура, потому что она в половине нашей души содержится, и те, которым нравится демократия, равенство, и это тоже в нашей душе содержится. Все в обществе нужно; нужны «правые» и нужны «левые». Это один из основных базисов правозащитного движения просто потому, что человек сложен, и разные течения отвечают разным сторонам нашей души, или разным людям с разными устремлениями.

Мы подошли к политической стороне правозащитного движения — в каких отношениях находится политика и борьба за права человека? Вопрос не простой. Очень часто правозащитники открещиваются от политики, считая, что это дело нужное, но не чистое. Особенно трудно объединить себя с политикой в ситуациях, когда режим тоталитарный или диктаторский. Это как раз было у нас, и может быть теперь. Опять волна пройдет туда, потом обратно. В такой ситуации надо четко себе представлять, где граница между борьбой за права человека и политической борьбой, потому что на самом деле внешне как бы границы нет — всегда, когда вы боретесь против диктатуры, вы боретесь одновременно и за права человека. Значит, когда нас обвиняют в том, что наша деятельность является политической, то правильно обвиняют — она автоматически является политической, как бы мы ни открещивались от этого. Права человека в тоталитарном режиме — это политический вопрос, это вопрос перехода к другому режиму, в рамках диктаторского режима вы все равно не добьетесь соблюдения прав человека.

Есть критерий, по которому можно отделить правозащитников от политиков. Каждому стоит осознать, где лежит этот критерий. Во-первых, наше движение ненасильственное. Я не хочу сказать, что насилие всегда плохо. Бывают ситуации, например, нацистский режим, или сталинский (который, правда, прошел без контрнасилия), или даже режим апартеида, когда очень трудно требовать от людей, чтобы никакого контрнасилия не было. Но мы, правозащитники, в этом не участвуем. Это один из критериев отличия правозащитного движения от движения политического. Затем надо отметить недопустимость использования лжи в системе информации. Для политиков это допустимо, к сожалению. Я однажды в Париже беседовал с очень уважаемой дамой, которая занимается правами человека, и сказал, что, по-моему, и президенту тоже лгать не положено. Но она считала, что президенту не лгать невозможно. Такой опыт она вынесла из этих кругов. Так что, может быть, в политике действительно иногда приходится врать. Но это, я бы сказал, не мое дело. Наше дело состоит в том, что мы никогда не должны давать лживую информацию. Она может быть ошибочной, но

она не должна быть недобросовестной. Почему это так? Прежде всего, например, потому что потом, через какое-то время, это обернется бумерангом не против нас, может быть, но против наших же целей. Даже самые плохие люди, которые предавали нас, они-то нас по-своему уважают за то, что мы не лжем, они знают, что мы правы. А если они увидят, что мы лжем, то эффекта даже после нашей смерти не будет.

Дальше идут критерии, может быть, не столь стройные,— это независимость не только от управляющих сил, не только от правительства, но и от политики позиции, от общественного мнения. Наша информация, наше понимание прав человека не должно зависеть ни от того, к какой политической позиции мы принадлежим, ни от того, что думает большинство людей. Большинство людей нацистской Германии думало, что Гитлер хороший, а евреи плохие. Очень многие при Сталине думали тоже бог знает что. Мы не должны следовать за большинством, у нас свои принципы, и мы должны следовать своим принципам. Этот критерий — независимость даже от политической позиции — на самом деле определяет совершенно чистое правозащитное движение.

В мире очень много правозащитных движений, одновременно связанных с определенными политическими силами. Такие смешанные движения, вероятно, возникнут и у нас. Если раньше в СССР наше движение было «чистым», может быть, потому что нас было очень мало, то теперь нас очень много, и в рамках политической борьбы каждый правозащитник, вероятно, будет принадлежать к той или другой политической мысли. Хотя бы не партии, но мысли. Но все же было бы лучше, если бы обязательно существовало чистое правозащитное движение, а остальные смешанные не запрещены, потому что они существуют во всем мире. Я знаком с ними постольку, поскольку участвовал в разных защитах. Например, в защите палестинских ученых, которые содержались в тюрьме без суда и следствия в течение длительного времени, что является нарушением прав человека независимо от того, виноват он или нет. Нужно доказывать вину, а не просто содержать людей в тюрьме. Я знакомился с докладами палестинских групп по правам человека и убедился, что они дают информацию о нарушениях прав палестинцев и совершенно не касаются нарушений прав человека в арабских странах. Мы не можем обвинять группы за то, чего они не делают, важно чтобы то, что они сообщают, было правдой. У меня все же создалось впечатление, что этому критерию они удовлетворяли. Но это — политизированные организации. Таких организаций на Западе очень много. В Соединенных Штатах я таких людей встречал; если он левый, то будет защищать левых, если правый — он будет защищать правых. Я агитирую за более чистое правозащитное движение, свободное от влияния политических партий как левых, так и правых, потому что права человека — это не «левая» и не «правая» проблема. Они выше политики. Многие организации на Западе этому критерию независимости от политических организаций удовлетворяют полностью (например, «Международная Амнистия» или у нас в Америке — «Хельсинки Уотч» и «Америкен Уотч»). Они стараются быть объективными и давать информацию о нарушениях прав человека как в родной, так и в других странах. Если, скажем, в СССР придет к власти другая волна, и демократы начнут нарушать права человека, будут судить коммунистов неправедно, мы должны защищать и коммунистов. Например, известно, что в Польше Тыминьского захотели судить по статье, которая эквивалентна нашей 70-й статье, потому что и сейчас они не изменили Уголовный кодекс. Я считаю, что в этом случае правозащитная организация должна выступить против. В таких случаях следует сказать, что закон плох и не следует использовать этот закон даже против мошенника или агента старых спецслужб.

Очень интересен вопрос о соотношении между законом вообще и правозащитным движением. Каким законам мы должны подчиняться и на какие законы ссылаться? Особенно это интересно в нашей современной ситуации, когда существуют законы союзные и республиканские. Для нас, правозащитников, законом является комплекс правозащитных актов, принятых международными организациями, Организацией Объединенных Наций, в особенности. Эти акты выше всех национальных законов. Мы должны руководствоваться Декларацией Прав Человека Организации Объединенных Наций, Заключительным документом Венского совещания по безопасности и сотрудничеству, Заключительным документом Копенгагенского совещания по правам человека и всем комплексом правовых документов, часть из которых подписана Советским Союзом. Если национальный закон соответствует этим международным актам, мы на это указываем и можем дополнительно опираться (я излагаю свою точку зрения) на национальные законы и указывать, что правительство нарушает свои собственные законы. Но если национальный закон не соответствует международным актам по правам человека, мы, в этом случае, подчиняемся международным актам по правам человека. Иначе мы просто должны были бы, например, в 1976-м году не создаваться вообще. Наша Хельсинкская группа, как было сказано в заявлении ТАСС, являлась «антиконституционной». Она и была антиконституционной, потому что тогда, согласно 20-й статье Конституции, всякая общественная организация должна была работать «под руководством» Коммунистической партии. А наша организация не работала под руководством КПСС и поэтому была точно антиконституционной. Если мы будем подчиняться таким законам, а не международным актам, нам просто невозможно будет заниматься правами человека. Кроме того, законы бывают разные. Надо иметь в виду, что нацистское государство было правовым государством, и это надо помнить. И осуждали там людей по тем законам, которые были приняты после прихода нацистов к власти, и по этим законам все было в порядке! Такова ситуация взаимоотношений между законом и правозащитным движением.

Принято разделять права человека на индивидуальные и коллективные, и особенно любило это разделение советское правительство. Оно всегда указывало, что на Западе больше индивидуальных прав, зато в СССР — права коллективные. Это чепуха. Каким правом является право издавать рабочую газету — коллективным или индивидуальным? Право писать статьи в рабочей газете? Каким правом является право организовать профсоюз или вести агитацию за профсоюз — коллективным или индивидуальным? Когда Советы говорили о коллективных правах, они говорили о крыше над головой, как вы знаете, но мы-то знали, что крыши этой нет. В этом смысле они старались дезинформировать общественность Запада.

Четкой границы между коллективными и индивидуальными правами на самом деле нет. Если нет индивидуальных прав, то не будет и коллективных. Например, вы не можете агитировать за права рабочих, потому что агитация будет запрещена вам как индивидууму.

Какова связь между правами человека и демократией, демократизацией вообще и международным миром и международной безопасностью. Мы, советские диссиденты, постоянно подчеркивали и всегда были убеждены, что единственный способ подвести прочную базу под международную безопасность и мир — это демократизация. Когда речь идет о малой стране, то страна может быть тоталитарной или диктаторской, и все же это не угрожает международному миру. Но когда одна из сверхдержав является тоталитарной, то это международному миру безусловно угрожает. Вместо того, чтобы добиваться успехов на переговорах по разоружению, по контролю над вооружением, можно было бы, как я старался убедить на Западе общественность, 90 процентов расходов снять со «звездных войн» и пустить их, например, на приглашение миллиона советских граждан в Соединенные Штаты, чтобы они познакомились с западной жизнью. После этого не понадобятся остальные 10 процентов затрат.

Демократизация является на самом деле единственным прочным основанием для международной безопасности. Мы это понимаем, и надо на этом твердо держаться.

АЛЕКСЕЙ СМИРНОВ,
исполнительный директор Московского отделения Международного исследовательского Центра по правам человека, координатор московской группы «Хельсинки»

ПРОЩАНИЕ С МОСКОВСКИМИ КУХНЯМИ?

В правозащитное движение я пришел благодаря моему деду — писателю Алексею Евграфовичу Костерину, старому большевику.

Алексей Евграфович жил в Москве, в Трубниковском переулке, с женой и тремя дочерьми: Ниной, Еленой, Верой. Нина Костерина погибла на фронте, ее дневник был опубликован дедом во время хрущевской «оттепели». Елена Костерина, средняя дочь,— моя мать. Дед еще в молодости стал революционером, сидел в царской тюрьме. В гражданскую войну воевал на Кавказе, был комиссаром Чечено-Ингушетии. Встречался с Есениным, Бурлюком, Хлебниковым, Горьким, работал в «Известиях». Потом была 58-я статья, пытки во время следствия, Колыма. К 1956 году дед был реабилитирован, восстановлен в партии и Союзе писателей. Когда он получил однокомнатную квартиру на Юго-Западе, к нам начали ходить его старые и новые друзья и знакомые. Для меня их тогдашние разговоры помнятся одним нескончаемым спором: где же мы промахнулись? И как вернуться к ленинским принципам в партийной жизни?

Из ближайших друзей деда я хорошо запомнил Сергея Петровича Писарева. В анкетах в графе «специальность» он писал: «партработник». Лысый, в круглых очках и старепьком, наглухо застегнутом френче, он был удивительно похож на Бертольта Брехта. Как и мой дед, Писарев принадлежал к типу партийных фанатиков, Павок Корчагиных, выживших наперекор исторической логике. Исключительно мужественные, эти люди себя не жалели (других, впрочем, тоже).

Они отличались высокой личной нравственностью, разумным аскетизмом, верностью данному слову, всякую несправедливость воспринимали как личное оскорбление.

Со времени гражданской войны на Кавказе дед с особым вниманием относился к национальным проблемам. Не знаю даже, что было для него выше уважения к другим нациям. Родом из Саратовской губернии, он воспринимал трагедию поволжских немцев как свою собственную. В гражданскую же войну он породнился душой с «кавказскими братьями» — чеченцами, ингушами. Шовинизм, антисемитизм были для Костерина и его товарищей тягчайшими преступлениями. И потому темой многих бесед в нашей квартире была полная реабилитация высланных народов.

Решать же эту проблему и создавать гарантии от возвращения сталинизма должна была, по мнению споривших, конечно, партия.

И вот эти люди, «солдаты ленинской гвардии», как они себя называли, писали письма руководителям партии. Странное дело, для них, старых большевиков, среди этих руководителей уже не было уважаемых, авторитетных людей. И хотя формально они обращались к Хрущеву, Подгорному, Суслову, по сути это были обращения к Партии, а не к ее временным функционерам. Писали и на партсъезды, выступали на партконференциях, но широкой огласке эти письма и выступления не предавали, считая, что все эти проблемы — внутреннее дело партии.

Но была, я думаю, и другая причина — страх. А события в стране развивались таким образом, что эта причина, поначалу незначительная, постепенно выросла в основную и вынудила некоторых из окружения нашей семьи окончательно сделать свой выбор. Многие друзья и знакомые перестали бывать у нас, зато появились новые: Петр Якир, Виктор Красин, Владимир Лапин, Решат Джемилев... Но наиболее близким деду стал Петр Григорьевич Григоренко.

Не могу и не хочу сейчас излагать историю демократического движения — она описана в книге Людмилы Алексеевой «История инакомыслия в СССР». Я был одним из свидетелей развития лишь одной, может быть центральной, ветви этого движения — правозащитной, возникшей, когда критические настроения бывших коммунистов соединились с новыми прозападными веяниями. Были и другие виды противостояния диктатуре: национально-освободительное, религиозное, творческое, молодежное, наконец, индивидуальное, личностное сопротивление системе.

Демократическая оппозиция в Москве 60-х мне представляется в виде множества пересекающихся окружностей. В центре каждого круга был не лидер, а скорее тот, кто мог пожертвовать личным и семейным покоем, квартирой, впоследствии — и свободой. Но жертвенность не была в почете, просто в определенные дни, например, в среду, как у Подъяпольских, приходили в гости друзья, приводили своих знакомых. Встречи часто затягивались за полночь. (О них хорошо рассказывает Юлий Ким в песне «Московские кухни».) И не один треп там был, были дела и люди, которыми очень интересовались «органы». Это «броуновское движение» только на первый взгляд казалось хаотичным. В нем была своя логика, своя направленность. Во многом это был период самопознания зарождавшейся ненасильственной оппозиции, период пересмотра нравственных установок, выработки новых форм деятельности, осмысления прошлого.

Шла борьба за права человека. Но многим тогда не нравилось слово

Алексей Смирнов родился в 1951 году, по профессии инженер АСУ. С 1979 по 1982 год вместе с Иваном Ковалевым, Владимиром Тольцем и другими издавал информационный сборник, на основе которого составлялись «Хроника текущих событий» и «Вести из СССР» К. Любарского. В 1982 году был арестован КГБ, осужден по ст. 70 ч. I на шесть лет строгого режима и четыре года ссылки. Отбывал срок в 36-й Пермской политзоне и Чистопольской тюрьме. В 1987 году вместе со многими политзаключенными был освобожден, но не реабилитирован до сих пор.

«борьба», предпочитали — «движение». Старались избегать всего, что хотя бы внешне напоминает большевистскую, революционную практику. Конспирация? А нам нечего скрывать, мы принципиально открыты! Терминология? Назовем не «листовка», а «открытое письмо», не «подпольное» издание, а «анонимное». И, конечно же, цель никогда не оправдывает средства, а добро никогда не бывает с кулаками.

Так, незаметно, проскочив нулевую отметку, маятник вылетел на другую сторону.

...Дед умер 10 ноября 1968 года, вскоре после ввода наших войск в Чехословакию (он тогда отослал партбилет в ЦК, написав очень резкое по тем временам письмо). Умер у меня на руках от третьего инфаркта, после очередной выволочки, устроенной ему в райкоме партии. Крымские татары, в делах которых дед принимал участие, помогли нашей семье после его смерти.

Я был тогда студентом и, общаясь с приятелями, рассказывал о прочитанном, спорил, убеждал, давал читать самиздат — правда, достаточно осторожно. И тем не менее на первом же курсе напоролся на ГБ. Они заявились прямо в институт, вызвали меня в отдел кадров и два часа убеждали прекратить общение с Григоренко и другими «диссидентами». Взамен обещали помочь со стипендией, с экзаменами. Если и я им буду помогать, конечно. Сразу же после «беседы» я отправился к Петру Григорьевичу, и вскоре сообщение о визите чекистов появилось в «Хронике текущих событий». Это стоило мне первого вуза, физиком я не стал. Потом, в другом институте, все повторилось, меня забрали в армию с дневного отделения, а поскольку я и в армии не угомонился, то комиссовали через психушку. Закончил вечерний институт, работал. Одновременно пытался помогать Движению: то надо было что-то отпечатать и отнести, спрятать и снова достать, купить или починить пишущую машинку, куда-то ехать. Но своей основной задачей я считал личную «агитацию и пропаганду». Получалось это у меня, видимо, плохо — из тех, кого я агитировал, активным правозащитником никто не стал, хотя многие Движению помогали.

В 1983 году, знакомясь с собственным «Делом» в Лефортовской тюрьме, я обнаружил несколько документов, начинавшихся довольно однообразно: «В Комитет государственной безопасности. Считаю своим долгом довести до вашего сведения...» и т. д. Конечно, не все, с кем я говорил, спешили в КГБ. Да и писавших доносы можно понять: мне известно, какими способами добывали чекисты из них эти заявления. Советская система может сожрать хоть половину своих граждан, хоть всех — это общее, уже не историческое, а скорее генетическое знание. Поэтому реальная проблема для большинства состояла не в том, чтобы изменить эту систему к лучшему, а в том, чтобы выжить самому и своим детям дать жизнь. Друзья часто говорили мне: «Раз уж ты готов бороться, то давай, борись! А мы торопиться не будем».

И напрасно я пытался объяснить, что дело не в красивых словах, не в «борьбе» какой-то, а всего-то надо — себя уважать, да чтоб дети потом тебя не стыдились.

Страх — первая помеха нормальной общественной жизни. Вторая — амбиции. Особенно тех, кто в Движении не ужился, не угодил, как мечталось, в «лидеры».

А потом... Первым страшным ударом по Движению стал процесс Петра Якира и Виктора Красина и их отречение. Я уж не говорю об арестах и отъездах наиболее видных представителей Движения, но после суда над Якиром и Красиным отречения посыпались одно за другим. Их, впрочем, было не так много, если учесть масштабы политических преследований в стране, но чекисты при помощи печати и телевидения создавали шум вокруг каждого «покаяния».

Так в чем же причины этой волны моральных предательств, сделок с КГБ, лицемерных покаяний и разоблачений? Попытаюсь определить хотя бы одну из них, объективную. Как я уже говорил, большевистская мораль отрицалась полностью, даже на терминологическом уровне. Шла выработка, как представлялось, «новых» моральных ценностей. В самиздате время от времени появлялись интересные работы, в которых делалась попытка осмыслить этот процесс. Однако уже сама апелляция к *единым* моральным ценностям, «идеалам» вызывала инстинктивный протест после стольких лет всеобщей тоталитарной уравниловки. Установка была, скорее, на личную мораль, и это, на первый взгляд, вполне оправданно, ибо движение не являлось корпоративным, организационно оформленным, а было противостоянием отдельных личностей жестокой и абсурдной Системе. Людей связывала между собой не идеология, а взаимные симпатии, личная дружба, неприятие зла или, по крайней мере, осознание необходимости что-то делать, чтобы изменить положение в стране к лучшему,

А когда весь смутный большевистский пафос «идеалов» вышвыривался разом, то где уж там было разбирать, не выкинули ли что полезное. Да и сами «инакомыслящие», что — герои? Нет, обыкновенные люди, с такими же недостатками, как и все. Может быть, несколько более чувствительные к чужой боли. И думалось: что же ангелов-то из себя корчить? Да мы ведь головой рискуем, а уж свободой — точно. Что ж тут взыскивать? И нравственно ли — семью осиротить?

(Александр Болонкин рассказывал, что когда чекисты выволокли его на телевизионное покаяние, то робу лагерную не всю сняли: сверху пиджак с цивильной рубашкой, а внизу, под столом, где не видно телезрителям,— порты лагерные с башмаками...)

Да если б только каялись! Этого чекистам всегда было мало. Ты других разоблачай, имена давай, фамилии! И давали. А потом, после скорого своего освобождения, ходили и сложно объясняли, почему поступили именно так, а не иначе. Но уже не раскаивались повторно — в этом своем «покаянии» перед «органами». Вид же эти люди имели такой, что жутко становилось — что же с ними ТАМ такое сделали?! Надо ли объяснять, как это действовало на молодых, пришедших в Движение недавно. Ломались не рядовые — лидеры, авторитеты. И, забегая вперед, скажу: то, что один из таких — президент Грузии, это трагедия и «эмблема» нового времени. Это для тех, кто сетует, что вот, мол, коммунисты-чекисты еще у власти. Выше голову — идет смена караула.

Прошу меня правильно понять: я никого не хочу осуждать или оправдывать. Пытаюсь *оценить* явление. Морализаторство считалось в Движении дурным тоном, и тем не менее я должен сказать: наиглавнейшая сегодня *беда* — аморальность как общества в целом, так и отдельных личностей.

В Движении (и вне его) были и есть люди, представляющие собой образцы нравственной щепетильности. Андрей Дмитриевич Сахаров, его друг Григорий Сергеевич Подъяпольский, Софья Васильевна Калистратова, Петр Григорьевич Григоренко... Я назвал умерших,— мир их праху,— которых знал и с точки зрения так называемой бытовой морали, фундаментальной, на мой взгляд. Андрей Дмитриевич, кроме всего прочего, был удивительно доступен. Я, конечно же, обращался к нему только в исключительных случаях, когда уже нельзя было не обратиться. И всегда очень быстро дозванивался, договаривался, встречался с ним. Даже в пору его депутатства. У А. Д. (так иногда его называли в Движении) не было не

то что снобизма, а иногда даже чувства самосохранения. Бывало, что он уделял много времени какому-нибудь бесцеремонному полусумасшедшему гостю, хотя такие эпизоды, конечно же, не проходили бесследно для него — измученного изуверской травлей. В лагере я встречал таких же светлых людей. Есть у них общая черта: никогда, как бы ни было худо, не быть в дурном настроении, с кислой миной, ибо такое состояние может плохо повлиять на других. В лагере такой человек никогда не назовет себя «политзаключенным», хотя бы просто из скромности,— ведь рядом мучаются соузники, которые не подходят под это определение.

Я иногда задаюсь вопросом: почему правозащитное Движение, имеющее огромный опыт, сегодня практически незаметно в общественной жизни? Тому есть несколько причин. Первая — власти физически подавили правозащитников. Кагебисты, помню, в 81-м году прямо говорили, что имеют установку на полный разгром «диссидентов» к 1983 году. Вторая причина — стиль работы и методы Движения сформировались в старых условиях, при жесточайших преследованиях. Знаменитое галичевское «Эрика» берет четыре копии» работало успешно лишь в те, «застойные» времена, с поправкой на способность «Эрики» выдавать до 10 экземпляров на тонкой бумаге, из которых первые восемь были вполне читаемы. А сейчас надо не четыре, а 4 тысячи копий, да и того будет мало. Раньше основная работа «диссидентов» сводилась к передаче разоблачительных материалов за рубеж, с тем, чтобы повлиять на формирование позиции Запада в отношениях с СССР, а также для того, чтобы передаваемая информация надежно хранилась и возвращалась в СССР для массового слушателя в передачах западных радиостанций. Физических усилий, денежных и материальных средств требовалось значительно меньше, чем сейчас.

Третья причина — некоторые из участников Движения считают, что сделали свое дело, теперь пришла очередь других.

Кроме того, связи между диссидентами были прочны, как оказалось, лишь в плотной среде, под давлением диктатуры. Стоило снять пресс, и связи стали ослабевать. Третья волна эмиграции — яркий тому пример. Мне кажется, что это плохое явление, и ему следует сопротивляться.

Как ввести в единое русло усилия диссидентов и новых демократов?

Одной из наиболее серьезных попыток такого рода мне представляется организация Центра по правам человека. Дело в том, что многие ведущие правозащитные организации — и старые, и появившиеся в последнее время — нуждаются в помещениях для работы. На первых порах это единственное, что может их объединить. Никакой общей программы, никакого «идеологического» руководства,— каждая организация остается независимой и имеет свой офис в общем здании. Далее: правозащитная деятельность в новых условиях практически невозможна без подобной «инфраструктуры» — библиотеки, конференц-зала, общественной приемной, мощного и надежного множительного оборудования. Теперь все эти составляющие Центра уже существуют и работают — на частных квартирах, в подозрительных полуподвалах и разных сторонних организациях. Центр нужен еще и потому, что сейчас многие группы даже не знают о существовании других, которые, как неожиданно выясняется, занимаются такими же или сходными разработками. Прочные связи в таких условиях не наладить и серьезной работы не осилить.

А если взять нравственную сторону дела — к чему приводит «неустроенность» правозащитных групп? Ведь от «кухонной» работы страдают не столько они сами, сколько их близкие. Доходит до тяжелейших нервных и психических срывов.

Иностранные же гости, интересующиеся борьбой за права человека в СССР, вынуждены бывают облазить десятки «кухонь», подворотен и подвалов, увидеть такой хаос и разброд, что их просто жаль становится после таких вояжей. «О страна чудес! — говорят они.— Это же черная дыра, в которой бесследно исчезает наша благотворительность!»

Но мы как сидели на кухнях тридцать лет назад, так и по сей день не выходим. Откуда же взяться высокому профессиональному уровню? А ведь правозащитные группы и организации — это наиболее надежное средство, способное противостоять сползанию к диктатуре и тоталитаризму. Недаром на Западе великое множество таких групп. Нам же, с нашим печальным опытом, надо еще больше. Но в нашей стране правозащитные структуры неизбежно окажутся нищими, малоэффективными. Особенно, если они раздроблены, разобщены. Центр же должен быть дешевле и надежней, чем «отдельные квартиры», ибо предполагает совместное его содержание. Думаю, что такое объединение без подчинения — это единственно возможное ближайшее будущее правозащитного движения. Если быть оптимистом, конечно.

Идею создания Центра поддержали ведущие правозащитные организации, представляющие весь спектр правозащитной работы. Центр зарегистрирован, но мы сбились с ног в поисках здания или помещения...

Однако главная нехватка даже не в этом, а в людях. Бог с ними, с экспертами да специалистами! Работяг бы, да не дураков и не жуликов. Таких, которые и свою работу сделают, и разыщут квалифицированных специалистов. Но кому охота погружаться в эту текучку, называться «функционером»?

Вот свежий пример. Вечер в ДК одного из научных институтов. Аудитория неплохо осведомлена, проблему знает. В зале около 300 человек. Принимают тепло, интересуются, задают вопросы. Когда настала моя очередь выступать, я объявил, что сейчас по рядам будут пущены несколько десятков экземпляров «Списка политзаключенных СССР», последнего издания. Пока с великим оживлением шла раздача, я комментировал: прошу, мол, того, кто заинтересуется и захочет хоть чем-то помочь, позвонить одному из составителей «Списка», то есть мне. Потом я сказал, что перед моим выступлением много говорилось о неоспоримых заслугах великих наших гуманистов и правозащитников, многих уже нет с нами, и, вероятно, мы сможем почтить память умерших не только вставанием, но и хотя бы попыткой продолжить их дело.

Все экземпляры списка остались на руках. Никто их не возвращал, никто не сказал, что составлять такие списки неинтересно, или недосуг, или слишком трудно. Их взяли, как я видел со сцены, все кто хотел. Позвонили же двое. Один, кажется, сумасшедший (я так и не понял, что он бормотал минут двадцать), другая — женщина с приятным голосом — сказала, что в райсовете есть некто, и он, кажется, может нам помочь с помещением.

Друзья говорили мне позже, что это отличный результат...

Подготовил публикацию
ЮРИЙ ГОНЧАРОВ

ОТ РЕДАКЦИИ. *Сообщаем нашим читателям телефон руководителя Московского отделения Международного исследовательского Центра по правам человека Алексея Олеговича Смирнова: 331-18-52, и номер расчетного счета: 700283 в Шаболовском отделении Жилсоцбанка г. Москвы, благотворительный взнос на уставную деятельность научно-информационного и просветительского центра «Мемориал» по вышеупомянутой программе, А. О. Смирнову.*

ГЕНРИХ ИОФФЕ

1917 ГОД: ПОПЫТКА ПРАВОГО ПЕРЕВОРОТА

Каков механизм развития «корниловщины»? Какие силы обрекли ее на провал? Что обеспечило демократии победу, впоследствии обернувшейся для нее поражением? Вопросы, вопросы, вопросы...

Ниже публикуются извлечения из показаний генерала Л. Г. Корнилова, данных им в начале сентября 1917 года специально созданной Временным правительством «Чрезвычайной следственной комиссии по делу генерала Корнилова и его соучастников». Теперь, когда мы стали современниками и участниками глубочайших перемен (и особенно в связи с путчем в августе 1991 года), сравнимых, может быть, только с эпохой революции, этот документ вызывает особый интерес. Ведь так называемая «корниловщина» явилась не чем иным, как попыткой правых сил совершить переворот с целью ликвидации демократического строя, установившегося в результате падения монархии в начале марта 1917 года. Так что тема демократии в столкновении с реакцией не может не вызывать сегодня пристального внимания.

О «корниловском заговоре» написано немало, и все же до сих пор история его полна загадок. Так, наверное, бывает с большинством заговоров, путчей, переворотов. Они подготавливаются втайне, многое никогда и не «всплывает» на поверхность, различные политические силы, так или иначе связанные с ними, дают им свои, тенденциозные трактовки, которые впоследствии переходят и в историографию... В приведенных ниже показаниях Корнилова факт антиправительственного заговора, естественно, отрицается. В показаниях Керенского (они были опубликованы в 1918 году в Москве), напротив, доказывается наличие заговора против законной власти. Есть и третья точка зрения: существовало соглашение Корнилова с Керенским, которое сорвалось лишь из-за роковой цепочки недоразумений. Все это получило отражение в исторической литературе. Споры продолжаются и по сей день. И пытливый читатель должен сам составить собственное мнение на основе ее изучения...

Падение монархии в конце февраля — начале марта 1917 года вызвало в России прилив эйфории. Шло всеобщее ликование. Победа, завоеванная всего лишь за неделю, казалась сказкой, чудом. Газеты писали: на глазах русских людей произошло сотворение русской свободы как сотворение мира, вековые распри кончились навсегда, отныне начинается век справедливости, любви и братства. Так продолжалось приблизительно до конца марта, и это счастливое время назвали потом «медовым месяцем революции». Но эйфория общенациональной Февральской революции испарялась на глазах. Как тогда говорили, «чудесного явления Христова» не произошло, триумф милосердия и братства не состоялся. Серая проза жизни все ощутимее давала о себе знать. Один из журналов еще весной 1917 года писал: *«Вспыхнули тысячи аппетитов. Появились тысячи сепаратизмов. Каждый аппетит заявлял себя суверенным. Каждый требовал удовлетворения... Всякий требовал, требовал и требовал».* В итоге ухудшалось все: и экономическое, и политическое, и военное положение. Левые революционные демократы, раньше ожидавшие, что новое Временное правительство быстро проведет радикальные реформы, даст народу хлеб, землю и мир, разочаровывались в своих ожиданиях. Они хотели получить все сразу, игнорируя даже то, что уже три года Россия находилась в войне.

Правые, те, кто надеялся, что новая власть станет и новой «государственной скрепой», чувствовали себя обманутыми, со страхом смотрели вперед, предвидя полную катастрофу.

Один из публицистов того времени писал: *«Слева с горячностью упрекали, что правые требуют от власти расправы с революцией, взывая: распни ее! Правые доказывали, что слева направливают власть на измышленную контрреволюцию с подстрекательством: распни ее!».* Разочарование, опустошенность, апатия захватывали души миллионов простых людей — «обывателей». Кризис стремительно углублялся, российская государственность шла к полному краху...

Оказавшееся в центре либерально-демократическое Временное правительство, с июля уже возглавляемое А. Ф. Керенским, металось между двумя крайностями. Многие министры все явственнее сознавали, что «держат руль мертвыми руками». Керенский с горечью и тоской говорил: *«Мне трудно потому, что я борюсь с большевиками левыми и большевиками правыми, а от меня требуют, чтобы я опирался на тех или других... Я хочу идти посередине...»*

Могла ли такая политика дать плоды, спасти страну от развала, укрепить демократию? Это — спорный вопрос, все еще не решенный историками, а может быть, не решаемый вообще. События, как всегда, определялись множеством факторов, в том числе и случайными. В их исходе не было неотвратимой «закономерности». Справедливо говорится: «Необходимость — отговорка тиранов, она — предмет веры рабов».

Первый удар был нанесен слева. В начале июля в Петрограде, воспользовавшись провалом наступления на фронте, новым кризисом власти, ухудшением экономического положения, крайне левые политические силы, в том числе и прежде всего большевики, попытались направить солдат и рабочих на свержение Временного правительства. Но, однако, заколебались, опасаясь, что провинция и фронт могут не поддержать Петроград. Июльское восстание закончилось провалом. Большевики, преследуемые и обвиненные в тайных связях с германским Генеральным штабом, вынуждены были отступить. Однако победа правительства и Советов, тогда поддерживавших его, была непрочной.

Поражением крайне левых тут же воспользовались правые силы. Процесс их консолидации пошел быстрыми темпами. Здесь все больше крепла убежденность, что Временное правительство оказалось в плену у демократических организаций (Советов и др.) и уже не в состоянии остановить прогрессирующий развал в армии и в тылу. Выдвинулся и лидер: генерал Л. Г. Корнилов, в двадцатых числах июля назначенный Керенским Верховным главнокомандующим. Корнилов, несомненно, был нужен Керенскому как сильная личность, способная помочь стабилизировать политическую ситуацию, парализовать лево-экстремистские силы в стране, и прежде всего в армии. В свою очередь

Керенский нужен был и Корнилову: как глава правительства он мог «легализовать» действия Корнилова по наведению «порядка», установлению «твердой власти». Таким образом, их интересы в определенной мере совпадали, и часть пути они могли и должны были пройти вместе. Через управляющего военным министерством Б. Савинкова было согласовано, что к концу августа Петроград будет объявлен на военном положении, для поддержания которого Корнилов направит в Петроград кавалерийские части. Но «договаривающиеся стороны» имели и свои собственные планы. Для Керенского Корнилов был только исполнителем его политических замыслов: ему предстояло «отсечь» те структуры и те элементы, которые дестабилизировали положение «слева», и тем укрепить послефевральский демократический режим. А в представлении Корнилова, Керенский был слабым, колеблющимся политиком, наполовину главой государства, наполовину революционером. Он не доверял ему. В его ближайшем окружении находились люди, которые считали, что нужно воспользоваться «альянсом» с Керенским для того, чтобы сделать затем следующий шаг: устранить и его самого со всем правительством, создав новую, «сильную» власть во главе с Корниловым.

Нет сомнения, что Керенский знал об этом, подозрения давно терзали его. В решающий момент, когда корниловские войска уже подходили к Петрограду, он «колебнулся» в очередной раз: неожиданно для всех объявил Корнилова изменником, покусившимся на завоеванную страной свободу и демократический строй... Как бы ни оценивать позицию Керенского, надо, по-видимому, признать: своей колеблющейся политикой, своим балансированием между левыми и правыми именно он сделал «корниловский путч» возможным. А корниловские войска под командованием генерала А. Крымова уже подходили к столице. Указ Керенского оказался для них шоком. С одной стороны, правительство требовало остановиться и не подчиняться приказам Верховного главнокомандующего генерала Корнилова. С другой стороны, Верховный главнокомандующий Корнилов призывал к форсированию движения на Петроград и обвинял правительство Керенского в государственной измене. В войсках началось смятение.

В этот критический момент демократические силы, осознав, что дамоклов меч занесен над всеми ними, отбросили свои давние политические разногласия и партийные амбиции. Впервые с момента победы Февральской революции они сомкнулись. Даже большевики, всегда клявшие меньшевиков, эсеров и других социалистов и демократов как «соглашателей» и предателей интересов народа, встали в единый демократический строй. Встали, правда, ни на минуту не расставаясь со своими политическими замыслами. Они лишь отложили их до ликвидации общей опасности.

Так или иначе единство демократических сил стало основной преградой на пути «корниловщине», благодаря ей правые не прошли. Никогда еще на протяжении всех шести месяцев революции демократия не получала такого шанса добиться нового национального единения, укрепить демократическую систему и, проведя радикальные реформы, предотвратить гражданскую войну. То, что вскоре стало Октябрьским переворотом, могло быть сентябрьской «бархатной» революцией. Ведь реальным стало формирование правительства без представителей буржуазных партий, тормозивших процесс реформ. Увы... Как только прошла общая опасность, то, что отравило послефевральскую победу над монархией, пожалуй, с еще большей силой проявилось и теперь. Попытка демократии сохранить и укрепить единство, создав коалиционное правительство из представителей только демократических сил, потерпела сокрушительный провал. Собравшееся в середине сентября Демократическое совещание после долгих и бесплодных прений практически ни к чему не пришло. Опасаясь прогрессирующей «большевизации» масс, прежде всего измученных, раздраженных солдат, страшась большевиков, руководившие Демократическим совещанием лидеры меньшевиков и эсеров вновь поддержали уже обанкротившуюся идею коалиции с кадетами. Власть пошла по кругу, вместо того, чтобы сделать решительный шаг влево. Раскол демократии оставил вновь сформированное Временное правительство практически без поддержки. Примерно через месяц большевикам во главе с Лениным и Троцким уже не составило особого труда, по циничному выражению Троцкого, отправить Временное правительство и тех социалистов, которые поддерживали его, в мусорную корзину истории. Правая диктатура не прошла. Прошла — левая.

Так как же оценивать сегодня «корниловский мятеж»? Независимо от подлинных целей и намерений его руководителей, он привел к дальнейшей дестабилизации в стране, росту анархии в тылу и на фронте, чем фактически облегчил большевикам путь к власти. Таков трагизм событий 1917 года...

ПРОТОКОЛ
2–5 сентября 1917 г.

Чрезвычайная Комиссия производила допрос нижепоименованного, и он показал

Лавр Георгиевич КОРНИЛОВ, генерал от инфантерии, 47 лет, православный, не судился.

Тотчас же после Государственного переворота 27 февраля, я был назначен Временным Правительством на пост Главнокомандующего войсками Петроградского военного Округа и, прибыв из действующей армии, 5 марта вступил в должность. С первых же шагов своей деятельности я убедился в крайне вредном влиянии на войска Петроградского Совета Солдатских и Рабочих депутатов, который, вовлекая войска гарнизона в борьбу политических партий, проводя в жизнь начала, разрушающие дисциплину и подрывающие авторитет начальников, постепенно дезорганизовал войска гарнизона, и без того не представлявшие из себя хорошо сплоченные войсковые части. Совет неоднократно пытался принять непосредственное участие в деле командования войсками, с целью иметь в них

оружие, для достижения своих политических целей. Не считая возможным для себя быть невольным свидетелем и участником разрушения армии, я предпочел просить освободить меня от поста Главнокомандующего войсками Петроградского военного Округа [1] и получил, в начале мая, назначение на должность Командующего VIII армией.

Я принял армию в состоянии почти полного разложения. Благодаря войсковым Комитетам, высший командный состав был лишен влияния на войска. Многие генералы и значительная часть Командиров полков, под давлением Комитетов, были удалены от занимаемых должностей. За исключением немногих частей, братание процветало. Были случаи братания с участием хоров немецкой музыки, выставлявшихся между нашими и немецкими проволочными заграждениями. В течение двух месяцев мне почти ежедневно пришлось бывать в войсковых частях, лично разъяснять солдатам необходимость дисциплины... и внушать войскам необходимость войны, необходимость активных действий; словом, подготовлять войска к намеченному уже наступлению. В отношении Комитетов я занял твердую позицию: отклоняя их вмешательство в дела перемен в командном составе, я постепенно вводил Комитеты в рамки законной деятельности, внушая им убеждение, что главнейшей задачей их является содействие командному составу в деле подъема духа в войсках.

25 июня армия перешла в наступление и имела блестящий успех, выразившийся в прорыве позиции противника на фронте 30 верст, с захватом гор. Галича и Калуша, свыше десяти тысяч пленных и более ста орудий. Тут уже я убедился, что твердое слово начальника и определенные действия необходимы, чтобы остановить развал нашей армии. Я понял, что этого твердого слова ожидают и офицеры и солдаты, сознательная часть которых уже утомилась от полной анархии. В ночь с 7 на 8 июля я принял должность Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Прорыв фронта XI армии, начавшийся утром 6 июля, уже был в полном разгаре. XI армия отступала в беспорядке. Прорыв расширялся все далее и далее, захватывая правый фланг VII армии, находившейся южнее.

По донесениям с фронта, многие части не исполняли приказаний, бросали свои позиции, другие не шли на поддержку. Каждое боевое приказание обсуждалось на митингах. По всем дорогам брели толпы солдат, дезертировавших из своих частей, производя грабежи и насилия в попутных селеньях. Я немедленно потребовал от начальников решительных действий против предателей и изменников, предупредив, что всю ответственность я беру на себя. Я приказал расстреливать дезертиров и грабителей, выставляя трупы расстрелянных на дорогах, на видных местах, с соответствующими надписями. Вместе с тем я послал 8 июля Верховному Главнокомандующему телеграмму за № 3733, с копиями Председателю Совета Министров, Военному Министерству и Комиссару Юго-Западного фронта [2], в которой в первый раз указал на необходимость применения исключительных мер, до введения смертной казни на театре военных действий, добавляя, что *«иначе вся ответственность на тех, кто словами думает править на тех полях, где царит смерть и позор предательства, малодушия и себялюбия...»* На эту телеграмму я получил телеграмму от Верховного Главнокомандующего, который сообщил, что он вполне разделяет мой взгляд, а от Военного Министра, что в моем распоряжении пункт 14 декларации прав солдата [3].

Ввиду все усиливающегося развала армии Юго-Западного фронта и продолжавшегося отступления, я вынужден был усилить строгость уже принятых мер, приказав сформировать особые ударные отряды из юнкерских батальонов для борьбы с дезертирством, мародерством и насилиями. Я приказал запретить в районе действующей армии митинги, объявив их незаконными сборищами, подлежащими разгону силой оружия. 11 июля я обратился к Председателю Совета Министров, с копией Верховному Главнокомандующему, с телеграммой за № 3911: *«...Сообщаю Вам, стоящим у кормила власти, что Родина действительно накануне безвозвратной гибели, что время слов, увещаний и пожеланий прошло, что необходима непоколебимая государственно-революционная власть. Я заявляю, что, занимая высокоответственный пост, я никогда в жизни не соглашусь быть одним из орудий гибели Родины. Довольно. Я заявляю, что если Правительство не утвердит предлагаемых мной мер и тем лишит меня единственного средства спасти армию и использовать ее по действительному ее назначению защиты Родины и Свободы, то я, Генерал Корнилов, самовольно слагаю с себя полномочия Главнокомандующего. 3911. Генерал Корнилов. Со своей стороны разделяю мнение Генерала Корнилова и поддерживаю высказанное им от слова к слову. Комиссар Савинков»* [4].

Утром 12 июля я получил телеграмму от Министра-Председателя, что, принципиально, закон о смертной казни принят и вечером мне будет сообщена окончательная редакция этого закона. Объявление этого закона в армиях фронта произвело сразу отрезвляющее впечатление на массы. 16 июля в Ставке собиралось Совещание, с участием Министра Председателя и всех Главнокомандующих фронтами, для обсуждения мер по поднятию боеспособности армии. ...В телеграмме № 4254... я указал на необходимость распространения закона о смертной казни и военно-революционных судов на внутренние Округа, исходя из мысли, что никакие меры по восстановлению боеспособности армии не дадут желаемого результата, пока армия будет получать из тыла укомплектования в виде банд распущенных, не обученных, распропагандированных солдат, которые способны разложить даже самые крепкие войсковые части.

В той же телеграмме я указывал на необходимость восстановления дисциплинарной власти начальников, ограничения круга деятельности войсковых Комитетов, установления их ответственности за превышение власти, запрещения митингов законом, запрещения ввоза в район армии газет с крайними учениями и, наконец, воспрещения въезда всякого рода депутаций, делегаций и агитаторов. В этой же телеграмме я впервые заявил о необходимых мерах для поднятия в армии престижа офицера, приниженного, лишенного своего авторитета целым рядом мероприятий, проведенных Правительством. Совещание в Ставке ни к какому практическому результату не привело вследствие того, что у всех участников этого Совещания, за исключением Генерала Деникина [5], не хватило гражданского мужества поставить вопрос о мерах поднятия боеспособности армии вполне точно и определенно. 19 июля, постановлением Временного Правительства (телеграмма № 5807) я был назначен на пост Верховного Главнокомандующего.

В ответ на эту телеграмму я обратился к Председателю Совета Министров с телеграммой № 4424, адресованной также и Военному Министру, изложив им те условия, при которых я считаю возможным принять пост Верховного Главнокомандующего. Одним из таких условий являлось полное невмешательство Временного Правительства в мои оперативные распоряжения, а потому и в назначения высшего командного состава...[6]

Из Петрограда мне было сообщено, что для переговоров со мной в Бердичев командирован Комиссар Юго-Западного фронта Филоненко. 23 июля он прибыл в Бердичев и доложил от имени Временного Правительства, что все мои пожелания, изложенные в телеграммах №№ 4254 и 4424, Правительством принципиально принимаются... Я немедленно выехал в Могилев и 24 июля вступил в исполнение обязанностей Верховного Главнокомандующего...

24 августа в Ставку прибыл Управляющий Военным Министерством, Б. В. Савинков. С поезда он приехал ко мне... Савинков сказал, что г. Керенский, признанный Вождь левых партий, и я, на ком, по его мнению, зиждутся все надежды правых политических партий России, должны идти рука об руку, и что несогласия между нами могли бы вызвать крайнее обострение в положении; поэтому он считает своей важнейшей задачей — подготовить почву для соглашения между г. Керенским и мной, с целью на нашей согласованной работе основать формирование сильной, крепкой власти.

Я заявил, что не считаю себя Вождем правых партий, но не отрицаю, что несогласия между г. Керенским и мной могли бы иметь пагубные последствия. Я заявил, что хотя и не претендую на то, чтобы иметь влияние на тот или другой состав Правительства, раз интересуются моим именем, то я считаю

возможным заявить и открыто сказать, что нахожу Керенского человеком слабохарактерным, легко поддающимся чужим мнениям и, конечно, не знающим того дела, во главе которого он стоял. Лично я против него ничего не имею; думаю, что другой состав Правительства, без участия г. Керенского, мог бы тоже справиться с делом.

После долгого обсуждения вопроса, в связи с положением страны, я, в конце концов, согласился, что, при современном соотношении политических партий, участие г. Керенского в составе Правительства я признаю безусловно желательным. Затем я добавил, что я готов всемерно поддерживать А. Ф. Керенского, если это нужно для блага Отечества. В ответ Б. В. Савинков заявил мне, что он счастлив слышать от меня эти слова...

25 августа Савинков уехал из Могилева. В тот же день утром ко мне явился В. Н. Львов [7], которого, в бытность мою Главнокомандующим войсками Петроградского военного Округа, я видел раза два в заседаниях Совета Министров; знал, что он был членом Государственной Думы, Обер-Прокурором Синода; кроме обычных приветствий при встрече,— никаких разговоров с ним я прежде не вел. Войдя ко мне в кабинет, Львов сразу заявил мне: «Я к Вам от Керенского с поручением...» В. Н. Львов заявил мне от имени Керенского, что если, по моему мнению, дальнейшее участие последнего в управлении страной не доставит власти необходимой силы и твердости, то Керенский готов выйти из состава Правительства. Если Керенский может рассчитывать на поддержку, то он готов продолжать работу [8]. Львов просил меня высказать мое мнение по поводу предложения Керенского и изложить программу.

Я, очертив общее положение страны и армии,... заявил, что, по моему глубокому убеждению, единственным исходом из тяжелого положения страны является установление диктатуры и немедленное объявление страны на военном положении. Я заявил, что лично не стремлюсь к власти и готов немедленно подчиниться тому, кому будут вручены диктаторские полномочия,— будь то сам А. Ф. Керенский, Генерал Алексеев [9], Генерал Каледин [10] или другое лицо. Львов заявил, что не исключается возможность такого решения, что, ввиду тяжелого положения страны, Временное Правительство, в его нынешнем составе, само придет к сознанию необходимости установления диктатуры и, весьма возможно, предложит мне обязанности диктатора [11]. Я заявил, что если бы так случилось, то всегда держась мнения, что только твердая власть может спасти Страну, я от такого предложения бы не отказался. Я просил В. Н. Львова передать А. Ф. Керенскому, что, независимо от моих взглядов на его свойства, его характер и его отношение ко мне, я считаю участие в управлении страной самого Керенского и Савинкова безусловно необходимым; кроме того, я просил его передать А. Ф. Керенскому, что, по имеющимся у меня сведениям, в Петрограде в ближайшие дни готовится выступление большевиков и на А. Ф. Керенского готовится покушение; поэтому я прошу А. Ф. Керенского приехать в Ставку, чтобы договориться с ним окончательно; я просил передать ему, что я честным словом гарантирую его полную безопасность в Ставке. Выслушав мое заявление, Львов, по-видимому тронутый, сказал: «...Генерал, вы благороднейший человек...»

26-го же вечером у меня в кабинете собрались: Комиссар Филоненко, В. С. Завойко и А. Ф. Аладьин. Разговор снова коснулся тяжелого состояния страны и необходимости иметь во главе ее сильную власть. Я предложил им, считая их людьми хорошо знающими наших наиболее выдающихся общественных деятелей и имея в виду мои разговоры с гг. Савинковым и Львовым,— наметить такую схему организации власти и состава Правительства, которая, включая в себя лучшие силы всех главных политических партий Страны, могла бы дать ей Правительство твердое, работоспособное, пользующееся полным доверием Страны и Армии. Был набросан проект Совета Народной обороны, с участием Верховного Главнокомандующего в качестве Председателя, А. Ф. Керенского — Министра-Заместителя, г. Савинкова, Генерала Алексеева, Адмирала Колчака и г. Филоненко. Этот Совет обороны должен был осуществить коллективную диктатуру, так как установление единоличной диктатуры было признаю нежелательным...

Я ждал, что 27 августа Министр-Председатель выедет в Ставку. Утром 27 августа я получил телеграмму за подписью «Керенский», но без номера, с указанием сдать временно должность Верховного Главнокомандующего Генералу Лукомскому и, не ожидая прибытия нового Верховного Главнокомандующего, выехать в Петроград. Зная, что в Петрограде накануне рассматривался в заседании Временного Правительства проект распространения закона о смертной казни на внутренние Округа России, что должно было сильно отразиться на боеспособности армии в благоприятную сторону и обуздать анархические выступления левых партий, я пришел к убеждению, что Правительство снова подпало под влияние безответственных организаций и, отказываясь от твердого проведения в жизнь предложенной мной программы оздоровления армии, решило устранить меня как главного инициатора указанных мер. Ввиду тягчайшего положения Страны и армии, я решил должности Верховного Главнокомандующего не сдавать и выяснить предварительно обстановку...

28 августа Временное Правительство объявило меня изменником Родины и потребовало отмены приказания о движении частей 3 конного корпуса, сосредотачивавшегося в окрестностях Петрограда...

...Я решил выступить открыто и, произведя давление на Временное Правительство, заставить его: 1. исключить из своего состава тех Министров, которые, по имеющимся у меня сведениям, были явными предателями Родины, и 2. перестроиться так, чтобы Стране была гарантирована сильная и твердая власть [12]. Для оказания давления на Временное Правительство я решил воспользоваться 3 конным корпусом Генерала Крымова, которому и приказал продолжать сосредоточение к Петрограду...

Приказ о сформировании Петроградской армии был подписан мной 26 августа, но в войска ов не рассылался ввиду того, что выделение этой армии и соединение фронтов я предполагал произвести только тогда, когда обстановка вынудит нас отходить с Венденских позиций. На должность Командующего Петроградской армией мной был предназначен Командир 3 конного корпуса — Генерал Крымов, один из лучших, энергичных и решительных генералов нашей армии.

...24 августа в телеграмме за № 10085—36848 мне было сообщено Министром-Председателем согласие Правительства на подчинение мне всей территории Петроградского военного Округа, которая должна была войти в район Петроградской армии. Генерал Крымов отправился в район расположения своих частей вечером 25 августа. Перед отъездом, в дополнение к предписанию о подчинении ему Кавказской туземной конной дивизии, я ему дал две задачи: 1. в случае получения от меня или непосредственно на месте [?] о начале выступления большевиков, немедленно двигаться с корпусом на Петроград, занять город, обезоружить части Петроградского гарнизона, которые примкнут к движению большевиков, обезоружить население Петрограда и разогнать Советы, 2. по окончании исполнения этой задачи, Генерал Крымов должен был выделить одну Бригаду с артиллерией в Ораниенбаум и, по прибытии туда, потребовать от Кронштадтского гарнизона разоружения крепости и перехода на материк. Согласие Министра-Председателя на разоружение крепости Кронштадта и вывод его гарнизона последовало 8 августа, и доклад об этом Морского Генерального Штаба, с резолюцией Министра-Председателя, был представлен Начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего, при письме Адмирала Максимова...

30 августа, узнав из разговора по прямому телеграфному проводу о смерти Генерала Крымова, я принял меры для бескровной и безболезненной для Страны и армии ликвидации столкновения моего с Министром-Председателем Керенским. Начиная с 27 августа, я не прекращал управления армиями, следил за положением на фронтах и делал распоряжения, что видно из моих отметок на оперативных сводках. Ввиду того, что Керенским было сделано распоряжение о неисполнении моих оперативных приказаний, я, как только вошел в связь с Генералом Алексеевым, потребовал отмены этого распоря-

жения Керенского. Затем я заявил, через Генерала Алексеева, Временному Правительству, что я приму немедленно меры к успокоению тех кругов, которые последовали за мной, как только выяснится, что Временное Правительство стало на путь создания твердой власти и, наконец, я настойчиво просил Генерала Алексеева ускорить его приезд в Ставку; как только я получил сведение, что он выехал, я немедленно отдал Приказ частям Могилевского гарнизона сохранять полное спокойствие и подчиниться Генералу Алексееву по приезде его в Ставку. Получив 30 августа распоряжение Временного Правительства о том, что запрещение исполнять мои Приказы отменено, я немедленно отдал приказание продолжать намеченные стратегические перевозки для усиления Северного фронта. Из этого следует, что Генерал, обвиненный г. Керенским в измене и предательстве Родины, тем не менее, до вечера 1 сентября оставался руководителем обороны Государства.

Ни в каких заговорах я не состоял и не состою. Во всех своих разговорах с представителями различных политических партий я всегда заявлял, что ни к каким политическим партиям не принадлежал и не принадлежу, а всегда поддерживал и буду поддерживать те из них, которые стремятся, задаются одним намерением: спасти Страну от гибели и вывести армию из состояния развала...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Уход Корнилова с поста командующего Петроградским военным округом был связан с событиями Апрельского кризиса. Чтобы рассеять рабочие и солдатские демонстрации, Корнилов приказал вызвать на Дворцовую площадь несколько частей гарнизона. Однако Исполком Петроградского Совета дезавуалировал этот приказ заявлением, что только ему, Исполкому, принадлежит право устанавливать порядок вызова войск на улицы. В знак протеста Корнилов 23 апреля подал военному министру А. Гучкову прошение об отставке.
2. Верховным Главнокомандующим в это время был генерал А. Брусилов; председателем Совета Министров — А. Керенский; (официально с 20—х чисел июля) комиссаром Юго-Западного фронта — Б. Савинков.
3. Эта декларация была принята Временным правительством 11 мая 1917 года. Она отразила некоторые революционные перемены, происшедшие в стране и армии. Солдаты, например, наделялись гражданскими и политическими правами. В упомянутом же 14-м пункте указывалось, что в боевой обстановке начальник имеет право под свою личную ответственность применять все меры, до вооруженной силы включительно, против не исполняющих его приказания подчиненных.
4. Б. Савинков — комиссар Юго-Западного фронта. Эсер, террорист, один из руководителей Боевой эсеровской организации. Вернулся в Россию из эмиграции в апреле 1917 года. По свидетельству его помощника К. Вендзягольского, Савинков своей главной задачей считал роспуск Советов, ликвидацию партии большевиков, создание в стране «сильной власти». В Корнилове он видел человека, способного установить «твердый порядок» в армии, и всячески выдвигал его. Политический игрок, Савинков, несомненно, связывал с этим расчеты и на повышение собственной роли в происходящих событиях. В середине июля был назначен управляющим военным министерством. После провала корниловщины некоторое время находился в тени. В годы гражданской войны и эмиграции вел активную борьбу против Советской власти. В 1924 году в результате специальной операции, проведенной чекистами (кодовое название — «Синдикат-2»), был «выведен» на Советскую территорию и арестован. По имеющимся данным, в 1925 году, вскоре после суда, покончил жизнь самоубийством.
5. В указанное время — главнокомандующий Западным фронтом. В своем выступлении на совещании, о котором идет речь, решительно потребовал ликвидации «двухголовья» в армии, то есть отмены института правительственных комиссаров, войсковых комитетов и восстановления власти начальников «в полном объеме».

После провала Корниловского мятежа Деникин был арестован, находился (с другими корниловскими генералами) в Быхове, откуда бежал 19 ноября на Дон. После смерти Корнилова в бою под Екатеринодаром в конце марта 1918 года возглавил Добровольческую армию, впоследствии развернутую в «Вооруженные силы Юга России» (ВСЮР). В начале апреля 1920 года был заменен на этом посту генералом П. Врангелем и уехал в Константинополь. В эмиграции написал пятитомные «Очерки русской смуты» — о революции и гражданской войне в России. В годы 2-й мировой войны, оставаясь противником Советской власти и большевизма, призывал к борьбе с фашистской Германией. Умер в США в 1947 году.
6. В этой телеграмме содержалось еще одно условие, о котором Корнилов умалчивает. Он потребовал признания его ответственности не перед правительством, а «перед собственной совестью и всем народом». За одно это он должен был быть немедленно отстранен и предан суду, но Корнилов был нужен властям на посту «главковерха» и инцидент предпочли ликвидировать.
7. В. Львов — обер-прокурор Синода во Временном правительстве. В июле 1917 года ушел в отставку. В материалах Чрезвычайной следственной комиссии имеются 4 разноречивых его показания по поводу «керенско-корниловской миссии». Однако остается неясным, стоял ли кто-либо за спиной В. Львова или он действовал по собственной инициативе. Вскоре после Октября эмигрировал, жил в Париже. Написал довольно путаные воспоминания о «корниловщине» и своем участии в ней. Позднее возвратился в Советский Союз и подвизался в области... антирелигиозной пропаганды.
8. В показаниях Керенского, а также в показаниях и воспоминаниях В. Львова, опубликованных в 1921 году в Париже в газете «Последние новости», столь категорического утверждения не содержится. Керенский вообще отрицал, что направил Львова к Корнилову как своего представителя, а В. Львов, как уже отмечалось, менял показания. (См. Керенский А. Дело Корнилова. М. 1918. Смолин А. Воспоминания В. Н. Львова как источник по истории корниловщины в сб. «Политическая борьба в период подготовки и проведения Великой Октябрьской революции». Л 1987, С. 91—112.)
9. М. Алексеев — до Февральской революции начальник штаба Ставки Верховного Главнокомандующего (Николая II). В дни Февральской революции сотрудничал с думскими либералами и по их совету оказал давление на Николая II, склоняя его к отречению от престола. До мая 1917 года занимал пост Верховного Главнокомандующего (затем был сменен А. Брусиловым). После провала корниловского выступления согласился принять пост начальника штаба Ставки (Верховным Главнокомандующим стал сам Керенский), с тем чтобы как можно безболезненнее ее «ликвидировать», то есть сохранить корниловскую «головку». Вскоре, однако, ушел в отставку. Перед Октябрем начал создавать так называемую «алексеевскую организацию», занимавшуюся нелегальной переброской офицеров и юнкеров на калединский Дон. Родоначальник Добровольческой армии. Умер в октябре 1918 года.
10. А. Каледин — в 1916 году командующий 8-й армией. В июне 1917-го избран атаманом Донского казачьего войска. После Государственного совещания тесно связан с Корниловым (позднее обвинен Временным правительством в участии в мятеже). По всей вероятности, уже в сентябре—октябре между Корниловым и Калединым было достигнуто соглашение о возобновлении «корниловского дела» в будущем и использовании для этого Дона в качестве главной базы. По получении сообщения о победе Октябрьского вооруженного восстания Каледин заявил о непризнании Советской власти и начал против нее вооруженную борьбу. Арестованные Корнилов и другие генералы 18—19 ноября бежали и в конце ноября — начале декабря прибыли в Новочеркасск, где начали формирование Добровольческой армии. В январе 1918 года Советские войска развернули успешное наступление на Ростов и Новочеркасск. В конце января Каледин застрелился, а Добровольческая армия во главе с Корниловым, Алексеевым, Деникиным ушла на Кубань.
11. В показаниях Керенского и В. Львова (а также в его воспоминаниях) о таком предложении не говорится.
12. Трудно допустить, что это продуманное решение было результатом лишь «антикорниловских» действий Керенского. История с начавшейся еще в первые дни августа переброской 3 конного корпуса и Туземной дивизии к Петрограду свидетельствует о том, что Корнилов и его окружение не исключали такой вариант развития событий, при котором произойдет разрыв с Керенским.

ЛИШНИЕ ЛЮДИ

ЕЛЕНА СКВОРЦОВА,
корреспондент журнала «Родина»

Мы долго и радостно объявляли миру, что справились с бедой безработицы. В погоне за поголовной занятостью мы плодили индустриальные гиганты, где количество рабочих мест было прямо пропорционально обилию неквалифицированного и ручного труда, отсутствию интереса к новейшим технологиям и автоматизированным конвейерным линиям. У нас, в стране трудящихся, работали *все*! И неважно, что людей типа Иосифа Бродского объявляли тунеядцами, а сотни тысяч горемык с высшим образованием не могли устроиться по специальности и вынуждены были перебиваться дворниками и сторожами. Зато по отчетам все сходилось. Впрочем, не всегда. Никак нельзя было скрыть, что в закавказских и азиатских регионах, всегда многодетных, буйствует безработица. Поэтому власти «откровенно признавались» в этом, издавая специальные постановления ЦК КПСС, в которых призывали сие положение «кардинально изменить». Но не естественным путем (упаси Бог!) развития, к примеру, перерабатывающей и другой промышленности в этих сырьевых придатках империи, а с помощью перемещения «трудовых ресурсов» в нечерноземную зону России. Еще то здесь, то там прорывалась сквозь густой покров молчания другая боль — бичи, бомжи, нищие на папертях. Их сажали в тюрьмы, вывозили на окраины страны, прятали в совхозы, где они за бесценок выполняли самую тяжелую и грязную работу.

Честно говоря, мало что изменилось с тех пор. Разве что статья за тунеядство фактически отменена, да о надвигающемся всплеске безработицы «в условиях перехода к рыночной экономике» все чаще стали говорить с самых высоких трибун. А между тем никакого всплеска пока нет. Свидетельство тому — открытие Московской биржи труда 1 июля 1991 года. Ожидали тысячные толпы «выброшенных за борт» и не могли скрыть недоумения, увидев лишь десятки страждущих...

Мне пришлось изрядно побегать по Ростову-на-Дону (в котором, по сводкам, проживает 5 тысяч лиц, не имеющих работы), чтобы найти человека, отвечающего простому определению: квалифицированный специалист трудоспособного возраста, не имеющий возможности работать по специальности. В итоге найденный герой хоть и является классическим примером *настоящего* советского безработного, но определению соответствовал не вполне.

Кто же он такой, советский безработный — потенциал для скачка экономики вперед или тяжелый груз на ее ногах? Кстати, в СССР до сих пор нет официально определенного статуса безработного. Но лица, не имеющие работы, условно делятся на несколько категорий. Бичи, бомжи, нищие — это группа людей опустившихся и к организованному труду не способных. Практически никто из них уже никогда не сможет выбраться со дна общества. Другую категорию составляют те, кто обивает пороги различных бюро по трудоустройству. Надо иметь в виду, что советский вариант таких бюро сильно отличается от западных аналогов. И не надо обманывать себя миражами компьютеров, заполняющих просторные холлы служб занятости. Мы, как всегда, стремимся изменить лишь вывеску, но не суть. Не поможет это до тех пор, пока существует «черный рынок» труда и на работу в основном устраиваются по рекомендации знакомых и друзей.

Кто же приходит в бюро по трудоустройству? Да те, от кого избавились как от плохих специалистов, или алкоголики, сутяжники. Кстати, именно из-за этого контингента безработных в городах значительно повышается уровень преступности. Есть, правда, среди обращающихся за помощью в бюро люди, которым осталось до пенсии два-три года. Их не берут на работу, поскольку предприятию намного выгоднее получить перспективного молодого специалиста, чем человека, который скоро уйдет на пенсию. К тому же у этих людей, как правило, уже выработавшийся *старый* подход к решению многих вопросов, который сегодня просто не годится. Надо сказать, что число самоубийств в последнее время значительно увеличилось. И в основном на этот шаг идут отчаявшиеся найти работу по специальности люди предпенсионного возраста.

Последняя, самая малочисленная, группа безработных — неугодные администрации и потому уволенные. В нашем донельзя политизированном обществе можно оказаться за бортом лишь потому, что не разделяешь поклонения начальства тому или иному кумиру. Правые увольняют левых, левые — правых. Коммунисты изгоняют из своих рядов демократов, демократы — коммунистов. Критерии смещены: гораздо более важным оказывается не *какой* ты специалист, а *с кем* ты.

Бичи, бомжи, нищие, алкоголики, освободившиеся из заключения, матери-одиночки, пожилые люди... Вот она, советская «армия трудовых ресурсов». Это — подлинное лицо наших безработных, очищенное от грима преувеличенных опасений и предостережений. Вряд ли поможет этим людям планируемая к внедрению система профориентации или переобучения. Как видно, мы и тут умудрились создать некое гротескное явление, очередной замкнутый круг. Может быть, это грубо, но контингент сегодняшних безработных *в основном* составляет негативный побочный продукт многолетнего уродливого развития нашего общества. Уместно ли в таком случае копировать западные аналоги решения проблемы?

И последнее. Мы сокрушаемся: что с ними будет, как им помочь?.. Может быть, наконец оглянемся вокруг? Ведь еще не поздно решить некоторые проблемы, которые завтра обернутся для нас безработицей еще более страшного плана. В относительно благополучном по занятости населения Ростове-на-Дону около 30% рабочих *высокой* квалификации и 40% специалистов используются не по назначению. В городе 10000 свободных рабочих мест и 5000 безработных. И эти цифры будут расти в геометрической прогрессии. Все это происходит потому, что никто не изучает потребности на перспективу. Вот и готовят в городе ежегодно по 200 человек крановщиков (нужно их всего 70), или, наоборот, ПТУ выпускает 25 маляров при потребности 120... Такая же ситуация и в остальных отраслях. Всего примерно 1000 человек будет выпущено из ПТУ и вузов города по профессиям, которые не потребуются здесь в ближайшие 5 лет. Зато в Ростове будут напрасно ждать 1500 специалистов по 75 профессиям. Их в городе не готовят вовсе... Так о каком же всплеске безработицы вести речь?

БОМБА ПОЧТОЙ

В Вену меня пригласил Виктор Милосердов, виолончелист, бывший ленинградец. Добродушный, открытый, щедрый человек, он регулярно названивал мне из Вены и каждый раз напоминал: «Только не опоздайте на фестиваль имени Ростроповича». О судьбе самого Милосердова я как-нибудь расскажу особо: талантливый музыкант, он шел в гору, но различные обстоятельства (естественно, далеко не лучшие) жизни, работы, встреча с девушкой из Австрии, обучавшейся в СССР, заставили и позволили ему проживать сегодня в Вене. На музыкальном фестивале, организованном Виктором, я, конечно, побывал. Мало того, участвовал в нем. По городу были развешаны афиши, приглашавшие на необычный и, наверное, впервые проводившийся в Вене музыкально-политический вечер. Вместе со своим коллегой Эдмундом Иодковским я отвечал на вопросы венцев о перестройке, о Горбачеве, о Ельцине, о нашей прессе, о судьбе журнала «Родина». Надо сказать, что людей пришло много. По венским, конечно, меркам. Я привез с собой десятка три экземпляров журнала «Родина», которые быстро исчезли с витрины. Во втором отделении играл Виктор. Такого успеха я еще не видел. И где? В музыкальной столице мира. Ценители таланта Милосердова устроили ему настоящую овацию. И я подумал, что конечно же жаль, что Ленинград потерял столь талантливого маэстро.

М. Ростроповича на фестивале не было, но дом в центре Вены, куда он прибыл впервые после выезда из СССР, мне показали. Виктор познакомил меня с русскими людьми, оказавшимися в разные годы в Австрии, те знакомили со своими друзьями и родственниками. За две недели я записал несколько интервью и воспоминаний наших бывших соотечественников.

Предлагаю читателям «Родины» драматический монолог певицы Эллы Ивченко — о своей жизни на Родине, о поисках счастья и успеха в эмиграции, о трагической судьбе ее мамы. Мне кажется, что это свидетельство, в котором сплелись и невольная радость, и естественная горечь расставания с Родиной. На фоне нынешней отъездной эйфории рассказ заставляет задуматься о старой, как мир, истине: хорошо там, где нас нет...

ФЕЛИКС МЕДВЕДЕВ,
редактор отдела русского зарубежья.

Я родилась в пятьдесят четвертом году в Ростове-на-Дону. Спустя три года семья переехала в Черновцы, небольшой городок на Украине. Отец пел в Буковинском ансамбле. Мама тоже обладала замечательным голосом, только она его не совершенствовала. Не до голоса было, после развода с мужем пришлось туго. Об отце у меня плохие воспоминания. Он был каким-то садистом. Говорят, это связано с тем, что десятилетним он попал в гетто, ибо его отец, мой дед, был довольно популярным кантором, известным и в Союзе, и в Румынии. Мама из Измаила, из румынских евреев.

Когда мне было девять лет, мама вторично вышла замуж. Он работал мясником, такой привлекательный внешне, но запойный пьяница. И страшно агрессивный; когда буянил, можно было сойти с ума. Семь лет они прожили в скандалах, драках, милициях, отсидках. Бедная моя мама... Она все ему прощала, потому что видела: любил он ее. Из-за любви к ней он принял даже антабус. И все мы переехали на его родину, в Кишинев.

Моя же жизнь — сплошная музыка. Все в нашей семье пели, пела с трех лет и я. Мама рассказывала, как приходили к нам артисты из Буковинского ансамбля, ставили меня на стол, и я голосила. «Артистка будет, артистка...» — твердили все хором. Прочили большое будущее. И действительно, совсем еще ребенком я подходила к фортепиано, подбирала музыку, что-то играла.

Первый удар в своей творческой жизни я получила при попытке поступления в Черновицкую музыкальную школу. То и дело слышала от взрослых словечко «лимончики», а не понимала, что «лимончики» — это деньги, которые надо дать как взятку при поступлении. А где взять деньги при нашей-то бедности? Но маму все уговаривали: «Разбейся, но найди деньги, не пропадать же такому таланту».

На первом экзамене я пела «Пусть всегда будет солнце». Комиссия чуть ли не аплодировала от восторга. А я чуть ли с ума не сошла от гордости, такая захваленная, стою, не дышу. И вдруг что это? Меня нет в списках. Мама как будто постарела на несколько лет. Мы были так уверены, что я пройду.

На следующий год новая попытка. Правда, маме стали намекать, что мешает пятая графа, что без «лимончиков», и не малых, дочери не пройти. И снова мама не могла найти денег на взятку. И снова я провалилась. А мне было тогда всего лишь семь лет. Жизнь уже учила меня, несмышленыша, что детство наше не такое уж радостное и счастливое, как пелось в песнях советских композиторов. Новая попытка, и снова провал. Не помогли частные уроки, репетиторство. Одни говорили: «Уникальный голос», другие: «Нет, нам она не подходит».

Выучилась играть на аккордеоне и помню первую песню, исполненную на этом нелюбимом мною инструменте: «Мама, милая мама, как тебя я люблю...»

В конце концов после мытарств, унижений, просьб, ходатайств добрых людей за бедную сироту-девочку меня приняли в вечернюю музыкальную школу. Через год она стала дневной, и я была на седьмом небе от счастья. Занималась музыкой, пела, постигала свое любимое дело. С отчимом отношения были плохие, он меня еле терпел, разве что только не бил. В Кишиневе возникли те же проблемы, что и в Черновцах. Слава Богу, снова добрые люди нашлись, помогли, просили, увещевали. Попала к хорошему педагогу, и через год меня приняли, трудно вымолвить, в настоящую профессиональную труппу Кишиневского еврейского ансамбля песни и пляски.

Помню первый выход на сцену, в зале тысячи людей, а я, школьница, без грима, еще не освоившаяся на сцене, пою песню в спектакле о фашизме «Свет и тени». Успех огромный. Повезли меня в Вильнюс на гастроли. Мама с трудом отпустила. Приходил домой сам руководитель труппы, упрашивал. Мама отпустила чуть ли не под расписку. И снова успех. Аплодисменты, пожелания стать звездой. Сам Эдди Рознер слушал меня и остался доволен.

И снова жизнь мотала нас с мамой и била. Вернулись в Черновцы уже вдвоем. В музучилище меня не приняли, пришлось заниматься в музыкальной школе. А это значит постигать все предметы, в том числе и математику, в которой я совершенно не разбиралась. Помню, Сергей Никитович, преподаватель, говорил: «Вам, Малкина, ставлю тройку, но только за то, что вы хорошо поете». А я крутилась как белка в колесе на всех олимпиадах, концертах, конкурсах. Директриса за меня боролась, я была ей нужна.

Новая попытка поступить в музучилище, и снова провал. По сольфеджио и по теории поставили тройки, поди попробуй проверь. Мама в трауре. Слезы, мольбы, проклятия... И тут все чаще и чаще настойчивые родственники, друзья, те, кто верил в мои способности, стали увещевать маму: «Увози дочь куда глаза глядят, спасай Элку. Здесь ей пути не будет...» Мама сдалась. И началось: сборы, прощания, слезы...

Конец семьдесят второго года. Вена. На три дня нас поместили в замок Шенал. Вены мы не видели. Это позднее эмигранты в ожидании вылета в Израиль жили в Вене. А тогда все проезжающие через Австрию ожидали своей участи в Шенале. Никогда не забуду жуткое зрелище: немецкая речь, немецкие одежды, огромные собаки овчарки. Не собаки, а львы, как в кино про фашистов.

В Шенале я дала концерт. Пою еврейские, русские песни, поднимаю дух эмигрантов. А мама страшно боялась, что по приезде в Израиль нам не дадут жилья, квартиры. Ведь всех сразу обеспечить трудно. А что мы можем с мамой вдвоем? Другие расталкивают локтями, выбивают место под солнцем.

После концерта подошел к нам человек (он был вроде старшего среди эмигрантов, организатором отправки людей в Израиль) и поблагодарил маму, сказав, что у дочки большое будущее. И вот нас зовут в автобус к самолету. Ночь, тьма, мы в жутком настроении, дрожим как суслики, держимся за свои пожитки. В последнюю минуту подбегает к нам этот человек, Галили его фамилия (потом я узнала, что его жена погибла при взрыве бомбы в Тель-Авиве на базаре), и сует маме какую-то бумажку. Поцеловал нас и убежал.

В аэропорту Лот нас долго не выпускали из маленькой комнаты, оформляли документы, расспрашивали. Решали: давать квартиру или повременить. Мужчины, главы семейств, особенно кавказцы, лезли вперед, готовы были растерзать конкурентов. Стучали по столу, орали на чиновников.

Таможня выворачивала чемоданы, мама все боялась почему-то, что единственно дорогую вещь, которую мы привезли с собой, пианино, не разрешат ввозить. Мы стояли и плакали. Подходит какая-то женщина и по-русски спрашивает, в чем дело. Мы не знаем, как объяснить ей наше состояние. Мама машинально засунула руку в карман и вынула записку Галили. Записка на иврите, мы не понимали, что там написано. Женщина хватает записку, уходит. Возвращается и просит маму подписать какие-то бумаги: «Подпишите, не бойтесь, всю жизнь будете меня вспоминать добрым словом». Так и вышло: мы попали (видно, в записке были какие-то хорошие обо мне слова) на курортное место Вульпан, на границе с Ливаном. Домики на берегу моря, хорошая кормежка, сервис. Поначалу получили временное жилье, зато уже недалеко от Тель-Авива.

А дальше началась новая жизнь. Участие в вокальных конкурсах, награды, премии, попытка поступить в музыкальную академию. Все уперлось в то, что у меня не было аттестата зрелости. И снова хлопоты, просьбы, увещевания. Ни в какую! «Идите, учите ев-

рейскую Библию...» — сказали, как отрезали. В моем возрасте в школу? Да и язык очень тяжелый. Досада, перекрыты все пути. И я, махнув рукой, стала выступать на разных сценах, лишь бы платили деньги. То в одном театре, то в другом. Антрепренеры, сцены, контракты, записи, телевидение — тяжелая, хотя и любимая работа. Знакомство со знаменитыми людьми, с ассистентом Михоэлса, с семьей Маркиша... Сохранилась фотография, запечатлевшая меня с президентом Израиля, с мэром Тель-Авива.

Может быть, и наладилась бы моя жизнь, может быть, и в звезды выбилась, как мечтали мои поклонники — друзья в провинциальных Черновцах, может быть, и сегодня жила бы в Израиле среди наполовину чужих, наполовину родных мне людей. И счастлива была бы со мной моя мама. Да не суждено было такому случиться...

Израиль — южная жаркая страна. Там все располагает к сексуальной свободе. Огромные афиши откровенно эротического содержания, на каждом шагу секс-журналы. На девочках туго обтянутые джинсы, они как бы себя подают мужчинам. Рано начинающаяся половая жизнь. У тринадцати-четырнадцатилетней девочки уже должен быть взрослый друг — парень или мужчина. Они даже могут снимать квартиру. И это все естественно, никто за это не осуждает. Правда, при этом выходцы из разных стран живут в своих кварталах и стараются соблюдать свои национальные традиции в быту. Поляки остаются поляками, немцы немцами, арабы арабами...

И вот все чаще и чаще местечковые евреи, из наших советских, стали меня спрашивать: «А у тебя есть «хаве», друг?» И мне было стыдно признаться, что я все еще при маме. А когда я говорила, что нет, утешали: ну ничего, мол, это поправимо. Когда же обращались к маме, она говорила: «У нее есть еще время, успеется...» Но во мне зрело чувство, что мама из собственного эгоизма придерживает меня возле себя. Чтобы не потерять, чтобы не быть одинокой. И внутренне я стала сопротивляться этому.

Так что чисто случайное знакомство с человеком, ставшим причиной страшной трагедии в моей жизни, оказалось вроде бы и не случайным. Я как бы уже ждала этого «хаве». Первое же впечатление о нем было отрицательным: косил глазом, немного заикался. Ремесло — обойщик мебели. Уровень культуры весьма низок. И я решила для себя: первая встреча с ним будет последняя. Решила-то решила, но отношения все развивались, все заходили глубже. А может быть, и, наоборот, случилось все оттого, что не было между нами никаких отношений. Дело шло к свадьбе. После свадьбы, говорила я ему, и будут между нами отношения.

Однажды он предложил мне поехать с ним на озеро Кинер, знаменитое озеро, где люди прекрасно проводят время. Мама ни в какую. Под присягой, как говорится, обещала держаться. Пробыли мы там три дня. Он соорудил палатку, набрал с собой всякой снеди, выпивки. И чего уж там говорить (бедная мама!), конечно же, всякими манерами и маневрами, ласковыми словами, обещаниями, поцелуями уговорил меня стать его женой. Нет, нет, не отдалась я ему тогда. Какая сила была во мне, чтобы удержаться, не соблазниться! А потому что маме слово дала — вот как она меня воспитала.

Вернулась — и маме с порога: «Выхожу замуж». А мы тогда как раз хлопотали о постоянной квартире и жили во временной. Мама все бегала, хлопотала, а ей все отвечали: нет и нет. И тогда я сумела добиться встречи и с мэром Тель-Авива, и с президентом страны. После этого нам предоставили квартиру в центре Тель-Авива. Радость какая! Только вот некому помочь при переезде — мужчин-то нет. И новое сближение с этим человеком: он нам здорово помог, таким был услужливым, добрым. И даже мама расслабилась: «Какой он услужливый, преданный...» Тут я снова напомнила ей о нашем желании пожениться. Но она ответила отказом. «Как же так,— говорю,— ты же сама его расхваливала». «Да,— говорит,— но он для простой фабричной девчонки, но не для тебя, которую я выучила, выходила и в люди вывела».

Нужно сказать, что к тому времени я уже имела некоторый успех на сцене. Даже признание. Мне прочили большое артистическое будущее. И для него, чего уж там, я была находкой, сокровищем. Молодая, красивая, талантливая... Правда, и я не собиралась жить с университетом. Да, он простого советского воспитания, но он хороший вроде бы парень, свойский, и дело у него неплохое — обойщик мебели. И делал он это дело неплохо, даже отлично. Правда, когда настроение было, когда хотел...

Пришел как-то к нам мой двоюродный брат, снова сыр-бор разгорелся, и он занял мамину сторону. Короче, нашла коса на камень. Я наговорила маме резкостей, что она держит меня и не хочет выдавать замуж только из-за своих эгоистических побуждений, что она рассчитывает всю жизнь держать меня при себе, она меня ревнует, она эгоистка... И мама мне влепила пощечину. Я собрала вещи и ушла из дома. А куда мне уходить? Только к нему, в его хибару, в обойную мастерскую. Квартиры у него не было. В мастерской он и жил, и работал. Человек этот был, как это говорят, не для бога и не для людей. Долгов — масса, кредиторы звонили, грозились полицией, скандал за скандалом. Одно успокаивало: руки у него были золотые и деньги он мог грести лопатой. Только вот лень губила, набрал этих диванов, и вся мастерская была ими заставлена — ни лечь, ни сесть.

Прожила я у него недолго, и мы, несмотря ни на что, решили справлять свадьбу. Но как же без мамы? Никак нельзя, ни по русским, ни по еврейским обычаям. Тем более по еврейским, брак-то религиозный. И он пошел уговаривать маму. И материнское сердце, конечно же, сдалось. Знала бы она, на что соглашалась... Мать расплакалась и скрепя сердце согласилась на свадьбу.

Ох какая же это была свадьба! Пышная, веселая, сохранились фотографии... Но даже и на них есть снимок, на котором видно, как мама сцепилась со своим зятем. Причина, правда, была необычная. Гости просили меня что-нибудь спеть, а ему страшно этого не хотелось, он уже тогда ревновал: я певица, а он работяга, так нечего подчеркивать разницу. Особенно это задевало маму, которая действительно все делала для того, чтобы я стала певицей. Всю жизнь на это положила.

Так вот, все просят меня петь, не так часто собираются родственники, друзья, у всех работа, дела, там даже со свадеб уходят в девять вечера, ведь рано утром на работу. И я пела. А он готов был меня убить, здесь же, на месте,— вот какая сидела в нем ревность. А я танцевала, пела, веселилась... Разве можно было отказать людям.

...Прошло три года. Какие ужасные это были годы. Жили мы с ним плохо. Купили квартиру в долг, постоянные приходы полиции, обыски. Как оказалось, муж занимался подделкой чеков. Чуть было не посадили. Мама, прямая, откровенная, все говорила ему в глаза. Ему это не нравилось, и между ними были плохие отношения. Я уже не вмешивалась, я поняла, что он ничего не поймет, что он вообще не понимает, что надо ему от жизни. Дело шло к разводу. Но в Израиле это не так-то просто, религиозные каноны намертво и навечно скрепляют отношения.

А тут как-то подоспело предложение — контракт на мою творческую поездку в Брюссель. Надо было петь в ночном клубе разные там шлягеры: еврейские, русские, английские... Все это я могла. Контракт обещал мне хороший заработок. А деньги ох как были нужны!

Муж категорически возражал против поездки. И снова религиозные брачные законы: без разрешения мужа жена не может выехать из страны. Она не может с ним расстаться, если он не желает этого. Что делать? И мама шепнула: «Будь с ним сейчас помягче, убеди его, что твоя поездка даст возможность расплатиться за квартиру...» И действительно, этот довод возымел свое действие: муж согласился на мой отъезд.

В Брюсселе я выступала с большим успехом. Это была для меня интересная и нелегкая работа. Судьба свела с человеком, который на время повернул мою жизнь в ином направлении. Это был богатый французский кутюрье. Джентльмен, аристократические мане-

ры, опытный, много повидавший в жизни мужчина. Относился ко мне как к леди. Что надо было мне, двадцатитрехлетней, исстрадавшейся, уставшей?! Я познала любовь, настоящую, первую в жизни. Он сумел показать мне совершенно другую сторону жизни, ее красивую сторону.

Поначалу я писала в Тель-Авив письма, приглашала мужа приехать в Брюссель. И он уже было собрался. Уже даже купил билет, но вот эта встреча, и я умолила маму всеми способами удержать его от поездки. Ей удалось это сделать.

Последний ее аргумент был таким: «Если полетишь в Брюссель, она с тобой разведется». Я и вправду написала ему письмо, что хочу с ним расстаться. Раз и навсегда. Он подал на развод первым. Вроде бы облегчил мою задачу. Но не тут-то было: на развод подал, а сам не соглашался. От него уходили все адвокаты, они понимали, что у него сто пятниц на неделе, а может быть, чувствовали, что развода он мне не даст. Я же шла на все его условия, лишь бы он освободил меня.

В Брюсселе тем временем я поступила в консерваторию, на специальный факультет по вокалу. Учась в консерватории, я подрабатывала во вспомогательном хоре брюссельской Оперы. Но все доходы съедали полеты в Тель-Авив, ведь шли заседания суда. Боже, сколько же раз за год я летала туда и обратно! А муж морочил голову всем, все в нем видели и безумца, и хулигана одновременно.

За один год я добилась диплома консерватории. Это было почти исключением, чтобы вот так, при такой нервной учебе, добиться диплома. Обычно два года минимум на это надо. Меня поддерживал успех на сцене, я, например, пела партию Татьяны из «Евгения Онегина», и это был огромный успех. Закончив учебу, я попыталась получить ангажементы. Но как-то не вышло. И мне стало пусто. Робер, который был всегда рядом, клялся в любви, а от мамы чуть ли не каждый день приходили письма, в которых она была против моих серьезных намерений относительно него: и старше меня на целых двадцать шесть лет, и у него уже взрослые дети, которых он содержал, напоминала она. С семьей своей он не жил давно, но в этой ситуации жена Робера пригрозила ему жестокой карой, если он их бросит. Во всяком случае не даст никакого развода.

И я вернулась в Израиль. Думала на время, а вернулась на два года. Эти два года продолжались заседания разводного суда. Страшно вспомнить, как все это происходило. Но ни на минуту я не забывала о своей музыкальной карьере. Прослышала, что в Германии в театрах есть ангажементы. Пошла в немецкое посольство, там посоветовали: «Соберите документы». Собрала, сделала запись на кассете, отнесла в посольство. И вдруг через два месяца пришло известие: я кандидат. А еще через два месяца приглашение в Бонн. Получила хорошую стипендию. Много было волнений на экзамене. Комиссия поинтересовалась, говорю ли я на немецком языке. Я страшно испугалась, что незнание языка может стать помехой для окончательного решения в мою пользу. Но плохое знание немецкого языка оказалось даже к счастью, потому что меня сразу же по зачислении направили на четырехмесячную учебу в Швебишхай, курортное местечко недалеко от Штутгарта, на Гётекурсы.

Надо сказать, что мои финансовые дела стали плохи. Раньше мне помогал Робер. Как же быть теперь? Ведь надо скоро навестить маму...

Учеба в Гамбургской консерватории, успех на сцене — это были лучшие дни моей жизни. Помню, одна из комиссий спрашивает: «А вы можете нам спеть романс Шуберта или Шумана?» А у меня как нарочно не было в репертуаре никакого классического романса, только арии. И я игриво говорю: «А можно, я вам спою русскую песню?» «Пожалуйста»,— обрадованно как-то отвечает комиссия. Сажусь за рояль и пою «Однозвучно звенит колокольчик...» в своей аранжировке. Комиссия аплодирует. Меня приглашают на телевидение. И снова с успехом я пою русские народные песни и романсы. Жизнь, казалось, обрела радужные очертания. Но...

Это случилось, я точно помню, пятого октября восьмидесятого года. Я занимаюсь с преподавателем у рояля. И вдруг по радио объявляют: «Малкин, Малкин, срочно в секретариат». Подумала, мелочь какая-то, закончу занятие и пойду. Что за срочность?! Снова раздается: «Малкин, Малкин, очень срочно явиться в секретариат». Мы переглянулись с преподавателем. А надо сказать, что никаких плохих предчувствий у меня не было, потому что я не жалела денег на почти ежедневные звонки маме. Из автомата звонила, и она знала о каждом моем шаге, а я — о том, что происходит в Тель-Авиве. Бывало так, что заклинит монетка и почти час разговариваешь с мамой, такое счастье. Кажется, обо всем переговорили, а все не наговоримся никак. «Стоит монетка?» — спрашивает мама. Говорю: «Наверное, специально для нас с тобой зацепилась». И хохочем. Прямо истерика от счастья.

Но вот я наконец поднялась в секретариат, а мне: «С вами будет говорить Бонн». Что такое? Может быть, раввинат решил мою судьбу и освободил меня от этого злого человека, сломавшего мою жизнь? Сколько усту-

пок сделала я мужу, лишь бы он оставил меня. И вот-вот должен был состояться высший иерусалимский суд, уже окончательный. Мои интересы отстаивали два адвоката, один — бывший одессит, другой — бывший рижанин. Но и они ничего не могли решить в мою пользу. Только потому, что тот не давал развода. То давал, то передумывал. И всех водил за нос. И вот дело должно было завершиться на высшей инстанции. По телефону мама мне сказала, чтобы я обязательно прилетела на этот суд, последний раз. Но у меня первый день занятий, денег нет. Все бросать и лететь в Израиль? Это было выше моих сил. И мама бросила в трубку: «Ну ладно, может быть, ты и права, пусть будет как будет».

Сотрудник израильского посольства сообщил следующее: «Возьмите себя в руки — ваша мама убита». Сначала я не восприняла эти слова, не поняла, ведь я с ней только вчера говорила по телефону. Потом меня пронзило: арабские террористы?! И сразу же молнией мысль: ведь я просила маму не ездить на центральный рынок в Тель-Авиве, где можно было подешевле купить кое-какие продукты. Центральный рынок — излюбленное место террористов, свои бомбы они подкидывают в мусоросборники. Некоторые наши знакомые погибли от этих бомб, и мама мне как-то сказала: «Я не поеду больше туда, как-нибудь обойдусь». «И правильно,— вторила я,— покупай напротив в супермаркете, что уж, мы совсем, что ли, бедные?» А однажды поехала она в гости к родственникам в Хадеру, километрах в пятидесяти от Тель-Авива. Вдруг с заднего сиденья к шоферу подходит какой-то парень и приказывает остановиться. Потом на всех заорал, чтобы немедленно покинули салон и разбежались. Все, конечно, выполнили команду. Мама бежала, наверное, дальше всех — очень уж боялась этих бомб.

А как-то в сумочке на скамейке услышала она тиканье часов. Отбежала, вызвали минеров, оказалось, тикал будильник. И смех, и грех.

Боязнь бомб была у нее в крови. В войну в Одессе от бомб погибли десятки ее родственников. И однажды во время очередного налета старший брат, гонимый каким-то инстинктом, уплыл на лодке в море, захватив с собой и десятилетнюю девочку, мою будущую маму. Те, кто остался на берегу, все до единого погибли. А в лодке они спаслись, их подобрал какой-то катер.

Потом я узнала, что одной родственнице в Алма-Ату мама писала, что, если не будет следующего письма, имейте в виду, меня убила бомба. Да, по пути в Хадер она бежала дальше всех, но от судьбы не убежишь...

Не помню, как я купила билет, как полумертвая летела в Израиль, как сразу же в аэропорту меня встретила полиция. И сразу вопрос: «У мамы белые волосы?» «Нет,— говорю,— может быть, она купила парик?» — «А были у мамы враги?» «Нет,— говорю,— не было».

А они его уже взяли, моего мужа. Это он убил мою маму, сконструировав посылку-бомбу. Когда у него брали интервью: каким образом и зачем он это сделал, он сказал: «А я бросил жребий: посылать или не посылать. И выпал орел». А в суде дело уже шло к тому, что он почти выбил себе квартиру. Я шла и на это. Он рассчитывал убить нас вместе с мамой, предполагал, что на этот последний суд я непременно прилечу.

Свой смертный привет он послал почтой. Рассказывали, что в городе посылку у него не принимали без паспорта. Какой сумасшедший оставит такую улику, как паспортные данные? И он поехал в Натанию, в тридцати километрах от Тель-Авива, и на каком-то почтовом филиале у него таки приняли без паспорта. Ящичек он оформил весьма красиво, с ленточками, с бантиками — якобы подарок.

Я уже говорила, что в Израиле немедленно вызывают полицию, если появляется хоть малейшее сомнение по поводу какого-то подозрительного предмета. Пальцем до него нельзя дотронуться — немедленно звони куда следует. По телевидению постоянно показывают, как надо вести себя в таких ситуациях. Прямо спектакль из всего этого: «А что у вас в сумке? Откройте ваш дипломат». И никто не должен обижаться на такие вмешательства.

А тут как раз почта бастовала, долго не было отправлений, и вот приходит извещение зайти за посылкой. Мамина подруга рассказывала мне, что мама очень удивилась, откуда посылка, и решила, что она вернулась из Союза, из Алма-Аты, куда она недавно посылала брату какие-то вещи. По какой-то, дескать, причине посылка вернулась. Девичья фамилия мамы Дулицкая, и на извещении стояла эта фамилия. Мерзавец все рассчитал. Правда, ей странным показалось, при чем здесь Натания. Поделилась сомнениями с подругой, а та ей и посоветовала: «А ты сходи на почту и спроси служащих, что это такое».

Мама так и поступила. Смотреть красивую посылку вышел сам директор почты и его заместитель. Этот директор такой добрый был человек, для всех как родной, тридцать лет проработал на этом месте,— так он пошутил, дескать, какой-то поклонник шлет привет. И у него не возникло ни грамма подозрения.

Как только он коснулся ленточки, раздался страшный взрыв. Трое погибли на месте, семерых тяжело ранило. Рассказывали, что потом этого директора не могли собрать. Врач-патологоанатом констатировал, что мама скончалась не от ранений, от ранений она могла бы остаться живой, а от разрыва сердца. В последнюю секунду бедная мама поняла, что бомба наконец ее настигла. И сердце отреагировало мгновенно. Вот почему в аэропорту меня спросили про белые волосы — она мгновенно поседела.

Преступника обнаружили с трудом. Было на него подозрение, но обыски ничего не давали, и лишь четвертый обыск помог обнаружить еще две бомбы в газовой плите.

Ему дали пожизненное заключение, но это пожизненное может кончиться через пять лет, ведь он сидит уже десять лет. А я до сих пор без развода. Таковы израильские законы. Убийца сидит в тюрьме и не дает развода, и все, ты хоть лопни, но тебя не разведут. Даже суд думал, что своей смертью мама разрешит эту ситуацию, но не тут-то было. Этой жертвы, видно, ему мало.

В тюрьме этот подонок хотел повеситься, но ему не дали.

...Спустя месяц я вернулась в Германию, прозанималась там еще год. Не очень довольная своим педагогом, я приехала сюда, в Вену. Познакомилась здесь с Игорем Ивченко, он из Ленинграда, музыкант. Мы стали мужем и женой. У нас дочь. Личная жизнь вроде бы сложилась, все хорошо, квартира, машина. А вот творческая... Консерваторию в Германии я бросила не доучившись. Сейчас иногда выступаю, была на гастролях в Финляндии, здесь пою на вечеринках, в ресторанах. Когда приезжают эмигранты, пою бесплатно, даю частные уроки по вокалу. Но все это, конечно, не то, о чем мечтала.

И почти постоянное ощущение нестабильности. Оно то прорывается наружу, то уходит вглубь. Государство, конечно, помогает: всякие пособия, бесплатный проезд на ребенка, дешевые карточки, бесплатные учебники. В общем, Австрия не такая уж плохая для нас мачеха.

И еще: боль за то, что мы уехали из Союза, останется навсегда. Тоска и боль. Все-таки, что бы там ни говорили и ни писали, эмиграция — это трагедия. Прожито здесь уже двадцать лет, а мы все еще живем той давнишней жизнью. Ходим смотреть русские фильмы в клуб «Родина» по вторникам, а там сидят два с половиной человека. Им тоже тошно и больно. Они тоже тоскуют по России.

ЮРИЙ КРИЖАНИЧ

«Родина» открывает новую рубрику — «Русский характер». Нетрудно предвосхитить вопрос: почему именно русский? А, скажем, не мордовский, якутский, татарский?.. Опять над всеми «старший брат»? На что мы твердо и однозначно заявляем: в наших побудительных мотивах нет узконационального интереса, желания возвысить один народ над другими. Мы российский журнал, и нам равнозначно близки и дороги судьбы всех народов России. Хочется верить, что наши постоянные читатели уже поняли это. Одним из свидетельств тому — традиционная рубрика журнала «Сто народов России». Обращаясь к теме русского национального характера, мы просто продолжаем разговор о судьбах многочисленных народов нашей республики. Но, поскольку сфера будущего исследования как никакая другая сложна, неоднозначна и глубока, мы решили выделить ее отдельной рубрикой. Чтобы понять это, стоит вспомнить Николая Бердяева, постоянно отмечавшего «поляризованность русского характера, в котором странным образом совмещаются совершенно противоположные черты: доброта с жестокостью, душевная тонкость с грубостью, крайнее свободолюбие с деспотизмом, альтруизм с эгоизмом, самоуничижение с национальной гордыней и шовинизмом». И эта полярность, надо заметить, порождала и порождает столь же поляризованное отношение к самому русскому народу. Есть у нас и безоглядно-восторженные русофилы, есть и непримиримые русофобы.

Чтобы не впасть в односторонность, мы предполагаем опубликовать мнения людей с самой различной социально-общественной и идеологической ориентацией. Начало же, даже по праву хронологии, положит известный славянский мыслитель, политик и писатель-публицист XVII века Юрий Крижанич. Мы предлагаем вниманию читателей выдержки из его знаменитой, но мало известной широкому читателю книги «Политика». Написал ее Ю. Крижанич в Тобольске, куда был сослан царскими властями. Рассуждения автора о русском народе стали плодом нелегкого личного опыта, серьезных испытаний в России, пристального наблюдения за бытом и нравом русского человека на немереных пространствах от Москвы до сибирских окраин, а также не в последнюю очередь многочисленных бесед с лучшими представителями тогдашнего московского общества. Известно, например, что в Москве Ю. Крижанич был знаком и дружил с Борисом Ивановичем Морозовым, который в первые годы царствования Алексея Михайловича был фактическим правителем государства.

То, что написал автор «Политики» о России, иной может воспринять как злой памфлет на все русское. Но, по нашему убеждению, его пером водили чувства любви ко всему славянскому (по происхождению Ю. Крижанич был хорватом), поскольку русский народ рассматривается им как наиболее сильный и перспективный в славянском мире. А с лидера, как известно, и спрос особый. Так что, прочитав отрывок из «Политики» Крижанича, не спешите отвергать написанное. Вполне возможно, что в каких-то строчках, родившихся три века назад, мы узнаем и себя сегодняшних...

Для наиболее полного самовыражения Ю. Крижанич в своей книге часто прибегает к диалогической форме изложения, вводя в повествование две вымышленные персоны — Бориса и Хервоя. Они присутствуют и в отрывке, выбранном нами для публикации.

ОБ ОБЩИХ СВОЙСТВАХ И НЕДОСТАТКАХ НАШЕГО НАРОДА

1. Торговцы, желая испробовать золото, растирают его на камне, на котором растерто иное различное золото и медь, и, сравнивая одно с другим, видят его цвет и узнают качество. Так же точно королевский советник, если хочет познать нрав своего народа, должен сравнивать его с иными народами и должен понять причины, по которым многие вещи обстоят здесь так, а в других местах — иначе.

Поэтому, сравнив, [мы] скажем:

2. [1] По красоте лица и телосложению мы не можем сравниться с иными, более красивыми народами.

2. Язык наш скрипуч, нуден, убог и, действительно, беднее всех знаменитых европейских языков.

3. И поэтому неудивительно, что и ум у нас неразвитый и медлительный и что мы не сильны ни в каких хитростях. Все великие народы превосходят нас хитростью, а главная вина тому — несовершенство языка: ибо чего мы не можем назвать словами, того мы не можем и придумать как следует.

4. А признаком того, что мы сами не можем ничего хорошо и умно придумать, является нескладность нашей одежды. Так что во всяком мудром деле мы должны брать пример и образец у иных народов.

3. <u>*Хервой:*</u> Мне, брат Борис, всегда бывает жалко и стыдно и я сержусь, когда подумаю о высокомерии наших людей.

<u>*Борис:*</u> О каком высокомерии ты говоришь?

<u>*Хервой:*</u> К примеру, что мы заносимся и кичимся из-за того, что самоеды, остяки и калмыки по сравнению с нами кажутся грубыми, нечеловечными или варварами. А это должно было бы послужить нам поводом не для высокомерия, а для уничижения и вразумления. Ибо насколько эти народы по сравнению с нами являются дикими и зверскими, настолько и мы по сравнению с иными народами кажемся грубыми и невежественными, так что из-за нашего невежества другие народы считают нас тоже дикими.

<u>*Борис:*</u> Молви доброе слово. Не годится нам самих себя оговаривать и ругать. Плоха та птица, что сама свое гнездо поганит.

<u>*Хервой:*</u> Правильно ты замечаешь. Чужеземцам я бы таких слов не говорил, а, напротив, старался бы всячески скрыть и утаить от них наши недостатки. Но мы сами между собой не должны замалчивать общего зла и самих себя обманывать, так же как не годится таить от врача рану, если хочешь, чтобы он ее исцелил. А с другой стороны, мы зря скрываем то, что весь свет видит. Чужеземные книги полны рассказов о невежестве и о недостатках наших. То, что видит в нас весь мир, мы одни не видим и не знаем.

<u>*Борис:*</u> Прошу тебя, расскажи мне что-нибудь об этих вещах.

4. <u>*Хервой:*</u> Я считаю наш народ средним между цивилизованными и отсталыми народами. Дикими я называю татар, калмыков, остяков, цыган и подобных им людей, кои не имеют ни жилья, ни человеческих порядков. Мы превосходим их человечностью, но, с другой стороны, некоторые из них превосходят нас ловкостью, другие — проворством и почти все — плутовством либо хитростью.

А человечные народы (то есть итальянцы, французы, немцы, испанцы и древние греки) превосходят нас человечностью и всеми врожденными свойствами ума и тела: обличьем, речью, умом, здоровьем, одушевлением, трудолюбием и способностями. Также — правдивостью, набожностью, трезвостью и всяческим благонравием. Также — и всякими дурными чертами и пороками, и особенно злословием, руганью, злобой и жестокостью. Ибо у этих народов есть множество страшных ругательств и проклятий и множество нечестивых и срамных слов, которых наш язык лишен, и эту его бедность можно почитать за счастье, как давно заметил папский посол Поссевино. А единожды разгневавшись, они умерят [свой гнев] не иначе, чем в гробу, и [с тем],

с кем однажды поссорятся, вовек взаправду не помирятся. А в мести не знают никаких ни меры, ни милосердия.

5. Мы же по сравнению с этими политическими народами не вполне чистоплотны, мало холены, полунемы, в науках не сведущи, всякими вещами бедны и почти что совсем нищи. А кроме всего этого, мы отягощены некоторыми общенародными пороками, особенно ленью, расточительностью, а что хуже всего — весь народ пьянствует от мала до велика, миряне и церковники, нанизшие и наивысшие.

Отсутствие красноречия, лень, разгул и расточительность — наши врожденные свойства или четыре первоначальные черты, из коих кажемся созданными.

6. Из всех народов именно мы от природы особенно разгульны и расточительны. Ибо и давнишние наши предки, пребывая еще в язычестве, главным идолом считали Радигоста (покровителя пиров и угощений), в честь коего пировали и опивались. А ныне вместо праздника Радигоста мы празднуем две недели святого Николу, и масленицу, и всю святую неделю, и крестины, и именины, и поминки, и особые праздники. И прежде бывали придворные пиры для послов, и еще бывают придворные угощения для бояр, священников и дворян. И во всех этих случаях мы все и всегда напиваемся домертва.

Что сказать о нашем пьянстве? Да если бы ты, Борис, весь широкий свет кругом обошел, нигде бы не нашел такого мерзкого, гнусного и страшного пьянства, как здесь на Руси. Между тем ведь в иных, более теплых странах пьют гораздо больше хмельного питья, нежели у нас. А в иных местах пьют и меньше, однако ведь нигде нет такого удивительного пьянства.

Пьянство же — самый гнусный из всех пороков и грехов, который делает нас противными Богу, отвратительными для всех народов, ни на что не годными и превращает нас из людей в скотов. У итальянцев, испанцев и турок муж, которого однажды увидят пьяным, теряет все уважение и не считается достойным никакой общественной должности, ни большой, ни малой.

<u>*Борис:*</u> Открой же мне причину этого нашего столь гнусного и поразительного пьянства.

<u>*Хервой:*</u> Об этом — в ином месте, а пока что закончим начатый разговор. Так вот суди:

Во-первых, у нас — среднее обличье, а чужеземцы — красивы и, следовательно, горды и надменны, ибо красота порождает гордость и надменность. И поэтому они нас презирают, унижают, ни во что не ставят, оплевывают.

Во-вторых, мы лишены красноречия, а их язык богат, красноречив и полон оскорбительных, ругательных и насмешливых, язвительных слов.

В-третьих, мы — тяжелодумы и простосердечны; они — преисполнены всяких хитростей.

В-четвертых, мы — расточители и кутилы и не ведем счета приходу и расходу, а раскидываем свои деньги даром; они — скупы, жадны, все объяты корыстью. Днем и ночью заботятся лишь [о том], как бы наполнить свои мешки, а наши пиры и угощения осмеивают.

В-пятых, мы — ленивы в работе и в учении; они — старательны и не проспят ни одного подходящего часа.

В-шестых, мы довольствуемся убогими вещами и скромной жизнью; они — не знают меры в роскоши, и бесконечно изнежены, и вовек не насыщаются, а всегда разевают рот и хотят иметь все больше и больше.

В-седьмых, мы — жители бедной земли; они — уроженцы богатых, роскошных стран — приносят к нам всякие товары, служащие для роскоши и наслаждений: жемчуг, шелк, камни, виноград, сахар, плоды — и прельщают нас этими приманками, как охотники зверей.

В-восьмых, мы говорим и думаем попросту и попросту поступаем: если поссоримся, то снова и помиримся; у них сердце — скрытное, неискреннее, ядовитое, и лицо — обманчивое, и обидного слова, кое им скажешь, до смерти не забудут; если однажды с тобою поссорятся, вовеки по-настоящему не помирятся, но и после примирения всегда ищут случая, чтобы отомстить.

8. Из того, что сказано, пойми и заключай так:

Во-первых, природным недостатком народа нашего, как мы уже говорили, является любовь к пирам и тщеславное гостеприимство и вследствие этого расточительность и обнищание. А за этим неизбежно следует *жестокость по отношению к подданным*. Ибо не счесть в нашем народе людей, которые вменяют себе за честь то, что они много пируют и без причин расточают свое имущество. А когда у них не останется необходимых средств, нещадно притесняют и прижимают бедных подданных, своих соотечественников. А по отношению к неблагодарным, задирчивым чужеземцам и бесполезным утробам они щедры и расточительны. Иисус, сын Сираха, говорит о подобных: «Кормит и поит неблагодарных и за это слышит горькие слова».

Во-вторых, нет у нас природной бодрости [духа] и некой *благодарной и славной осанки* или дерзости и воодушевления, чтоб мы с достоинством относились к самим себе и к своему народу. Люди, имеющие такую бодрость [духа], не терпят, чтобы ими правил чужеземец, разве что [их] принудят. А наш народ и сам добровольно приглашает чужеземцев к себе на престол.

Татары и турки, даже убегая, не дадут себя даром убить, а защищаются до последнего издыхания. А наши воины если побегут, то больше не обернутся, но позволяют, чтобы их секли, словно мертвых. Хорошие воеводы должны были бы напоминать об этом воинам и возбуждать [в них] бодрость [духа].

В-третьих, великая народная беда наша — *неумеренное правление*. Не умеют наши люди ни в чем держаться меры и идти средним путем, а всегда плутают в крайностях и погибелях. В одном месте у нас слишком распущенное, своевольное, беспорядочное правление, а в другом месте — слишком твердое, строгое и жестокое. На всем широком свете нет такого беспорядочного и распущенного королевства, как Польское, и такого крутого правления, как в этом славном Русском государстве.

В-четвертых, беда наша горькая и в том, что иные народы — греки, итальянцы, немцы, татары — привлекают нас на свою сторону, впутывают в свои распри и сеют между нами рознь. А мы по своей глупости позволяем себя обманывать, и воюем за других, и считаем своими чужие войны, а друг друга ненавидим, враждуем насмерть, и брат идет на брата без всякой надобности и причины. Чужеземцам мы во всем верим, сохраняем с ними дружбу и союз, а самих себя и своего рода стыдимся и отрекаемся от него.

Так, некогда греки соблазнили некоего русского великого государя послать вместе с ними войско против болгар и, побив болгар, установили даже праздник в память вечную этого якобы прекрасного дела, когда братья убивали братьев. А ныне турки и крымцы желают полякам, а царь немецкий и шведы — нам добра не более, чем волки овцам. И однако же эти соблазняют нас, а те — их, как только хотят.

У греков и римлян издавна были мирские политические причины для вражды. И эти мирские причины они лживо и злобно выдают за духовные, и одна сторона (для пущего позора) выдумывает у другой ереси, если их и нет. А мы, не разбираясь в этом, идем за ними и убиваем друг друга без конца и без меры.

Побратимство и сватовство с чужеземцами обязательно приводят к междоусобным распрям. И это нас более всего разоряет.

САВЕЛИЙ ЯМЩИКОВ,
заслуженный деятель искусств России

ПУТЕШЕСТВИЕ К ДИОНИСИЮ

ЕФИМ ЧЕСТНЯКОВ
"Сваxонька, любезная повыйди..."
Костромской музей изобразительных искусств.

В моей московской мастерской на Кропоткинской улице, что находится во флигеле бывшей Поливановской гимназии, посетители открывают для себя немало интересного. Правда, те, кто попадает сюда впервые, удивляются отсутствию икон, редких картин, старинной мебели. Удивление их мне понятно. Более тридцати лет заниматься реставрацией и изучением древностей и ничего не оставить себе на память? В безразличии к красивым вещам упрекнуть меня трудно, но, во-первых, я от природы лишен страсти к коллекционированию произведений искусства и драгоценностей, хотя в других такую страсть не осуждаю и даже приветствую. Во-вторых, считаю все музейные реликвии, с которыми мне пришлось столкнуться как искусствоведу и реставратору, если не личной собственностью, то хотя бы частично мне принадлежащими, ибо несу за их судьбу ответственность.

Да, уникальных собраний и старинных редкостей в моей мастерской нет. Но есть десятки картин, акварелей, рисунков, набросков и театральных эскизов, подаренных мне современными художниками. И среди них — великолепный снимок Владимира Хетагурова, который поначалу все принимают за живописное произведение, а потом обязательно спрашивают, где находится церковь, вдохновившая фотохудожника. На вопрос этот я отвечают однозначно: «В России». Не потому, что не знаю места, где стоит храм, а из-за глубокой соборности и символичности удачно сделанной фотографии.

К великому сожалению, именно такой запомнилась мне срединная Россия, которую я исходил и исколесил вдоль и поперек. Среди бесконечных полей, долин, холмов, оврагов и перелесков тут и там попадаются на глаза храмы: реже XVI, чаще XVII—XVIII, а в большинстве своем относящиеся к XIX — началу XX века. Умело вписанные в неповторимый российский пейзаж, украшенные позлащенными крестами и куполами, облицованные сверкающими на солнце изразцами или просто скромно выбеленные, когда-то эти церковные постройки очень много значили для русского человека, бывшего от рождения своего набожным и свято чтившего один из основных символов веры — храм. Не надо обладать особым воображением, чтобы представить, как духовны и величественны были живые картины природы, увенчанные церковными главами, и какие возвышенные чувства вызывали они у богомольцев и простых путников. И уж совсем ничего не требуется додумывать и воображать, когда видишь следы безжалостного уничтожения, оставленные на этих живых картинах в послереволюционные годы. Слезы выступают на глазах, невольно сжимаются кулаки —

НЕИЗВЕСТНЫЙ ХУДОЖНИК
Портрет Параши Жемчуговой
В театральном костюме
конец XVIII века
Музей-усадьба "Кусково".

ским наукам, с помощью шпаргалок сдавая необходимые экзамены и зачеты. Зато сколько драгоценного времени высвободилось для чтения редких книг, слушания спецкурсов и семинаров, работы в экспозициях и запасниках музеев. А вскоре после моего ухода с дневного отделения читавший нам спецкурс по реставрации произведений искусства Виктор Васильевич Филатов предложил мне место ученика во Всероссийском реставрационном центре. Вот уж где Судьба одарила меня с баснословной щедростью

Прежде всего я получил возможность непосредственного общения с русской иконой. Под наблюдением опытных учителей, среди которых особенно хочу выделить первоклассного художника-реставратора Евгению Михайловну Кристи, робко и неуверенно начал я осваивать процессы восстановления разрушенных временем иконописных образцов. Лучшего пути, чем работа реставратора, для проникновения в сокровенные тайники богатейшего мира древнерусской живописи и искать было не нужно. Временами казалось, что я совершаю фантастическое путешествие на машине времени, попадая в мастерские псковских и новгородских средневековых иконописцев, присутствуя на празднике окончания ферапонтовских росписей Дионисием с сыновьями, наблюдая за установлением иконостаса в Благовещенском соборе Московского Кремля, слыша, как делает замечания Феофан Грек талантливому своему ученику Андрею Рублеву. А сколько вопросов и загадок, по сей день не решенных, возникало в процессе расчистки авторской живописи от позднейших поновлений и записей!

Двадцать счастливых лет провел я под сводами Марфо-Мариинской обители на Большой Ордынке, куда в 1944 году переехали Центральные реставрационные мастерские, расформированные в период мрачных предвоенных репрессий. Здесь все напоминало о духовном подвиге ее основательницы — великой княгини Елизаветы, причисленной позднее к лику святых. Чудом сохранились почти все монастырские постройки и остатки богатого некогда церковного сада с фонтаном; на стенах Покровского храма в первозданной чистоте сияли драгоценные краски нестеровских росписей, а помощник великого мастера, Павел Корин, принимавший непосредственное участие в их создании, некоторое время был художественным руководителем наших мастерских. Нередко вместе с ним навещала бывший монастырь его супруга Прасковья Тихоновна, с детских лет принимавшая послушание в руководимой св. Елизаветой обители. Не хочется сейчас вспоминать о бесконечной веренице серых директоров, регулярно спускаемых к нам по воле не менее серого руководства Министерства

НИКОЛАЙ МЫЛЬНИКОВ
портрет
Елены Карнович
1835 год
Ярославский
художественный
музей

культуры; поступки их могли бы описать разве что Гоголь и Салтыков-Щедрин. Один из этих «глуповцев» умудрился отметить очередной юбилей Советской власти тем, что заставил слесаря спилить орнамент на дверных ручках Покровского храма, изготовленных известным мастером Ф. Мишуковым и через день после уничтожения появившихся в иллюстрациях одного из томов истории отечественного декоративно-прикладного искусства. Предав забвению двуглавых орлов на музейных реликвиях, горе-директор на этом не остановился и немного погодя уволил с работы Павла Дмитриевича Корина, поставив ему в вину нерегулярные появления на службе.

Стараясь как можно реже попадаться на глаза не в меру ретивым директорам и их услужливым прихвостням, возглавлявшим партийные и общественные организации мастерских, я охотно уезжал из Москвы в служебные командировки. Добрую половину из двадцати лет работы в реставрационных мастерских на Ордынке я провел далеко от столицы. Суздаль, Новгород, Псков, Рязань, Вологда, Ростов, Ярославль, Кижи, Кострома — вот далеко не полный перечень мест, где постоянно отмечались мои командировочные удостоверения. Такое распоряжение Судьбы тоже оказалось для меня счастливым. Прежде всего благодаря постоянным разъездам по России получил я реальное представление о своей родине, на себе узнал заботы и нужды, которыми живут люди в русской провинции. Занимаясь на местах изучением многочисленных художественных школ и направлений в Древней Руси, я отчетливо представил себе результаты подконтрольного истребления памятников архитектуры и искусства, имевших не только национальное, но и общемировое значение. Составление реставрационной описи всех произведений древнерусской живописи XII—XX веков из музеев РСФСР, предпринятое мною вместе с профессиональными помощниками из московских мастерских и сотрудниками периферийных древлехранилищ, еще раз убедило меня в количественной ничтожности сохранившегося до наших дней богатейшего некогда наследия. Одновременно я смог воочию убедиться в мужестве, стойкости и бескорыстии тех, кто, несмотря на систематические запреты и многочисленные приказы, в прямом смысле слова спас от гибели то немногое, чем должны мы гордиться и что останется потомкам.

Пропаганда отечественного культурного наследия семь десятилетий была абсолютно тенденциозной

ЧУДО ГЕОРГИЯ О ЗМИЕ
XIV век
(Новгородская школа)
Русский Музей.

и посылаешь запоздалые проклятия тем, кто заставил людей надругаться над вечной красотой, сотворенной их талантливыми предками.

Не из пропагандистских книг, не из лекций по истории КПСС, историческому и диалектическому материализму, так бесстрастно и бессовестно читавшихся серыми преподавателями университета, узнал я правду про раскулачивание и поругание церквей. Под корень были вырублены прочные устои многочисленной семьи моего деда по материнской линии. Только за то, что умели они работать и свято чтили крестьянские традиции, никогда не пользуясь услугами наемных рабочих, прогнали моих предков из живописных деревень Калужской и Брянской губерний, разбросали по белу свету, а многих мужчин упекли в ГУЛАГ. Дед, получив для начала десять лет, отбывал их в селе Шушенском, где работал кузнецом, не писал революционных воззваний, но мечтал вернуться к жене и детям. За хорошие трудовые показатели продлили ему положенный срок, и осталось бабушке, скрывавшейся с шестью детьми в московском бараке, на память о погибшем в ссылке муже несколько писем, проштемпелеванных в ленинских местах, да маленькая его фотокарточка, сделанная на паспорт.

Мы с мамой уверены, что пережить те страшные времена, помноженные на военное лихолетье, нашей семье помогла чистая и неколебимая вера в Бога. Бабушка строго соблюдала традиции и каноны старообрядчества — ведь мы принадлежали к одному из основных его направлений: поморскому беспоповскому согласию. С малых лет помню я праздничные службы в храме на Преображенской заставе, чин и порядок в котором помогали поддерживать чудом избежавшие страшной участи наши близкие и дальние родственники. Какими светлыми и радостными красками встречало пасхальное утро выходящих на ступени церкви богомольцев, торжественно поздравляющих друг друга: «Христос воскресе!» Покоренный благолепием и красотой пасхальной службы, когда звуки ритуальных песнопений словно возносятся к небу, прорывая оболочку купола, а взгляд твой все время останавливается на строгих, но не осуждающих, а зовущих к очищению ликах древних икон, я невольно задавал себе вопрос: зачем так безжалостно разрушаются московские «сорок сороков», а вид находящегося напротив нашего барака на высоком берегу Москвы-реки Новоспасского монастыря напоминает самые страшные кадры из популярных тогда военных фильмов? Мог ли я подумать, что пройдет не так уж много лет, и судьба приведет меня работать в стены этой старой московской обители, где расположен сейчас Всесоюзный институт реставрации?

САВЕЛИЙ ЯМЩИКОВ

Судьба... Как благодарен я Божественному Провидению, помогшему мне, мальчишке из железнодорожных бараков на Павелецкой набережной, с малых лет промышлявшему на станции ведро угля для барачной печки, или несколько картофелин, подобранных при разгрузке вагонов, или бутылку подсолнечного масла, выстоянную в длиннющей очереди, когда номер, написанный химическим карандашом на твоей ладони, заходит далеко за тысячу, благополучно закончить школу, несмотря на постоянные трения с дирекцией, не жаловавшей своевольные поступки и резкие высказывания ученика. Не противилась Судьба и тому, что, несмотря на внушительный конкурс (восемнадцать человек на место), выдержал я вступительные экзамены на искусствоведческое отделение исторического факультета МГУ... Уже по окончании университета, работая в командировке в Суздале, узнал от находившегося там в ссылке известного теперь ученого Николая Покровского, что группа преподавателей истфака, в которую и он входил, пытаясь облегчить поступление в храм науки подобным мне разночинцам, боролась против «блатных» абитуриентов — детей высокопоставленных родителей. Благороден был порыв этих смельчаков, отсидевших потом назначенные сроки в лагерях и на поселении, да только все равно среди своих однокашников увидели мы Сусловых, Поскребышевых и прочих привилегированных отпрысков. И та же Судьба, вероятно, уготовила мне на вступительном экзамене по специальности вопрос о творчестве прославленного русского иконописца Андрея Рублева...

А вот на первую летнюю практику во Владимир и Суздаль повез нас недавно выпущенный на свободу доцент МГУ Виктор Михайлович Василенко. Увлеченно и страстно он рассказал о скульптурном убранстве Дмитровского и Успенского соборов, поклонился вместе с нами редчайшей древнерусской жемчужине — храму Покрова на Нерли, провел по тихим улочкам и монастырским дворам сохранившего божественное очарование Суздаля. С той поры я судьбой своей не распоряжаюсь. Влюбившись раз и навсегда в творчество мастеров Древней Руси, стараюсь служить верой и правдой подаренному мне Судьбой делу охраны, реставрации и изучения памятников отечественного искусства.

С обучением в университете мне повезло. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. На втором курсе я тяжело заболел, а как только стал передвигаться, получил освобождение от воинской повинности и сразу перевелся на вечернее отделение. Это дало мне возможность не посещать кучу ненужных, но обязательных лекций по общественно-политиче-

Заонежскан деревня

и однобокой. Но если раньше телечиновники строго следили за каждой иконой и крестом, чтобы те, упаси Бог, не попали бы в кадр, то сейчас они, заметно полевевшие на словах, снисходительно просмотрят вашу заявку и даже разрешат съездить и сделать передачу, а затем поставят сюжет на такое время, что его не только занятые на своей работе зрители, но даже пенсионеры и домохозяйки не увидят.

Вот почему так мало знают современники о подвиге семьи Федышиных, всем пожертвовавшей во имя спасення художественных сокровищ древней Вологды, о псковичах-патриотах: историке и филологе Леониде Творогове, архитекторе-реставраторе Юрии Спегальском, настоятеле Печорского монастыря архимандрите Алипии, так много сделавших для того, чтобы Псков и земля псковская стали сегодня местом паломничества для тысяч путешественников, приезжающих сюда со всего света. Почти никто не увидел двухсерийную передачу «Цвета древнего Пскова» и «Земля псковская», ибо показывали ее рано утром или в середине дня. А как актуально и современно звучит в ней монолог отца Владимира, священника, который не стал дожидаться посторонней помощи, но сам вместе с малым пока отрядом прихожан начал обихаживать древнюю псковскую церковь Константина и Елены.

Псковский литератор Валентин Курбатов, являющий собой пример типичного представителя российской интеллигенции (к счастью, не до конца истребленной), приняв активное участие в подготовке телевизионной передачи, четко сформулировал свое отношение к восстановлению жизненного уклада и архитектурных сокровищ древнего Пскова. Он и его единомышленники создали инициативную группу, занимающуюся «реанимацией» уникального псковского памятника — собора Иоанна Предтечи, воздвигнутого в XII веке. Храм этот обязательно должен быть действующим, но наряду с отправлением служб здесь непременно надо создать необходимые условия для работы церковно-археологического кабинета, рассказывающего об истории древнейшей псковской церкви, об иконах, найденных в ней местными музейными работниками и восстановленных реставраторами.

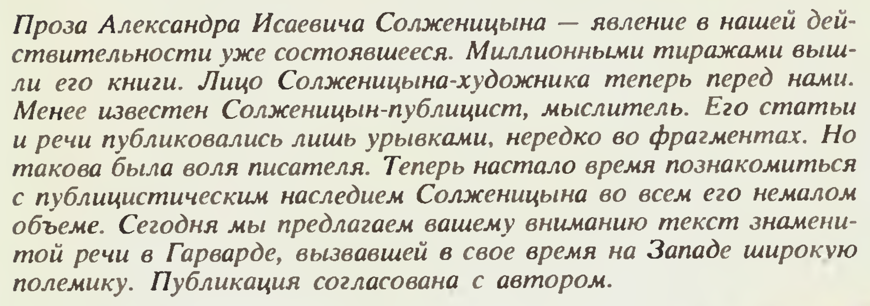
Ширится и крепнет в России движение за восстановление поруганных святынь, за открытие храмов и монастырей. И главная надежда в этом нелегком деле, безусловно, на скромных тружеников, которые не шумят на собраниях и митингах, а целиком отдают себя возрождению духовности Отечества.

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН

РЕЧЬ В ГАРВАРДЕ

НА АССАМБЛЕЕ ВЫПУСКНИКОВ УНИВЕРСИТЕТА 8 ИЮЛЯ 1978

Проза Александра Исаевича Солженицына — явление в нашей действительности уже состоявшееся. Миллионными тиражами вышли его книги. Лицо Солженицына-художника теперь перед нами. Менее известен Солженицын-публицист, мыслитель. Его статьи и речи публиковались лишь урывками, нередко во фрагментах. Но такова была воля писателя. Теперь настало время познакомиться с публицистическим наследием Солженицына во всем его немалом объеме. Сегодня мы предлагаем вашему вниманию текст знаменитой речи в Гарварде, вызвавшей в свое время на Западе широкую полемику. Публикация согласована с автором.

Я рад возможности приветствовать 327-й выпуск старейшего Гарвардского университета и сердечно поздравляю всех выпускников!

Девиз вашего университета — «Veritas». И некоторые из вас уже знают, а другие узнают на протяжении жизни, что Истина мгновенно ускользает, как только ослабится напряженность нашего взора,— и при этом оставляет нас в иллюзии, что мы продолжаем ей следовать. От этого вспыхивают многие разногласия. И еще: истина редко бывает сладкой, а почти всегда горькой. Этой горечи не избежать и в сегодняшней речи,— но я приношу ее не как противник, но как друг.

Три года назад в Соединенных Штатах мие тоже пришлось говорить такое, от чего отталкивались, не хотели принять,— а сейчас согласились многие.

Раскол сегодняшнего мира доступен даже поспешному взгляду. Любой наш современник легко различает две мировые силы, каждая из которых уже способна нацело уничтожить другую. Но понимание раскола часто и ограничивается этим политическим представлением: иллюзией, что опасиость может быть устранена удачными дипломатическими переговорами или равновесием вооруженных сил. На самом деле расколот и глубже, и отчужденней, и бóльшим числом трещин, чем это видно первому взгляду,— и этот многообразный глубокий раскол грозит всем нам разнообразной же гибелью. По той древней истине, что не может стоять царство — вот, наша Земля,— разделившееся в себе.

* * *

Есть понятие «третий мир» и, значит, уже три мира. Но их несомненно больше, мы недоглядываем издали. Всякая древняя устоявшаяся самостоятельная культура, да еще широкая по земной поверхности, уже составляет самостоятельный мир, полный загадок и неожиданностей для западного мышления. Таковы по меньшему счету Китай, Индия, Мусульманский мир и Африка, если два последних можно с приближением рассматривать собранно. Такова была тысячу лет Россия,— хотя западное мышление с систематической ошибкой отказывало ей в самостоятельности и потому никогда не понимало, как не понимает и сегодня в ее коммунистическом плену. И если Япония в последние десятилетия все более стала «дальним Западом», все тесней примкнула к Западу (судить не берусь), то, например, Израиль я бы не отнес к западному миру хотя бы по тому решающему обстоятельству, что его государственный строй принципиально связан с религией.

Как еще сравнительно недавно маленький новоевропейский мирок легко захватывал колонии во всем мире, не только не

предвидя серьезного сопротивления, но обычно презирая какие-либо возможные ценности в мироощущении тех народов! Успех казался ошеломляющим, не знал географических границ. Западное общество развертывалось как торжество человеческой независимости и могущества. И вдруг в XX веке так ясно обнаружилось, что оно хрупко и обрывчато. И теперь мы видим, каким коротким, шатким оказалось это завоевание (очевидно свидетельствуя и о пороках того западного миросознания, которое на эти завоевания вело). Сейчас соотношение с бывшим колониальным миром обратилось в свою противоположность, и западный мир нередко переходит к крайностям угодливости,— однако трудно прогнозировать, как еще велик будет счет этих бывших колониальных стран к Западу и хватит ли ему откупиться, отдав не только последние колониальные земли, но даже все свое достояние.

* * *

Все же длящееся ослепление превосходства поддерживает представление, что всем обширным областям на нашей планете следует развиваться и доразвиваться до нынешних западных систем, теоретически наивысших, практически наиболее привлекательных; что все те миры только временно удерживаются — злыми правителями, или тяжелыми расстройствами, или варварством и непониманием — от того, чтоб устремиться по пути западной многопартийной демократии и перенять западный образ жизни. И страны оцениваются по тому, насколько они успели продвинуться этим путем. Но такое представление выросло, напротив, на западном непонимании сущности остальных миров, на том, что все они ошибочно измеряются западным измерительным прибором. Картина развития планеты мало похожа на это.

Тоска расколотого мира вызвала к жизни и теорию конвергенции между ведущим Западом и Советским Союзом,— ласкательную теорию, пренебрегающую, что эти миры друг во друга нисколько не развиваются и даже непревратимы друг во друга без насилия. А кроме того, конвергенция неизбежно включает в себя принятие также и пороков противоположной стороны, что вряд ли кого устраивает.

Если бы сегодняшнюю речь я произносил в своей стране, я, в этой общей схеме раскола мира, сосредоточился бы на бедствиях Востока. Но поскольку я уже четыре года вынужденно нахожусь здесь и аудитория передо мною западная,— думаю, будет содержательней сосредоточиться на некоторых чертах современного Запада, как я их вижу.

* * *

Падение мужества — может быть, самое разительное, что видно в сегодняшнем Западе постороннему взгляду. Западный мир потерял общественное мужество и весь в целом, и даже отдельно по каждой стране, каждому правительству, каждой партии, и уж конечно — в Организации Объединенных Наций. Этот упадок мужества особенно сказывается в прослойках правящей и интеллектуально-ведущей, отчего и создается ощущение, что мужество потеряло целиком все общество. Конечно, сохраняется множество индивидуально-мужественных людей, но не им доводится направлять жизнь общества. Политические и интеллектуальные функционеры выявляют этот упадок, безволие, потерянность в своих действиях, выступлениях и еще более — в услужливых теоретических обоснованиях, почему такой образ действий, кладущий трусость и заискивание в основу государственной политики, прагматичен, разумен и оправдан на любой интеллектуальной и даже нравственной высоте. Этот упадок мужества, местами доходящий как бы до полного отсутствия мужеского начала, еще особо-иронически оттеняется при внезапных взрывах храбрости и непримиримости этих самых функционеров — против слабых правительств или никем не поддержанных слабых стран, осужденных течений, заведомо не могущих дать отпор. Но коснеет язык и парализуются руки против правительств могущественных, сил угрожающих, против агрессоров и против Интернационала Террора.

Напоминать ли, что падение мужества издревле считалось первым признаком конца?

* * *

Когда создавались современные западные государства, то провозглашался принцип: правительство должно служить человеку, а человек живет на земле для того, чтоб иметь свободу и стремиться к счастью (смотри, например, американскую декларацию независимости). И вот наконец в последние десятилетия технический и социальный прогрессы дали осуществить ожидаемое: государство всеобщего благосостояния. Каждый гражданин получил желанную свободу и такое количество и качество физических благ, которые по теории должны были бы обеспечить его счастье — в том сниженном понимании, как в эти же десятилетия создалось. (Упущена лишь психологическая подробность: постоянное желание иметь еще больше и лучше и напряженная борьба за это запечатлеваются на многих западных лицах озабоченностью и даже угнетением, хотя выражения эти принято тщательно скрывать. Это активное, напряженное соревнование захватывает все мысли человека и вовсе не открывает свободного духовного развития.) Обеспечена независимость человека от многих видов государственного давления, обеспечен большинству комфорт, которого не могли представить отцы и деды, появилась возможность воспитывать в этих идеалах и молодежь, звать и готовить ее к физическому процветанию, счастью, владению вещами, деньгами, досугом, почти к неограниченной свободе наслаждений,— и кто же бы теперь, зачем, почему должен был бы ото всего этого оторваться и рисковать драгоценной своей жизнью в защите блага общего и особенно в том туманном случае, когда безопасность собственного народа надо защищать в далекой пока стране?

Даже биология знает, что привычка к высокоблагополучной жизни не является преимуществом для живого существа. Сегодня и в жизни западного общества благополучие стало приоткрывать свою губящую маску.

* * *

Соответственно своим целям западное общество избрало и наиболее удобную для себя форму существования, которую я назвал бы юридической. Границы прав и правоты человека (очень широкие) определяются системою законов. В этом юридическом стоянии, движении и лавировании западные люди приобрели большой навык и стойкость. (Впрочем, законы так сложны, что простой человек беспомощен действовать в них без специалиста.) Любой конфликт решается юридически — и это есть высшая форма решения. Если человек прав юридически, ничего выше не требуется. После этого никто не может указать ему на неполную правоту и склонять к самоограничению, к отказу от своих прав, просить о какой-либо жертве, бескорыстном риске — это выглядело бы просто нелепо. Добровольного самоограничения почти не встретишь: все стремятся к экспансии, доколе уже хрустят юридические рамки. (Юридически безупречны нефтяные компании, покупая изобретение нового вида энергии, чтобы ему не действовать. Юридически безупречны отравители продуктов, удолжая их сохранность: публике остается свобода их не покупать.)

Всю жизнь проведя под коммунизмом, я скажу: ужасно то общество, в котором вовсе нет беспристрастных юридических весов. Но общество, в котором нет других весов, кроме юридических, тоже мало достойно человека. *(Аплодисменты.)* Общество, ставшее на почву закона, но не выше, слабо использует высоту человеческих возможностей. Право слишком холодно и формально, чтобы влиять на общество благодетельно. Когда вся жизнь пронизана отношениями юридическими — создается атмосфера душевной посредственности, омертвляющая лучшие взлеты человека. *(Апл.)*

Перед испытаниями же грозящего века удержаться одними юридическими подпорками будет просто невозможно.

* * *

В сегодняшнем западном обществе открылось неравновесие между свободой для добрых дел и свободой для дел худых. И государственный деятель, который хочет для своей страны провести крупное созидательное дело, вынужден двигаться осмотрительными, даже робкими шагами, он все время облеплен тысячами поспешливых (и безответственных) критиков, его все время одергивает пресса и парламент. Ему нужно доказать высокую безупречность и оправданность каждого шага. По сути, человек выдающийся, великий, с необычными, неожиданными мерами проявиться вообще не может — ему в самом начале подставят десять подножек. Так под видом демократического ограничения торжествует посредственность.

Подрыв административной власти повсюду доступен и свободен, и все власти западных стран резко ослабли. Защита прав личности доведена до той крайности, что уже становится беззащитным само общество *(апл.)*... от иных личностей,— и на Западе приспела пора отстаивать уже не столько права людей, сколько их обязанности. *(Апл.)*

Напротив, свобода разрушительная, свобода безответственная получила самые широкие просторы. Общество оказалось слабо защищено от бездн человеческого падения, например от злоупотребления свободой для морального насилия над юношеством, вроде фильмов с порнографией, преступностью или бесовщиной *(апл.)*: все они попали в область свободы и теоретически уравновешиваются свободой юношества их не воспринимать. Так юридическая жизнь оказалась неспособна защитить себя от разъедающего зла.

Что же говорить о темных просторах прямой преступности? Широта юридических рамок (особенно американских) поощряет не только свободу личности, но и некоторые преступления ее, дает преступнику возможность остаться безнаказанным или получить незаслуженное снисхождение — при поддержке тысячи общественных защитников. Если где власти берутся строго искоренять терроризм, то общественность тут же обвиняет их, что они нарушили гражданские права бандитов. *(Апл.)* Немало подобных примеров.

Весь этот переклон свободы в сторону зла создавался постепенно, но первичная основа ему, очевидно, была положена гуманистическим человеколюбивым представлением, что человек, хозяин этого мира, не несет в себе внутреннего зла, все пороки жизни происходят лишь от неверных социальных систем, которые и должны быть исправлены. Странно, вот на Западе достигнуты наилучшие социальные условия,— а преступность несомненно велика и значительно больше, чем в нищем и беззаконном советском обществе. (Под именем уголовных у нас там сидит в лагерях огромное множество людей, но подавляющее их большинство — не преступники, а те, кто против беззаконного государства отстаивали себя юридическими способами.)

* * *

Широчайшей свободой, естественно, пользуется и пресса (я употребляю дальше это слово, включая всю media). Но — как?

Опять: лишь бы не перешагнуть юридические рамки, но безо всякой подлинной нравственной ответственности за искажение, за смещение пропорций. Какая у журналиста и газеты ответственность перед читающей публикой или перед историей? Если они неверной информацией или неверными заключениями повели общественное мнение по неверному пути, даже способствовали государственным ошибкам — известны ли случаи публичного потом раскаяния этого журналиста или этой газеты? Нет, это подорвало бы продажу. На подобном случае может потерять государство, но журналист всегда выходит сух. Скорее всего он будет теперь с новым апломбом писать противоположное прежнему.

Необходимость дать мгновенную авторитетную информацию заставляет заполнять пустоты догадками, собирая слухи и предположения, которые потом никогда не опровергнутся, но осядут в памяти масс. Сколько поспешных, опрометчивых, незрелых, заблудительных суждений высказывается ежедневно, заморочивает мозги читателей — и так застывает! *(Апл.)* Пресса имеет возможность и симулировать общественное мнение, и воспитать его извращенно. То создается геростратова слава террористам, то раскрываются даже оборонные тайны своей страны, то беззастенчиво вмешиваются в личную жизнь известных лиц под лозунгом: «все имеют право все знать». *(Апл.)* (Ложный лозунг ложного века: много выше утерянное право людей не знать, не забивать своей божественной души — сплетнями, суесловием, праздной чепухой. *(Апл.)* Люди истинного труда и содержательной жизни совсем не нуждаются в этом избыточном отягощающем потоке информации.)

Поверхностность и поспешность — психическая болезнь XX века, более всего и выражена в прессе. Прессе противопоказано войти в глубину проблемы, это не в природе ее, она лишь выхватывает сенсационные формулировки.

И при всех этих качествах пресса стала первейшей силой западных государств, превосходя силу исполнительной власти, законодательной и судебной. А между тем: по какому избирательному закону она избрана и перед кем отчитывается? Если на коммунистическом Востоке журналист откровенно назначается как государственный чиновник, то кто выбирал западных журналистов в их состояние власти? на какой срок и с какими полномочиями?

И еще одна неожиданность для человека, пришедшего с тоталитарного Востока с его строгой унификацией прессы: у западной прессы в целом тоже обнаруживается общее направление симпатий (ветер века), общепризнанные допустимые границы суждений, а может быть, и общекорпоративные интересы, и все это вместе действует не соревновательно, а унифицированно. Безудержная свобода существует для самой прессы, но не для читателей *(апл.)*: достаточно выпукло и звучно газеты передают только те мнения, которые не слишком противоречат их собственным и этому общему направлению.

* * *

Безо всякой цензуры на Западе осуществляется придирчивый отбор мыслей модных от мыслей немодных — и последние, хотя никем не запрещены, не имеют реального пути ни в периодической прессе, ни через книги, ни с университетских кафедр... *(Апл.)* Дух ваших исследователей свободен юридически — но обставлен идолами сегодняшней моды, необходимостью угождать массовым стандартам, устраняются от вклада в общественную жизнь наиболее самостоятельно думающие личности, появляются опасные черты стадности, закрывающей эффективное развитие. В Америке мне приходилось получать письма замечательно умных людей, какого-нибудь профессора дальнего провинциального колледжа, который много способствовал бы освежению и спасению своей страны,— но страна не может его услышать: его не подхватит media. Так создаются сильные массовые предубеждения, слепота, опасная в наш динамичный век. Например, иллюзорное понимание современного мирового положения — такой окаменелый панцирь вокруг голов, что через него уже не проникает ничей человеческий голос из 17 стран Восточной Европы и Восточной Азии,— а только проломит его неизбежный лом событий.

Я перечислил несколько черт западной жизни, которые поражают человека, пришедшего в этот мир понову. Размеры и задачи этой речи не позволяют продолжить обзор: как эти особенности западного общества отражаются на таких важных сторонах национального существования, как образование начальное, образование высшее гуманитарное и искусство.

* * *

Почти все признают, что Запад указывает всему миру выгодный экономический путь развития, последнее время сбиваемый, правда, хаотической инфляцией. Но и многие живущие на Западе недовольны своим обществом, презирают его или упрекают, что оно уже не соответствует уровню, к которому созрело человечество. И многих это заставляет колебнуться в сторону сложного и опасного течения социализма.

Я надеюсь, никто из присутствующих не заподозрит, что я провел эту частную критику западной системы для того, чтобы выдвинуть взамен идею социализма. *(Апл.)* Нет, с опытом страны осуществленного социализма я во всяком случае не предложу социалистическую альтернативу. Что социализм всякий вообще и во всех оттенках ведет ко всеобщему уничтожению духовной сущности человека и нивелированию человечества в смерть — глубоким историческим анализом показал математик академик Шафаревич в своей блестящей аргументированной книге «Социализм»; скоро два года, как она опубликована во Франции,— но еще никто не нашелся ответить на нее. В близком времени она будет опубликована и в Америке.

* * *

Но если меня спросят, напротив: хочу ли я предложить своей стране в качестве образца сегодняшний Запад, как он есть, я должен буду откровенно ответить: нет, ваше общество я не мог бы рекомендовать как идеал для преобразования нашего. Для того богатого душевного развития, которое уже выстрадано нашею страною в этом веке, западная система в ее нынешнем, духовно истощенном виде не представляется заманчивой. Даже перечисленные особенности вашей жизни приводят в крайнее огорчение.

Несомненный факт: расслабление человеческих характеров на Западе и укрепление их на Востоке. За шесть десятилетий наш народ, за три десятилетия — народы Восточной Европы прошли душевную школу, намного опережающую западный опыт. Сложно и смертно давящая жизнь выработала характеры более сильные, более глубокие и интересные, чем благополучная регламентированная жизнь Запада. Поэтому для нашего общества обращение в ваше означало бы в чем повышение, а в чем понижение — и в очень дорогом. Да, невозможно оставаться обществу в такой бездне беззакония, как у нас, но и ничтожно ему оставаться на такой бездушевной юридической гладкости, как у вас. Душа человека, исстрадавшаяся под десятилетиями насилия, тянется к чему-то более высокому, более теплому, более чистому, чем может предложить нам сегодняшнее западное массовое существование, как визитной карточкой предпосылаемое отвратным напором реклам, одурением телевидения и непереносимой музыкой. *(Апл.)*

И это все видно глазам многих наблюдателей, изо всех миров нашей планеты. Западный образ существования все менее имеет перспективу стать ведущим образцом.

Бывают симптоматичные предупреждения, которые посылает история угрожаемому или гибнущему обществу: например, падение искусств или отсутствие великих государственных деятелей. Иногда предупреждения бывают и совсем ощутимыми, вполне прямыми: центр вашей демократии и культуры на несколько часов остается без электричества — всего-то,— и сразу целые толпы американских граждан бросаются грабить и насиловать. Такова толщина пленки! Такова непрочность общественного строя и отсутствие внутреннего здоровья в нем.

Не когда-то наступит, а уже идет — физическая, духовная, космическая! — борьба за нашу планету. В свое решающее наступление уже идет и давит мировое Зло,— а ваши экраны и печатные издания наполнены обязательными улыбками и поднятыми бокалами. В радость — чему?

* * *

Ваши весьма видные деятели, как Джордж Кеннан, говорят: вступая в область большой политики, мы уже не можем пользоваться моральными указателями. Вот так, смешением добра и зла, правоты и неправоты, лучше всего и подготовляется почва для абсолютного торжества абсолютного Зла в мире. Против мировой, хорошо продуманной стратегии коммунизма Западу только и могут помочь нравственные указатели,— а других нет *(апл.)*... а соображения любой конъюнктуры всегда рухнут перед стратегией. Юридическое мышление с какого-то уровня проблем каменит: оно не дает видеть ни размера, ни смысла событий.

Несмотря на множественность информации — или отчасти именно благодаря ей,— западный мир весьма слабо ориентируется в происходящей действительности. Таковы, например, были анекдотические предсказания некоторых американских экспертов, что Советский Союз найдет себе в Анголе свой Вьетнам или что наглые африканские экспедиции Кубы лучше всего умерятся ухаживанием за ней Соединенных Штатов. *(Апл.)* Таковы ж и советы Кеннана своей стране — приступить к одностороннему разоружению. О, знали бы вы, как хохочут над вашими политическими мудрецами самые молоденькие референты Старой Площади * *(Апл.)* А уж Фидель Кастро откровенно считает Соединенные Штаты ничтожеством, если, находясь тут рядом, осмеливается бросать свои войска на дальние авантюры.

Но самый жестокий промах произошел с непониманием вьетнамской войны. Одни искренне хотели, чтоб только скорей прекратилась всякая война, другие мнили, что надо дать простор национальному или коммунистическому самоопределению Вьетнама (или, как особенно наглядно видно сегодня,— Камбоджи). А на самом деле участники американского антивоенного движения оказались соучастниками предательства дальневосточных народов — того геноцида и страданий, которые сегодня там сотрясают 30 миллионов человек. Но эти стоны — слышат ли теперь принципиальные пацифисты? *(Апл.)*... сознают ли сегодня свою ответственность? или предпочитают не слышать? У американского образованного общества сдали нервы,— а в результате угроза сильно приблизилась к самим Соединенным Штатам. Но это не сознается. Ваш недальновидный политик, подписавший поспешную вьетнамскую капитуляцию, дал Америке вытянуться как будто в беззаботную передышку,— но вот уже усотеренный Вьетнам вырастает перед вами. Маленький Вьетнам был послан вам предупреждением и поводом мобилизовать свое мужество. Но если полновесная Америка потерпела полноценное поражение даже от маленькой коммунистической полустраны — то на какое устояние Запад может рассчитывать в будущем?

Мне пришлось уже говорить, что в XX веке западная демократия самостоятельно не выиграла ни одной большой войны: каждый раз она загораживалась сильным сухопутным союзником, не придираясь к его мировоззрению. Так во второй мировой войне против Гитлера, вместо того чтобы выиграть войну собственными силами, которых было конечно достаточно,— вырастили себе горшего и сильнейшего врага, ибо никогда Гитлер не имел ни столько ресурсов, ни столько людей, ни пробивных идей, ни столько своих сторонников в западном мире, пятую колонну, как Советский Союз. А ныне на Западе уже раздаются голоса: как бы еще в одном мировом конфликте заслониться против силы — чужою силой, загородиться теперь Китаем. Однако никому в мире не пожелаю такого исхода: не говоря, что это — опять роковой союз со Злом, это дало бы Америке лишь некоторую оттяжку, но затем, когда миллиардный Китай обернулся бы с американским оружием,— сама Америка была бы отдана нынешнему камбоджийскому геноциду.

* * *

Но и никакое величайшее вооружение не поможет Западу, пока он не преодолеет потерянности свой воли. При такой душевной расслабленности самое это вооружение становится отягощением капитулянту. Для обороны нужна и готовность умереть, а ее мало в обществе, воспитанном на культе земного благополучия. *(Апл.)* И тогда остаются только уступки, оттяжки и предательства. В позорном Белграде свободные западные дипломаты в слабости уступили тот рубеж, на котором подгнетные члены хельсинкской группы отдают свои жизни.

Западное мышление стало консервативным: только бы сохранялось мировое положение, как оно есть, только бы ничто не менялось. Расслабляющая мечта о статус-кво — признак общества, закончившего свое развитие. Но надо быть слепым, чтобы не видеть, как перестали принадлежать Западу океаны и все стягивается под ним территория земной суши. Две так называемые мировые — а совсем еще не мировые — войны состояли в том, что маленький прогрессивный Запад внутри себя уничтожал сам себя и тем подготовил свой конец. Следующая война — не обязательно атомная, я в нее не верю — может похоронить западную цивилизацию окончательно.

И перед лицом этой опасности — как же, с такими историческими ценностями за спиной, с таким уровнем достигнутой свободы и как будто преданности ей — настолько потерять волю к защите?!

* * *

Как сложилось нынешнее невыгодное соотношение? От своего триумфального шествия — каким образом западный мир впал в такую немощь? Были в его развитии губительные переломы, потери взятого курса? Да как будто нет. Запад

* Старая Площадь — резиденция ЦК КПСС, истинное название того места, которое на Западе условно называют Кремлем.

только прогрессировал и прогрессировал в объявленном направлении, об руку с блистательным техническим Прогрессом. И вдруг оказался в нынешней слабости.

И тогда остается искать ошибку в самом корне, в основе мышления Нового Времени. Я имею в виду то господствующее на Западе миросознание, которое родилось в Возрождение, а в политические формы отлилось с эпохи Просвещения, легло в основу всех государственных и общественных наук и может быть названо рационалистическим гуманизмом либо гуманистической автономностью — провозглашенной и проводимой автономностью человека от всякой высшей над ним силы. Либо, иначе, антропоцентризмом — представлением о человеке как о центре существующего.

Сам по себе поворот Возрождения был, очевидно, исторически неизбежен: средние века исчерпали себя, стали невыносимы деспотическим подавлением физической природы человека в пользу духовной. Но и мы отринулись из Духа в Материю — несоразмерно, непомерно. Гуманистическое сознание, заявившее себя нашим руководителем, не признало в человеке внутреннего зла, не признало за человеком иных задач выше земного счастья и положило в основу современной западной цивилизации опасный уклон преклонения перед человеком и его материальными потребностями. За пределами физического благополучия и накопления материальных благ все другие, более тонкие и высокие, особенности и потребности человека остались вне внимания государственных устройств и социальных систем, как если бы человек не имел более высокого смысла жизни. Так и оставлены были сквозняки для зла, которые сегодня и продувают свободно. Сама по себе обнаженная свобода никак не решает всех проблем человеческого существования, а во множестве ставит новые.

Но все же в ранних демократиях — также и в американской при ее рождении, все права признавались за личностью лишь как за Божьим творением, то есть свобода вручалась личности условно, в предположении ее постоянной религиозной ответственности,— таково было наследие предыдущего тысячелетия. Еще 200 лет назад в Америке — да даже и 50 лет назад, казалось невозможным, чтобы человек получил необузданную свободу — просто так, для своих страстей. Однако с тех пор во всех западных странах это ограничение выветрилось, произошло окончательное освобождение от морального наследства христианских веков с их большими запасами то милости, то жертвы, и государственные системы принимали все более законченный материалистический вид. Запад наконец отстоял права человека, и даже с избытком,— но совсем поблекло сознание ответственности человека перед Богом и обществом. В самые последние десятилетия этот юридический эгоизм западного мироощущения окончательно достигнут — и мир оказался в жестоком духовном кризисе и политическом тупике. И все технические достижения прославленного Прогресса, вместе и с Космосом, не искупили той моральной нищеты, в которую впал XX век и которую нельзя было предположить, глядя даже из XIX.

* * *

Чем более гуманизм в своем развитии материализовался, тем больше давал он оснований спекулировать собою — социализму, а затем и коммунизму. Так что Карл Маркс мог выразиться (1844): «Коммунизм есть натурализованный гуманизм».

И это оказалось не совсем лишено смысла: в основаниях выветренного гуманизма и всякого социализма можно разглядеть общие камни: бескрайний материализм; свободу от религии и религиозной ответственности (при коммунизме доводимую до антирелигиозной диктатуры); сосредоточенность на социальном построении и наукообразность в этом (Просвещение XVIII века и марксизм). Не случайно все словесные клятвы коммунизма — вокруг человека с большой буквы и его земного счастья. Как будто уродливое сопоставление — общие черты в миросознании и строе жизни нынешнего Запада и нынешнего Востока, — но такова логика развития материализма.

Причем в этом соотношении родства закон таков, что всегда оказывается сильней, привлекательней и победоносней то течение материализма, которое левей и, значит, последовательней. И гуманизм, вполне утерявший христианское наследие, не способен выстоять в этом соревновании. Так, в течение минувших веков и особенно последних десятилетий, когда процесс обострился, в мировом соотношении сил либерализм неизбежно теснился радикализмом, тот был вынужден уступать социализму, а социализм не устаивал против коммунизма. Именно потому коммунистический строй мог так устоять и укрепиться на Востоке, что его рьяно поддерживали (ощущая с ним родство!) буквально массы западной интеллигенции, не замечали его злодейств, а уж когда нельзя было не заметить — оправдывали их. Так и сегодня: у нас на Востоке коммунизм идеологически потерял все, он упал до ноля и ниже ноля, западная же интеллигенция в значительной степени чувствительна к нему, сохраняет симпатию,— и это-то делает для Запада такой безмерно трудной задачу устояния против Востока.

* * *

Я не разбираю случая всемирной военной катастрофы и тех изменений общества, которые она бы вызвала. Но пока мы ежедневно пробуждаемся под спокойным солнцем, мы обязаны вести и ежедневную жизнь. А есть катастрофа, которая наступила уже изрядно: это — катастрофа гуманистического автономного безрелигиозного сознания.

Мерою всех вещей на Земле оно поставило человека,— несовершенного человека, никогда не свободного от самолюбия, корыстолюбия, зависти, тщеславия и десятков других пороков. И вот ошибки, не оцененные в начале пути, теперь мстят за себя. Путь, пройденный от Возрождения, обогатил нас опытом, но мы утеряли то Целое, Высшее, когда-то полагавшее предел нашим страстям и безответственности. Слишком много надежд мы отдали политико-социальным преобразованиям,— а оказалось, что у нас отбирают самое драгоценное, что у нас есть: нашу внутреннюю жизнь. На Востоке ее вытаптывает партийный базар, на Западе коммерческий. *(Апл.)* Вот каков кризис: не то даже страшно, что мир расколот, но что у главных расколотых частей его — сходная болезнь.

Если бы, как декларировал гуманизм, человек был рожден только для счастья — он не был бы рожден и для смерти. Но оттого, что он телесно обречен смерти, его земная задача, очевидно, духовней: не захлеб повседневностью, не наилучшие способы добывания благ, а потом веселого проживания их, но несение постоянного и трудного долга, так что весь жизненный путь становится опытом главным образом нравственного возвышения *(апл.)*: покинуть жизнь существом более высоким, чем начинал ее. Неизбежно пересмотреть шкалу распространенных человеческих ценностей и изумиться неправильности ее сегодня. Невозможно, чтоб оценка деятельности президента сводилась бы к тому, какова твоя заработная плата и не ограничен ли в продаже бензин. *(Апл.)* Только добровольное воспитание в самих себе светлого самоограничения возвышает людей над материальным потоком мира.

Держаться сегодня за окостеневшие формулы эпохи Просвещения — ретроградство. Эта социальная догматика оставляет нас беспомощными в испытаниях нынешнего века.

Если и минет нас военная гибель, то неизбежно наша жизнь не останется теперешней, чтоб не погибнуть сама по себе. Нам не избежать пересмотреть фундаментальные определения человеческой жизни и человеческого общества: действительно ли превыше всего человек и нет над ним Высшего Духа? верно ли, что жизнь человека и деятельность общества должны более всего определяться материальной экспансией? допустимо ли развивать ее в ущерб нашей целостной внутренней жизни?

Если не к гибели, то мир подошел сейчас к повороту истории, по значению равному повороту от средних веков к Возрождению,— и потребует от нас духовной вспышки, подъема на новую высоту обзора, на новый уровень жизни, где не будет, как в средние века, предана проклятию наша физическая природа, но и тем более не будет, как в Новейшее Время, растоптана наша духовная. *(Апл.)*

Этот подъем подобен восхождению на следующую антропологическую ступень. И ни у кого на Земле не осталось другого выхода, как — вверх. *(Аплодисменты.)*

ФЕЛИКС ЛУРЬЕ

«ЧЕРНЫЕ КАБИНЕТЫ»

Как вскрывались и просматривались письма

«Так как вскрытие частной корреспонденции является нарушением правил Всемирного почтового союза,— писал чиновник Варшавского охранного отделения М. Е. Бакай,— и лица, виновные в подобном преступлении, подвергаются повсюду тяжким наказаниям, то и русское правительство не только никогда не узаконяло перлюстрации, но всегда и везде категорически заявляло, что никакой перлюстрации в России никогда не существовало и не существует».

В 1881 году по представлению министра внутренних дел графа Н. П. Игнатьева Александр III подписал секретный указ, позволявший вскрывать любую корреспонденцию, если у полицейских чиновников возникали относительно ее отправителей или получателей какие-либо подозрения. Секретный указ, в конверте, запечатанном лично министром, был передан молодому исполнительному чиновнику Министерства внутренних дел М. Г. Мардарьеву, назначенному руководить перлюстрацией.

Начало расцвета перлюстрации в России следует отнести к тридцатым годам XIX века, когда главноуправляющим III отделением собственной его императорского величества канцелярии и шефом жандармов был генерал-адъютант, граф А. Х. Бенкендорф. *«Вскрытие корреспонденции,—* писал Бенкендорф,— *составляет одно из средств тайной полиции, и притом самое лучшее, так как оно действует постоянно и обнимает все пункты империи. Для этого нужно лишь иметь в нескольких городах почтмейстеров, известных своею честностью и усердием».* III отделение, руководившее политическим сыском в империи, давало указания почтовым чиновникам, чью именно корреспонденцию надлежит просматривать и какие выписки из нее делать. Письма декабристов, петрашевцев и других государственных преступников просматривалнсь в III отделении или Министерстве внутренних дел.

Первый «черный кабинет» — помещение, где вскрывались и просматривались письма,— появился на Петербургском почтамте в царствование Екатерины II, позже их открыли в Варшаве, Москве, Одессе, Киеве, Тифлисе, Томске и других городах империи. Начальники «черных кабинетов» имели прямое подчинение самым крупным полицейским чиновникам. Перлюстрация корреспонденции держалась в строжайшей тайне, но все население России точно знало, что письма вскрываются.

В середине XIX века перлюстрация корреспонденции в некоторых случаях допускалась Судебными уставами, и это носило аморальный, но законный характер. Плохой закон, но закон. То, что допустил Александр III, называется произволом. Любой полицейский чиновник, движимый какими угодно порывами, мог позволить себе удовольствие прочитать любое письмо и, ознакомившись с его содержанием, интриговать, шантажировать, вымогать и сводить счеты с личными врагами, врагами своих жен и детей. В провинцин подобные действия широко практиковались, и проходили они безнаказанно.

Приведу отрывок из воспоминаний бывшего цензора С. Майского. Думаю, что комната, отведенная под «черный кабинет», находившийся на Петербургском почтамте, оставалась в течение многих десятилетий одной и той же.

«На углу Почтамтской улицы и Почтамтского переулка, в верхнем, третьем этаже главного здания Петроградского почтамта, в том углу, где внизу находятся ящики для писем, вделанные в стене под окнами, помещалась цензура иностранных газет и журналов. Официальный вход в нее был с Почтамтской улицы, из подъезда близ арки с часами, а неофициальный — с Почтамтского переулка, из подъезда против почтовой церкви.

Дверь в цензуру была всегда заперта американским замком, и всем, приходившим туда как на службу, так и по делу, надо было звонить. Дежуривший в передней старик сторож «своих» впускал в канцелярию, а посторонних просил посидеть в приемной, куда к ним выходил для переговоров начальник цензуры или кто-нибудь из чиновников. «Канцелярией» назывался ряд комнат, куда подавались из газетной экспедиции почтамта все без исключения иностранные бандерольные отправления (прейскуранты, печатные листки, газеты, журналы и пр.) для просмотра. Бандероли, не содержавшие в себе повременных изданий, просматривались очень поверхностно и тотчас же отправлялись вниз, в экспедицию, для сортировки и доставки адресатам, а газеты и журналы задерживались в цензуре и поступали в цензуровку.

Цензорами иностранных газет и журналов состояли люди весьма почтенные, все с высшим образованием и служившие, кроме цензуры, где они были заняты только по утрам и в дежурные дни по вечерам, еще и в других учреждениях: в министерстве иностранных дел, в Государственной канцелярии, в государственном банке, в Университете или учителями средних учебных заведений.

Эти цензоры в общей сложности владели всеми европейскими и азиатскими языками, и среди них были даже выдающиеся лингвисты-полиглоты, свободно говорившие на 15—20, а один даже на 26 языках.

За помещением «канцелярии», называемой иначе «гласным» отделением цензуры, был кабинет старшего цензора Михаила Георгиевича Мардарьева, который, подобно церберу, караулил вход в «негласную», или «секретную половину», т. е. в «черный кабинет». Официальное название этого учреждения было — «Секретная экспедиция».

Вход в «черный кабинет» был замаскирован большим желтым шкафом казенного типа, через который «секретные» чиновники из служебного кабинета старшего цензора входили в «святая святых». Таким образом, посторонний человек, если бы ему удалось пройти даже через комнаты гласной цензуры и войти в кабинет старшего цензора, все-таки не мог бы проникнуть в «черный кабинет», ибо трудно допустить, чтобы он полез в шкаф, дверца которого автоматически запиралась; другого же входа с этой стороны цензуры в секретное отделение не было. Из «черного же кабинета» был еще другой выход, по коридору, через кухню, где постоянно находилось несколько сторожей, где ставился самовар для чая и готовились завтраки,— на Почтамтский переулок.

Процесс работы в секретной экспедиции был следующий.

Прежде в «черный кабинет» специальной подъемной машиной поднималась из экспедиции почтамта вся корреспонденция, как иногородняя, так и иностранная, приходящая и отходящая, и разбиралась в самом «черном кабинете» секретными чиновниками, которые по почеркам адресатов определяли, нужно ли данное письмо перлюстрировать, т. е. вскрыть, прочитать и снова заделать, или нет. Затем, лет 15 тому назад (примерно в 1900 году.— Ф. Л.), вследствие того, что количество корреспонденции неимоверно возросло и среди нее было огромное количество писем «коммерческих» и «мужицких» или «солдатских», т. е. таких, содержание коих заведомо не могло представлять ни малейшего интереса ни для департамента полиции, ни для высших сфер,— отборкою писем, подлежащих перлюстрации, стали заниматься почтовые чиновники в самой экспедиции почтамта во время сортировки писем. Делалось это под руководством бывшего секретного чиновника, хорошо знакомого с техникой определения достоинства письма по почерку его адресата и вообще по наружному виду письма. Таким образом, профильтрованные письма в количестве всего 2—3 тысяч экземпляров, отобранных из всей приходящей и отходящей почты, подавались затем в специальных ящиках в «черный кабинет», где они вскрывались, прочитывались и вновь заклеивались.

Сам процесс вскрытия производился до недавнего времени с помощью небольшого костяного ножика, которым подрезывался удобный для вскрытия клапан письма; последнее же время вскрытие писем производилось паром. Для этого имелась своеобразная металлическая посуда, из которой через небольшое отверстие вверху бил горячей струей пар. Перлюстратор, держа в левой руке письмо над отверстием сосуда так, что

струя пара расплавляла клей, правой рукою, с помощью длинной и толстой булавки (как для дамских шляп), отгибал тот из четырех клапанов письма, который представлял меньше затруднений для отклейки. В случае если письмо было запечатано большой печатью так, что нельзя было подрезать края печати, не испортив ее самой, то до ее вскрытия приходилось приготовить печатку, чтобы ею, после прочтения и заделки, вновь запечатать письмо».

Методы работы «секретных» чиновников оставались неизменными на протяжении существования «черных кабинетов», лишь количество перлюстрированной корреспонденции с каждым годом увеличивалось. В петербургском «черном кабинете» один виртуоз вскрывал до пятисот писем в час, четыре чиновника их читали, два писаря снимали копии, один труженик изготавливал фальшивые печати, фотографировал письма, проявлял негативы и печатал снимки. За выдающиеся достижения в подделке печатей Николай II наградил этого чиновника орденом Владимира 4-й степени «за полезные и применяемые на деле открытия». Весь штат «черного кабинета» вместе с Мардарьевым состоял из 12 человек, в день они перлюстрировали 2—3 тысячи писем.

«Если встречались письма с шифром,— писал М. Е. Бакай,— *то они расшифровывались специалистом этого дела чиновником Департамента полиции И. А. Зыбиным, который в дешифровке дошел до виртуозности, и только в редких случаях ему не удавалось этого сделать. Зыбин считается единственным своего рода специалистом в этой области, и он даже читает лекции о шифровке и дешифровке на курсах для офицеров, поступающих в Отдельный корпус жандармов. /.../ Пользуясь случаем, я обратился к Зыбину с просьбой ознакомить меня со способом разборки шифров и на это получил указание, что письма с шифрами заранее известных ключей дешифруются очень легко, при этом он мне указал на некоторые ключи революционных организаций, полученные при посредстве провокаторов».*

В Особом отделе Департамента полиции Зыбин имел кабинет и помощников, но работать предпочитал дома. Там он мог в тиши лучше сосредоточиться и иногда сутками просиживал за любимым занятием.

Чтобы перлюстрировать корреспонденцию с «химическим текстом», полицейским приходилось ее «проявлять». Такие письма не могли продолжать свой почтовый путь, и адресат получал тщательно изготовленную копию. Для этого Департамент полиции наладил целое производство во главе с мэтром по части фальшивок В. Н. Зверевым.

«Письма, перлюстрированные в России,— продолжает Майский,— *как бы они хитро заделаны ни были, не сохраняют на себе ни малейшего следа вскрытия, даже для самого пытливого глаза, даже самый опытный глаз перлюстратора зачастую не мог уловить, что письмо было уже однажды вскрытым. Никакие ухищрения, ни царапины печати, заделка в сургуч волоса, нитки, бумажки и т. п. не гарантировали письма от вскрытия и абсолютно неуязвимой подделки. Весь вопрос сводился только к тому, что на перлюстрацию такого письма требовалось несколько больше времени. Много возни бывало только с письмами, прошитыми на швейной машинке, но и это не спасало, а только еще больше заставляло обращать на такие письма внимания, в предложении, что они должны содержать весьма ценные данные, раз на их заделку потрачено много времени и стараний».*

Особое совершенство от мардарьевской команды требовалось при вскрытии дипломатической почты. Из-за нее могли возникнуть скандалы международные, но наши перлюстраторы ни разу не ударили лицом в грязь.

Перлюстрации подвергалась корреспонденция министров, директоров Департаментов, генерал-губернаторов и других высших администраторов империи. Иногда содержание писем этих достойных мужей позволяло узнавать о вопиющих злоупотреблениях. Выяснилось, например, что министр путей сообщения «стратегическую железную дорогу проводит не в нужном направлении, а через имение своей жены», что шпалы по завышенным ценам поставляет шурин министра. После убийства министра внутренних дел Д. С. Сипягина назначенный на его место В. К. Плеве обнаружил в своем новом письменном столе копии не только своих писем, но и писем жены. Шеф жандармов Н. Д. Селивестров, отправляя с нарочным в Лондон очень важное письмо, просил своего адресата прислать ему ответ через Министерство иностранных дел, так как его корреспонденция перлюстрируется.

Полицейские чиновники до такой степени пристрастились читать чужие письма, что умудрялись это делать даже вне пределов Российской империи. Так, путем подкупа итальянских и французских мелких почтовых служащих агентам русской Заграничной охранки удавалось просматривать письма политических эмигрантов.

Выписки из перлюстрированной корреспонденции по своему содержанию подвергались сортировке и передавались на просмотр министру внутренних или иностранных дел, начальнику генерального штаба, в Департамент полиции. В исключительных случаях дубликаты выписок представлялись монарху, а иногда, исходя из сведений, изложенных в их тексте, с выписками знакомился только монарх.

«Император Александр II,— писал жандармский генерал В. Д. Новицкий,— *очень интересовался перлюстрацией писем, которые каждодневно, в 11 часов утра, препровождались министром внутренних дел Тимашевым в особом портфеле, на секретный замок запираемом, государю, который некоторые тотчас же сжигал в камине, на других собственноручно излагал заметки и резолюции и вручал их шефу жандармов для соответствующих сведений и распоряжений по ним секретного свойства, надзора, наблюдения и установления авторов писем и указываемых лиц».* Новицкий ошибся, император получал хорошо изготовленные писарские копии, а письма шли по своим адресам. По официальным данным, за 1880 год было перлюстрировано только в семи крупнейших городах империи 363253 письма и сделано 3344 выписки.

Перлюстрация частной корреспонденции играла очень важную роль в политическом сыске. У нее был лишь один конкурент — секретный агент-провокатор. Сведения, полученные в результате знакомства с содержанием некоторых писем, позволяли полиции совершать удачные карательные акции. Перлюстрация успешно конкурировала с доносами достоверностью информации. Она появилась на вооружении сыска как раз в то время, когда донос в сочетании с пыткой как основной инструмент политической полиции начал отходить. Донос померк перед перлюстрацией. Остается задуматься, позволительна ли она. За доносительство ответственно частное лицо и те, кто его к этому понуждает, за перлюстрацию ответственно государство, правительство, тайно допустившее ее.

«До самой революции 1917 года,— писал жандармский генерал А. И. Спиридович,— *перлюстрацией ведал один и тот же чиновник, состарившийся на своем деле и дошедший до чина действительного тайного советника. Его знали министр, директор Департамента полиции и лишь немногие близкие им лица».*

При смене министра внутренних дел к нему в первые же дни по принятии должности являлся Мардарьев, просил вскрыть конверт, ознакомиться с секретным указом Александра III и вновь запечатать его печатью министра. Процедура эта повторялась шестнадцать раз, и ни один из министров не соблаговолил просить монарха отменить преступный указ.

ПЕТР СПИВАК

ОЧЕРКИ ВАВИЛОНСКОГО СТОЛПОТВОРЕНИЯ

1. ФАНЕРНЫЙ МОНУМЕНТ

**А ты стоишь, седой и хмурый:
Неужто кончен кавардак.
Между обломками халтуры
Гуляет мусорный сквозняк.**
Фазиль Искандер.

Помнится, чеховский Соленый в «Трех сестрах» доказывал, что «в Москве два университета: старый и новый».

Так вот, в Москве два памятника Гоголю. Старый и новый.

Старый — печальный Гоголь среди своих героев — чудный памятник работы Андреева, поставленный к столетию со дня рождения писателя.

Новый — помпезная статуя работы Томского, вытеснившая прежний монумент Гоголю с законного места на бульваре его имени во двор дома на Суворовском бульваре, где ровно за сто лет до того автор «Мертвых душ» и «Ревизора» покинул наш грешный мир.

Кто-то даже стихи сочинил: «...веселый Гоголь на бульваре и грустный Гоголь во дворе».

И высечено на новом памятнике: «Николаю Васильевичу Гоголю от правительства СССР».

Каких только насмешек не удостаивался этот шедевр поздней сталинской эпохи. Александр Аронов написал, что совсем это даже не Гоголь, а Фома Фомич Опискин из «Села Степанчикова» Достоевского. А надпись, надпись чего стоит! Вообразите по аналогии: «Федору Михайловичу Достоевскому от благодарных бесов»...

Вот и недавно журналист Владимир Иваницкий заметил в «Независимой газете», что «веселый Гоголь на бульваре» стоит навытяжку. Я прочитал и задумался. Перед кем, спрашивается, он может так стоять? Впрочем, понятно, перед кем: перед правительством СССР. Которое что делает? Вручает Гоголю его собственный памятник.

Кажется, приехали. Это уже не Гоголь, а скорее Кафка. Но я не о ситуации, а о памятнике, вернее, о двух памятниках. Сдается мне, что здесь, по разные стороны Арбатской площади, встали друг против друга словно бы символы двух культур, в каждой из которых — свой Гоголь. В одной — это одинокий и больной человек, живущий в созданном им художественном мире. В другой — до такой степени здоровый, что вряд ли что-нибудь создаст и способен разве ходить на службу в советское учреждение.

Эта вторая культура — или, быть может, лучше сказать, тип культуры — меня сейчас и занимает.

В пору кампании по выборам президента России «Литературная газета» опубликовала анкету претендентов. На вопрос: «Какую книгу вы порекомендовали бы прочитать членам своего кабинета?» — генерал Альберт Макашов ответил: «Посоветовал бы прочитать Карнеги... Нам всем не хватает элементарной культуры, культурешки, как говорил один академик, общения, такта, терпимости друг к другу, умения вслушиваться в чужие слова и думать, прежде чем ответить».

Как замечательны бывают нечаянные совпадения! В рабочих тетрадях Григория Козинцева есть рассказ С. Я. Маршака о том, как будущий министр культуры Михайлов, в то время секретарь

ЦК комсомола, просил его выступить на комсомольском собрании. «Они шли рядом: вокруг лузгали семечки.

— С культуркой у нас слабовато,— пожаловался Михайлов».

«Министры культурки»,— презрительно замечает по этому поводу Козинцев. И дальше снова и снова, уже торжествующе, повторяет: «Министерство культурки! Министр культурки!» — хотя, казалось бы, чему уж тут радоваться? Да тому, что слово найдено.

Есть ведь два подхода к понятию культуры. Согласно одному, культура — это «непрерывное созидательное усилие человеческого духа, преображающего мир и вносящего в него смысл» (И. Виноградов). Следуя другому — завиток, побрякушка, изящное и приятное, но все-таки лишь приложение к чему-то главному — «культурка». Этот второй подход и укоренился в массовом сознании советской эпохи — вспомним хотя бы: «культурно провести время», «парк культуры и отдыха» или блестяще-убийственное определение «женского» МХАТа в статье Натальи Крымовой: «Театр культуры и отдыха имени Горького».

А теперь задумаемся вот над чем. Если понятие культуры теряет свое главное содержание — внесение смысла — и превращается в нечто необязательное и второстепенное, то человеческая деятельность в таком обществе неизбежно примитивизируется. «Культурки» всегда не хватает именно потому, что она «культурка». В самом деле: кто не сталкивался с отечественной техникой, не признающей иного обращения, кроме как удар кувалдой? И кто ж не подвергался испытаниям нашей промышленной продукцией, тяжеленной и грубой? Много ли имеем вообще таких изделий, которые хотя бы отдаленно соответствуют своему названию? Что уж говорить о бараках, о жилых домах, которые ставят временно — лучшее откладывая до лучших времен...

Скажут, что все это относится лишь к области материальной культуры. Но и в духовной жизни, в художественном творчестве — то же недоверие к сложности, утонченности, все та же пресловутая доходчивость — доступность ради доступности, простота во имя простоты. О типичных советских пьесах Марк Щеглов еще в середине 50-х годов писал, что даже лучшим из них «роковым образом недостает **искусства** — грубая работа!..»

В стихотворении Бориса Слуцкого «Голос друга» есть такие строки о молодых поэтах, погибших на войне:

И мрамор лейтенантов —
Фанерный монумент —
Венчанье тех талантов,
Развязка тех легенд.

«Фанерный монумент»! Не знаю, можно ли лучше, чем одной этой трагической строчкой, не фанерной, а гранитной по своей мощи и какой-то несокрушимой прочности (вот он, настоящий памятник!), передать самую суть культуры нашего типа — ее суррогатность и ее времяночность.

Вот только... не слишком ли мы далеко ушли от памятника мнимому Гоголю? Нет, не слишком.

Фанерный монумент не признает деталей, мелких форм. Но ведь и монументальный стиль соцреализма столь же мало обращает внимания на тонкости, на то самое «чуть-чуть», которое в искусстве решает все. И потому самые что ни на есть капитальные памятники, сработанные мастерами этого стиля, несут на себе все тот же фанерный оттиск.

Три года назад критик Вячеслав Воздвиженский писал в «Юности», что после революции в нашей стране сложилась и заняла господствующее положение «культура нового, еще небывалого типа», порвавшая с гуманистической традицией русской классики. Имея в виду прежде всего устоявшийся набор произведений, канонизированных официальной критикой, В. Воздвиженский ввел рабочий термин «врио-культура»: «она именно временно выполняет функции духовного творчества...»

Статья эта, помнится, вызвала возражения, в том числе и резонные,— был в ней оттенок схематического упрощения. Но проблема поднималась реальная, и термин «врио-культура», хотя и рабочий, не окончательный, выражает все же очень существенные черты действительности.

Во всяком случае, по отношению к «врио-культуре» (хотя бы этим словом и не называемой) сразу произошла поляризация взглядов.

— Не надо перечеркивать прошлое! — заголосили литераторы охранительного толка.— Зачем же противопоставлять возвращенные шедевры испытанной советской классике? Почему, ну почему мы опять ударяемся в крайности, суетимся, меняем в наших оценках плюсы на минусы?..

Хору ортодоксов хорошо ответил Виктор Камянов: «По отношению к обману и фальсификации правда — всегда крайность. Удастся ли ее восстанавливать, связав себя запретом менять минус на плюс?» Нетрудно догадаться, почему иные авторы так решительно возражают против «крайностей»: они стоят на стороне обмана и фальсификации...

Бывают, однако, случаи и посложнее. Историк, философ, публицист Леонид Баткин выступил в газете «Мегаполис-экспресс» (№ 6, 1991) с памфлетом, направленным против одного из заметных депутатов союзного парламента — профессора Анатолия Денисова. Вернее, не столько против Денисова, сколько против «денисовщины» как феномена безнравственного поведения в политике. Памфлет есть памфлет, у кого-то он непременно должен вызвать раздражение. Так вышло и на этот раз.

«Вот каким предстал под его (Л. Баткина.— *П. С.*) разгневанным пером Верховный Совет СССР»,— возмущается в «Советской культуре» (8 июня 1991 года) журналист Михаил Мелешенко и приводит цитату: «Советские парламентарии, как известно, бывают разные, но больше все-таки одинаковые, и даже в тех случаях, когда разные, тоже одинаковые. Кто-нибудь, может быть, похож на верблюда, в любой ситуации сохраняющего значительную сладко-вельможную осанку и глупо-надменное выражение, всем своим видом как бы говоря: да, я верблюд, но я — верблюд самого падишаха. Другой парламентарий похож на Скалозуба. Третий и четвертый — тоже. Еще один может быть другом степей, а Пушкин — друг ему (по крайней мере это он так думает), но истина ему не дороже».

Чем же не понравился М. Мелешенко этот сатирико-публицистический пассаж, при всей очевидной узнаваемости персонажей — изящный и нелобовой? Да как ни странно — именно сатиричностью, дистанцированностью взгляда, которые, кстати, и сообщают тексту измерение художественности...

Весь интерес, однако, в том, что в главном своем обвинении М. Мелешенко ссылается на статью социолога Леонида Ионина «Чем мил Фамусов?», напечатанную в «Новом времени» (№ 12, 1991) и вызвавшую в редакции этого журнала, судя по вступительной заметке, легкую оторопь. «Пафос нынешней, зовущей себя демократической, публицистики, к сожалению, разрушительный, отрицательный... По отношению к прошлому и настоящему она знает только злую сатиру и высокомерное морализаторство»,— говорится в этой статье.

Л. Ионина беспокоит опасность смешения публицистики с политикой, и тут к его словам есть резон прислушаться. Но я сейчас о другом — о неожиданном самовыражении вполне прогрессивного автора на языке реакционной публицистики, о том, в какой иррациональный страх повергает его жупел сатиры и, неведомо почему, морализаторства.

Мне представляется, что здесь — одна из болезненных точек сегодняшнего самосознания культуры, один из источников ее кризисного состояния.

Есть привычная оппозиция: созидание — разрушение. В согласии с нею и вдохновляясь известным тезисом В. Розанова о том, что Российскую империю погубили сатирики, Л. Ионин и рассуждает, предрекая даже, что «великий Советский Союз погибнет, судя по всему, от публицистики». Но в действительности, как говорится, все обстоит не так, как на самом деле.

Духовную работу интеллигенции, критическую по отношению к существующему укладу, никак нельзя отнести на счет российской специфики. Это сущностная черта всякого творчества, всякой духовной деятельности. Особенность же России состояла в колоссальном разрыве между интеллигенцией и народом, а потому, пишет Борис Хазанов в эссе «История безответной любви», «уважение к человеку труда, прежде всего к крестьянину — всеобщему кормильцу, к нелегкой жизни, которую он ведет, сочувствие к бедняку превратилось в этой стране во что-то совсем другое, стало источником самобичевания и поклонения тьме». Не расшатывание страны интеллигентами оказалось для нее гибельно, а *само*расшатывание культуры, приведшее к образованию культуры советского типа. Вот почему не разрушение, не «крайность» критицизма следует противопоставлять созиданию (творчеству), а саморазрушение, распад.

Б. Хазанов считает, что сегодняшняя российская интеллигенция (или значительная часть ее) уже освободилась от былого народопоклонства, от «жажды раствориться в темной и безличной народной стихии» и начинает ощущать себя «истинным субъектом истории». Вся соль, однако, в том, что это практически должно означать.

В № 47 за 1990 год журнал «Новое время» опубликовал замечательную статью Вацлава Гавела «Фальшивая дилемма». История этой статьи такова. На родине автора она увидела свет в декабре 1968 года, через четыре месяца после советского вторжения. Во главе страны еще стояли Дубчек и Черник, но возможностей проводить прежнюю политику у них оставалось все меньше и меньше. Вопрос, поставленный в статье, следующий: что должны делать в этой ситуации чехословацкие демократы? Попрежнему поддерживать правительство или выступать против него?

Ни то, ни другое, отвечает Гавел. И формулирует решение вопроса так, что по значению своему оно выходит далеко за рамки чехословацкой ситуации 1968 года.

«Речь идет,— пишет Гавел,— не столько о том, стоим ли мы на стороне правительства и какими «непредвиденными последствиями» грозят, по его мнению, наши действия, а о том, стоит ли само правительство на нашей стороне и какие труднопредсказуемые последствия, по нашему мнению, могли бы последовать за его действиями. Речь идет. таким образом о том, чтобы не отвечать на вопросы, которые задают нам политики, а, наоборот, задавать свои вопросы и заставлять политиков, чтобы они на них отвечали; не разделять с политиками их заботы, а требовать, чтобы они с нами делили наши; не стараться понимать их и вживаться в их положение, а требовать, чтобы они постарались понять нас и вжиться в наше положение».

Нет, это не безрассудство и не эгоцентризм. Это безошибочный выбор точки отсчета, понимание того, что не граждане должны служить политикам, а наоборот. Точно так же и Юрий Карабчиевский был совершенно прав, когда «перевернул» знаменитый горьковский вопрос «С кем вы, мастера культуры?»: *кто с мастерами культуры?* Потому что меру всему на свете, в том числе и политике, дает культура, дух.

Культура и политика — эти две области человеческой деятельности переплетены у нас так, как, пожалуй, нигде в мире. И все же не забудем, что по природе своей они глубоко различны, даже противоположны. «Политик обязан идти на компромисс,— пишет И. Виноградов.— Культура же — область смыслов абсолютных, и она не может, не роняя себя, вступать в паритетные отношения ни с каким злом».

Повторим: культура — область абсолютных смыслов. Из этого следует чрезвычайно важный вывод: истина в культуре не бывает «центристской», она всегда располагается на одном из полюсов. Это не значит, что полюсов будет обязательно два,— нет, их может быть сколько угодно (известны ведь многополюсные магниты). Но середина между «крайностями» — «плюсом» и «минусом», «левым» и «правым» (куда нас так настойчиво зовут) — для культуры бесплодна.

В политике — иное дело. Здесь центризму принадлежат все законные права, и как не вспомнить слова Солженицына о том, что самая трудная и самая высшая добродетель политика — прочерчивать среднюю линию общественного развития. Легко понять поэтому публицистов и политологов, встревоженных тем, что центр в нашем политическом спектре фактически отсутствует. Вот только... о политике ли речь в советской политике?

Во время 1 Съезда народных депутатов СССР, после того, как большинство устроило овацию генералу Родионову-Тбилисскому, потрясенный Юрий Власов произнес: «Размежевание практически неизбежно... это различие в понимании самих основ жизни».

Воистину так.

Сошлись в противоборстве две культуры — те самые. У каждой из которых, как мы помним, свой Гоголь.

Это уже не политические разногласия, а куда более глубокие — духовные. Эстетические, сказал бы Синявский. Лингвистические, сказал бы Бродский. А раз уж спор идет не в области политики, а в области культуры (в широком смысле), то и подчиняется он законам культуры. И центризма здесь ждать бесполезно. Центристская политика — да, возможна и даже необходима, но проводить ее могут или левые, или (что менее вероятно) правые. Центристов же пока что-то не видно.

Вот в странах классической демократии все обстоит иначе. Там существует общенациональный консенсус по «основам жизни» — и потому есть политика. И политика эта знает свое место. Английские литераторы — сторонники консерваторов не враждуют с теми, кто голосует за лейбористов. Не то что у нас поборники КПСС и «Демократической России».

...В теории, однако, все ясно, а в жизни — куда сложней.

В культуре центризм не имеет смысла? Но вот он есть, и попробуй его сторонникам что-нибудь докажи.

Новая, «совковая» («фанерная») культура разрушается, и возрождается старая. Но все было бы куда проще, если бы эти две культуры вполне поляризовались. На самом деле они сплошь и рядом переходят одна в другую.

В умах, в журналах, в газетах — время эклектики, смешения языков. И случай с Л. Иониным — лишь один из многих.

Выступает в «Новом мире» с отчаянно смелой статьей Лариса Пияшева, первой во всеуслышание заявляет: пора перестать лукавить, план и рынок несовместимы, никакого рыночно-демократического социализма нет и не может быть. И кто же урезонивает ее тут же небогатой мыслью, что не надо толкать перестройку под руку? Прогрессивный публицист, еще недавно опальный Отто Лацис.

Чьему перу принадлежит самая суровая и непримиримая внутренняя рецензия на рукопись знаменитой статьи Василия Селюнина «Истоки»? Перу критика, снискавшего себе безупречную репутацию талантом, честностью и смелостью.

А давно ли боролся за возвращение Юрия Любимова Николай Губенко? Сегодня он, совсем как Дмитрий Язов — с Петером Штайном, отчаянно защищает дело с русистами из Бремена, заявляя, по свидетельству В. Смехова, что «эти немцы... все получили по Нюрнбергскому процессу, и нечего за них просить», а с трибуны международного симпозиума корит польского премьера Белецкого за то, что тот в своем выступлении «с легкостью тяжеловеса (тяжеловоза? — *П. С.*) выбил чечетку на гробу социалистической системы».

Нет, все понятно: бывает, что человек исчерпывает запас своей радикальности, удовлетворяется своим вчерашним днем и расходится с недавними единомышленниками. О том, что такое размежевание уже началось, писал не кто иной, как Василий Селюнин («Родина», № 4, 1989). Но ведь так бывает не всегда. Достаточно часто люди, которых никак не упрекнешь в отставании от жизни, в обстановке нынешней напряженности и разброда перестают быть идентичными самим себе — и наблюдать это грустно до чрезвычайности.

В №№ 13 и 14 за 1991 год «Книжное обозрение» поместило обширную полемическую статью прекрасного писателя, члена редколлегии нашего журнала Бориса Можаева «Портрет ленивого сознания (Заметки о критике, художественности, историзме и прочем)». Казалось бы, есть все основания рассчитывать на содержательное чтение: автор статьи — острый и язвительный полемист, да и спорить он взялся с людьми, каждый из которых в своем деле не из последних,— с Игорем Золотусским, Виктором Ерофеевым, Андреем Турковым, Игорем Клямкиным, Ольгой Кучкиной... Увы, с первых строк статьи оппоненты Б. Можаева почему-то предстают самыми заурядными путанками и недоучками.

Я понимаю: можно всячески не одобрять нашумевшую статью Виктора Ерофеева «Поминки по советской литературе», действительно страдающую некоторой пижонской небрежностью формулировок. Но странно, право, читать вот такое: «Ольга Кучкина и Виктор Ерофеев не критики-профессионалы, а всего лишь старатели. Когда они занимаются своим делом, то есть журналистикой или поэзией, то выполняют весьма полезную работу...» Дело-то в том, что Виктор Ерофеев как раз и является профессиональным и весьма серьезным критиком и литературоведом. Что же касается поэзии, то к ней ни критик и прозаик Виктор Ерофеев, ни журналист и драматург Ольга Кучкина отношения никогда не имели.

Увы, этот «ляп» вполне характеризует общий уровень затеянного Б. Можаевым спора. И что самое поразительное, спор получился в итоге ни о чем. Попытки прислушаться к доводам оппонентов блистательным образом отсутствуют. Зато агрессивного тона и прямых грубостей — хоть отбавляй.

Я согласен с Б. Можаевым, что Игорь Золотусский не прав, когда всю литературу 60-х годов относит по ведомству очистки социалистической идеи от «отклонений». Допустим также, что И. Золотусский дал промашку в своем разборе можаевских «Мужиков и баб». Но мыслимо ли этак — об одном из лучших критиков нашей литературы: «Если Золотусский критик, а не обозреватель бульварной прессы, так пусть докажет...»? В конце концов И. Золотусский превращается под пером Б. Можаева в некое исчадие ада: «Наши критики, особенно Золотусский, торопливо и алчно суют все произведения скопом в один и тот же старый мешок дешевой схоластики, сшитый из литературных овчин еще в 20-е годы и основательно продубленный в 30-е, 40-е, 50-е годы многочисленными бригадами дубильщиков от литературы. Чем его критика отличается от всеохватных обзорно-примитивных разносов Ермилова? Да, по существу, ничем...»

И, может быть, самое печальное, о чем задумываешься при чтении статьи,— так это об авторе «Живого» и «Истории села Брехова», лишившемся чувства юмора. Судите сами: «Платонов знал, что крестьяне не примирились с коллективизацией, и превосходно доказал это в очередной (!—*П. С.*)повести — «Впрок». А вот критик Клямкин чепуху городит в то самое время, когда мы пытаемся всеми силами обернуть крестьянина лицом к земле, то есть проводим перестройку».

Это что, *еще* Борис Можаев или *уже* газета «Правда»?

В конце статьи — эпическое: «март 1989 г.— февраль 1991 г.» Тягостно думать, сколько времени и сил первоклассного писателя ушло не на роман, не на повесть или рассказ, а на мелочную, никчемную перебранку с теми, кто никогда никоим образом не был ему враждебен. Наоборот.

В одной из своих статей И. Золотусский сказал, что мастер мастера всегда поймет. Похоже, он был не прав.

Меня во всем этом, признаться, вот что больше всего смущает: легкость, с которой можно отрицать очевидное. «Нравится», «не нравится» — дело вкуса, но талант — вещь объективная, он или есть, или его нет. И если наличие этой объективной вещи берутся, не моргнув глазом, отрицать, то это значит, что можно уже, собственно говоря, все.

Есть один критик, большой любитель экстравагантных суждений в таком вот духе: «Прочитал я этого вашего Шекспира и должен сказать, что ничего особенного в нем нет». Почему-то, если попытаешься ему возразить, непременно почувствуешь себя дураком с испорченным эстетическим вкусом. Да и как доказывать очевидное?

Добро бы этот критик был такой один. Но подобная манера судить об искусстве, по моим скромным наблюдениям, распространена в литературной среде довольно широко. И это тоже, на мой взгляд, один из тревожных симптомов вавилонского бедствия в культуре, утраты общего языка между ее носителями.

В интервью «Независимой газете» (28 мая 1991 года) Наум Коржавин припомнил, как один эмигрантский литератор спросил его: «С чего ты взял, что Солженицын — хороший писатель?» Коржавин ответил ему: «Ну как тебе сказать... Вот про себя я думаю, что я тоже неплохой писатель, но писать, дышать так, как Солженицын, я все-таки не могу, потому что для этого у меня просто не хватает легких. А тебе — один хрен, что — ты, что — Солженицын, ты ведь лимитов не чувствуешь».

Вот она, суть: «лимитов не чувствуешь».

Впору задаться вопросом: отчего же так пошло в рост это «скорбное бесчувствие»? Почему люди, которым вроде бы нечего делить, не могут понять друг друга? Действуют ли тут только вечные причины, или дело все-таки в нашем сегодняшнем дне? Можно ли, наконец, преодолеть это вавилонское столпотворение, и если можно, то как?

Но об этом — в следующей статье.

АНДРЕЙ ОБРОСОВ

В ЛОЖЕ СОВНАРКОМА

РАССКАЗ О ВРЕМЕНИ, КОТОРОЕ НАЗЫВАЛИ ЗОЛОТЫМИ ГОДАМИ НЭПА

Новая экономическая политика оставила глубокий след в памяти и душах ее современников — настолько был резок контраст со всем предшествующим и последующим.

Есть что вспомнить и мне, в ту пору зеленому юнцу, не обремененному ни семьей, ни особенными заботами. Все помню: и катанье по Тверской на «дутых», влекомых серым рысаком в яблоках, с величавым «лихачем» в синей сборчатке, подпоясанной красным кушаком, и с башнеподобной шапкой на голове. Совершенно особенное чувство испытываешь, когда несешься, словно на крыльях, слыша лишь цокот копыт,— и все расступается перед тобой, и все взгляды устремлены на тебя. Это совсем не то, что мчаться в частном прокате, т. е. в открытом авто с желтыми кругами на дверцах и с шофером в огромной клетчатой кепке. Хотя такое тоже считалось одним из элементов шика и было в основном доступно лишь нэпманам — до тех пор, пока не появились первые таксомоторы французской фирмы Рено: черненькие, шустрые, чем-то похожие на жучков.

Памятны самые первые годы нэпа, ознаменовавшиеся заменой продразверстки продналогом и становлением твердого советского рубля. Червонец стал золотым, в оборот вошли металлические деньги: серебряные рубли, полтинники, двугривенные, пятиалтынные и гривенники, а также медные пятаки, трояки, двушки, копейки и даже полкопейки — грош. Как сейчас перед глазами белые, размером чуть более почтового конверта, все в водяных знаках трехчервонные купюры («сеялки») — с бородатым сеятелем, бросающим зерно в пашню. На улицах замелькали аккуратные, в белых фартучках и шапочках «моссельпромщицы», торгующие с лотков шоколадом, конфетами, в том числе и впервые появившимися «Мишками», папиросами «Ира», «Ява», «Сафо» и другими, очень в то время популярными: «Посольскими» и «Герцеговиной-Флор». Я даже помню, что сколько стоило. Например: «Мишки» (одна штука) — 6 копеек, папиросы «Сафо» — 24 копейки за коробку (25 штук).

Постепенно исчезли какие бы то ни было очереди; один за другим открывались магазины: одежда, обувь, галантерея. Вскоре, как по мановению волшебной палочки, появилось все. В конце 1924 года, то есть через два с небольшим года после объявления новой экономической политики, в стране было полное изобилие: люди словно пробудились от кошмарного сна.

Если назвать цены на промтовары и продукты в предпоследние годы нэпа, то, конечно, станет ясно, что даже такой молодой специалист — рабочий-станочник, каким был я, зарабатывая до 140 рублей в месяц, уже мог, как говорится, «стоять на своих ногах». Помню, что в первую же получку я купил себе в ГУМе хороший шевиотовый костюм за 42 рубля, а на Петровке в частном магазине приобрел за 12 рублей модную в то время кавказскую шелковую рубашку со стоячим воротником и множеством искусно, вручную сработанных круглых черных пуговок. Затем здесь же в обувном — тоже у частника — за 24 рубля взял пару великолепных модных коричневых шевровых полуботинок, а в галантерее — за 3 рубля — узенький кавказский поясок с висюльками из посеребренного металла. Одним словом, как это видно, я с первой же получки «мог жениться» — так определила мои покупки мачеха, когда я появился со всем этим багажом в нашей квартире.

А чего только, бывало, не насмотришься и не наслушаешься в тех местах, где предприимчивый частник, невзирая на запреты, проявлял свою бурную деятельность. До сих пор в памяти, как у Иверских ворот (проход на Красную площадь) в середине собравшейся вокруг толпы, жестикулируя и выкрикивая каким-то особенным нахальным голосом с одесско-еврейским прононсом, мечется небольшого росточка человек, рекламируя порошок от бытовых насекомых. Делает это он с необычайной лихостью и нахальным остроумием. На вопрос какой-то женщины, как же применять это снадобье, он, помню, фамильярно улыбаясь, во всеуслышание дает такой совет: «Слушайте сюда, дорогая гражданочка! Вы хватаете вашего клопа или таракана и просите его раскрыть пошире рот. Затем вы насыпаете ему туда небольшую дозу нашего порошка, и он у вас на глазах чахнет, чахнет, чахнет...»

Вначале женщина внимательно слушает, но, когда окружающие разражаются хохотом, она с обидой в лице машет руками и, ругаясь, выбирается из толпы.

Тут же вездесущие китайцы с мячиками на резинках и пищалками «уйди-уйди»; продавцы стеклянных колб с разноцветными чертями, плавающими вверх и вниз при нажатии резинки; «тещины языки» и различные сувениры. Какие-то бруски, необычайно быстро затачивающие у вас на глазах затупленные ножи. Пятновыводители при вас уничтожают любые пятна на материи. И все это здесь, на крохотном пространстве, возле знаменитой Иверской часовни, куда богомольные старушки торопятся, пробираясь через толпу, чтобы поставить свечку и преклонить колени в мягком свете, отраженном золотыми ризами икон.

Разумеется, такие сценки можно было видеть и в других частях города, например у Ильинских ворот, в Сокольниках, на Преображенской площади, в Охотном ряду, на площади Пушкина, не говоря уж о рынках. Вспомнился еще и парфюмерно-галантерейный «толчок», растянувшийся вдоль универсального «Мюр и Мерилиза». Невольно приходят на ум незабвенные слова поэта: «Бюстгальтеры на меху...» Здесь неопределенного возраста дамы, прогуливаясь вдоль фасада, а также дальше по Петровке, возле

пассажа, поблескивая миниатюрными колбочками с золотыми наклейками и крошечными пипетками, произносили негромко, но со значением: «Лёриган, Коти, Шипр — духи, пудра, одеколон, чулки фильдеперс, фильдекос, бюстгальтеры, ленты, мишура». И на все находился свой покупатель.

И чем больше расцветала частная инициатива, чем шире она захватывала позиции в торговле, промышленности, услугах, тем лучше, интересней и удобней становилось жить. Это особенно ощущалось в 1927—1928 годах, несмотря на то, что кувалда социалистической формы хозяйствования с ее непомерным и все убивающим централизмом уже была занесена и финансовый пресс давил все сильнее и сильнее, сводя на нет все усилия собственников и предпринимателей.

Наложил нэп свой отпечаток и на взаимоотношения людей: постепенно забывались жестокие правила и санкции военного коммунизма, канули в прошлое голод, неустроенность и боязнь за завтрашний день, люди стали добрее, милосерднее, раскованнее. Но самое главное — они еще не разучились быть хозяевами и хорошо работать.

Сберегались и восстанавливались русские традиции и обычаи, как в соблюдении православных обрядов, так и в быту — наперекор воинствующему атеизму, проводившемуся системно и весьма энергично. Но, конечно, все эти комсомольские рейды с псевдонародными песнями, прибаутками и баснями Демьяна Бедного и других конъюнктурщиков бесследно не проходили, т. к. вырастало новое поколение, при котором закрывались церкви, сбрасывались колокола и кресты, ломались обряды венчаний и крестин. Но силен был дух православной веры, и старики поддерживали его, и он находил свое место в душах молодых людей, которые истинно веровали и не из модных побуждений, как это делается сейчас, носили нательные кресты. Огромной любовью верующих москвичей пользовался разрушенный в 1932 году храм Христа Спасителя. Особенно людно было вокруг него на Волхонке и набережной реки Москвы в пасхальные и рождественские дни и в другие престольные праздники. В памяти моей до сих пор возникают картины этих шествий: длинные вереницы людей, направляющихся в храм святить куличи, пасхи, яйца... В воздухе стоит праздничный перезвон колоколов, и в сумерках видна колеблющаяся длинная цепочка огоньков — это свечки в руках тех, кто пришел освятить пасхальную трапезу и унести очищающее чувство свидания с Богом... И мы с бабушкой и младшим братом в этой цепи верующих, захваченные искренним чувством русских людей в главном русском городе и рядом с главным его храмом.

Хотя я в те годы был еще весьма юным ценителем, но, рано приобщившись к классической музыке, старался не пропустить ни одного концерта таких пианистов-гастролеров, как француз Казадезюс, итальянец Карло Цекки, и наших Г. Гинзбурга, Льва Оборина, Софроницкого, Игумнова... А благодаря положению отца наша семья имела возможность присутствовать на всех спектаклях Большого, Малого, Камерного да и всех других столичных театров — по особому пропуску и, конечно, бесплатно.

Я не бахвалюсь, упоминая об этом, наоборот, пишу с целью подчеркнуть ту беспардонность, которую позволяла себе партийная элита даже в те времена, когда, казалось, святость идеалов еще не превратилась в пустой звук. Но тут же спешу оговориться, ибо все познается в сравнении, и если большевики середины 20-х годов позволяли себе «лишнее», то они хоть какое-то оправдание этому имели, скажем, лучшие годы жизни провели в тюрьмах и на каторге, в боях, в холоде и голоде гражданской войны, чтобы могла осуществиться эта невозможная возможность, а вот уже следующие поколения партийных бюрократов и функционеров, в десятки раз превышая эти излишества, создали себе чудовищные привилегии, не заслужив их абсолютно ничем и не имея на это никакого морального права.

Но, как говорится, факты остаются фактами, и мы были частыми гостями «ложи Совнаркома» — так называлась тогда самая большая ложа в центре зала Большого театра, куда мы проходили в сопровождении почтенного седовласого капельдинера в униформе, почтительно вручавшего нам программку.

Бывал я и на поэтических и литературных диспутах в Доме писателя и на клубных сценах. Был даже раз на диспуте, где выступали, споря о религии и жизнеустройстве, А. В. Луначарский и патриарх Всея Руси Тихон. Это были уже последние всплески демократии, угасающей под все усиливающимся давлением автократизма и воинствующей идеологии Коммунистической партии.

Огромное наслаждение доставляли прогулки вдоль книжных развалов букинистов, расположившихся вдоль китайгородской стены, напротив Политехнического музея — от Никольских до Ильинских ворот. Часами, бывало, ходишь здесь, роясь в порыжевших и порой истлевающих от времени фолиантах и всякого рода книжном добре, невероятно богатом в своем разнообразии. И чего тут только не было! «Тарзан» и «Марсиане» Э. Берроуза, «Антон Кречет» Раскатова, «Мемуары Казановы», Спиноза и Ницше, Кант и Брокгауз, Элизе Реклю и Катулл... И каждый раз удивляла энциклопедическая память и эрудиция букинистов, которые в считанные секунды с мастерством фокусника вытаскивали из книжных дебрей именно то, что вы просили их найти.

Как бы в развитие сказанного выше хочу осветить одну из сторон жизни того времени, касающуюся определенной группы людей, рассказать о не таких еще старых в то время членах ВКП(б), занимавших правительственные посты или принадлежавших к партийной элите. Живя в Кремле, встречаясь с ними, с их чадами и домочадцами на курортах, в Серебряном Бору и в 1-м, 2-м и 5-м Домах Советов, а в 30-х — во вновь выстроенном «Доме на набережной», или, как его еще называли, ДОПР (сокращенно от «Дом правительства»), я достаточно подробно познакомился с условиями их существования. Находясь на полном гособеспечении — дачи, автомашины, пайки,— эти борцы за дело мирового пролетариата уже к первой половине 30-х годов фактически полностью переродились. Не ошибусь, если скажу, что в моральном отношении каждый третий из них опускался все ниже: пьянствовал, распутничал, заводя себе молодых жен, иногда не одну. Это в те времена родилась шутка: «Меняю жену пятидесяти лет на две по двадцать пять». Считалось, правда, неэтичным брать в жены классово чуждые элементы или актрис. По этому поводу я как-то подслушал эпиграмму Демьяна Бедного в адрес А. В. Луначарского. Отец, смеясь, рассказывал мачехе о том, что у них в кремлевской столовой (или, как ее еще называли, столовой Совнаркома на улице Грановского) он от кого-то услышал такое четверостишие, распространенное Демьяном в ответ на какую-то литературную подножку наркома просвещения:

«Подножки еще с детства ненавижу...
Хоть иногда не попадаю в цель,
Но до того себя я не унижу,
Чтоб на окно свое поставить Розанель».

Дело в том, что Луначарский, оставив старую жену, «подженился» на молодой артистке Розанель, а слово это по-французски означает цветок герань, а герань, как известно, в то время являлась олицетворением мещанства. Слова: «У него герань на подоконнике» — были худшей характеристикой для партийца.

Кстати, о некоторых типичных выражениях, возникших в результате искусственного обострения классовых различий.

Как-то я присутствовал при такой сценке в битком набитом трамвае: два почтенных на вид гражданина лет по сорок пять, хорошо одетые, «окрысились» друг на друга уж не знаю по какому поводу, но один сказал другому буквально следующее:

— Уж видно сразу, что вы за человек...

— Что вы хотите этим сказать?

— А что вам говорить, лиш-шенец! — процедил тот сквозь зубы, особенно налегая на букву «ш».

— Ах, вот как! — взвился другой.— Да вы в таком случае, в таком случае вы самый последний рвач!.. Да, да, рвач!

Это было так смешно. Я не удержался и захохотал, а они оба с негодованием взглянули на меня. Выбравшись из вагона, дорогой я несколько раз принимался хохотать. Осталось только вспомнить,

что такими эпитетами очень часто пользовались в прессе того времени, и вот результат — они стали употребляться в обиходе, зачастую не по назначению.

Конечно, имелись и проблемы, и темные стороны, и «язвы нэпа», о которых потом на все лады распевали «трубадуры» индустриализации и коллективизации, пугая к тому же реставрацией капитализма в стране, но многое из негативного являлось результатом тех коллизий, которые неизбежно рождались ломкой социально-экономических условий и которые постепенно, с повышением благосостояния и культуры, неизбежно должны были исчезнуть.

Была безработица. Даже я, в то время учащийся ФЗУ и не озабоченный дальнейшей своей судьбой — рабочее место мне гарантировалось заводом,— ощущал это социальное зло, которое, правда, давало преимущество настоящим специалистам. Ибо все-таки следует признать, что, хотя наша растущая промышленность нуждалась в кадрах, кадры эти должны были быть полноценными, а большинство околачивающихся на бирже таковыми не являлись. В этом был, может быть, жестокий, но справедливый смысл. Сила рабочкомов на предприятиях и профсоюзов тех времен состояла именно в том, что они в первую очередь видели в человеке полезного работника и реагировали на лодырей и бездельников гораздо раньше, чем администрация,— рабочая честь в то время еще не обесценилась.

Была беспризорщина, порождение четырехлетней гражданской войны. Это, конечно, одно из позорнейших явлений того времени. Я хорошо помню этих совершенно немыслимых оборванцев, всех в грязи и во вшах, ночующих возле асфальтных котлов, греющихся у костров в развалинах или околачивающихся на вокзалах, заселяющих чердаки и подвалы, похищавших все, что только под руку попадалось. Они были грозою рынков, когда, собравшись в шайки по 20—30 человек, вдруг, внезапно врывались в торговые ряды, хватая все без разбору, сбивая с ног каждого, кто вставал на их пути, и так же внезапно исчезали.

Ну и, конечно, нельзя обойти молчанием хулиганов столицы. В те времена это тоже, как говорят, было «притчей во языцех». Только и слышно было, что где-то кому-то «кишки выпустили» или «пустили кровь», а такие выражения, как «вальс на ребрах» или «мозги на стене», были самыми расхожими среди мужского населения. В ходу были самодельные кастеты, складные металлические тросточки, а некоторые цепляли к поясу и «финяки», которые делились по длине на три номера. Целые районы или места в городе (или, как теперь говорят, микрорайоны) были «освоены» хулиганскими группировками или контролировались отдельными, особо известными хулиганами, как, например, знаменитый на Грузинах Поросятник. На счету этого «потрошителя» числилось не менее десятка зарезанных или искалеченных людей. Дело наконец дошло до того, что коллектив завода «Авиаприбор» обратился с жалобой в правительство. Хулигана арестовали, судили и расстреляли. Но, как видно, понадобилось для этого немало усилий, хотя, по существу, это все могло быть сделано местной районной властью (аналогия с современной безалаберностью полная). Особым шиком у разных молодцов считалось «надеть на голову гитару», т. е. так ударить гитарой по голове, чтобы отлетели дно и дека, а гриф со струнами болтался на шее потерпевшего; такое происходило частенько в сквере напротив Большого театра под невозмутимое журчание фонтана и в другом сквере — напротив гостиниц «Метрополь» и «Континенталь», а в сквере у китайгородской стены сходились стенка на стенку зарядьевские и центральнобаньские хулиганы.

Нужно сказать, что профессиональные воры в отношениях с хулиганами соблюдали вооруженный нейтралитет, который нет-нет да и прерывался кровавыми конфликтами. На моей памяти такой, например, случай: как-то поздним вечером один из блатных по кличке Сатана проходил со своей подругой по мосту в районе фабрики им. Калинина, что в Нижних Котлах. Здесь к парочке пристали подвыпившие хулиганы, давно уже терроризировавшие этот район, раздели их догола, посадили на перила моста, долго издевались над ними, наконец, избили и изнасиловали женщину. Через сутки Сатана, вооруженный двумя наганами, появился на том же месте и застрелил троих, а четверых тяжело ранил. Сам же скрылся и появился только через десять лет, когда истек срок давности. Нужно сказать, что жители Нижних Котлов были ему весьма признательны, а верующие, говорят, даже свечки ставили в церкви и молились за него перед богом, чтобы тот простил ему грех.

Продолжая разговор о темных сторонах жизни столицы того времени, хочу остановиться и на проституции.

В то время в столице были три основные «точки»: Тверская (с наиболее дорогими дамами: от 5 рублей и выше), Неглинная и Цветной бульвар с прилегающими переулками (здесь цены более умеренные и соответственно дамы попроще — от 2 рублей до 3) и, наконец, Домниковка, прилегающая к трем вокзалам Каланчевской площади, где в темных дворах таились настоящие вертепы, куда в основном попадали только сильно пьяные, приезжие или уголовные элементы. Цены тут возникали самые разнообразные, но не превышали рубля с полтиной, т. к. вульгарность, наглость и вид в большинстве своем пьяных девиц мог удовлетворить лишь самый непритязательный вкус. Достаточно сказать, что здесь существовал особый тип проституток — так называемых «с арканом»; каждая из них имела толстую веревку с петлей, в которую она продевала подколенную часть одной из ног, далее веревка шла по шее, а руки держали эту ногу на весу, создавая необходимое удобство для сношения стоя где-нибудь в подъезде или в любом закоулке. Здесь цены колебались от двугривенного до полтинника.

Извиняюсь перед читателями за некоторый натурализм, но, как говорят, из песни слов не выкинешь: что было, то было. Такое социальное зло, как проституция и пьянство, цвели махровым цветом — нэп явился благоприятной средой для этого. Но не было ли это своего рода беспредельной и безрассудной эйфорией, возникшей после тягот гражданской войны и военного коммунизма, но обреченной — через два-три пятилетия — сойти на нет, уступив место здоровым силам и культуре, которые животворными ростками уже пробивались и содействовали постепенному слиянию народного гения с целеустремленной работой государственных институтов?

Но золотые годы нэпа, эти почти восемь лет, подходили к концу. В конце 27-го, в 28-м и наиболее сильно в 29—30-м годах гонения, все усиливаясь, приняли репрессивную форму, и редкий нэпман не видел в перспективе тюрьму или Соловки с конфискацией всего имущества.

Постепенно исчезли магазины и магазинчики, лавки, лавочки и лавчонки, уютные маленькие кафе. Помню, когда еще жил на Петровке, заманчивую вывеску на кафе: «Вся Москва знает наши густые взбитые сливки». И действительно, поднявшись на несколько ступенек, прилепившихся к самому углу дома в Столешниковом, где он выходит на Петровку, вы попадали в красиво убранный зальчик со столиками, на белоснежных скатертях которых вы уже через минуту видели перед собой большой бокал со взбитыми сливками, которые шапкой поднимались над краями, и к этому — маленькую китайскую чашечку с черным кофе. И ах как это было необычайно вкусно, а стоило всего полтинник. Кстати, на этом, теперь пустом, месте, перед входом в Столешников переулок, стояла не то церквушка, не то часовенка, конечно, очень старинная и потому снесенная без всякой жалости и практической необходимости.

Заканчивая свои воспоминания о нэпе, я, конечно, ни в коей мере не претендую на всеобъемлющее ознакомление читателя с этим уникальным событием, ибо так только и можно охарактеризовать этот отдельный всплеск в рутинном море жизни людей нашей страны, в котором они безвольно плавали в течение долгих десятилетий. И если то, о чем я написал, наполнит хоть на минуту ароматом тех лет воздух моих современников и даст какое-то своеобразное понятие о том времени для более поздних поколений, то я буду считать, что трудился не зря.

Вряд ли кто помнит, что династия Романовых прекратила свое существованис гораздо раньше весны 1917 года, когда Николай II отрекся от престола.

В прямом мужском поколении она пресеклась со смертью императора Петра II, сына царевича Алексея и внука Петра I, а в прямой женской линии — кончиной императрицы Елизаветы Петровны, дочери Петра I. В дальнейшем фамилию Романовых стала носить Шлезвиг-Гольштейн-Готторпская императорская династия в России. Таким образом, до 2 марта 1917 года Россией правили государи немецкого происхождения. В этом нет ничего необычного. К XIX веку в Западной Европе династии всех основных государств были, как правило, иноземными (за исключением австрийских Габсбургов, германских Гогенцоллернов и итальянской Савойской династии). Объяснялось это постепенным уходом с исторической арены древних королевских и княжеских фамилий (результат угасания в мужском колене или насильственного устранения от власти).

К концу XIX века династии германского происхождения, кроме России, правили во многих странах Европы: Саксен-Кобург-Готская династия в Великобритании, Бельгии, Португалии и Болгарии; Гогенцоллерны в Румынии; представители так называемой Ольденбургской династии в Дании и Грсции, а с 1905 года и в Норвегии.

Воцарившиеся в лице Петра III в России и принявшие фамилию Романовых Шлезвиг-Гольштейн-Готторпы также принадлежали к одной из ветвей Ольденбургского дома.

Эта династия ведет свое происхождение от немецких графов Ольденбургов (Северная Германия). В 1448 году младший сын графа Дитриха стал королем Дании под именем Кристиана I, и род Ольденбургов разделился на две линии. Графская линия Ольденбургов — потомки старшего сына графа Дитриха — продолжала править в своем графстве и угасла в мужском колене в 1667 году, после чего Ольденбург стал владением их родственников — датских королей.

Датская королевская линия Ольденбургов правила в 1448—1863 годах в Дании, а также в объединенных с ней унией Норвегии (1450—1814), Швеции (1457—1523 с перерывом) и угасла в мужском колене в 1863 году. Кроме того, на правах личной унии датские короли правили герцогством Шлезвиг-Гольштейном в 1460—1863 годах и графством Ольденбург в 1667—1773 годах. Боковыми линиями датского королевского дома являлись с 1544 года Гольштейн-Готторпы — потомки принца Адольфа, сына короля Фредерика I, и с 1564 года Зондербурги — потомки принца Иоганна, сына короля Кристиана III. Последние, в свою очередь, разделились на две линии — Августенбергов (фактически не правили) и Глюксбургов, с 1863 по настоящее время королей Дании, с 1905 года — Норвегии и с 1863 по 1973 (с перерывами) Греции.

Гольштейн-Готторпы владели своим герцогством, выделенным им датскими королями в 1544 году при разделе Шлезвиг-Гольштейна (принцу Адольфу досталась часть с замком Готторп, отсюда название династии), до 1773 года, когда Екатерина II уступила его от имени своего малолетнего сына Павла Петровича датским королям. В обмен императрица получила от Дании графство Ольденбург — историческую колыбель династии. Однако по политическим соображениям Екатерина II вновь пошла на уступку Ольденбурга, который она передала родственникам своего мужа Петра III.

Праправнуки основателя Гольштейн-Готторпского дома герцог Фридрих IV и его брат Христиан Август дали начало двум линиям династии. Старшая — в лице внука Фридриха IV Карла Петера Ульриха воцарилась в России, младшая — в лице сына Христиана Августа принца Фридриха Августа в 1773 году получила от Екатерины II Ольденбург, которым правила до 1918 года. Будучи ближайшими родственниками императорской фамилии, Ольденбургские герцоги сохранили теснейшие связи с Россией. От сыновей герцогов, оставшихся на постоянное жительство при дворе российских императоров, ведут свое происхождение так называемые русские принцы ольденбургские, являвшиеся членами императорской фамилии и занимавшие в России высшие государственные должности. Еще до того, как младшая ветвь Гольштейн-Готторпов получила в 1773 году Ольденбург, старший брат принца Фридриха Августа Адольф Фридрих стал в 1751 году королем Швеции, основав шведскую линию Гольштейн-Готторпов, правившую до 1818 года.

Представители старшей ветви Гольштейн-Готторпов оказались соединенными династическими узами с двумя злейшими врагами — шведским королем Карлом XII и императором Петром I. Герцог Фридрих IV женился на Софье Гедвиге — сестре короля Карла XII, а их сын герцог Карл Фридрих стал мужем Анны Петровны — дочери Петра I и Екатерины I. Таким образом, герцог Карл Петер Ульрих являлся одновременно наследником и шведского, и русского престолов, что отрицательно сказалось впоследствии на его личной судьбе, ибо в раннем возрасте его готовили именно к наследованию шведского престола, не уделив должного внимания знакомству с языком и обычаями России.

Итак, в 1761 году Гольштейн-Готторпы воцарились в России, но уже в следующем году фактически потеряли русский престол до 1796 года. После свержения своего мужа Екатерина II, как известно, не удовлетворилась ролью регентши при своем сыне Павле Петровиче и сама стала императрицей. С 1762 по 1796 год Россией управляла представительница Ангальт-Цербской линии древней германской династии Асканиев.

Родоначальником этой династии является знаменитый основатель Бранденбургского маркграфства Альбрехт I Медведь. От двух его сыновей Оттона и Бернарда пошли две линии династии — бранденбургская и саксонская. Потомки Оттона владели Бранденбургом до 1319 года, когда их род угас. Саксонская линия, в свою очередь, разделилась на три ветви — герцогов Саксен-Лауэнбурга (пресекшихся в 1698 году), герцогов Саксен-Виттенберга (пресекш. в 1423 году) и князей Ангальта. Родоначальником Ангальтского дома является внук Альбрехта Медведя князь Генрих I. Его потомки неоднократно перекраивали и делили свои владения. Наиболее значительные разделы были в 1396 году между праправнуками князя Генриха I Альбрехтом и Сигизмундом и в 1471 году между внуками князей Сигизмунда, Эрнстом и Вальдемаром. Княжество Ангальт-Цербское, которым владели ближайшие предки Екатерины II, образовалось только в 1603 году при очередном разделе Ангальта между правнуками кн. Эрнста. Многочисленные разделы ослабили династию, и ко времени рождения Екатерины II род князей Ангальт-Цербских влачил жалкое существование. Ангальт-Цербская ветвь Асканиев угасла в 1793 году со смертью брата Екатерины II князя Фридриха Августа. Однако в других частях Ангальта представители династии правили вплоть до 1918 года.

В 1796 году Гольштейн-Готторпы вновь возвращаются на русский престол в лице Павла I. Теперь вплоть до последних дней правления династии русский престол будет переходить от отца к сыну в порядке первородства, за исключением прецедента с наследованием престола после смерти Александра I. Юридическим основанием для этого послужил указ Павла I от 1797 года, по которому право наследования предоставлялось только по прямой ли-

Ольденбургская династия
Дирих 1440
граф Ольденбургский
Христиан I 1426–1481
король Дании и Норвегии
Фредерик I 1471–1533
король Дании и Норвегии
Гольштейн-Готторпы
герцог
Адольф 1526–1586
Шлезвиг-Гольштейн-Готторпский
герцог
Иоганн-Адольф 1575–1616
Шлезвиг-Гольштейн-Готторпский
герцог
Фридрих III 1597–1659
Шлезвиг-Гольштейн-Готторпский
Христиан-Альбрехт 1641–1694
герцог Шлезвиг-Гольштейн-Готторпский
Фридрих IV 1671–1702
герцог Шлезвиг-Гольштейн-Готторпский
Карл-Фридрих 1700–1739
герцог Шлезвиг-Гольштейн-Готторпский
Нейбурги
Пфальцграф Иоганн-Казимир 1589–1652
Шведский королевский дом
Густав I Ваза 1496–1560
король Швеции
Карл IX 1550–1611
король Швеции
Густав II Адольф 1594–1632
король Швеции
Елизавета
Карл X Густав 1622–1660
король Швеции
Карл XI 1655–1697
король Швеции
Карл XII 1682–1718
король Швеции
Софья-Гедвига 1681–1708
Петр I 1672–1725
император 1682–1725
Екатерина I
Анна 1708–1728
Карл Петер Ульрих 1728–1762
Петр III 1761–1762
император
Павел I 1754–1801
император 1796–1801
Николай I 1798–1855
император 1825–1855
Династия Асканиев
Альбрехт I Медведь 1170
маркграф Бранденбурга
Бернард 1212
герцог Саксен-Виттенберг
Генрих I 1267
князь Ангальт
Сигизмунд 1405
князь Дессау
Эрнст 1516
князь Дессау
Князья Ангальт-Цербские
Иоахим-Эрнст 1536–1586
князь Ангальт
Рудольф 1576–1621
князь Ангальт-Цербский
Христиан-Август 1690–1747
князь Ангальт-Цербский
Екатерина II 1729–1796
императрица 1762–1796
Предки императора Александра III
Александр III
Вюртембергская династия
Ульрих 1268
Эбергард I 1325
Ульрих II 1344
Эбергард II 1315–1392
Ульрих 1388
Эбергард II 1315–1392
Ульрих 1388
Эбергард III 1364–1417
Эбергард IV 1388–1419
Людвиг I 1412–1450
Эбергард V 1445–1496
герцог Вюртемберг
Принц Генрих 1448–1519
Принц Георг 1498–1558
Фридрих 1557–1608
герц. Вюртемберг
Иоганн Фридрих 1582–1628
герц. Вюртемберг
Эбергард III 1614–1674
герц. Вюртемберг
Принц Фридрих
Карл Александр 1684–1737
герцог Вюртемберг
Фридрих-Евгений 1732–1797
герцог Вюртемберг
Маргарита-Софья 1759–1828
Гогенцоллерны
Фридрих I 1371–1440
курфюрст Бранденбург
Альбрехт III Ахилл 1414–1486
курфюрст Бранденбург
Иоганн Цицерон 1455–1499
Иоахим II Гектор 1505–1571
курфюрст Бранденбург
Иоганн Георг 1525–1598
курфюрст Бранденбург
Иоганн Фридрих 1546–1608
курфюрст Бранденбург
Иоганн Сигизмунд 1572–1619
курфюрст Бранденбург
Иоганн Вильгельм 1595–1640
курфюрст Бранденбург
Фридрих Вильгельм Великий 1620–1688
курфюрст Бранденбург
1657 Фридрих III 1713
курфюрст Бранденбургский
король Пруссии
Фридрих-Вильгельм I 1688–1740
король Пруссии
Принц Август-Вильгельм
1722–1758
Фридрих-Вильгельм 1744–1797
король Пруссии
Фридрих-Вильгельм III 1770–1840
король Пруссии
Каролина 1798–1860
Александр II 1818–1881
император 1855–1881
Ветвь Гессен-Дармштадт
Георг I 1547–1596
ландграф Гессен-Дармштадт
Людвиг V 1577–1626
ландграф Гессен-Дармштадт
Георг II 1605–1661
ландграф Гессен-Дармштадт
Людвиг VI 1630–1678
ландграф Гессен-Дармштадт
Людвиг VII 1667–1739
Гессен-Дармштадт
Людвиг VIII 1691–1768
ландграф Гессен-Дармштадт
Людвиг IX 1719–1790
ландграф Гессен-Дармштадт
Людвиг I 1753–1830
вел. герцог Гессен-Дармштадт
Людвиг II 1777–1848
вел. герцог Гессен-Дармштадт
Принц Карл 1809–1877
Вел. князь Гессен
Людвиг IV 1837–1892
Мария 1824–1880
Александр III 1845–1894
император 1881–1894
Николай II 1868–1918
император 1894–1917
Алиса Гессенская 1872–1918

Западноевропейские предки Дома Романовых
Ольденбургская династия
Гольштейн-Готторпы
Шведский королевский дом Ваза
Нейбурги
Петр I 1672~1725
Династия Асканиев
Анна 1708~1728
Иоганн-Казимир 1589~1652
Елизавета
Князья Анхальт-Цербские
Софья Ледвига 1681~1708
Фридрих IV 1671~1702
Карл-Фридрих 1700~1739
Петр III 1728~1762
Екатерина 1729~1796
Вюртембергская династия
Павел 1754~1801
1759 1828
Константин
Александр
Николай I 1798~1855
Александр 1818~1881
Каролинги
Брабантская династия
Гогенцоллерны
Гессенская династия
Ветвь Гессен Дармштадтская
Ветвь Гессен-Кассель
Вельфы
Пфальцская ветвь Виттельсбахов
Стюарты
Фридрих V
Елизавета 1596~1662
1629~1698
Курфюрст
Софья 1630~
Ганноверская династия
Фридрих II 1720~1785
Мария
1798~1860
Мария 1824~1880
Христиан IX 1818~1906
Луиза 1817~1898
Александр 1845~1894
Дагмара 1847~1928
Николай II 1868~1918

Боковые ветви Гольштейн-Готторпов

Христиан-Альбрехт 1641–1694 герцог Шлезвиг-Гольштейн-Готторпский

Христиан-Август 1673–172 епископ Любека

Фридрих IV 1671–1702

Адольф-Фридрих 1710–1771 король Швеции

Фридрих-Август 1711–1785 граф Ольденбург

Шведская ветвь

граф Ольденбург 1773–1777

герцог Ольденбург 1777–1785

Герцоги Ольденбургские

Густав-Адольф кор. Швеции

Мария Стюарт

Брабантская династия

Генрих I 1038 граф Лувена

Оттон 1040 граф Лувена

Ламберт II 1073 граф Лувена

Генрих II 1079 граф Лувена

Готфрид I 1140 граф Лувена

Готфрид II 1142 герцог Лувена

Готфрид III 1190 герцог Лувена

Генрих I 1235 герцог Брабанта

Генрих II 1248 герц. Брабанта

Династия Гессенская

Генрих I 1308 ландграф Гессен

Оттон I 1328 ландграф Гессен

Людвиг I 1345

Герман I 1340-1413 ландграф Гессен

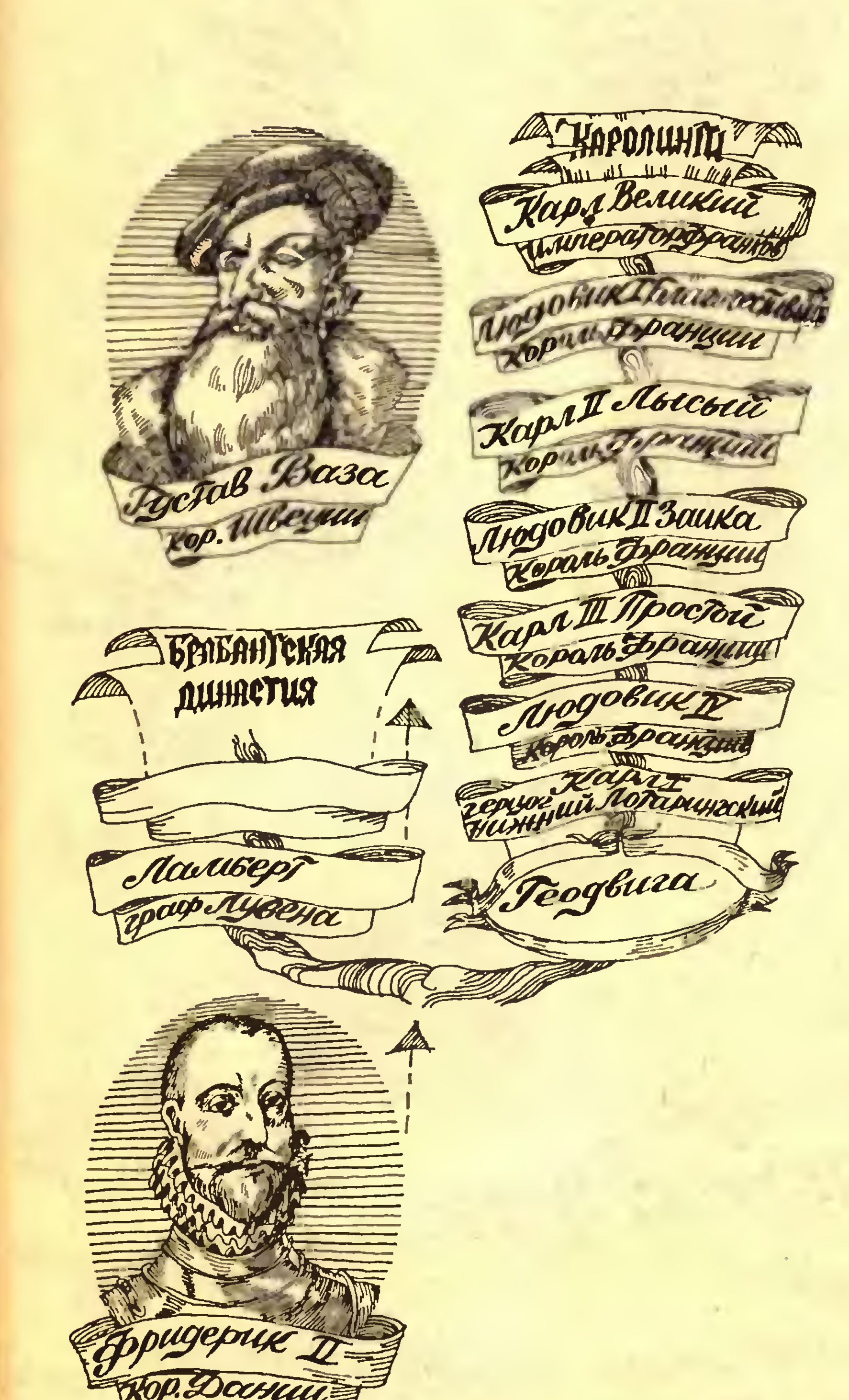
Людвиг II 1402-1458 ландграф Гессен

Людвиг II 1438-1471 ландграф Гессен-Кассель

Вильгельм II 1502 ландграф Гессен

Филипп I 1504-1567

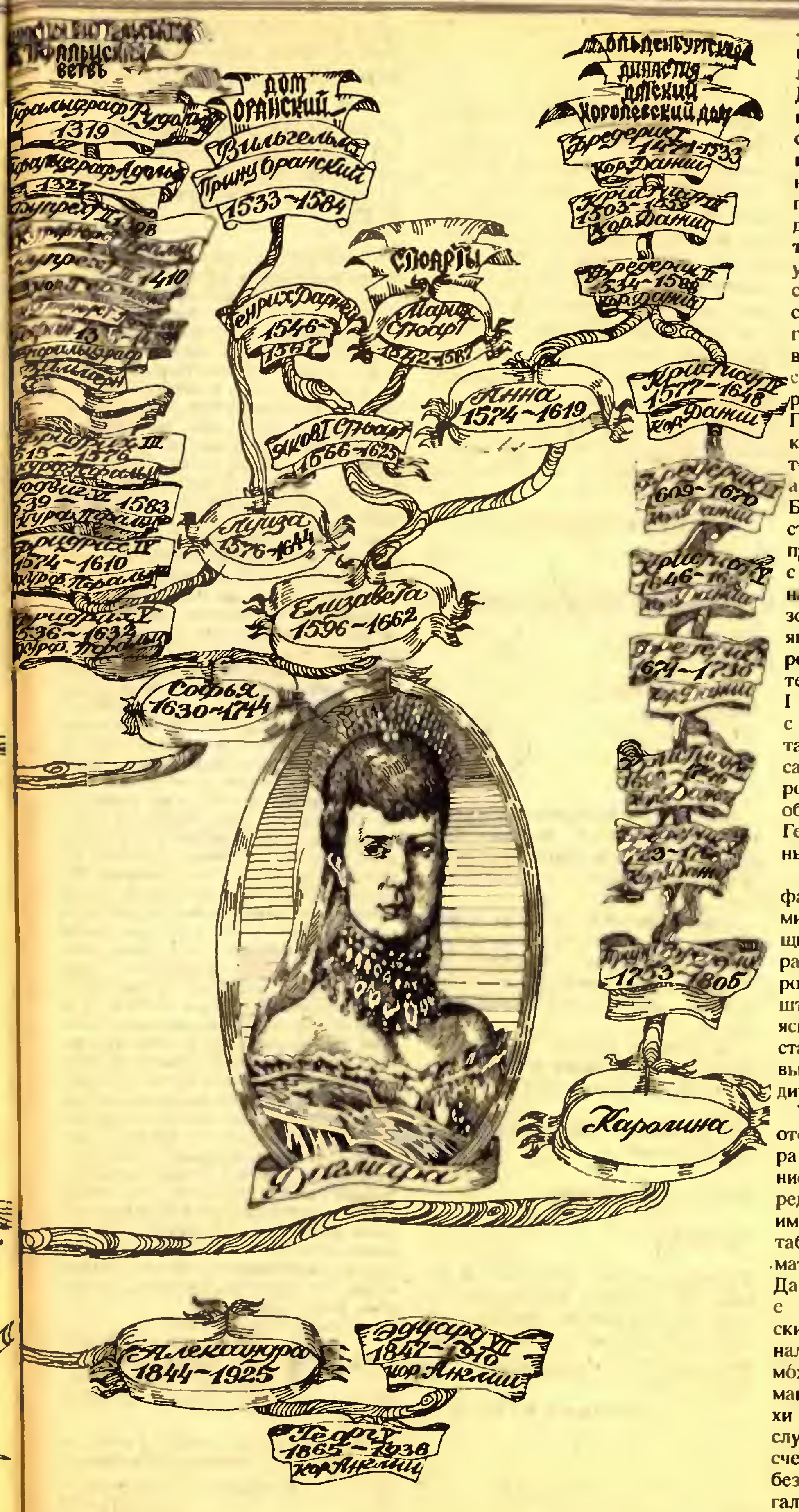
ветвь Гессен-Дармштадт

нии по мужскому колену.

Немецкое происхождение династии выразилось отчасти в стабильном выборе жен императоров исключительно из германских владетельных домов. Павел I имел потомство от своей второй жены Софьи Вюртембергской. Она принадлежала к Вюртембергскому дому, основателем которого являлся граф Ульрих I (1241—1265). В 1495 году графы Вюртембергские стали герцогами, в 1803 году курфюрстами и, наконец, в 1806 году — королями. Династия правила Вюртембергом до 1918 года. Сыновьями Павла I и Софьи Вюртембергской (крещ. Марии Федоровны) были Александр I и Николай I. Последнему наследовал его старший сын от Каролины Прусской — Александр II. Каролина Прусская (крещ. Александра Федоровна) принадлежала к знаменитому роду Гогенцоллернов — бранденбургских курфюрстов (1415—1701), прусских королей (1701—1918) и германских императоров (1871—1918). Близкое родство представителей двух крупнейших европейских династий имело, как известно, серьезнейшие политические последствия. Отметим, что Александр II был родным племянником первого императора Германии Вильгельма I, Александр III — троюродным братом Вильгельма II, а Николай II — его четвероюродным племянником. Александр II женился на принцессе Марии Гессен-Дармштадтской. Интересно, что жена Николая II Алиса Гессенская приходилась ей двоюродной племянницей и, таким образом, троюродной сестрой своему мужу. Гессенский дом считался одним из древнейших в Европе. Его основатель ландграф Генрих I (ум. 1308) был сыном брабантского герцога Генриха II. Герцоги Брабанта, в свою очередь, ведут свое происхождение от древних нидерландских графов Лувена, бывших в родстве с Каролингами. Таким образом, все Романовы, родившиеся от брака Александра II и Марии Гессенской (крещ. Марии Александровны), могут считаться потомками императора Карла Великого.

Перейдем, наконец, к браку родителей Николая II — Александра III и Дагмары Датской. Родственные связи этой принцессы — дочери короля Кристиана IX — весьма обширны. Отец принцессы Дагмары — король Кристиан IX был представителем линии Глюксбургов (боковой ветви датского королевского дома) и наследовал престол в 1863 году в результате острого династического кризиса, повлекшего за собой отделение от Дании Шлезвиг-Гольштейна. Воцарению Кристиана IX в немалой степени содействовал его брак с принцессой

Луизой Гессен-Кассельской, наследницей старшей ветви датского королевского дома. Таким образом, сын Дагмары (крещ. Марии Федоровны), император Николай II, является потомком практически всех основных ветвей Ольденбургской династии. Николай II является также потомком обеих ветвей Гессенского дома, разделившихся в 1567 году, т. к. матерью Дагмары была, как уже указывалось выше, Луиза Гессен-Кассельская. Ландграфы Гессен-Кассельские, ставшие в 1803 году курфюрстами, находились в родстве с английской ганноверской династией, а те, в свою очередь,— с потомками Стюартов. Сам Ганноверский дом принадлежал к роду Вельфов — дннастии императоров Священной Римской империи, а затем — с 1235 года — герцогов Брауншвейгских. Накоиец, курфюрсты Ганновера получили английский престол благодаря своему родству с Пфальцской линией баварской династии Виттельсбахов. Таким образом, через свою мать Николай II является потомком знаменитой королевы Марии Стюарт и штатгельтера Нидерландов Вильгельма I Оранского, бывшего в родстве с курфюрстами Пфальца. Укажем также, что сестра Дагмары принцесса Александра вышла замуж за короля Англии Эдуарда VII. Таким образом, их сын, английский король Георг V (1910—1936),— двоюродный брат Николая II.

Итак, российская императорская фамилия была связана родственными связями с большинством правящих династий Европы. Причем мы рассматривали только основные родственные связи Романовых-Гольштейн-Готторпов, не останавливаясь на браках нецарствующих представителей династии. Связи Романовых отчасти рассмотрены в приводимой генеалогической таблице.

Таблица ии в коей мере не может отображать всех предков императора Николая II. Наибольшее внимание уделено Ольденбургам — непосредственным предкам российской императорской фамилин. В части таблицы, отображающей предков матери Николая II — принцессы Дагмары, прослеживаются ее связи с наиболее известными историческими деятелями. Особенности журнальной публикацин не дают возможности показать всех предков Романовых-Гольштейн-Готторпов эпохи раннего средневековья. В ряде случаев составитель таблицы не счел обязательиым указывать всех без исключения представителей Ангальт-Цербской, Брауншвейгской и Пфальцской династии.

АЛЕКСАНДР ВИНОГРАДОВ

реплика

В номере 11-м Вашего журнала за 1990 год помещена статья Т. Кузнецовой «Разрыв». В этой статье Кузнецова касается нашего с Александром Исаевичем Солженицыным разводного дела. При этом она допускает мысль, что мое поведение во время развода было в значительной степени продиктовано Госбезопасностью.

Считаю необходимым разъяснить, что Кузнецова в данном случае заблуждается. Все мои действия во время развода были продиктованы не кем-то, а исключительно личными чувствами и личными побуждениями. Кузнецова-адвокат, бросившая в мой адрес ни на чем не основанное и не соответствующее действительности обвинение, не дала Кузнецовой-женщине понять простую вещь: как непостижимо трудно расставаться с любимым человеком, с которым была связана более четверти века, начиная с юных лет. Я просто была не в состоянии разорвать наши жизни. Отсюда — мое сопротивление разводу. Но после того как Александр Исаевич познакомил меня с Н. Д. Светловой и она попросила у меня прощение, я дала согласие на развод.

Н. РЕШЕТОВСКАЯ.

ДОКУМЕНТ БЕЗ КОММЕНТАРИЯ

Т. Ленин
Мы вас просим обратит* внимание нанашу школу
в нашей школе 35 девочек
40 мальчиков и все разуты
и оборваны.
Т. Ленин
визде в других в школах
дают все каму платок,
каму батинки, а унас
нечево я патамучто
у нас вся школа буржуа
азия когда на вас говорят
что вы жулик а Троцкий
памогiник Ленину вороват
Я изовсей школы одна я
стала говорит этому
учителю какой Ленин жулик,
он мене ответел, всех крестьянов обобрал так что я
немогу ничиво зделат
мне приходится малчат
а то выганют
Т. Ленин
и очень вас прошу внимание
на нашу школу
Т. Ленин
я вас попрашу хтя каких
нибуть кумустов а нашу в
школу чтобы всем учитлям
дали натацую хорошу.
досвидане писала девочка
Адрес школы. Стретенка Мясной переулок
школы художественного дела.
Т. Ленин
прошу вас пришлити я им тогда все раскажу и
покажу кто сказал навас жулик

А. Лунач(арскому)
Тов. Литкенсу

Сретенка
Мясн. пер. 17
Худ. школа

Владимир Ильич переслал полученное им анонимное письмо, по всему тону явным образом заслуживающее доверие, действительно написанное ребенком.

Думаю, что было бы очень полезно послать в эту школу т. Киселиса и поручить ему тактично отыскать эту девочку и кроме распросов ее вообще внезапно обревизировать положение школы.

Не понимаю только, что это за школа художественного дела, в которой учатся маленькие мало грамотные дети.

О результате расследования прошу мне доложить.

Нарком по Просвещению:
А. Луначарский

секретарь

Записи на полях: представлена доклад. зап. которая направлена как материал Штернбергу Вызвать немедленно Киселиса для переговоров

Центральный государственный архив РСФСР.

Публикация **КУЗА Л. Г.**

* Сохранена орфография оригинала.

Плохие подковы и упряжь также тяжелы при работе для лошади, как для тебя неудобная обувь и одежда.

Не бей собаку и кошку; им также больно, как и тебе!

РАСПОРЯЖЕНИЕ КОМИССАРИАТА ПО ВНУТРЕННИМ ДЕЛАМ С.К.С.О. ОПУБЛИКОВАННОЕ В СЕВЕРНОЙ КОММУНЕ 12 ДЕКАБРЯ 1918 г. № 177.

Комиссариат внутренних дел постановляет, вменить в обязанность чинам рабоче-крестьянской советской милиции запрещать: 1) употребление на работу животных, видимо больных, изувеченных, имеющих раны, слабых и хромых; 2) наносить удары твердым или острым орудием, дубинами, крючьями, палками, а также кнутами и концами вожжей бить животных по голове, животу, морде и ногам; 3) накладывать груз слишком тяжелый, явно не соответствующий силам животного и состоянию дороги; 4) езду по городу вскачь, как порожнем, так и с кладью или седоками, а равно и вперегонку; 5) привязывать лошадей арканом, накинутым на шею, к возу спереди идущему, когда лошадь находится в упряже; 6) упавшую в упряжи лошадь поднимать ударами кнута (необходимо ее распречь); 7) держать в конюшнях скот с заразными болезнями; 8) во время стоянки в городах связывать ноги; 9) употреблять металлические намордники (для всех животных) без мягкой прокладки; 10) работать на неподкованных лошадях, а зимой при подковах не снабженных шипами; 11) сопровождать лошадей малолетним извозчиком (до 18-ти лет); 12) управлять лошадьми лицам, явно нездоровым или не в трезвом виде; 13) вообще обращаться с животными жестоко; 14) возить телят и всякий другой мелкий скот, а также птицу мучительно для них уложенными. Так, например, одно животное на другое со свешенными или бьющимися о телегу головами, без подстилки соломой, а извозчику запрещается садиться на этих животных; 15) чины рабоче-крестьянской милиции обязаны вменить в обязанность легковым извозчикам ехать умеренной рысью, а ломовым шагом, держась правой стороны; 16) во время следования возов не сидеть на последних, а управлять лошадью, идя сбоку; 17) при каждой повозке должен быть особый извозчик; 18) во время стоянки зимой покрывать лошадь попонами; 19) снабжать лошадей летом парусиновыми или соломенными шляпами; 20) выезжать надлежит на колесах или на санях сообразно пути. Комиссариат внутренних дел просит граждан оказывать всяческое садейстане чинам рабоче-крестьянской милиции в деле борьбы с жестоким обращением с животными, которое теперь достигло страшного развития, сообщая о каждом замеченном случае насилия над животными в районную комендатуру и вызывая милиционеров. Милиционер о каждом случае жестокого избиения должен составлять протокол, арестовывать виновного и препровождать его в районную комендатуру для предания революционному суду.

Подписали: Комиссар С. Равич.
Управляющий делами Б. Каплун.
С подлинным верно: Товарищ Председателя Лиги Охраны животных В. Гриман.

Не лови птиц и не мучь их; они также любят свободу.

Не истребляй вообще животных и не мучь их; без них ты не можешь существовать.

Центральный государственный архив РСФСР.

Публикация **АНОШКИНОЙ Е. Э.**

ЕКАТЕРИНЕ – ПУДРУ, НИКОЛАЮ – ВОЙСКА

Однажды мы уже публиковали подборку анекдотов XVIII века (см. «Родина» № 7, 1990), и поэтому остается только напомнить о существенной разнице между анекдотами теперешними и теми, которыми забавлялось общество полтора столетия назад. Воспринимаемый как фрагмент неизданной истории, повествующей о любопытных подробностях из жизни хорошо известного лица (государь, вельможа, декабрист), анекдот тех лет вполне мог и не содержать в себе политической или иной подоплеки, к которой мы за это время успели привыкнуть.

Однажды императрица, пробегая представленные ей отчеты дворских расходов, увидела в них между прочим, что пудры для ее головы ежедневно выходит целый пуд. Она улыбнулась и вот что сделала: на другой день, по окончании туалета, вышла в приемную, молча поддерживая свою голову рукою. Придворные дамы, ожидавшие ее в этой зале, встревожились и, полагая, что это головная боль, шепнули одной фрейлине, милой и веселой, которую государыня любила, чтоб она постаралась как-нибудь развеселить ее. Эта после разных умных и веселых приветствий, обласканная уже державною рукою безмолвной государыни, осмелилась излить свое сетование о нездоровье повелительницы всей России.

— Нет, моя милая,— сказала наконец императрица,— я, слава Богу, здорова, но посуди, каково мне: ведь целый пуд пудры мне насыпали на голову.

Это был последний пуд. С этих пор он никогда не встречался в придворных отчетах.

(Лобанов М. Е. Черты из жизни Екатерины II. Древняя и Новая Россия. Спб., 1879, 1)

* * *

Екатерина в рассматривании дел, а особливо касающихся до обвинения людей или до решения участи человеческой, была так осторожна, что, кажется, сама благость не могла превзойти ее в человеколюбии. Однажды, занимаясь делами, читает она бумаги. В кабинете у ней была тогда девица Александра Васильевна Энгельгардт, племянница князя Потемкина, которую она очень любила. Екатерина, по прочтении бумаги, хотела подписать, но вдруг остановилась, подумала немного, выдвинула ящик, положила ее туда и опять задвинула. Потом обратилась к девице Энгельгардт и спросила у нее: «Знаешь ли ты, зачем я эту бумагу спрятала?»— «Не знаю, государыня».— «Затем,— продолжала Екатерина,— что надобно подписать приговор, а я чувствую себя скучною. Скука внушает суровость. В таком расположении духа не должно приступать к решению подобных дел: я уже это над собой испытала. Мне случалось, что я в веселый час, прочитав то, что решила в скучный, находила себя слишком строгою, и сама решением своим недовольна».

(Шишков А. С. Анекдоты о Екатерине Великой. Новоселье, ч. 1, Спб., 1833)

ТЕТРАДЬ

Декабрист Александр Иванович Одоевский в «каторжной артели», открытой декабристами в Читинском остроге и в тюрьме Петровского завода, читал лекции по истории русской словесности.

Курс был довольно большой, обстоятельный, читал Одоевский увлекательно, и в дни, когда была его очередь вести занятия в «академии», он являлся с толстой тетрадью, в которую то и дело подглядывал в ходе рассказа. Он начал с летописной «Песни об Олеге», а закончил обзор российской словесности на всем наиболее достойном, что вышло из-под пера отечественных литераторов в 1825 г., перед самым их арестом.

Толстая тетрадь, что служила ему конспектом лекций, вызывала острое любопытство союзников: что он там записал? Даты? Имена? Названия? Краткие характеристики произведений?

Но вот курс закончен, Одоевский с облегчением бросил тетрадь свою на кровать. Тетрадь раскрылась, и все увидели, что она девственно чиста.

«Конспекты» нужны были декабристу... для солидности.

ЗАМКИ

В начале 1826 года ежедневно в Петропавловскую крепость прибывали все новые арестанты — участники восстания на Сенатской площади, члены всех трех тайных декабристских обществ. Вдруг иссяк в крепости запас замков, которыми замыкали кандалы. Пошарили в кладовых — ни одного. В ближайшее воскресенье отправили служителей на мелочной рынок, и те, ничтоже сумняшеся, принесли замки для девичьих заветных шкатулок. Замочки были стальные с круглыми латунными вставками, на которых были написаны всяческие популярные среди девиц пожелания. Дмитрию Завалишину досталась фраза: «Кого люблю — тому дарю». А Николаю Бестужеву еще точнее: «Люби меня, как я — тебя».

Так они и любили Николая I: как он их!

(Д. Завалишин. «Записки декабриста», 1897)

КРЕСТЬЯНИН

Немецкий ученый А. -Г. Эрман путешествовал по Сибири. В одном из сел под Иркутском он встретил крестьянина в простом полушубке, подпоясанном веревкой. Эрман задал ему какой-то простой вопрос, крестьянин, прищурившись, посмотрел на странника и ответил ему... по-немецки.

— Вы знаете немецкий язык? — спросил пораженный ученый.

— И французский! — ответил крестьянин по-французски.

Ученый уже представлял, как удивятся читатели его путевых заметок: подумать только, в Сибири некоторые из крестьян говорят на двух языках!..

— Давайте знакомиться,— просто сказал крестьянин.— Казенный крестьянин его императорского величества, в недавнем прошлом майор 32-го Егерского полка — Владимир Раевский!

(В. Раевский. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1980)

* * *

Известие о петербургских событиях 14 декабря 1825 года застало (Ф. В.)Ростопчина в Москве. (...) Узнавши о них, он сказал: «Обыкновенно сапожники делают революции, чтобы сделаться господами, а у нас господа захотели сделаться сапожниками».

(Лонгинов М. Н. Некоторые черты для биографии графа Ф. В. Ростопчина. Русский архив, 1868, 10)

* * *

Все придворные говорят, что Волконский (П. М., министр двора) скуп на расходы по двору и что раз он докладывал государю (Николаю I), что посланный за границу из придворных певчих тенор Иванов не хочет возвращаться в Россию и заключил где-то контракт с театром на несколько десятков тысяч. Государь на это спросил: «А сколько вы ему дадите жалованья, если он приедет?» — «По штату, ваше величество, 800 рублей».— «Дурак же он будет, если приедет».

(Всякая всячина. Щукинский сборник, вып. IV, М., 1905)

* * *

Кто-то из иностранных дипломатов однажды позволил себе спросить у императора Николая Павловича, зачем в России умножается число войск. «Затем,— отвечал государь,— чтобы меня о том не спрашивали».

(Русский архив, 1888, 1)

Публикация
А. НЕВСКОГО, М. СЕРГЕЕВА

СЕРГЕЙ СУКТИН,
главный редактор журнала «Архитектура и строительство России»

ДОМ НА ДОЛГУЮ ЖИЗНЬ

Вспомним слова жизнерадостной песни: «Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет». Вспомним и признаемся, что, несмотря на громкие призывы уважать седины, многое у нас делается для стариков в последнюю очередь, плохо и неохотно, идет ли речь о бытовых услугах, о продуктовом «пайке» к празднику или о приеме у врача.

Есть места, где несправедливость особенно ранит. Это поселения по возрастному признаку: с одной стороны, ставшие недавно модными молодежные жилые комплексы, с другой — давным-давно существующие дома престарелых. МЖК задуманы как рай на земле: легкое решение всех бытовых проблем, полное обслуживание, какое и подобает иметь всем людям. В свердловском и одном из московских МЖК есть даже кабельное телевидение. Ну, а интернаты для престарелых...

Если мы не можем обойтись без таких домов, если и впрямь пожилые люди вынуждены уходить от детей и доживать свой век в интернатах, то зачем превращать их в некие резервации, старательно отгороженные глухим забором от всего мира? Интернаты для престарелых норовят удалить подальше от глаз людских, чаще всего за город, в «зеленую зону», оправдывая это желанием обеспечить покой для обитателей. Но такой ли тихий угол нужен старикам, такой ли покой?

В эти зоны, в эти комбинаты на тысячи душ старики попадают, навсегда оторвавшись от того места, где жили раньше, от друзей и знакомых. Судьба учиняет им еще одно испытание — одиночеством. Не лучше ли вместо этого дать им нормальное существование в окружении молодых людей? Не спешите возражать. Это осуществимо.

Представьте, что в обычном жилом микрорайоне рядом с огромными новыми домами стоит небольшое, специально построенное здание с маленькими квартирами — на одного, на двоих. Есть подсобные помещения, комнаты медицинского персонала — все, что необходимо для старых и немощных. Есть где собраться всем вместе или посидеть в одиночестве. Но нет забора вокруг дома. Его обитатели видят мир, жизнь вокруг, видят детей. Общение с людьми разных возрастов помогает им жить полноценно... Все в этом доме должно быть рассчитано не на убогое доживание отпущенного века, а на жизнь. На долгую, хорошую жизнь со множеством «вариантов». Чтобы не было ощущения, что ставишь точку, ступаешь на последнюю черту.

Вот это и было бы деятельным состраданием, необходимым не только старикам, но и их детям и внукам, чтобы те не зачерствели в собственном благополучии и довольстве.

Не идут из головы слова Ирины Леоновой, с которой я недавно беседовал (она работает в интернате для инвалидов на Рябиновой улице в Москве):

— О каком милосердии в доме престарелых можно вести речь? Знаете, какие ставки у санитарок? 95 рублей! При этом штат санитарок укомплектован на одну треть или того меньше. А отношение начальства? «Лимитчицы» — другого обращения к нам не было. Вот о чем подумайте... Доброе слово мы слышали только от жильцов дома, стариков и старух. Но это же страшно, не мы к ним с добром, они к нам... А их родственники? У всех есть родственники, дети. Представьте себе, навещают, да только обычно в день выплаты пенсии, чтобы отобрать несчастную пятерку, которая на руки выдается. Если бы этих старушек у меня было, скажем, восемь или десять, неужели бы я за ними не поухаживала? Да я бы всю душу в них вкладывала! Но когда их сорок две...

Для справки: в СССР 57 миллионов пенсионеров, из которых 200 тысяч нуждаются в постоянном уходе.

В 1972 году во Франции зародилось новое движение — университеты третьего поколения. Это курсы для пожилых людей, стремящихся наверстать упущенные в молодости возможности — учиться, раздвинуть свой кругозор. Вслед за Францией начинание подхватили и в других европейских странах. У нас же пока предел для многих пенсионеров — игра в домино в парке или беседы на лавочке у подъезда.

Вспоминается снимок из английского архитектурного журнала. Милый двухэтажный дом, который внешне ничем не отличается от соседних «обычных» домов. Разве что одним — над уютным входом написан девиз: «Стареть рядом со мной — лучшее, что может быть».

Внутри дома все устроено для пожилых обитателей не только удобно (иначе и быть не может), но и красиво, радостно. С годами планировку можно изменить, осовременить. И дом этот — не образцово-показательный, а один из множества в Англии. Вот только по облику все они разные.

Таких примеров можно приводить много. Давно с особым интересом слежу за подобными новинками по зарубежной специальной печати. Поэтому я гораздо лучше осведомлен о том, что делают для пожилых людей мои коллеги в Великобритании, США и Канаде, чем в родном отечестве. Да, собственно, и знать нечего: нашим архитекторам такого не заказывают. Но не стесняемся же мы заимствовать изобретения в области науки, техники, промышленности, сельского хозяйства. Из-за рубежа приходит к нам и мода на музыку, одежду, даже на образ жизни. Почему бы не поучиться и доброму отношению к пожилым, в чем мы безнадежно отстали? Что мешает?

Кстати, у молодежных жилых комплексов есть одна странная особенность, которая обычно даже не обсуждается: в них не могут жить пожилые люди, родители членов МЖК. Во многих из них это даже закреплено уставом.

Вспоминается, что лет десять назад архитекторы устроили интересный конкурс на планировку жилищ для семей из нескольких поколений. Представьте себе две самостоятельные квартиры, однокомнатную и побольше, которые расположены рядом и сообщаются друг с другом. В однокомнатной поселяются пожилые родители. При необходимости и желании они общаются с детьми и внуками, живущими в большой квартире. Устанут — закроют дверь.

Вроде бы никто и не спорит, что такие квартиры нужны многим. Но дальше конкурсных эскизов дело не пошло: ни одна городская организация, планирующая жилищное строительство, до сих пор не дала проектным институтам конкретного заказа на такую работу. Видно, десять лет — срок недостаточный, надо подождать еще...

Впрочем, я отвлекся. Не знаю, как кто, а я пока не замечал в нашем обществе таких неразрешимых противоречий между поколениями, которые непременно толкали бы их к раздельному поселению. И куда прикажете выселять родителей, не в соседний ли комплекс, но уже для престарелых? Тут, знаете, недалеко и до возрастной сегрегации.

Нет, это все от лукавого. Уверен, надо жить вместе, одним домом. Не спорю, в устройстве МЖК много хорошего, ценного. Но тревожит эта неестественная возрастная направленность. И кто сказал, что благами удобного жилища с необходимым обслуживанием должны пользоваться только избранные молодые люди? Это нужно всем.

Не должны молодые удалять от себя стариков, лишать тех, кто хочет, радости жить для своих детей и внуков. И нельзя лишать внуков общения с бабушками и дедушками. Чтобы не выросли они нравственно обделенными, чтобы научились понимать и принимать старость такой, какая она есть, научились бы прощать и сострадать ей. А если не научатся — кто знает, что потом изобретут они для своих пап и мам, став взрослыми и запомнив данный им урок...

Вот почему я так обрадовался, когда в свердловском МЖК ребята поделились со мной такими же тревогами. Дело там зашло так далеко, что они хотят устроить, чтобы рядом с МЖК запланировали строительство... дома ветеранов. Это нужно им, чтобы хоть отчасти уравновесить возрастной состав в районе. Но пока не получается.

Значит, отмахиваться от этих забот и сомнений нельзя. Потребность в доме ветеранов по соседству с МЖК сама по себе говорит о многом. О том хотя бы, что в социальном обосновании молодежных комплексов далеко не все так хорошо продумано, как представляется. И вот результат: из неестественного, нелепого положения свердловчане пытаются выйти таким же неестественным способом.

Недавно я поделился этими сомнениями с одним из членов МЖК в Калуге. В ответ буря негодования:

— Да вы что! Рубить на корню всю идею МЖК? Что вы предлагаете делать?

Я ответил совершенно «крамольной» мыслью: делать ничего не надо. Не надо строить по соседству друг с другом несколько возрастных «резерваций». Пусть лучше поселятся вместе старики, дети и внуки. Кто хочет, конечно.

Задумаемся об этом.

Нельзя же сводить гуманизм только к спасению раненых, утопающих или гибнущих на пожаре, забывая о гуманном отношении друг к другу в повседневной мирной жизни. Или нужны новые страшные испытания, чтобы научиться доброте?

Ведь это не чужие, не заморские, а наши старики. Сколько бы у нас их ни было, мы не можем бросить их на немощное доживание.

...Вот такие мечты. А пока... Пока не получается у нас так, как в песне. Выходит, что почетно быть молодым, а старым — позорно и страшно.

ВИКТОР СУВОРОВ

ИНСТИТУТ МАСКИРОВКИ

*«По коммунистическим законам я предатель и изменник. Я — преступник, совершивший особо опасное государственное преступление. Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР я приговорен к высшей мере наказания. Способ исполнения приговора не уточнен» — так говорит о себе Виктор Суворов, автор нашумевшей на Западе книги «Аквариум», отрывки из которой мы предлагаем вниманию читателей «Родины» *. Герой этой автобиографической книги (настоящая его фамилия до сих пор неизвестна) ничем не выделялся из тысяч своих сверстников — работал шофером в колхозе, учился в военном училище, командовал танковой ротой. Затем — резкий подъем наверх — Военно-дипломатическая академия и служба в Главном разведуправлении Генштаба (ГРУ), в том числе и в качестве «добывающего офицера» на Западе. «Гнилость и бессилие» брежневского режима Суворов видел изнутри: его книга лишена привкуса декларативной обличительности, ставшей нормой для отечественных писаний о «застое». Его решение «уйти» на Запад было выношенным и осознанным.*

* Печатается по изданию: Суворов В. Аквариум. Overseas Publications ltd., Лондон, 1987.

Меня вновь куда-то везут в закрытой машине с матовыми окнами. Я не вижу куда, и меня никто не видит. Куда же это меня — в Центральный Комитет или в Сибирь? Наверное все же в Центральный Комитет. Если бы в Сибирь, то мой чемодан со мной бы был, а раз иет чемодана, это может означать, что везут меня не насовсем, на короткий визит, с возвращением туда, откуда везут.

За окном шумит огромный город, значит, мы где-то в центре. А может быть, это Лубянка? У Лубянки на площади Дзержинского всегда такой шум, как от Ниагарского водопада. Мне почему-то кажется, что мы именно у Лубянки. Но в этом ничего странного: Центральный Комитет тут совсем рядом. Наша машииа долго стоит, потом куда-то осторожно въезжает. Сзади лязг металлических ворот. Дверь открывается — выходите.

Мы в узеньком мрачном дворике. С четырех сторон высокие старинные стены. Сзади нас ворота. Сержанты КГБ у ворот. Несколько дверей выходят в мрачный дворик. У одних — охрана КГБ. У остальных дверей охраны не видно. Сверху на карнизе воркуют голуби. Сюда, пожалуйста. Седой показывает какие-то бумаги. Сержант КГБ козыряет. Проходите. Седой знает дорогу. Он ведет меня бесконечными коридорами. Красные ковры. Сводчатые потолки. Кожаные двери. У нас вновь проверяют документы. Проходите. Лифт бесшумно поднимает нас на третий этаж. Снова коридоры. Большая приемная. Пожилая женщина за столиком. Подождите, пожалуйста. Ждем. Заходите, пожалуйста. Седой чуть подтолкнул меня сзади и закрыл дверь за мной, сам оставшись в приемной.

Кабинет высокий. Окна под потолок. Вида из окна никакого. В упор смотрит глухая стена, и голуби на карнизе. Стол дубовый. Худой человек в золотых очках за столом. Костюм коричневый, никаких знаков отличия: ни медалей, ни орденов. Хорошо в армии — посмотрел на погоны, да и начинай говорить: товарищ майор, товарищ подполковиик... А как тут начинать? Поэтому я никак не начинаю. Я просто представляюсь:

— Капитан Суворов.

— Здравствуйте, капитан.

— Здравия желаю.

— Мы внимательно изучали вас и решили вас принять в Аквариум, после соответствующей подготовки, конечно.

— Благодарю вас.

— Сегодня 23 августа. Эту дату, капитан, запомните на всю жизнь. С этого дня вы входите в номенклатуру, мы поднимаем вас на очень высокий ее этаж — в номенклатуру Центрального Комитета. Помимо прочих исключительных привилегий вам предоставляется еще одна, с этого дня вы не под контролем КГБ.

С этого дня КГБ не имеет права задавать вам вопросов, требовать ответы на них, предпринимать какие-либо акции против вас. Если вы совершите ошибку — доложите о ней своему руководителю, он доложит нам. Если вы не доложите, мы все равно о вашей ошибке узнаем. Но в любом случае любое расследование ваших действии будет проводиться только руководством ГРУ или отделом административных органов ЦК. О любом контакте с КГБ вы обязаны докладывать своему руководителю. Благополучие ЦК зависит от того, как организации и люди, имеющие раиг номенклатуры ЦК, сумеют сохранить свою независимость от любых других организаций. Благополучие ЦК — это и ваше личное благополучие, капитан. Гордитесь доверием, которое Центральный Комитет оказывает военной разведке и вам лично. Желаю успехов.

Я четко козырнул и вышел.

Меня давно вопрос занимал: как можио организовать тайную школу шпионов в центре огромного города, да так, чтобы никто не дознался. Чтоб никто нас не заснял ни по одному, ни стайкой.

А делается все просто. Центральная глыба Военно-дипломатической академии высится на улице Народного ополчения. Понятно, что никаких названий вы тут не увидите. Только оград узор чугунный, буйные заросли сирени, да колонны, да окна в решетках, да плотные шторы и часовые по углам. Но это — не главное. Тут учат только тех, кто будет работать в большой зоне, в соцлагере.

А нас, расконвоированных, тех, кто из лагеря выход иметь будет, готовят ие тут. Слушатели основных факультетов разбросаны по всей Москве по небольшим учебным точкам. А где моя точка, я и сам не знаю...

Каждое утро в 8.30 я у Научно-исследовательского института электромагнитных излучений. Знаете, около Тимирязевского парка.

Много народу. Утренняя смеиа. Проходная в двенадцать потоков. На территории объекта не курить. Будьте бдительны! Болтун — находка для врага! Перевыполним план первого квартала! Не стой под грузом! Дробит проходная мощный поток трудовой интеллигенции на реки и ручьи. Течет серая масса по своим отделам да секторам. Скрипит тормозами маневровый тепловоз. Огромный ангар поглощает шестидесятитонные вагоны. Спешит научная братия. Молча толпа валит. Все секретные. Все совершенно секретные. Вход воспрещен! Предъявляйте пропуск в развернутом виде! Заборы бетонные. Заборы кирпичные. Трубы разноцветные. Зона 12-Б.

Над какими проблемами тут работают? Лучше не спрашивать. Еще раз пропуск предъявим. На пропуске множество шифрованных значков. Каждый сверчок — знай свой шесток. Каждый владелец пропуска только в своей, строго для него установленной зоне обитает. Без особых значков на пропуске — ие выпустят тебя за зону твоего обитания. Наберем номер на диске — вот мы в ангаре. Тут вся наша группа собирается. Тут стоит огромный МАЗ с оранжевым контейнером. Наше место внутри. А там — как в хорошем самолете: ковры да кресла удобные. Только окон нет. В 8.40, когда контейнер уже закрыт изнутри, появляется в ангаре воднтель и гонит свои МАЗ по Москве. Водителя мы не видели никогда. Он даже не догадывается, что людеи возит. У иего работа такая: в 8.40 войти в ангар, сесть в машину и вести коитейиер с иеким очень опасным грузом через несколько кварталов в сосновый лес. Тут еще некий секретный объект, тоже ангар. Он загоняет контейнер туда, а сам выходит в комнату ожидания. По вечерам он делает еще одни рейс. А в остальное время он другие оранжевые контейнеры по Москве гоняет. Может, со взрывателями к атомным бомбам, может, со смертоносными вирусами, которые способны сожрать человечество, может, с аппаратурой генетической войны. Откуда ему знать, что в контейнерах. Все они одинаковы. Все оранжевые. А зашибает он, видимо, здорово. На таких нсследовательских центрах все здорово зашибают.

Из нашего оранжевого контейнера мы на землю прыг, прыг. В ангаре высоко под потолком воробей чирикает. Ему одному только секреты все видны: кто водитель у нас, кто по ночам ангар убирает, кто в таком же вот контейнере сюда к нам пищу возит и в столовой накрывает. Пока мы в зоне, никого тут нет из персонала. Столовая, и та как система клапанов устроена: если в ией открыта дверь в ангар и кто-то накрывает нам завтрак, то мы ие можем проникиуть ни в столовую, ни в ангар. Потом звонок нам, как павловским псам, — готово. Тут уж мы в столовую входим, зато иикому другие двери не откроются — автоматика. Кормят хорошо. Меня иикогда так не кормили, даже в Чехословакии. И все же зона — она и есть зона, а наш контейнер мы зовем оранжевым вороном. В принципе нас, как зэков, возят, только с комфортом.

В особой книге я «спасибо» пишу за хороший завтрак и заказ на завтра. И скорее на занятия.

Все готовы? Все.

Пять минут подышать.

Подышали? И будет.

Все в зал. Тут сейфы. В моем сейфе четыре тетради. В каждои по 96 страииц. Это на три года. Пиши конспекты убористо, больше запоминай. Хватаи информацию с лета. Бумагу приучись экономить.

Тетрадь по разведке — в руку. Сейф — на ключ. И в зал.

Преподаватель от нас кисейной заиавеской отгорожеи. Потому он нас четко разглядеть не может, но и мы его четко ие видим, хотя разговариваем без помех.

Все преподаватели и командиры — Слоны. Некоторые из них допущены к персональной работе с нами. Но большинство — может видеть нас только через полупрозрачный экран и называть только по номерам.

Каждый из них — волк разведки. Каждый провел много лет за пределами большой зоны. Но каждый из них был в провале и оттого превратился в Слона. Тот, кто в провале не был, продолжает работу в добывании или, по крайней мере, в обработке.

Провалившийся волк разведки включает системы защиты, от чего стены нашего спецсооружения плавно задрожали, и начинает:

— Вот так выглядит шпион.— Он показывает большой плакат с человеком в плаще, в черных очках, воротиик поднят, руки в кармаиах.— Так шпиона представляют авторы книг, кинорежиссеры, а за ними и вся просвещенная публика. Вы — не шпионы, вы — доблестные советские разведчики. И вам ие пристало на шпионов походить. А посему вам категорически запрещается:

а) носить темиые очки даже в жаркий деиь при ярком солнце;

б) надвигать шляпу на глаза;

в) держать руки в карманах;

г) поднимать воротник пальто или плаща.

Ваша походка, взгляд, дыхание будут подвергнуты долгим тренировкам, но с самого дервого дия вы дожны запомнить, что в них не должно быть напряжения. Вороватый взгляд, оглядка через плечо — враг разведчика, и за это в ходе тренировок мы будем вас серьезно наказывать, не менее, чем за принципиальные ошибки. Вы меиьше всего должны напоминать шпионов. И не только внешним видом, но и методами работы. Писатели детективных романов изображают разведчика великолепным стрелком и мастером ломания рук своим противникам. Большинство из вас пришли из иижних этажей разведки и сами это видели. Но тут, наверху, в стратегической агентурной разведке, мы не будем вас обучать стрельбе и способам ломания рук. Наоборот, мы требуем от вас забыть ваши навыки, полученные в Спецназе. Некоторые разведки мира обучают своих ребят стрельбе и прочим штучкам. Это идет от недостатка опыта. Помиите, ребята, что вы можете надеяться только на свою голову, но не на пистолет. Если вы сделаете одну ошибку, то против каждого из вас контрразведка противника бросит пять вертолетов, десять собак, сто машин и триста профессиональных полицейских. Пистолетиком тогда вы уже себе не поможете. И руки всем ие переломаете. Пистолет — это ненужная иллюзия. Пистолетик греет ваш бок и создает мираж безопасности. Но вам не нужны иллюзии и миражи. Вы должны постоянно иметь чувство безопасности и превосходства иад контрразведкой противника. Но это чувство вам дает не пистолет, а трезвый расчет без всяких иллюзий. Знаете, это примерно как среди монтажников-высотников. Одни из них, малоопытные, пользуются страховочным поясом. Другие — никогда не пользуются. Первые падают и разбиваются, вторые — никогда. Происходит это потому, что тот, кто поясом пользуется, создает себе иллюзию безопасности. Однако он забыл застегнуться, и вот уж его кости собирают в ящик. Тот, кто поясом не пользуется, иллюзий не имеет. Он постоянно контролирует каждый свой шаг и никогда на высоте ие расслабляется. Советская стратегическая разведка своим ребятам не дает страховочных поясов. Знайте, что у вас нет пистолета в кармане, забудьте удары ребром ладони по кирпичу. Надейтесь только на свою голову. Ваш спорт — благородный теннис...

Время летит. Зимняя сессия. Восемь экзаменов. Летияя сессия. Восемь экзаменов. Зимний отпуск пятнадцать суток. Летний отпуск тридцать суток. Я в отпуск не поеду. Я сдал сессию, но мне нужно сделать очень многое. Снова зимний отпуск, и я снова ие поеду. Почти никто из наших ребят не едет. Надо работать. Надо работать больше. Кто хочет остаться наверху, должен работать много. До зеленых кругов в глазах, до черных пятен. Нам не препятствуют. Можно ночами сидеть. Можно спать по три часа в сутки.

Наша группа тает. Подполковник: моральное разложение, сексуальная распущенность. Изгнан на космодром в Плесецк. Это тоже ГРУ, но только ссылка для провинившихся. Майор артиллерийской разведки: пьянство. Возвращен в Спецназ в Забайкалье. Тает группа. Нас было двадцать три. Теперь только семнадцать. Изгоняют тех, у кого от усиленной работы мозга начинаются обмороки. Изгоияют тех, кто не может выявлять слежку, кто ошибается или горячится при приеме решений. Изгоняют тех, кто не может изучить два иностранных языка, усвоить историю дипломатии и разведки, всю структуру, тактику, стратегию, вооружение и перспективы нашей армии и армий наших противников.

Они исчезают внезапно. Они никогда больше не поднимутся вверх. Для них находят такие места, где им некому рассказать о том, где они были. Им находят места, где работают только такие же неудачники из ГРУ. Где недоверие и провокация процветают. А вообще-то — где они не процветают?

Мы учимся запоминать лица людей. Эта активность мозга должна быть не аналитической, а рефлекторной. И потому передо мной мелькают на экране тысячи лиц, тысячи силуэтов людей. Мой палец на кнопке, как на спусковом крючке. Увидев одно и то же лицо дважды на экране, я должен мгновенно нажать на кнопку. Если я ошибаюсь, меня пронизывает легкий, но неприятный электрический шок. Нажал неправильно кнопку — и легкий удар. Не нажал кнопку, когда надо,— опять удар. Тренировки проводятся регулярно и скорость показа лиц все увеличивается. Каждый раз показывают все больше и больше изображений. Тех же людей показывают в париках, в гриме, в другой одежде, в других позах. А ошибки карают легким, но неприятным шоком.

Разведчик должен быть внимательным к номерам машин. Один номер попался дважды, значит, возможна слежка. Значит, на операцию идти нельзя. Мне показывают тысячи номерных знаков. Они несутся по экрану, как французский электропоезд. Их не иужно запоминать. Но их нужно узнавать. Аналитический ум тут не поможет. Нужен автоматический рефлекс. И его вырабатывают, как у собаки, по методу профессора Павлова. Ошибка — и шок. Ошибка — и шок.

Но номера машин могут быстро менять, поэтому нужно узнавать машины не только по номерам, а просто по их виду. А в современном городе миллионы машин, и наш мозг не способен запомнить даже сотни машин, тем более что столько их одинаковых. И тут вновь разведчика выручает рефлекс. Наш мозг способен фиксировать миллионы деталеи, но мы просто не можем пользоваться этой колоссальной информацией. Не беспокойтесь, Аквариум вас научит. Через пять лет у вас будут соответствующие рефлексы!

Мы рыщем по городу. Мы учимся безошибочно выявлять слежку. Перед операцией офицер разведки должен совершенно четко ответить самому себе: есть слежка или ее иет, да или иет. В настоящей тайной войне, к которой ои готовится, ему никто не может помочь и никто не будет делить ответственности за допущенную ошибку.

Да или нет? По заранее подготовленному маршруту я петлял по Москве четыре часа. Я менял такси, автобусы, трамваи. Из огромной толпы уходил в безлюдиые места и снова бросался в толпу, как в океан. КГБ тоже учится. Для КГБ очень важно знать свои собственные ошибки в слежке. Тут интересы ГРУ и КГБ совпадают. Тут осуществляется кооперация между двумя враждебными организациями. Слон знает, что сегодня я тренируюсь в городе. Что моя тренировка начинается ровно в 15.00 от отеля «Метрополь», который сейчас является как бы советским посольством во враждебной стране. Я выхожу из «посольства», а дальше дело Слона: позвонить в КГБ или нет. Итак, да или нет. Раз в неделю каждого из нас Слон гоняет по разным маршрутам, который каждый готовит для себя. Прошлый раз слежка была точно. В прошлый раз я был в этом совершенно уверен. А сегодия? Да или нет? Я не знаю. Я не уверен. Если так, то нужно возвратиться в «посольство» и доложить Слону, что я не уверен. И тогда ои вновь пошлет меня кружить по Москве, и завтра утром я буду обязан дать окоичательный ответ. Итак, да или нет?

Язык — оружие разведчика. Глаза — оружие разведчика. Аквариум делает все возможное, чтобы заставить своих офицеров владеть иностранными языками. За знание одного западного языка платят на 10% больше. За каждый восточный язык — 20%. Выучи пять восточных языков и будешь получать вдвое больше. Но не проценты меня гонят: не выучишь два языка — выгонят на космодром Плесецк. Мне на космодром совсем не хочется. Поэтому я учу. Иностранный язык для меня проблема — нет во мне музыкальности. Чувствительность слухового аппарата танковыми пушками понижена. Я стараюсь. Я тянусь. Но по языкам я самый худший в группе. Были хуже меня, но их уже выгнали. Я на очереди следующим. Сдохну, черт побери. Пусть произношение дубовое, я в других областях наверстаю.

— У меня та же проблема была,— ободряет Слон.— Учи целые страницы наизусть. Тогда беглость появится. Тогда у тебя для устной речи и для написания будут всегда в запасе стандартные обороты, фразы, целые куски.

Я учу страницами. Я их зубрю наизусть. А затем пишу их. Пишу и переписываю. Я переписываю эти страницы по памяти по тридцать раз, добиваясь, чтобы не было ошибок.

С глазами у меня хуже, чем с языком. У меня есть опыт из Спецназа смотреть в глаза собакам. Но тут этого недостаточно. Нас тренируют с зеркалом: смотри в глаза, не моргай. Не отводи взгляд. Если хочешь завербовать человека, ты должен прежде всего выдержать его взгляд. Дружба начинается с улыбки, вербовка — со взгляда. Если ты не выдержал первый тяжелый взгляд своего собеседника — то и не пытайся потом его вербовать: психически он сильнее. Он не поддастся.

Я выхожу на станции метро «Краснопресненская» и иду в зоопарк. Если у вас та же проблема, то приходите к закрытию — вам никто не помешает. Я смотрю в глаза тиграм, леопардам. Я направляю свою волю, я сжимаю челюсти. Неподвижные желтые глаза изящного хищника расплываются передо мной. Я сильнее сжимаю кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Глаза нужно осторожно сощуривать и вновь медленно-медленно широко раскрывать, так можно не моргать. Глаза режет, наворачиваются слезы. Еще мгновение — и я моргнул. Огромная ленивая рыжая кошка презрительно улыбается мне и отворачивает разочарованно морду: слаб ты, Суворов, со мной состязаться.

Ничего, кошка. Я настойчивый. Я приду сюда в следующее воскресенье. И в следующее. И потом еще. Я — настойчивый.

Я — шпион.

Я окончил Военно-дипломатическую академию и полгода работал в 9-м управлении службы информации ГРУ. Потом из обработки информации меня перевели в добывание. Нет, добывание это не только за рубежом.

Советский Союз посещают миллионы иностранцев, и часть из них знает такие вещи, которые интересны нам. Этих иностранцев надо выделять среди всех остальных, и вербовать их, и вырывать из них секреты силой, хитростью или деньгами.

Работа в добывании — это свирепая борьба тысяч офицеров КГБ и ГРУ за интересных иностранцев. Работа в добывании — это поистине собачья работа. Не зря нас зовут борзыми.

Я — добывающий офицер. В Вене у меня бурный старт. Не потому, что я очень успешно выискиваю носителей секретов. Совсем нет. Просто многие мои старшие товарищи очень успешно работают. И каждую из проводимых операций необходимо обеспечивать. Нужно отвлекать полицию, нужно контролировать работающего на маршруте проверки и охранять его во время секретной встречи, нужно принимать от него добытые материалы и, рискуя карьерой, поставлять их в резидентуру. Нужно выходить на тайники и явки, нужно контролировать сигналы, нужно делать тысячи вещей в чьих-то интересах, часто не понимая смысла своей работы. Все это труд, все это риск.

В Вене — товарищ Шелепин. Проездом. Он едет в Женеву на заседание сессии Международной организации труда. Товарищ Шелепин — глава советских профсоюзов. Товарищ Шелепин — член Политбюро. Товарищ Шелепин — звезда первой величины. Но не восходящая звезда, заходящая. Было время, когда товарищ Шелепин был (тайно) заместителем председателя КГБ и одновременно (явно) вице-президентом Международной федерации демократической молодежи. Товарищ Шелепин организовал манифестации за мир и дружбу между народами. На его совести грандиозные манифестации в защиту мира. Миллионы дураков шли за товарищем Шелепиным. Кричали, требовали мира, разоружения и справедливости. За это его возвели в ранг председателя КГБ. Правил он круто и твердо. Правил половиной мира, в том числе и демократической молодежью, требующей мира. Но он сорвался. Теперь товарищ Шелепин правит советскими профсоюзами. Профсоюзы у нас — это тоже КГБ, но не все КГБ, а только филиал. И потому нет в посольстве особого уважения к высокому гостю. Едешь в свою Женеву, ну и вали. Не задерживайся. Всем как-то ясно, что товарищ Шелепин вниз скользит. Был председателем КГБ, а теперь только глава профсоюзов. Если скольжение вниз началось, то его уже ничем не удержишь.

Все посольство знает, что Железный Шурик напивается до полного безумия. Лидер советского пролетариата жутко матерится. Он бьет уборщиц. Он выбросил из окна тяжелую хрустальную пепельницу и испортил крышу лимузина кубинского посла. Он сам знает, что ему пришел конец. Бывший глава КГБ прощается с властью. Буйствует.

Я столкнулся с ним в коридоре. У него оплывшее морщинистое лицо, совсем непохожее на то, которое улыбается нам с портретов. Да и узнал я его только потому, что пьяный (никто так по посольству не осмеливается ходить), да еще при охране. Кого еще пять телохранителей сопровождать будут? У телохранителей лица каменные, как и положено. В телохранители набирают тех, кто смеяться не научился. Идут они важные. Крестьянские парни, вознесенные к вершине власти. Они, конечно, не понимают, что если падение уже началось, то его не остановить.

И только на губах старшего в команде телохранителей играет чуть брезгливая улыбка. Чуть заметно его губы кривятся. Меня эта ухмылка не обманет: он не охраняет товарища Шелепина от врагов народа, он следит за тем, чтобы товарищ Шелепин — вождь самого сознательного революционного класса — не ударился в бега. Если товарищ Шелепин побежит, начальник охраны воспользуется пистолетом. Да в затылок! Между ушей! Чтоб не убежал товарищ Шелепин очень далеко. И товарищ Шелепин — заходящая звезда первой величины — знает, что начальник охраны не телохранитель, а конвоир. Знает Шелепин, что дана начальнику охраны соответствующая инструкция. И я это знаю.

Ах, если бы мне дали такую инструкцию!

Западную Европу я уже знаю неплохо. Как хороший охотничий пес знает соседнюю рощу. Я мог бы экскурсоводом работать в Амстердаме или в Гамбурге: посмотрите направо, посмотрите налево. Вену я тоже знаю хорошо, но не так, как, например, Цюрих. Это и понятно: не занимайся любовью там, где живешь. Понятно, что мои коллеги из Рима, Бонна, Парижа, Женевы знают Вену лучше меня. Они работают тут, «выезжая на гастроли». А я гастролирую там. Система для всех одна. У всех у нас одна тактика: не надо ссориться с местными властями, если можно операцию провести где-то очень далеко.

Сегодня я работаю в Базеле. Я не сам работаю. Обеспечиваю. Базель — это стык Германии, Франции и Швейцарии. Базель — это очень удобное место. Уникальное место. Базель — перекресток. Был в Базеле и исчез. Тут легко исчезнуть. Очень легко.

Я сижу в небольшом ресторанчике, прямо напротив вокзала. Вообще-то трудно сказать, ресторан это или пивная. Зал надвое разделен. В одной стороне — ресторан. Совсем небольшой. Там на столах красные скатерки. В другой стороне — пивная. Дубовые столы без всяких скатертей. Тут я и сижу. Один. На темном дереве стола вырезан орнамент и дата «1932». Значит, стол этот тут еще и до Гитлера стоял. Хорошо быть швейцарцем. Граница Германии вот там проходит. Прямо по улице. А войны никогда не было.

Симпатичная невысокая барышня кружку пива передо мной ставит на аккуратный картонный кружочек. Откуда ей, грудастой, знать, что я уже на боевой тропе. Что секунды стучат в моей голове, что сижу я тут неспроста и так, чтобы большие часы на здании вокзала видеть. Откуда ей знать, что по этим часам еще кто-то ориентируется, которого я не знаю и никогда не узнаю. Откуда ей знать, что кончики пальцев моих уже намазаны кремом ММП и потому не оставляют отпечатков. Откуда ей знать, что в моем кармане лежит обыкновенная фарфоровая ручка, которые в туалетах на цепочке висят. Дернул — и вода зашумела. Эта ручка сделана в Институте маскировки ГРУ. Внутри — контейнер. Может быть, с описанием тайника или с деньгами, с золотом, черт знает с чем. Я не знаю, что внутри контейнера. Но ровно через семь минут я выйду в туалет и в предпоследней кабине сниму с цепочки ручку, положу ее в карман, а на ее место повешу ту, что у меня в кармане. Кто-то, тот, кто тоже сейчас смотрит на часы вокзала, войдет в эту кабину после меня, снимет ручку с контейнером, а на ее место прицепит обыкновенную. Она сейчас в его кармане хранится. Наверное, он тоже сейчас сжимает ее пальцами, намазанными кремом ММП. Все три ручки — как близнецы. Не различишь. Не зря Институт маскировки работает.

Стрелка больших часов чуть дрогнула. Еще шесть минут. Рядом с вокзалом большое строительство. То ли вокзал расширяют, то ли гостиницу строят. Сооружение вырисовывается из-под лесов изящное — вроде башни. Стены коричневого металла и окна тоже темные, почти коричневые. Высоко в небе рабочие в оранжевых касках — мартышки стальных джунглей. А на карнизах голуби. Вот один голубь медленно и сосредоточенно убивает своего товарища. Клювом в затылок бац, бац. Подождет немного. И снова клювом в затылок. Отвратительная птица голубь. Ни ястребы, ни волки, ни крокодилы не убивают ради забавы. Голуби убивают только ради этого. Убивают своих собратьев просто потехи ради. Убивают очень медленно, растягивая удовольствие.

Эх, был бы у меня в руках автомат Калашникова. Бросил бы я сектор предохранителя вниз на автоматический огонь. Затвор рывком назад и жутким грохотом залил бы привокзальную площадь полусонного Базеля. Шарахнул бы длинной переливистой автоматной очередью по голубю-убийце. Свинцом бы его раздавил, разметал. Превратил бы в ком перьев да крови. Но нет автомата со мной. Я не в Спецназе, а в агентурном добывании. Жаль. А ведь и вправду убил бы и не вспомнил бы, что, спасая слабого голубя от верной смерти, я спасаю тоже убийцу. Натура у них у всех одна. Голубиная. Придет в себя. Отдышится. Найдет кого послабее, да и будет его клювом своим в затылок тюкать. Знает же, гад, в какое место бить. Профессионален, как палач из НКВД. Отвратительная птица — голубь. А ведь находятся люди, которые этого хладнокровного убийцу символом мира считают.

Слабый голубь на карнизе раскинул крылья. Голова его совсем повисла. Сильный голубь весь собрался в комок. Добивает. Удар. Еще удар. Мощные у него удары. Кончик клюва в крови. Ну ты свое дело кончай, а мне пора. В туалет. На совершенно секретную операцию по агентурному обеспечению.

Фото Юрия Мечитова.

АДЕЛЬ КАЛИНИЧЕНКО,
соб. корр. «Родины»
(Ленинград)

Дайте мне умереть...

Этот голос и эти интонации... Мучительное, почти мистическое сходство... Господи, ну конечно же! Помните фильм «Девять дней одного года» с Баталовым в роли главного героя Гусева, обреченного после большой дозы облучения ученого? Так же спокоен, философичен, тверд.

Мой собеседник, фамилии которого не знаю (он скрывал ее во избежание давления на близких), тоже получил критическую дозу — безжалостно облучен нашей действительностью. А кто, спросите, не получил? Но не каждый пойдет на то, на что решился он и пятеро его единомышленников. «Остановите Землю, я сойду» — эта стихотворная строчка запала в душу как эпитафия на могиле всякого, кто добровольно покинул этот мир. Так вот, эти шестеро тоже решили «сойти», спрыгнуть с подножки жизни. Уйти насовсем. Умереть.

Из шестерых он первый восходил на Голгофу, голодая в переходе метро «Гостиный двор» вот уже третью неделю. Первый — если не считать самого Первого, с которого-то и началось восхождение человечества к высотам духа и нравственности, и миллионов мучеников, этот путь продолживших за ним.

Рядом с моим собеседником лежала Библия, и словно сам Иван Карамазов восклицал отсюда: «Слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход. А потому свой билет на вход спешу возвратить обратно... Не Бога я не принимаю, а только билет ему почтительнейше возвращаю».

Хотя христианские законы это право и отвергают, но сколько их было, и есть, и будет еще, вернувших билет Создателю, отдавших за гармонию все, что было за душой, и так и не достигнувших ее. Психологи, занимающиеся проблемой суицидов, заметили, что самоубийц в наше время отличает большая, чем в другие времена, жестокость к себе, они зачастую предпочитают смерть наиболее мучительную, предельно шокирующую живых. Слишком велики бывают счеты с жизнью, с Богом, с дьяволом, а в конечном итоге — с собой.

Только мой собеседник счет предъявлял не себе и не Господу, а системе, стране, обществу. Их бездушию и глухоте, их неспособности искупить вину. Их забывчивости о грехах своих.

У меня во дворе живет полчеловека. Летом эти «полчеловека» всегда одеты в солдатскую гимнастерку. В своей инвалидной коляске парень курит одну за другой дешевые папиросы и с горечью смотрит на бегущий мимо мир, на несущееся рядом время. Земля не остановилась. Он не сошел. И сколько их таких? Кто считал, кто вглядывался? Хотя бы останавливался и поворачивал в их сторону голову? Так что повременим крутить пальцем у виска, судить с «высоты» рассудка и здравого смысла того, кто пытается преобразовать в гармонию мира свой предсмертный крик. Пусть ничего не выйдет из его затеи. Но помыслы его чисты и благородны. И это уже само по себе — вклад в совершенство мира. Хотя такое совершенство, ценою жизни,— абсурд... Но если вся наша нынешняя унизительная и бесчеловечная жизнь замешена на этом самом абсурде, то, быть может, прав мой собеседник: клин — клином. Послушаем его. Вдруг да услышим, вдруг да не осудим. Хотя, наверное, это-то самым страшным и будет.

— Думаете, что-то изменится с вашей смертью?

— Социальная политика властей другою не станет, иллюзий нет. Наша задача — разбудить людей; чтоб они задумались, что это за страна, что за условия, где люди гибнут вот так, мучительно, на их глазах. Они должны понять, что такие смерти происходят сегодня, хотя никто этого не видит. Умирают престарелые, гибнут инвалиды от ужасающих условий жизни, от нехватки самых простых лекарств, пищи, денег.

— А не велика ли цена такой попытки разбудить общество? И где гарантии пробуждения? Вы ведь понимаете, что в глобальном масштабе ничего не сдвинется.

— Кто-то должен начать. Почему не мы? Иным способом — митингами, сбором подписей действовать не можем, это нам не по силам, мы все инвалиды. Четверо — афганцы, двое — инвалиды детства. Я сам после филфака МГУ работал в Красноярске, оттуда взяли в Афганистан. Там в 80-м году получил травму позвоночника. Если бы оперировал квалифицированный хирург, я не стал бы инвалидом. Операция-то была несложная. И сколько нас таких, ставших жертвами не только внешней политики нашего государства, но и профессиональной беспомощности его граждан.

— У вас жена, дети?

— Я не хотел бы отвечать.

— Ну хорошо, родители?

— Мне больно говорить об этом, но, к примеру, ваша бы мама, переживая за то, что вы решили совершить такой поступок, неужели одновременно не гордилась бы тем, что она воспитала такого гражданина?

— «Гражданин» — какая-то советская патетика...

— Вы правы — человека. Такого человека, который думает не о себе, а о своем народе. Мы для себя ничего не требуем. У нас у всех достаточно сносные материальные и жилищные условия.

— Вы, инвалид-пенсионер, неужто не у края нищеты?

— Нет-нет, ни в коем случае. У нас не только пенсии. Мы все с высшим образованием. Дополнительно что-то как-то прирабатываем. Я занимался переводами.

— Какой язык?

— Французский, немецкий. Словом, это не жест отчаяния, как если бы нам грозила голодная смерть.

— Вы верующий человек?

— Считаю этот вопрос слишком интимным, чтобы на него отвечать. Скажу о другом. Я по своим воззрениям — идеалист. Платон — мой самый любимый философ. Но мой природный идеализм жестко привязан к жизни.

— А вам не кажется, что ваша надежда на то, что, умерев, вы тем самым подвигнете кого-то на возвышенные и прекрасные устремления,— это тоже чистый идеализм?

— Естественно. Но в то же время я смотрю на толпу, которая беспрестанно движется мимо меня: кто-то посмеивается, иной оскорбляет — но у меня нет ни капли злости. Потому что в какой-то степени я понимаю: озлобленность — следствие нашей жизни. И далее: если, проходя мимо меня в первый, второй день голодовки, некоторые говорили, к примеру: «Скорее бы ты сдох!» — то на двенадцатый день они без всякой патетики просят прощения, предлагают помощь. Таких очень много. Значит, что-то можно изменить.

— И вам не страшно?

— Не страшно. Немного жалко. Но эта жалость — не оттенок раскаяния, скорее — из грусти. О несовершенном, о неувиденном — не дожил. Но не дожила вся страна, если разобраться, все ее люди. Даже те, кто дотянул или дотягивает до естественной смерти. У нас попросту украли жизнь. Вот я тут соседствую с так называемой тусовкой. Ребята появляются рано утром и уходят перед самым закрытием метро, оставляя меня одного. Я и ночую здесь, в переходе под Думой. И отсюда, со своего пятачка, вижу, как наше общество равнодушно, а то и брезгливо взирает на этих ребят. А ведь если мы им сейчас не поможем, то и они будут потеряны.

— Вы считаете, что они еще не потеряны?

— Нет, это чуткие, очень ранимые души. К примеру, когда ребята видят, что приближается пьяный, они стараются оградить меня. Я их об этом никогда не просил. Или. Мне постоянно нужен свежий кипяток, пью только его, и они выручают, добежав до ночной столовой или к друзьям, живущим рядом. Их тяготит обывательский мир взрослых. Здесь же они ведут себя как хотят, говорят что желают и что нравится поют. Если бы мне сейчас было не тридцать пять, а шестнадцать, я был бы среди них.

— А вас не шокирует их пошлость?

— Они просто лучшего не видели, не соприкасались в жизни, в детстве своем с лучшими образцами человеческого поведения. Оттого и грубость. Часто, когда здесь никого нет, они садятся вокруг меня, и мы разговариваем. У многих взрослых, наверное, возникает мысль: «Вот он здесь сидит и потихонечку жует из рукава». Ребята видят — не жую. Я перед ними чист.

— Если власти насильно увезут вас в больницу?

— Тогда после освобождения я совершу акт публичного самосожжения, и голодовку продолжит мой товарищ. Власти об этом уведомлены. Их представители предлагают нам различную помощь, но она нам не нужна.

— Вы не выдвигаете никаких конкретных социальных требований?

— Наше требование неосуществимо: заставить власти не лгать. Ложью пропитано все, каждый шаг правительства. К примеру, Павлов громогласно с трибуны заявляет, что цены на детские товары не будут повышены. А поступает наоборот...

Находясь здесь, я через каждые трое суток вижу одну престарелую женщину. Всю жизнь она трудилась. Работает и сейчас уборщицей метрополитена. Женщина пережила блокаду, с трудом передвигается, но чувство страха перед голодной смертью — на пенсию ей не выжить — заставляет ее трудиться. Вот до чего доводит беспомощного старого человека фарисейская социальная политика государства.

Сегодня мы стремимся обеспечить детей максимальным запасом продуктов. Думать же надо о переустройстве жизни. Накопить на всю жизнь макаронных изделий все равно нельзя. Мы хотим, чтобы после наших шести смертей больше подобных жертв не было. Знаем, конечно, что кровь не самое лучшее удобрение, на ней ничего хорошего никогда не взрастало, можем клятвенно засвидетельствовать.

— Вам лично приходилось в Афганистане убивать?

— Нет, наша часть сопровождала колонны автомашин. Но моим товарищам из нашей шестерки, к сожалению, да, приходилось.

— Назовите имена, которые много для вас значат.

— Достоевский, Камю, Сартр.

— И что вам созвучно в их творчестве?

— Идея жертвенности. Жертвенность всегда ради высокого.

— А вам не кажется, что то, ради чего вы жертвуете жизнью, столь абстрактно, что этого просто нет?

— Однажды в круг людей, что собирается возле меня время от времени, вошла пожилая женщина и сказала: «Не верьте ему. Он не наш. Ибо наш советский человек, ничего не требуя для себя, умирать не будет». Ваш вопрос в контексте этого определения. Оправдать наши смерти нельзя. Но простить можно. Мы хотим, чтобы люди простили. Простить — значит понять. А если нас поймут, значит, все не зря и не напрасно...

Случилось то, чего он опасался. Его увезли, как сказали мне «часовые» тусовки, под покровом ночи на машине «скорой помощи» в неизвестном направлении. Против его воли. Кто-то сочтет это проявлением гуманизма, кто-то — ущемлением свободы. И то, и другое будет одновременно и верной, и ложной оценкой. Потому что в нашем обществе гуманизм и насилие — сиамские близнецы. Так срослись они за годы тоталитаризма, что разъединить их бывает просто невозможно. Вольному — воля. А вот рай ли уготован «спасенному»? Еще неизвестно, в какой больнице и какими «гуманными» способами человека станут подталкивать с Голгофы вниз. Бережно «исцелять», руки заломив за спину...

Мы искали его по всем ленинградским больницам. Тщетно. Канул человек, как не было его вовсе. И теперь лишь старенькая хромая уборщица, собирая в переходе мусор, быть может, вспоминает иногда голодавшего здесь чудака. А может, и она забыла уже. Сейчас куда ни глянь — все голодают, чего-то требуют...

Только чего можно добиться — вот вопрос. Если и по сей день в Отечестве нашем, как и прежде, люди могут уходить в никуда. Из нашей жизни исчезают и к смерти не допущены. Вернули билет Господу, но продолжают жить. Уже «безбилетниками». Где-то.

Где?

ЖИВУ ЗА ДВОИХ

Фото Виктора ГРИЦЮКА

С ЛЮДМИЛОЙ ВЛАДИМИРОВНОЙ КРУТИКОВОЙ-АБРАМОВОЙ БЕСЕДУЕТ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ «РОДИНЫ» СВЕТЛАНА ОВЧИННИКОВА

С. О. Людмила Владимировна, даже сейчас, когда нет в живых Федора Абрамова, Вы свою жизнь целиком и полностью отдаете ему. А ведь Вы — ученый, филолог, специалист по Бунину... Это что — профессия или образ жизни?

Л. В. Когда-то Абрамов сказал мне: «Ты напиши сперва книгу о Бунине, а потом обо мне». У меня готова уже была докторская диссертация о творчестве Бунина, но я забросила и ее, и книгу, потому что поняла: помогать надо Федору Александровичу, ибо он живет буквально «на разрыв». Помогать и творчески, и редакторски... А накануне той роковой операции он сказал мне пророческие слова-завещание: «Если катастрофа, живи за двоих и заверши мои писательские дела». У нас была общая жизнь. Общие интересы и общие цели.

Однажды Федор Александрович записал у себя в дневнике: «Наступило другое время, сейчас не критикуют и не предают анафеме, а душат подушками...» И вот когда так «душили подушками» его роман «Дом», когда пытались всячески приглушить его звучание, затушевать его истинный пафос, я рассердилась и стала сама писать статью о «Доме». Он возмущался, кричал: «Зачем ты тратишь свое время, это все равно не напечатают!» — «Ну и пусть! Я пишу для тебя, чтобы ты понял, что тебя понимают, что тебя можно понять». Потом, когда статья была завершена, он сказал: «Господи! Да это лучшее, что обо мне написано!» Но статью эту при его жизни так никто и не опубликовал. Хотя там не было ничего крамольного. Там было сказано именно то, о чем сейчас говорят во всеуслышание все. То, что Абрамов сказал первым. Что нужно думать об общем доме, нужно заново учиться жить, надо заново пересматривать нашу историю, нужно признать свои ошибки.

С. О. Кроме Вас, у Федора Александровича больше не было друзей?

Л. В. Были и есть, конечно, есть много. Но, во-первых, они разбросаны по всей стране. Во-вторых, те, кто считался его друзьями при жизни, не все выдержали проверку временем... Хотя есть и проверенные друзья. Прежде всего это Дмитрий Сергеевич Лихачев. Иногда мне бывает даже неловко обращаться к нему за помощью, потому что он человек и пожилой, и облечен Бог знает какими полномочиями, и времени у него нет, и все к нему идут... Но все равно я от него ни разу не слышала отказ: всегда он с добром, с любовью.

Сейчас идет борьба уж не знаю — двух, трех, пяти лагерей. В основном все занимаются междоусобной возней, столкновениями. А Абрамов был человеком, не принадлежащим ни к какой группе. Он был сам по себе. И об этом есть запись в его дневнике — после какого-то писательского собрания в Москве: «Я как был один, так и остался один». Свое одиночество в таком крупном — идеологическом, что ли, идейном, творческом — плане он чувствовал и при жизни.

С. О. А может, писатель и должен быть одинок?

Л. В. Да, конечно, но творческая поддержка все же необходима. А она была только от читателей. Всю жизнь Абрамов продирался сам — и в жизни, и в литературе. Кстати, он был очень честолюбив и считал, что здоровое честолюбие должно быть присуще всякому человеку...

С. О. Он был одинаково против как правых, так и левых?

Л. В. А кто правые, а кто левые? Сейчас уже все перемешалось... Абрамов с уважением отзывался о славянофилах, ибо славянофильство — это высокое философское течение. Но он всегда был против тех, кто спекулирует на любви к России.

С другой стороны, были люди — я даже не знаю, как их назвать,— которые обвиняли его в том, что он в 1949 году выступал против космополитов. У меня просто руки не доходят, чтобы написать о том времени. Что он не был антисемитом — это я заявляю со всей ответственностью. Но были у него заблуждения — заблуждения, порожденные временем. У него долгое время было предубеждение к горожанам. Он считал, что город виноват в том, что деревня умирала с голоду. Даже мне говорил: вы нахлебники, это вы забирали. Он нес в себе боль за русское крестьянство. Действительно, сколько интеллигентов погибло в гражданскую войну и после, сколько их выслали, скольких уничтожили, но ведь крестьян погибло куда больше — во время голода, во время раскулачивания. И на этих его больных чувствах играло партийное начальство. Действительно, в 1949 году на партийном собрании в Ленинградском университете ему было поручено критиковать Бялого и Ямпольского. Так после того как выступил Абрамов, Бялый и Ямпольский пришли к нему и поблагодарили. А в партбюро его ругали — за мягкость критики. Он и со мной спорил: «Сколько крестьян учится на филологическом факультете? Ни одного. А сколько евреев? Так кого же ты защищаешь?» А я его разубеждала...

Дело в том, что я была в оккупации. Это и трагедия, и страдание, но это дало мне огромный жизненный опыт. Я поняла, что люди есть люди — всегда и везде. Встречаются всякие — и среди русских, и среди евреев, и среди немцев. И это я доказывала Абрамову... Он кричал, не соглашался, но потом сказал, что у меня обостренный интерес к нравственным вопросам, а у него — к социологии.

С. О. Похоже, что Федор Абрамов был очень увлекающийся, взрывной человек. Это и по его книгам чувствуется.

Л. В. Да, в споре он мог наговорить Бог знает что.

С. О. А как вы познакомились?

Л. В. Я была у него первая жена, но он у меня — второй муж. Мы вместе с ним учились с 1938 года — с тех пор как поступили на первый курс Ленинградского университета, на филологический факультет. Но мы учились в разных группах, и наша была как бы элитарная, мы тогда с ним мало сталкивались. И он потом все обижался: «Ты на меня свысока смотрела...» Хотя я тоже из самой простой семьи. У моей мамы был страх перед жизнью, страх перед всем, она была против моего филологического образования, считала, что я должна получить реальную специальность. Я всегда пробивалась с великими трудами. Особенно после войны, когда нужно было поступать в аспирантуру, а на мне висело клеймо: была в оккупации... Мне помог Василий Алексеевич Десницкий, очень крупная личность, настоящий интеллигент. Я хотела, чтобы он стал моим руководителем. Я не знаю, кому он позвонил — то ли в деканат, то ли в Москву, но меня приняли. Всегда помогают какие-то хорошие конкретные люди. А мешают тоже конкретные. Негодяи. Я должна была защищать диссертацию о раннем творчестве Горького, так выступил какой-то на партийном собрании и сказал: «Кто хочет защищать диссертацию? Человек, бывший в оккупации!» Этого было достаточно, чтобы не допустить меня к защите.

С. О. Ну а что Федор Александрович?

Л. В. Абрамов-то защищал диссертацию, хотя у него мысли-то были только о романе. А мне пришлось ехать работать и защищаться в Минск.

С. О. А как Вы оказались в оккупации?

Л. В. Я первый раз вышла замуж еще в 1941 году, накануне войны. И девчонкой совершенно неразумной оказалась в положении и уехала к его родственникам в Донбасс. Началась война, мы не успели эвакуироваться, и на седьмом месяце беременности я попала в оккупацию, на год и десять месяцев. Один раз нас было освободили, но потом снова оставили. Я рожала в комендантский час, когда нельзя было и до больницы дойти. Был момент, когда арестовали моего свекра и обнаружили мои дневники — а я была идейная комсомолка,— и мне все сказали: «Ну же, беги!..» А я боялась оставить мать и ребенка, решила: будь что будет...

В моей жизни было два трагических события: смерть сына и смерть Федора Александровича. И обстоятельства этих смертей повторились... Сын заболел дифтеритом, нас только освободили, в город входили войска. Мне сказали: «Беги к хирургу». Я прибежала к хирургу в воинскую часть и говорю: «Спасите, вот у меня сын...» Тот говорит: «Завтра, завтра, сейчас уже темно». А ночью ребенок умер. Я плакала несколько месяцев, потом, помню, пошла в церковь — как-то почувствовала, что доброта священника может помочь. Он ко мне подошел и говорит: «Деточка, ну что у тебя за горе?» Я рассказала. И он нашел какие-то слова, помог моей душе совсем не пропасть...

И ведь то же самое случилось с Федором Александровичем. После того как ему сделали операцию, я прибежала в реанимационное отделение, а он говорит: «Мне плохо, у меня сердце болит». Я прошу врачей: «Разрешите мне около него находиться!» — «Нет, нельзя!» — «Ну, дайте хотя бы сестру».— «Да нет, у него все нормально»,— и показывают мне на экран какой-то машины. Я сказала: «Вы верите машинам больше, чем людям. Он же человек особый, эмоциональный, он же весь был перерезан... Вы же обещали ему легкую операцию, а делали три часа». Я пошла к главврачу, рассказала ему историю с сыном, когда так же было... И все впустую — нет и нет! Я позвонила в обком — через обком надо было добиваться, чтобы сестру посадили к Федору Александровичу! Там отвечают: мол, мы следим, он опасения не вызывает... А ночью Федор Александрович умер...

Когда я узнала, что свершилось самое страшное, первая мысль у меня в мозгу: у России отнята «Чистая книга». Это последний роман, задуманный Федором Александровичем о России, над которым он работал более тридцати лет. Там были поставлены все больные вопросы времени, затронуты все соци-

ально-философские, нравственные, экономические проблемы. Он хотел воссоздать те споры, которые шли до революции между большевиками, эсерами, меньшевиками, представителями теории малых дел, религиозно-философских обществ и так далее. Все там было завязано. Там нужно искать корни всех наших бед и несуразностей.

С. О. Неужели от книги ничего не осталось?

Л. В. Есть набело переписанное начало. Но я его не публикую, потому что прежде всего надо дать представление о масштабе всей книги. Ведь сохранились его записи споров, рассуждения о том, что такое народничество или, например, кто такой Иоанн Кронштадтский, и так далее... Я давно обещала читателям, что постараюсь все отредактировать и опубликовать.

Когда-то и «Деревню» Бунина я тоже пробивала. Ведь то, что тогда писали о «Деревне», сейчас читать невозможно. А ведь там был поставлен вопрос о России и о русском обществе. Еще там Бунин сказал жесткие, но справедливые слова, что по Сеньке шапка, по холопу и барин. Так что не все просто с народом. И Федор Александрович тоже показывал, что в народе есть и дурное, и хорошее. Вышли-то все из народа, и интеллигенция наша, и руководители наши тоже не откуда-то присланы, все — порождение нашей российской действительности, русской истории.

С. О. А сохранилась ли у нас интеллигенция? Как Вы думаете и как считал Федор Александрович?

Л. В. Есть у нас интеллигенция. Та незаметная интеллигенция, которую боготворил Федор Александрович и которую мы затюкали,— в основном провинциальная, которая делает дело и не кричит о себе. Боже, какие золотые люди встречаются! Федор Александрович о них, собственно, и писал. Ведь его герои — это и есть те, на которых земля держится. Такие, как Лизавета Пряслина и Михаил Пряслин. Или такие, как в «Траве-мураве». И мое глубокое убеждение, что в стране будет порядок лишь тогда, когда каждый вот так же добросовестно будет делать свое дело.

Но вообще-то мы вырубили интеллигенцию. Мне хватит пальцев на руке, чтобы сосчитать людей, которые умеют держать свое слово. Это страшно — мы все решаем глобальные проблемы: каким быть рынку, каким — президенту, какой — политике и так далее. Но мы не умеем самого элементарного: быть верными данному слову... Федор Александрович и об этом думал, и мы много об этом говорили, и говорили о том, что Россия должна заново выпестовать свою интеллигенцию.

С. О. А сколько для этого потребуется поколений?

Л. В. Еще Достоевский говорил, что не одно поколение должно перестрадать, чтобы выстрадать тот идеал, вернее, воплотить в себе тот идеал, который носили в душе и праведники, и подвижники, и русские писатели, которые тоже всегда были подвижниками. Россия нуждается в подвижниках. К сожалению, наша история такова, что мы пока держимся только подвижниками духа, но не подвижниками дела.

С. О. А почему?

Л. В. У Федора Александровича была идея, и я ее полностью разделяю: наша страна перепрыгнула через так называемую буржуазную демократию и поэтому не выработала личности. Личности в народе мы не знаем и до сих пор не уважаем личность. Мы уважаем должность, пост, кресло.

А как воспитывать интеллигентов? Нужно начинать еще со школы... Сейчас стали организовывать так называемые церковноприходские школы; это может помочь, потому что там слово, которое идет прямо к сердцу, желание доброты, готовность к смирению. Мы говорили: «Человек рожден для счастья, как птица для полета...» А что такое счастье, как к нему прийти? Путь-то ведь долог, труден, и нужно приучать ребенка и к терпению, и к страданию, и к умению переносить невзгоды. Федор Александрович говорил, что убеждение «Мы страдали, так пусть дети наши не страдают» — страшное убеждение. Страдание неизбежно, и нужно к нему приучать, готовить, а не оберегать от дуновения любого ветерка. Он восхищался западным отношением к воспитанию: там же ребенок рано учится зарабатывать, он понимает цену деньгам, а мы живем как нищие, и все как будто нуждаются в средствах, но найти человека, который бы убрал квартиру старому, пожилому человеку, невозможно — молодежь на это не идет. В то же время учим, что всякий труд почетен. Да, всякий труд хорош, если он не халтура... Отучили людей работать по-настоящему. Все хотят хорошо жить и много зарабатывать, но никто не хочет хорошо и много работать. Это ведь трудно, очень трудно — хорошо работать.

С. О. А как Федор Александрович относился к спектаклям по своим произведениям?

Л. В. Не так уж много было счастливых дней у Абрамова. Но было несколько таких, что окупали все страдания. Самый первый праздник — это любимовские «Деревянные кони». Ой какое это было счастье! Но при этом с какими трудами он проходил... Я помню, я была на приемке этого спектакля и все записывала.

С. О. Так надо же опубликовать эти записи!

Л. В. Я частично пытаюсь это сделать сейчас в собрании сочинений Федора Абрамова — в послесловии к самой повести. Когда начали упрекать Любимова и Абрамова за антипатриотизм, за сцену раскулачивания и так далее — вот тогда он и сказал: «Видите мою правую руку? Это единственная целая моя рука, левая прострелена, ноги прострелены... Мой патриотизм написан немецкими пулями,— не вам учить меня патриотизму».

Один из счастливейших моментов — встреча со студентами Додина, когда они еще только приехали к нам в Верколу. И еще это их спектакль «Братья и сестры». И потом дружба с ними и «Дом» — уже на сцене Ленинградского Малого драматического театра. Наверное, это было самое радостное, и не только потому, что Абрамов зазвучал на сцене, нет,— его радовало, что есть молодежь, которая его понимает. «Братья и сестры» — это и их душевная боль, их страдание, высота нравственного чувства, воспитанная и Абрамовым, и Додиным, и веркольцами. Жизнью, с которой они столкнулись, когда были в Верколе. Чудо искусства рождается, когда в основе его — истинное, когда это подлинная боль, подлинная высота нравственная, а следовательно, эстетическая.

I

Лев Абрамович Додин — это тот человек, который и поныне остается верным другом Абрамова. Кстати, в связи с этим могу рассказать эпизод, о котором я еще даже в воспоминаниях не упоминала, потому что была уверена, что никто не напечатает.

Это было в Белом зале Ленинградского дома Союза писателей на гражданской панихиде. Накануне у меня были представители Союза писателей и партии, договаривались, кто будет выступать на панихиде. Договорились, что это будет и Додин, и Белов, и Феликс Кузнецов, и Солоухин, и Лихачев... Кто сможет. И вот в день панихиды я стою у гроба, заплаканная, конечно, и вдруг ко мне подходит подруга и говорит: «Люся, Белову, Додину и Солоухину слова не дают». Я говорю: «Как не дают?» — «Так. Там, наверху, уже решили, что они выступать не будут».— «Хорошо. Ты подойди, пожалуйста, к Белову, к Додину и к Солоухину, узнай, хотят ли они выступать...» Белов и Додин выступать хотели. Я поднимаюсь наверх, где стоят представительные люди. Феликс Кузнецов тогда возглавлял писательскую организацию Москвы и делегацию. Я спрашиваю у него: «Что же это происходит?» — «Ну, Люся, я тут не хозяин». Я обращаюсь к Солоухину: «Владимир Алексеевич, так вы будете выступать?» — «Ну, Люся, тут и так много народу, я уж в Верколе, на похоронах, выступлю».— «Все ясно, вы испугались! А Белов и Додин выступать будут! С кем нужно этот вопрос решать?» И выходит женщина (тогда она была секретарь обкома): «Людмила Владимировна, ваше место сейчас у гроба». Я говорю: «Знаете что, я прожила более тридцати лет с Федором Абрамовым, и я знаю, где мое место. В его завещании было: завершить его писательские дела. Так вот сейчас только я могу этого добиться. Почему вы не даете слова Додину и Белову?» — «Вы хотите устроить спектакль!» — «Как вам не стыдно! Белов — лучший писатель, которого Федор Александрович всегда хвалил, он был близок ему, писал о России. Додин скрасил ему последние десять лет жизни своими спектаклями. Так кто же должен говорить у гроба, как не они? Которых Федор Александрович больше всего ценил, может быть... С кем надо согласовывать?» А на панихиду должен был Романов приехать. Так я спрашиваю: «Согласовывать с Романовым?» А потом меня осенило: «Словом, так. Или будут выступать Белов и Додин, или последнее слово скажу я!» Повернулась и ушла.

С. О. Вдове ведь не положено...

Л. В. А что делать? Это решило дело. Белов говорил об Афганистане, о том, что они с Федором Александровичем буквально за год или за полтора говорили об этой варварской акции, о том, что там наши гибнут. Додин тоже ярко говорил о гражданской позиции Абрамова. А это ведь был 83-й год, не 85-й. Потом, конечно, стало чуть лучше. Но все равно, все равно... Я говорю о том, что наболело, потому что это только кажется, что я с легкостью живу, печатаюсь... Еще в 75-м году, когда Абрамову дали Государственную премию за «Пряслиных», «Литературная газета» отказалась печатать интервью с ним. По той причине, что в нем он сказал, что вышел из школы Твардовского. А Твардовского тогда нельзя было упоминать! Федор Александрович вообще болезненно на все реагировал, но тут — особенно: «Как! Мне дали лауреата и мне же затыкают рот? Почему же мне не дают сказать то, что я думаю? Да что же это такое?!» И вот — 85-й год, юбилей Твардовского. А Федор Александрович в свое время задумал воспоминания о Твардовском, осталось много материалов, я хотела их опубликовать. Предложила «Литературной газете», но с условием: сперва прочту текст по телефону, а они пусть скажут, что будут печатать, а что нет, чтобы я зря не приезжала. И вот сижу у телефона: с одной стороны — страницы, которые нельзя, с другой — которые можно. Можно о Твардовском-поэте, нельзя о Твардовском-редакторе. Тогда я звоню бывшему тогда главным редактором «Советской России» Ненашеву, мы были с ним знакомы: «Михаил Федорович, скажите, пожалуйста, сейчас о Твардовском как о редакторе можно говорить?» — «Можно».— «Вот у меня есть высказывания Абрамова, а «Литературная газета» не хочет их публиковать. Может, вы напечатаете?» — «Напечатаю. Только присылайте на мое имя». Я собрала публикацию, переслала, редактор прочитал и всю целиком подписал в печать. Думаете, на этом дело кончилось? Он уехал в какую-то загранкомандировку, и номер сдавал уже нынешний редактор — Чикин. Когда вышла «Советская Россия», я ахнула! Потом звонит Чикин, поздравляет. «Какое вы имели право вычеркивать? Почему вы за меня решаете, что можно публиковать, а что нет?» — «Мы думали, вы нас благодарить будете...» — «Да вы нарушаете авторское право!»...

С. О. Я знаю, что было немало трудностей и с сооружением памятника на могиле Федора Александровича в Верколе...

Л. В. Памятник открывали 5 августа 1990 года. Его автор — один из лучших наших друзей, Федор Федорович Мельников. Проект памятника обсуждали, о нем думали, Мельников делал множество эскизов... Но на открытии не было ни радио, ни телевидения: их представители побывали в деревне в конце июля, увидели гранитный камень, лежащий на земле, и решили, что памятник будет готов лишь к концу августа. Хотя что стоило позвонить и разузнать поточнее? 1 августа приехали из Архангельска замечательные молодые ребята-гранитчики и успели к сроку. Как я молилась, чтобы не было дождя — это бы остановило работу!.. И вы представляете: кругом дожди, а в Верколе — нет! Пригласили священника из Архангельского собора, отца Владимира, он отслужил настоящую панихиду, впервые за семьдесят лет в Верколе, пел хор — фольклорный ансамбль из Ленинграда... Пинежане были растроганы до слез. А как говорили люди!.. Думаю, читателям Абрамова по всей стране это было бы интересно. Но не могу же я каждому из них сама послать фотографию памятника и рассказать о его открытии?

И вот осенью 90-го года «Литературная газета» обратилась ко мне с просьбой дать что-нибудь из неопубликованных произведений Абрамова. Я согласилась, но с условием: если дадут информацию об открытии памятника и обращение о помощи на восстановление Веркольского монастыря. «Хорошо, присылайте». Потом я звонила им три месяца каждую неделю: будут ли печатать? «Да, будем...» Я понимала, что они тянут. А материал же устаревает. Тогда я отдала его в «Советскую культуру». Он и у них пролежал месяц, но наконец опубликовали, хотя тоже без моего согласия сократили наполовину, как раз за счет монастыря и памятника. Даже фотографии памятника не дали. Так до сих пор никто и не знает, что за памятник поставили Федору Абрамову...

Федор Александрович говорил: «Самый надежный судья — совесть». Совесть и должна каждому человеку подсказывать: или не обещай, или выполняй свое обещание. Это элементарно. А у нас теперь все привыкли улыбаться и обещать, а потом не выполнять. И я с этим сталкиваюсь сплошь и рядом.

С. О. Вы верующий человек?

Л. В. Я только сейчас поняла, что в душе я всегда была верующей, христианкой, и сейчас, после кончины Федора Александровича, я приобщилась к церковной жизни. И духовный отец у меня есть.

Федор Александрович говорил, что большевики ничего не придумали, что десять христианских заповедей — это и есть то, как нужно человеку жить.

Мне было страшно трудно после его кончины. Я перенесла тяжелую операцию — все от своих переживаний. И нужные слова услышала только в церкви, от своего духовного отца. Говорю: «Я не могу жить, ибо все время нахожусь в состоянии отчаяния и уныния».— «А это грех».— «Ну как же грех, когда все отнято?» — «Просите у Бога помощь. Чтобы помог вернуться к жизни, обрести душевный покой». И года три-четыре я вымаливала это. Я понимала, что в таком состоянии я не могу по-настоящему писать, даже о книгах Федора Александровича, потому что писать надо в состоянии открытости, доброты, благостности. Искусство сродни религии — об этом тоже Федор Александрович говорил. В искусстве нельзя лгать. Человек, который неправеден в своих мыслях, не напишет большого произведения. Он добьется разве что сиюминутного успеха. Слово не поддается неправедному человеку. Слово — это тоже дело.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

БОЙ С ПРИЗРАКОМ

ОЛЕГ ОСИПОВ,
публицист

Вид дикаря, голодающего под пальмой с сочными плодами, вызывает жалость и улыбку. Все мы немножко дикари, если умудрились устроить в нищей стране самую нелепую из очередей — очередь за работой. Здравый рассудок едва ли смирится с безработицей при блистательном отсутствии продуктов, товаров и услуг. Возможно, я человек наивный, но никак не возьму в толк: неужто людям нечем заняться, когда вокруг — тотальный дефицит, полное отсутствие конкуренции и рынок напоминает азиатскую пустыню? Поэтому и страдаем мы главным образом не от дефицита рабочих мест, а от дефицита свободы, от стойкой своей приверженности «дикарским» методам хозяйствования и исчерпавшей себя экономики «священных коров». Человек у нас по сей день не волен выбирать место и сферу приложения сил, а частные предприниматели и предприятия обираются государством до такой степени, что не могут вкладывать средства в расширение производства, а стало быть, в новые рабочие места.

К середине лета, когда вступил в действие главный раздел Основ законодательства Союза ССР и республик о занятости населения — «Социальные гарантии при потере работы»,— в стране насчитывалось около 18 миллионов вакансий. По существу, налицо было омертвление основных производственных фондов примерно на 286 миллиардов рублей. Подобный абсурд стал возможен лишь потому, что экономические ведомства не прогнозировали (и до сих пор не прогнозируют) ситуацию в этой области. Десятилетиями у нас с удивительным упорством вбухивали капитальные вложения в «проекты века», в производства, которые практически ничего не производили непосредственно для людей и на которых теперь некому работать. Еще немного так похозяйствовать, и вполне можно добиться повсеместной незанятости при сплошном обнищании!

Со скрипом и вздохами, но страна все-таки поворачивает к рынку. Что мешает теперь приложить руки к «омертвленному» капиталу? Многие обстоятельства, из которых выделю только три. Первое: отсутствие режима налогового благоприятствования и льготного кредитования. Второе: неразвитость системы акционерного управления собственностью и нехватка наличного капитала у граждан, который можно было бы вложить в покупку не только пары сапожек, но и средств производства. И, наконец, третье, чрезвычайно важное,— сохранение крепостного права прописки.

О последнем стоит поговорить особо. Несмотря на принятие в некоторых республиках, в том числе в РСФСР, законов прямого действия о занятости населения, любой гражданин, потерявший работу, вынужден толкаться у биржи труда за пособием, вместо того чтобы выехать туда, где существует острая нехватка специалистов его профиля. Что значит переезд для советского человека — говорить не надо. Тем более сейчас, когда к общесоюзным лимитам и ограничениям повсюду добавляются местные запреты. Не то что в столицу, в соседний поселок перебраться — проблема.

По статистическим данным за прошлый год, в среднем по стране ежегодно мигрируют 33 человека из тысячи. В России — 45, в Белоруссии — 37... А вот в Узбекистане, например, где не устают говорить о массовой безработице,— лишь 9 человек. Так о каком перераспределении трудовых ресурсов, крайне необходимом стране, можно вести речь?

С проблемой отмены прописки тесно связана другая —создания рынка жилья. Нигде, ни в одном мало-мальски приметном населенном пункте не сыскать свободной жилплощади. Хотя на самом деле она есть (забронированная, сданная внаем, числящаяся за человеком, который живет за тридевять земель, но с квартирой расстаться попросту боится). Иными словами, для защиты от безработицы необходим и рынок жилья: нельзя создавать рынок труда и рынок капиталов поодиночке. Единственно возможна лишь *система* рынков. И только она может определить истинную цену специалиста.

Сейчас, пожалуй, ни один человек в нашей стране не знает точно, сколько стоит труд квалифицированного инженера, управляющего, а сколько — токаря или шахтера.

Попытки на государственном уровне прямо или косвенно (грабительскими налогами, к примеру) ограничивать доходы граждан и предприятий приводят лишь к нищете и структурной безработице. В этом плане показательно высказывание бывшего союзного премьера В. Павлова: «Подготовлены предложения по формированию механизма *государственного регулирования* уровня и качества жизни...» Теперь известно, что из этого вышло. Но, воля ваша, госрегулирование было известно давно, с Октября 17-го. А, может быть, мне наконец позволят самому распоряжаться своей жизнью, определять доходы и расходы в зависимости от эффективности личного труда? Как всякий законопослушный гражданин, я готов платить налоги, не совершать по мере сил ничего предосудительного... Но в остальном, в том числе в выборе места и условий труда, я должен быть абсолютно свободен от навязчивой опеки государства. Иначе мне проще будет встать в очередь за пособием, а не ломать голову над тем, куда наняться — к частнику или на госпредприятие.

Побывав на многих биржах труда и в центрах занятости разных регионов нашей несуразной державы, я убедился: сюда обращаются не столько те, кто действительно не может найти работу, сколько скованные бюрократическими цепями либо ищущие дополнительных благ. Видел беженцев, лишенных прописки; классных инженеров и квалифицированных рабочих, высвободившихся с удушенного налогами малого предприятия и не желающих «горбатиться» за гроши; молодого строителя, занятого поисками места, где бы ему гарантировали быстрое получение жилья; специалиста по холодильным установкам, которому предлагали либо переучиться, либо уехать из Москвы...

Конечно же, рано или поздно мы столкнемся с проблемами истинной безработицы. Несомненно, к этому надо готовиться загодя, создавая все условия для помощи незанятым людям, гарантируя им переподготовку и пособия. Но пока мы все же воюем с призраком, не желая сделать элементарного — на деле раскрепостить человека, помочь ему подготовиться к рынку труда, на котором уверенно сможет чувствовать себя только квалифицированный работник, а не, извините, «полуфабрикат» из советского ПТУ или вуза.

ЮРИЙ МАМЛЕЕВ

БЛАЖЕНСТВО И ОКАЯНСТВО

(поэма-легенда)

В окаянные дни лета 1699 года блаженный Ивашко пробирался дремучими дорогами на север к Неве. Был это тот самый блаженный, который в 1672 году сентября первого дня целовал утробу Великой Государыни и Царицы Всея Руси Наталии Кириловны, супруги царя Алексея Михайловича. Целовал же он сию благодатную утробу по случаю пребывания в ней будущего Императора и Строителя Всея Руси Государя и Его Величества Петра Первого.

Случилось это так. Вместо того, чтобы поцеловать руку Государыни, как положено, блаженный попросил у нее разрешения приложиться к утробе, потому что будущий Государь Петр, находящийся сейчас в ее животе, будет владеть «великим костылем» (то есть императорским скипетром), высота жития его будет 53 года, широта владений — необычайная и что «великий страх на всех нагонит». С дозволения самого Государя Алексея Михайловича блаженному разрешено было поцеловать живот царицы.

С этих пор утекло много воды. Государь Петр Алексеевич уже во всю правил Рассеею. А блаженный еще дальше ушел: уже не виделись ему будущие царства, государи, императоры и поэты, а виделось ему нечто уму непостижимое. Далеко, ох как далеко он залетел! А началось ведь все с пустяка: блаженного укусили в язык. С великого горя этого он попал в тюремную яму, в городке Тьма, где еще не распознали его как блаженного. А когда распознали — с почетом выпустили, медом и веригами наградили и целовали в беспамятстве. Но за ночь одну в яме блаженному было видение: луч в ореоле тьмы и сказано было: узришь то, что ни одному блаженному не зрелось.

И с тех пор началось! Куды там иные озарения, и даже о конце мира сего, поганого и скучного, говорилось только как с запятой. Точки же и буквы были совсем другие. От букв этих Ивашко совсем одурел: раньше был юродивый как юродивый: слюну пускал, чесался, события будущего раскладывал, глаз был светлый. А опосля этого глаз стал дурной и какой-то неподвижный. Неподвижность была тяжелая, так что при случае от взгляда такого колокольня Ивана Великого могла бы вполне заходить, а то и заплясать в присядку.

И от глаз его поэтому все отворачиваться стали, когда они, конечно, становились такими нечеловечьими. Не всегда же выражение их было столь сверхъестественно, в другое время было оно, как и прежде, веселое и дурашливое, только еще более дурашливей, чем раньше. Известно, что от ума одна только скука. Блаженному даже пляс его стали прощать, которым он чудовал после жития в яме: плясал он теперь с железными веригами, в крови, в ранах, но это было лишь внешнее. А внутри — радость в нем лютовала чудотворная! Медведи от него обычно прятались.

Но о буквах, о точках этих — блаженный ни-ни. Да и кому такое скажешь! Еще можно прошепелявить о Небе, о том, что будет после нескольких концов всяких миров, о том, что было, есть и будет, о вечности, может быть, о том, что будет, когда ничего не будет, но о том, что Ивашке привиделось, никак и прошепелявить нельзя. Тогда понял блаженный, что недаром ему прикусили язык: знак это был о Молчании. Прикусывал, правда, огромный лохматый купец, обвиненный потом в шумстве, буйстве и опойстве.

Итак, после злоключений всяческих шел блаженный на север далекий, на Неву — Нарву, где одна вода была, топи да болота, кое-где леса да маленькие деревушки. Говорить обычные слова он, конечно, мог: укус был несильным и к тому же только символичным. Дорогу ему указывали святые.

За год до этого похода блаженного в те места вообще был наплыв юродивых. Никогда еще там такого не случалось. Деревушки на Неве были тихие, спокойные, работящие, малочисленные; недалеко крепости шведские, много народу вообще разошлось: к Новгороду, к Торжку, а то и к Твери.

Наплыв особенно явен был в деревушке Безлюдове: и всего-то в нем было дворов десять, а юродивых вдруг пришло человек двадцать, а то и больше. Пришли скопом из лесу, а деревенские обомлели, хотя поклонились: куды, мол, идете, страннички? Страннички ответили: «Куда Бог поведет» — и расположились. Вся деревушка сбежалась к ним, как на покой; юродивые сначала утешались да в очи деревенских, как в воду, смотрели, а потом вдруг такого наговорили, что одни дети малые вокруг них остались. Отнесло деревенских мудростью.

А потом страннички исчезли не то в лесах, не то в топях да в болотах, словно растаяли за туманом. И уже стали шептать в деревне бабы безмозглые, что это-де бесовское наваждение и никаких крестов православных-де на юродивых не было.

Получилось такое злоемыслие потому, что древней бабке Агафье в этой деревне к зиме привиделось ночью, будто луна сквозь тучи — космы черные — выглядывает, а юродивые эти при луне голые, без крестов, пляшут как окаянные. Правда, за бабкой этой самой водились путешествия на Иванов день в рощу священную, под липу великую, где в согласии с верой предков на костре сжигали белого петуха, пили, плясали и плакали, бормоча. Грусть свою в огонь бросали. От того и бабка та была как опаленная.

Вот в такие-то места и брел летом 1699 года блаженный Ивашко. Первый отдых был в Новгороде. Блаженный там ото всех прятался. Толпа бородатая, толстозадая за ним: утешь, умаяли душеньку буйством и окаянством, о Боге и Царствии Небесном расскажи! А Ивашко после своего переворота толком — по-блаженному — уже ничего не мог рассказывать; только для себя о Боге говорил ум его, в полном молчании. И потому прятался он ото всех: то под избою в земле, то в лопухах у стен монастырских, то у старушек особенных. А больше всего из мирского его тянуло на дно: там среди людей спокойных, пьяниц и ошалевших ему совсем тепло было от духа их.

Облюбовал он одно похожее на корчму «заведение» на краю Новгорода, рядом с оврагом стояло, внизу — лопухи, кусты пыльные да ветер. «Корчма» находилась в обычной избе, похожей, впрочем, на деревенскую баньку, только побольше. Никаких углов; одна большая комната как горница, да подслеповатые маленькие оконца в стороне; впрочем, уголки какие-то были, в отпадении: печка, на которой отсыпались «свои», места за ней, зело темные, так что свет Божий из окон еле доставал. «Корчма» вообще отличалась своей сдержанностью.

На крылечке обычно стояли нищие, просто так, для порядка. Ивашко крутился тут на правах «всем непонятного». Более понятен был Егорий: человек свободный, не холоп, но и не господин. Питие для него было вид покаяния. Он каялся во всем, особенно же в том, чего не было, и пил, а вообще любил бродяжничать.

В первый день своего знакомства блаженный засел с Егорием за ведерком пива в огороде под забором. Огород расстилался за «корчмой» преогромный, и пьяницы часто прыгали в него за «овоцом».

— Сие одно жажду мою утоляет,— приговаривал Егорий, опуская лицо в ковш.

Блаженный был задумчив. Егора он уже знал, как своего меньшого брата. Не загадка он был для него, хотя и любил он Егора.

— А што, Егорий,— спросил блаженный.— Ты знаешь, ты хто?

— Ну, хто?

— Поле великое, вот ты хто. Пойдем со мною на север в болота.

— Не озорничаешь?

— Отколе? Это ты зря.

— С тобою не умрешь. Живота не лишишься. Тебе всякий хлеб подаст. А у меня рожа разбойничья, хоша я токмо добрый человек. Не век же мне медведей шутить. С тобою я на край света пойду.

— Только покайся.

— Изволь, нечувствия во мне нету.

Братцы ушли разговором в далекое. Помянули Китеж-град невидимый, да и времена смрадные, тяжелые не забыли. А идтить решили через десять дней вперед.

Нищенка около них вдруг появилась. Была она вся ободранная, неизвестно в каких летах, хотя молодая, и босые ноги ее были странно нежные.

— Пивка не буде, отрадные? — спросила она.

Была она раньше знаменитою плакальщицею, и ни одно великое похоронное происшествие в городе без нее не обходилось. Плакала она так надрывно, что, кажись, покойники во гробах шевелились. За искренность в стоне ее и почитали. Плакала она плакала, а потом спилась, и прогнали ее со всех действов в шею. Оттого и такая загадочная стала.

Блаженный очень любил ее душою, потому пива отлил малость, с полковша, только чтобы пожалеть.

— Катерина, Катерина, не улетай птицею, не улетай... посмотри, ты ишшо в теле. Беги пианства, потому жить нам надо, жить. И душу жалей.

— Как не жалеть! Я ведь богомолица стала теперь о своей душе. Вчерась почитай сколько простояла без единого куска.

— Ах, ласковая! Не смутись пред Богом, пред душою со своею. ...Не пужайся пред ее бездною токмо!

Из кабака доносились крики. Далече по пыльной дорожке брели к корчме друг за дружкой веселые, темные, одинокие люди. Наступало время свободства — гульбы, полета и лихости. Катерина умилилась, великий плач по покойникам уже давно превратился в ее душе в чудотворение. Расширенными, но где-то запрятанными, тайно-красивыми глазками глядела она перед собою на трынь-траву, на дорогу. Изменялась ее душа чудесным образом.

До заката стояли здесь в корчме плач, пение и безумие тихое. Так что блаженный решил ускорить время отхода. «Улетишь ты, Егорий, в чертоги чортовы из-за етога пианства,— сказал он,— меры в нас нет. Отыдить надобно. В дорогу...»

И побрели они из славного Великого Господина Новгорода под колокольный звон. Скоморохи, тяглые люди, деревни, поля без конца и начала, леса чудодейно дремучие, озера синие — все им поклонилися. Местные юродивые боялись блаженного. «Ты уже не токма наш, Ивашко,— робко говорили они.— Ты вона какой стал, без всякого подобия... Ангелов не спугни...»

— Ужести, ужести! — шептались старушки в самих себе.

А блаженный с Егорием шли просто так: себя показать, мир потешить, на небо и землю наглядеться. Егор порой запивал, но ненадолго. Душа у него была бродячая, детская. Уже подходили они так, куролеся, но в тишине, к реке Неве. На пути деревушка Сидорово лежала.

А в деревушке той всего три дня назад произошла история. Сама деревушка была гораздо полупустая и непонятно чья: швед был недалеко. Часть людей ушла в лес, поближе к роще священной, липе вековой, где петь и шептать вокруг костра можно было. Часть подалась в Московию, в Тверь. И в избушке одной поселились бывшие разбойнички, отбившиеся от атамана и решившие «правды не в убойстве поискать». А где ее искать, еще не знали. Потому и загуляли, запили, запропали и, опохмелясь, с тяжелыми головушками в избушке оказались. Приходить в себя стали, отмываться, задумываться.

В один такой вечор после раздумия спать легли. Один из бывших разбойничков, Алексей, был по их понятиям почти святой человек: не только в «убойствах» не участвовал, но и вообще был как «сторонний»: ни разбойник, ни бродяга, ни холоп, ни господин, а так, невесть откуда взявшийся. Любил по обычаю низкие потолки, землю, мед-пиво, берег реки, тишину и бытие, а больше в глубине души ничего не любил. Раньше имел он к удовольствию дом, бабу-женку и бытие это в маленьком глухом городке, но по злосчастной судьбе его занесло.

Алексей спал обычно не в избушке, а в траве, что рядом, у скамьи, благо лето было жаркое. И вдруг раз — среди сна — шорох какой-то злоеверный слышит. Такой шорох, как будто не от человека и не от зверя.

Открыл глаза и не покаявшись взглянул: все на месте, лес синел, избушки темнели вокруг. Но по лужайке, словно из лесу, но вроде ниоткуда, шла белая, не благая светящаяся, фигура будто бы человека. Личико оной фигуры Алексей не разглядел, но ужасть от всего вида была большая.

— На меня идеть аль нет,— успел подумать Алексей, обмерев,— токмо бы не на мя...

Свет от фигуры сжигал его, хотя свет был какой-то холодный, как будто он исходил от мертвого тела, если бы мертвые могли вдруг светиться. А ужасть Алексею в ноги ушла: одеревенел он без плача.

Фигуру будто бы человека словно вел за руку некто тяжелый, но невидимый. Ступая поэтому как медведь, она или оно шло, не сворачивая, к избе, мимо Алексея, не взглянув. И припало вдруг к окну, так что Алексею фигура была видна токмо со спины. Алексей на этой спине и застыл. Была она неподвижная, нечеловечья, и зад очень не походил на зад, словно это уже было другое место. И очень крепкая, не мирская спина эта была. Дух от нее шел не наш. А лицом «оно», видимо, вглубь избы смотрело, хошь и темень кругом была беспримерная.

— Доколе терпеть...— подумал Алексей.

И тут нашло на него изнеможение полное от присутствия нього. Напоследок узрел он только: «оно» стало вертеть спиной...

Очнулся он утром, точно его били кнутом. И вместе с тем как будто кто-то его выпил.

— Чаю, живы мои,— подумал.

Разбойнички едва были живы, хотя гораздо не в себе. Бледные, под глазами круги и без топоров. Алексей рассказал. Старшой не поверил.

— Болящий ты, Лексей, болящий,— ответил он.

Но другие устыдили старшого: ходют к нам беси, дело верное. Или души умертвленных. Тикать, мол, надо отсюдова. Тот, кто рек про побег, плюху получил от старшого по морде.

— Я те убегу, блядин сын,— пригрозил старшой.— Раз души иховы к нам идуть, значит, прощают. Просто так с того света не придешь. Сидим здеся до конца.

— А я хоть удавлюся, а на травке почивать не буду,— вставил Алексей.

— Спи в избе,— ответили ему.

После раннего обеда соснули разбойнички где могли, сил набралися, а в новую ночь они их совсем покинула. Со сна встали яко ими из пушек стреляли. Неповадные.

Старшой, и тот руками развел.

— Отпадение,— говорит.

Как раз в это время по пути к Неве — не-матушке — блаженный с Егорием к деревне этой и поднялись. Разбойники им сразу в ноги: раз странники, значит, Божии. Орут: «Подсоби! Старшой тикать не велит, да и не с чего, беси не беси, а сил, вишь, нет, якоже в вертепе!»

— Не убоимся,— захохотал блаженный.— Егорий, в вертеп!

Вериги сложили в избе, раны блаженного зализали; а Алексей Егорию и блаженному понравился: все поминает про бабу, про берег, про реку (а рекам многие тут молилися) и про бытие...

Ребятушки всплакнули: грехи, мол, везде грехи. И Царствия Небесного не видать. Старшой немного опился.

День быстро прошел, словно его пихнули. Темнеть стало. Разбойники судьбину свою не поносили, а учинили спанье. Алексей один глаз не смыкал, а другой у него усиул. Блаженный лег в сенях, но дверь из горницы в сени открыли: для спокойствию. Егорий же разлегся в хлеву.

Среди храпу и Божьего трепета Алексей к утру проснулся — от тревожности. И привстал на палатях. Глядит: фигура тая около блаженного стоит.

— Ну, конец,— одеревенел Алексей, а глаза помимо его воли смотрят. Блаженный как дите раскинулся, ногу задрал, лапоть еле держится, и спит. А «оно» к нему подбирается: тихо, с движениями зело тяжелыми, яко члены его не из мяса сделаны. И белая жуть все застилает. Руку «оно» подняло: пошарить на горле блаженного. И будто запело что-то. Фигура опустилась и припала к блаженному.

Ума у Алексея уже не было, но глаза — нахальные — смотрели. «Умертвление»,— прозвучало в душе.

А «фигура» вдруг словно завелась, и так плечиком поведет, и эдак, спинку выгнет и носом шмыгнет совсем в умилении.

— Что-то с ней не то,— удивился Алексей.

И «фигура», правда, как-то разом ослабела. Не блаженный ослаб, а «оно». А блаженный спит. «Фигура» же совсем как баба виляться стала; не то труп, не то девка. И все рылом, как кутенок, в локоть блаженному суется. Точно в сети невидимые попалась или обезумела от благости. И вдруг зрит Алексей: рука блаженного — во сне — поднялась и за ушком у нечистого почесала. Ласково так и простодушно. Алексею почудилось, что нечисть запела: тихо, но по-поросячьи или яко ребенок. Совсем оно расслабилось, как на похоронах, руки раскинулись, и заметил Алексей, что оно уже стоит на коленках.

И потом слышит Алексей, что блаженный со сна говорит: брысь!

И нечисть поползла прочь. Тихо глянула в сторону, и Алексей лик ее узрел, ох уж и чело было! Зубы что кости трупные, лицо в зелени и чудесах, а заместо очей — черные впадины, пещерные, но которые смотреть по-своему могли. Ибо нечисть ими поводила в разные стороны. И запах изо рта шел — зело смрадный, как будто не живот у нее был, а могила гниющая. Струйка крови с губ стекала.

Когда все прошло, блаженный проснулся и Алексея поманил. Дрожа словно в росе, Алексей вынырнул с блаженным наружу, на лужайку. Тихо, никого нет, утреет, птички поют, свежо.

— Ты чаво? — заморгал Алексей.

— Я ему исть давал от себя,— заулыбался блаженный.

— Исть?

— А то как же? Кажная тварь исть хочет. Ети нутрятся душой человечьей и кровию. Но я ему другово подбросил.

— Он сдох?

— Ишь ты, сдох! Он — бессмертный такой.

— Так он труп?

— Етот не труп, а демон. Бери повыше. Только вид трупий.

— Да ну?

— Я демонов люблю кормить,— блаженный подпрыгнул на лужайке через себя.— Они как кутята меня слухают. Щенкам надо подсоблять, они Богом обиженные. Хошь я не ихний, а жалко. Диавол, он, вишь, как кутенок, хоть и миром правит: эка невидаль — мир...

— Ишь, чертохульник,— испугался Алексей, перекрестясь.— Ентого кутенка ежели повстречаешь... Но ты ведь почивал?

— Да ежели бы я глаз открыл, он бы не сбег. Хоть и бессмертный, а попортился бы...

Блаженный опять подпрыгнул.

Алексей упал.

Разбойники спали.

...Наутро, ближе часам к девяти, сидя за чугунком, блаженный жмурился: никто к вам, ребята, уже не придеть...

Ребята как-то сразу поверили, тем более ночь для них прошла спокойно. Зевали спросонья, крестя рты. Алексей дул в ложку с кашей, как в чертог. Егорий разговаривал с листом березки.

— Эх, сюды бы девок в сапожках,— загудел старшой.— Да хоровод, да средь берез у речки!

— Сельские здеся совсем одичали от шведа,— вздохнул другой.

— И от шведа, и от ведмедя,— поправил третий.

— Ведмедей тута нет,— перебили его.

— Да бродит один... ручной,— подмигнул блаженный.— В Санкт-Петербурге городе...

— Чаво?! — старшой чуть не упал.— Таких городов нету...

— Нету, так будет,— замурлыкал блаженный.

...С оврага слышалось пение русской девочки...

Когда все успокоилось, Алексей отошел с блаженным в сторону. Рядом был Егорий.

— Лексей, пойдем с нами,— рече Егорий.— Ты нравишься.

— Я не в себе. Твой-то,— он кивнул на Ивашку.— С демонами, а может, и с ангелами, как со щенятами... Я в безумие впаду. Никогда не было.

— А ты спомни про бытие,— улыбнулся блаженный.— Забудь о чертях. Ты у нас крепкий, как лес. И тя к разбойникам случаем занесло. Баба, река, даль... И ничего нет. Ничего. Крыльцо. Самовар. Леса. Ты только чичас капельку тронулся, но я тя беспокоить не буду!

— Поволочимся без смущения,— вздохнул Егорий.— Ишь, солнце какое! В Безлюдово, а там куда Бог пошлет!

И пошли они в Безлюдово. Здеся уже все Невой дышало. Блестела где-то даль реки; в излучинах прятались острова; туман вставал как леший; но лес еще был крепок, и стар, и могуч.

В Безлюдове уже полны были местные сказаниями о нежданных прошлых юродивых. А тут еще трое новых подошли. Один — совсем шальной, как спившийся поп; два других — потише, но тоже хороши. Алексей, правда, благообразен был. А Егорий совсем забродяжился.

К их приходу над Безлюдовым опустилась мгла. Это с воды дул вечерний ветер. Еле-еле шие огоньки мелькали в окнах.

— Ишшо без конца мира сего! — хохотал блаженный как сумасшедший.

К его чудным словам Егорий и Алексей привыкли. Алексей токмо покачивал головой да чесал в затылке.

...Зеленые печали вставали над Безлюдовым. Обмирание ночи шло от сердца к сердцу. Только нежно ахали во тьме бабы. Да босые девчонки кружились от места к месту. И тепло крови разливалось по всем, даруя жизнь. И ухала в лесу верная птица.

Странички устроились на ночлег в сене. Пахло лошадьми, сушеной травой — и землей. Ивашко покатался по ней, прежде чем почивать. Алексей подложил руку под чело. А Егорий вдруг пошел искать балалайку во тьму дворов, где пели нежно-глубокие родимые голоса.

Уснули они все под дальнюю деревенскую песню, но падающую точно с неба.

Наутро бабка Агафья, повыв, ушла в лес. Вернулась с кореньями и травами для девок — заповедное место вблизи знала. Но окромя ее никто к тому месту не приближался: лесовой путал. Травы — чтоб девушкам силы потаенные вливать, чтобы цвело все в грядущее. Чтоб даже петушки на воротах пели.

Но с юродивыми — с недавними, кто приходил до блаженного — дело было плохо: безумствие некоторым на ум нашло. Откудова их так много в здешних нелюдных местах? Потом вроде не по-хорошему плясали они при луне, сама Агафья сказывала. Кто они?

А блаженный с Егорием и Алексеем отдыхали вовсю. Из сеновала не выходили. Но в деревне два-три умудренных человека были. Отозвали Егория, поклонились:

— Сусем мы истеснялися умом. Твой-то может нам в помочь.— И рассказали про все.

Егорий почесался: «Изволите с медом и с кашей, тогда подсобим».

...Ввечеру блаженный сам, незаметный, пришел на скамью под воротами. Умудренные — рядышком, в тишине. Егорий с Алексеем — поодаль, в меду. Без бабки Агафьи обошлися. Только песня хороводная за околицей слышалась. И мокрый туман ей вплочен.

Блаженный показывал на пальцах, чего-то шептал, хлебушек дал на всякий случай.

Недолгий разговор был.

— Ну, чаво? — рече Егорий у блаженного опосля.

— Медку отлей, медку,— вступился Алексей за блаженного.— Вот чарка для сво.

— Он и тако у нас медовый. Ну, отливай!

Блаженный похлопал себя по ногам. Сидели в траве с ведром.

— Может, и взаправду окаянное это было шествие. Я же не зрел в том. Яко тот бес, многие из нечестивых рыло на себя чужое надевают. Для смущения. А из-за чужого рыла — самой твари не видать. Народ и бестолкуется. Но я хлебушек дал такой — все равно смахнется, хто б ни был. Уйдут. Но изыдут-то токмо в другое место. Ой-ей-ей! Легка земля становится для всякой причудливой твари! Странствуют страннички! Эх, тяжело вам будет! А?!

Спалось в эту ночь легко. Одни ели шелестели в умах.

— Никого не вспоминати! — погрозил блаженный во тьмс... А наутро сказал: поведу вас на место, но вернемся к обеду назад.

И пошли к «месту». Берег Невы то был. Впереди — куда ни глянь — вода, равнина, острова.

Они одни втроем — стояли у пустыни сей. Токмо ветер, как птиц неких, их обдувал. Блаженный, Егорий и Алексей.

— А ну, братва, повторяй за мной,— нача блаженный:

— И здеся Богом суждено
В Европу прорубить окно.
И махнул ножкой в лаптях.

Робята обомлели.

— Опять заговор? — спросил Алексей.

— Чудотворные слова? — качнулся Егорий.

— Вижу, вижу, все вижу! — закричал блаженный, смеясь.

«Все вижу»,— отозвалось эхо. Токмо ветер гулял по пустыне, токмо покачивались сосны и березы.

...Несколько лет прошло с тех пор, как на берегах Невы блаженный Ивашко напевал провиденный им в беге времени отголосок великих стихов.

...За это время царь Петр Алексеич развернулся во всю ширь. Уже возник, в чудесах и славе, на этом месте город — Санкт-Петербурх, Парадиз. Вместо елей рвался к небу шпиль Петропавловского собора. Грозно стояла рядом крепость.

Тут же вольно раскинулась Троицкая площадь — центр великой Империи. За Троицкой площадью — домик Петра: низенький, деревянный, уютный, скрытый, не изба, но и не дворец. Дальше — набережная и главная улица — ряды дворцов вельмож Петровых, строителей града славы России. За ними — посад. А вокруг — без плана — слободки людей всех ремесел. Съехались все: дворяне, солдаты, посадские люди, пушкари, оружейники, монетчики. Но уже прорезывались первые прошпекты, немосковской строгой красотою сиял Летний Сад.

«Петербурх не устоит за нами: быть ему пусту» — этот испуг царевны Марии Алексеевны, сестры Петра, не сбылся.

Колдунов только да юродивых в Петербурге было маловато. Последних Алексеич Петр не жаловал, больше уважал астрологов — особенно заграничных. Из-за страха лишения живота своего многие странные люди сторонились Петербурга. Однако же в тайне все было: и обмирание, и шепот, и благочиние, и самовольство, и, конечно, безумие пресветлое...

Волею судеб дальняя плакальщица Катеринушка перебралась в Петербург. Куролесил где-то неподалеку Егорий. Да и блаженный показывался. Один только Алексей отбился: нашел он, в конце-то концов, в глубинном зеленом городке у речки «бытие». И до того в нем закоснел, что знать ничего не хотел, хотя блаженного и бродягу Егория уважал. О царе же Петре Великом, грешным делом, стал нехорошего мнения: что с него-де, с царя, надо снять штаны и выпороть за унутренние дела (за битие же шведов — похвалить).

Конечно, это мнение Алексей хранил про себя.

...Чудной одной ночью, в лето 17... года над Петербургом был мрак и дождь и стон. Черная вода металась как заговоренная. Хлестал ветер, разнося дождь в стороны, обрызгивая стены домов.

Нежная плакальщица, нищенка Катерина пряталась в доме у купчихи вдовы Анисии. Анисия любила Катерину за кротость и опойство. У Катеньки от водки уж аж личико вспухло, но она вдруг как-то тайно похорошела. Если б не ее пугающая кротость, то быть бы ей в полюбовницах какого-нибудь белотелого петровского вельможи-чудака. Но судьбина ей иная быть...

Малочисленная челядь безвинно спала в доме. Одной Катерине от какого-то злоеверия не спалось. Зажгла свечи и заметалась по своему терему-комнатке.

И вдруг: чует, кто-то сзади с окна в спину ей смотрит. «Обернуться, ей нет»,— подумала она. А холод так все внутри и сковывает. И чует еще: если обернется, то конец ей, погибель. Лопнет сердце и кровь превратится в ничто.

Нельзя оборачиваться, но и молитву читать — сил нет, онемела душа от страха, не токмо язык, но и ум не ворочается. Стой, как сосулька, которой не будет.

Но посмотревший вдруг исчез. Катерина — обырк на пол, свалилась в обморок, чтоб душу сохранить.

...Тем временем рядом по немощеной улице шли две фигуры, видимо людей. Дождь словно проходил сквозь них. Но зналось, что тут прошел кто-то другой — невидимый и огромный. Прошел и исчез — может быть, навсегда, а эти фигуры — токмо тени, плевки его.

Но плевки зело страшные, до изнеможения, в виде людей. Один почему-то погрозил рукою. На луну. Хотя никакой луны не было.

...С утра Катерина заметалась: что было, что было! Где Анисья, где мирна челядь?! Но в доме никого не было: беспросветная тишина. Хошь бы вздох спящего почуялся. Катерина обошла — на босу ногу — все комнаты, все чулаиы, все дыры: никого нету, как сгинули. Один хлеб да чарки для меда на местах.

— Ето погибель... Раз в тыщу лет такое бывает... Бежать, бежать,— подумала Катерина.— Бежать.

Выскочила на улицу. Прошлась немного. Все было

спокойно: могучий город не замечал потери, он жил, он был неразрушим, он был полон людьми. Исчезновение коснулось только одного места.

— Бежать, бежать,— стучало у Катерины в висках.

Безысходная тоска заломила ее: и была эта тоска не обычная, живая, рассейская тоска, а другая — страшная и нечеловеческая. Такой она не знавала никогда. Знала лишь: надо Блаженного в помочь.

И побрела Екатеринушка по Петербургу.

Никто, даже солдат, на нее не взглядывал. Дома уже были стройные, как на вышедшей в жизнь картине. Где-то ослепительно высился Троицкий собор.

Прошла по набережной. На реке — корабль, много народу. Кто-то машет шапкой, рукой. Сам император всея Руси с топором в руке, засучив рукава, как богатырский плотник, работает по дереву: токмо щепки летят.

В стороне, за углом браво маршируют солдаты. Полная молодуха с ведром воды, застывши, смотрит на их парад... Вот они, защитники всея Руси, ее плоть, и кровь, и ограда.

Катерина, вдруг объятая какой-то скрытой надеждой, поспешила дальше. Она знала, куда шла...

Солнышко вовсю вставало над Рассеею.

Через час где-то уже в стороне от нее стоял Санкт-Петербург — город, яко чудо стройное. А рядом с Екатериной — домики кривые, покойные и знакомые, как в Московии. Осмотревшись, юркнула в один из них, на отшибе. Домик как домик, и похож на крестьянский. Но из тьмы сеней забелело на нее лицо Егория.

— Нашла! — подумала Катеринушка.

— Блаженный-то здеся поди? — прошептала она Егорию.

— Здеся. Но благоизволит выше идтить,— кивнул Егорий, не хмельной.

Катерину захолодило. Вместе прошли в сарай, на сеновал. Крыша была дырявая, и Божий свет лился сверху на сено, на котором возлежал, как на пуху, блаженный. Был он не постаревший, но убеленный. Ласково поглядел на вошедших. Егорий и Катерина сели на корточках вокруг его.

— В великое бесстрашие входит,— бормотнул Егорий про себя.

Блаженный посмотрел на остающихся.

— Изменюся я таперь,— сказал он в тиши.— Уйду от вас, родимцы... Не ищите мя... Без трупа умру.

Катеринушка заголосила внутри.

— Знаю, знаю, что тя испугало, душа,— ответствовал он.— Но покров свой оставлю для вас. Буде вам заступничество.

— Окромя креста? — спросила Екатерина.

— Да. Но покров сей особливый. Егорий знает, к какому человску идтить. Оставляю оного человека для вас и для тех в грядущем нашем, кто вместит. Обученный етот человек мною. Темные времена будут, но главная тьма, от которой все и которая всему причина, никому видна не будет. Ее изгоняти тяжело... Веселей — сироты утробные! — засмеялся вдруг блаженный, взглянув.— Катеринушка, светись, что около мя пребываешь, а не на трупном ветру, как Анисья твоя горемычная! Будет покров тому, что вместит, а от них — и тем, кто не вместит, перепадет. По родству. Есть обученные мною... Мало, мало! О! Велико безумство лютое буде... Где свет, где тьма — все спутается... Мотрите у меня, как обучитесь, зрите за невидимым. Но исток помните: ежели в грядущем выдержат все наши — такое им откроется, такое... Носите зерна етого в себе! Сладчайшие! А чичас — бежите в пивную, а то скоро иным духом пьяны будете навсегда. Токмо поцалую вас.

Катеринушка и Егорий на четвереньках подползли к челу блаженного. Пахло соломой и медом. Чело было уже далекое, как будто на звезде. А за светлостью этой чудилась ишо такая бездна, что и Господи...

Намудрилась совсем Катеринушка, а поцелуй блаженного был неземной, но добрый. Точно ласка — та, которая не от миров,— в нее влилась.

Очутилися на улице. Хлестал ветер, тянуло сыростью и еле зримым. А далеко в маленьком городке на берегу потаенной реки, которой поклонялись, видел тяжелые сны Алексей. Будто уходит из Руси в просторы Неизвестно-Божии блаженный Ивашко, и такие те просторы, такие, что лучше и не зреть ничего такого. И еще в душе его, Алексея, металось:

— Бытие, бытие чем подпереть?

А к утру следующего дня той же дорогой возвращались к домику на окраине Санкт-Петербурга, великого города, Егорий и Катерина. Прошли на сеновал. Не было ужо там блаженного. Даже сено, на котором возлежал он, исчезло. Сквозь дыру в крыше видели они токмо синее-синее, бездонное небо, такое глубокое, что тонули в нем очертания ангелов...

Произведение передано редакции автором.

«РАСКОЛЬНИКИ» В ПОГОНАХ

«ПРИКАЗЫ БЫВАЮТ ПРЕСТУПНЫМИ»,— СЧИТАЕТ ПОЛКОВНИК СЕРГЕЙ КУДИНОВ

Что же такое «Щит»? Какое у него будущее? Может быть, это альтернатива, начало какой-то другой жизни армии? Что за люди так смело вступили в бой с генералами? Их преследуют, но они с еще большим достоинством называют себя офицерами. Об этом мы беседуем с первым заместителем председателя союза «Щит» полковником Сергеем КУДИНОВЫМ, кавалером орденов Красного Знамени и Красной Звезды. Напомню, что именно он сообщил общественности о движении десантных частей к Москве осенью прошлого года. Демократические политики в армии — совершенно новое для нас явление.

Фото Евгения Шелешнева.

Фото Александра Тамбулидиса.

— Можно ли говорить о том, что в нашей армии садизм распространен больше, чем в других армиях мира? Потому и выстрелить в безоружного легче.

— Безусловно. Тоталитарные общества, как правило, имеют именно такую, больную, армию. Но еще до службы над человеком старательно работает система — от детского сада до призыва. Все это проявилось в Афганистане. Есть такой миф: будто там, на этой неправедной войне, царили какие-то чистые отношения между людьми. Будто все прошедшие его горнило окрепли душой, сроднились, вернулись какими-то особенно нравственными людьми. Ничего подобного. То, что мы пережили в Афганистане — я там тоже служил,— привело к армейскому расколу и к созданию «Щита», если хотите.

В Афганистане процветала «дедовщина» и была еще более уродливой, чем в Союзе, дома. Солдаты убивали друг друга. Такой случай: молодые солдаты заметили, что «старики» отдыхают в палатке, играют на гитаре, и бросили гранату, подорвали своих же. В отместку за издевательства.

Жестокость между солдатами вырывалась за пределы армейских отношений, обрушивалась на голову противника. Да какой это был противник! Афганистан никого не учил воевать, как это пытаются до сих пор представить. Перед нами было беспомощное, плохо вооруженное население, которое отчаянно сопротивлялось, отбивалось от нас буквально голыми руками, безо всякой тактики, военных ухищрений, безо всякой помощи каких-то наемников. Перепуганных, измученных людей армия брала в плен. Их пытали. Телефонными проводами, например, током. И некоторые куражились при этом. Убить или вот так помучить было даже удовольствием...

— А вам приходилось стрелять, убивать в Афганистане?

— Да.

— Сейчас вас в этом упрекают?

— Я упрекаю себя сам. Считается, что стрелять — обычное дело военного. И никакой рефлексии быть не должно. Но военные — живые люди. Рано или поздно, если ты выполнял преступный приказ, ты начнешь раскаиваться и сомневаться: зачем все это было? Для чего взял грех на душу? Не думайте, такие переживания не ушли из нашей жизни вместе с русской литературой XIX века. Они есть. Они должны быть у российского офицера.

Именно совесть и чувство чести привели к тому, что в 1982 году группа офицеров написала письмо из Афганистана в ЦК КПСС. В нем как раз речь шла о том, что армия не должна участвовать в истреблении мирного населения. Это разлагает, губит, калечит солдат. За письмо офицерам досталось. Но в общем его никто наверху всерьез не воспринял. Там пили, гуляли, развлекались, раздавали ордена. Огромное количество орденов роздано за Афганистан. Есть награды заслуженные. Но большая часть — ни за что. Наверху так и не поняли, какая опасность им угрожала со стороны этих живущих в постоянном кошмаре «афганцев». Вначале мы от пьянки и беспредела побежали спасаться в Афганистан, а там уже поняли — так дальше нельзя, нужно менять ситуацию дома. В «Щите» теперь много «афганцев».

— Иногда «Щит» называют организацией дезертиров. Но ведь дезертирство — сложное понятие. И нарушение присяги — тоже. И в старой русской армии полки готовы были иногда поддержать смутьянов, кстати, и большевикам помогла царская армия. Как понять: кто дезертир, а кто нет?..

— Сегодня ситуация в армии такова, что дезертиром может оказаться человек высочайшей нравственности и долга. Человек, который один понял, что все идут не в ногу. Как некогда капитан Саблин. В армии выступить с критикой особенно трудно. Ведь армия по сути своей никак не политический клуб или арена борьбы мировоззрений. Однако наступает такой момент, когда человек больше не может участвовать в преступлении, в убийстве. И он восстает против приказа.

Второй тип дезертиров — пассивный. Эта «дивизия» (я думаю, не одна, их наберется несколько) сейчас в бегах, ее разыскивает Министерство обороны. Те юноши, которые не явились на призывные пункты, прячутся от службы. Я не осуждаю их. Это форма протеста против армейского беспредела, который их ждет. Беглецы обладают даже определенным мужеством. Они знают, что система не простит, накажет, и очень сурово. Но тем не менее изъявляют протест, несмотря ни на что.

КПСС продолжает твердить, что, мол, «Щит» забрал у «молодежи» смысл службы, опорочил идеалы защиты Родины и т. д., а потому количество дезертиров измеряется тысячами. Но ведь защищали мы не Родину, а партию, Сталина и многих, многих политических авантюристов. Сейчас «Щит» хочет возродить в умах солдат понятие Отечества. Мы считаем, что нужно заново воспитывать российское офицерство, создавать в армии слой цивилизованных, просвещенных военных с новым кодексом чести. Семьдесят лет большевизма прервали и перечеркнули прекрасные традиции русской армии. Но к этим традициям нужно вернуться, они окрасят жизнь солдат, офицеров новым смыслом. Армия не должна быть монстром, от которого исходит вечная опасность. В ней вполне возможен гуманизм, проявления человечности.

— Когда сооружали памятник графу Воронцову, солдаты изо всех уголков России посылали пожертвования — по полкопейке, по копейке, сколько могли. Он был «отец солдатам». А в Советской Армии за 70 лет появился такой человек?

— Генерал Шапошников. Сейчас он — почетный председатель «Щита». А в 1962 году он отказался стрелять в людей в Новочеркасске. И солдатам, офицерам дал приказ не стрелять. За это его уволили из армии. Начались гонения. Какой сильный поступок в те годы! И что это — нарушение устава? Дезертирство? Шапошников — наш армейский Сахаров.

— Когда вы выбрали свой новый «раскольнический» путь в армии, вас уволили, хотя вы депутат областного Совета. Какие методы борьбы с военными применяются в таких случаях? Тем более — в провинции, где, как известно, все значительно суровее и страшнее, чем в столице.

— Когда началась первая перестройка, я искренне в нее поверил, пытался обратить в свою веру окружающих. И это получалось.

Когда я прибыл в Рязанское училище, увидел совсем другое.

Меня поразил царивший там дух застоя. Начальник так и сказал: хочешь работать — забудь о своих демократических симпатиях, а будешь и дальше «проповедовать»— мы тебя «уйдем». Перестройка, добавил он, это блеф. Мы скоро все снова поставим на свои места. Мне не хотелось начинать с конфликта. Но изменить своих убеждений я все же не мог. Знаете, много офицеров-политработников поверило в возможность перемен. Удивительно, что, изучая марксизм-ленинизм, мы стали его самыми жестокими оппонентами. То, что перестройка — это гигантская мистификация, мы все поняли после выборов ВС СССР, с их «сотней» от КПСС, от общественных организаций, подтасовками и т. д. В Рязани в 1989 году милиция впервые разогнала дубинками народ, который пришел на площадь только спросить, будет митинг или нет. И никто не стал разбираться, зачем били людей, никто никого не наказал. Этот маленький конкретный случай многое для меня прояснил: все покатилось назад. Но есть ведь какая-то инерция нравственности! За четыре года мы, пусть даже по наивности, изменились.

Когда я узнал о передвижении войск к Москве, нужно было делать окончательный выбор. И я его сделал...

Кампания против нашей семьи была грязной, грубой, в традициях тридцатых годов. Мой телефон прослушивался КГБ, моему сыну пришлось уйти из военного училища. О нас распустили самые дикие слухи. Но выдумать что-то трудно. Городок маленький, все все друг о друге знают. Придумали, что жена бегает по военторгам. У нас нет ни дачи, ни машины. Но тем не менее пытались пустить сплетню о каких-то дополнительных благах, льготах, подкупах.

Я счастлив тем, как вели себя мои родные и близкие. Сын хорошо разобрался во всем, что происходит, и поверил мне. Отец, военный, ветеран войны, который тоже подвергался в армии гонениям, меня поддержал. Когда я размышлял, что будет с нами, если сообщу о передвижении десантников, именно жена поставила точки над «i», сказала: «Не сомневайся. Послужи Отечеству на деле».

Знаете, я заново обрел семью во время этих испытаний.

Раньше мы все жили во лжи. И на семьях это отражалось. Если ты лжешь весь день на работе, трудно дома быть искренним и счастливым. И вдруг в разгар борьбы мои домочадцы почувствовали какую-то удивительную свободу. Мы перешли черту этой тяжкой советской осторожности, вынужденной осторожности, которая подавляла чувства много лет. Мы начали жить по совести.

— Приходилось ли вам когда-нибудь прежде переступать эту черту осторожности? Может быть, в детстве, в юности? Наверное, были прецеденты?

— Я учился, воспитывался в суворовском училище. Эти заведения славятся свободомыслием. Дух кадетства, высокое понимание чести офицера — все это там сохранилось. Суворовские училища набирали детей военных из больших семей. Не «блатных». А до нас там учились военные сироты, «сыновья полков», мальчишки, которые воевали в партизанских отрядах. То есть это был прекрасный контингент. Они формировали хорошие, добрые традиции. И мы впитывали эту атмосферу. Повезло и с преподавателями. Они были в основном гражданские люди. С блестящими знаниями. Очень независимые. И нас приучали отстаивать свои убеждения. Воспитывали какое-то особенно бунтарское состояние души... Да, существовали такие островки и в годы застоя. Сейчас в «Щите» много суворовцев. Эта школа помогла многим из нас выстоять в годы беспробудного пьянства в армии, когда было загублено целое поколение.

— Как относится ваш отец к новым фактам о войне, которые стали сейчас известны, и как к ним относитесь вы?

— Отец верит в прошлое, ни на минуту не допускает сомнений — все было правильно, советские стратеги не делали ошибок. Я считаю, что нельзя у ветеранов отнимать это чувство достойно прожитой жизни, никакие факты не могут перечеркнуть их искреннюю веру в то, что они всегда боролись и жертвовали собой за правое дело. Мой же взгляд на войну существенно изменился в последние годы. Я не сомневаюсь в ее справедливом народном характере. Но никто до сегодняшних дней не написал настоящей правды. Никто. Даже самые хорошие писатели, такие, как Бакланов. Все — лакировка... Мы живем в обществе-казарме, и писателям, видно, тоже трудно быть выше указанного потолка. Да, вырисовывался образ героя. Да, тяжело шел он к победе. И вела его вперед родная партия. Но мы все еще мало говорим о штрафбатах, об НКВД, которое стреляло в спину своим, об арестах и репрессиях в те годы, об исчезновении людей в тылу...

— А какой из мифов о войне кажется вам наиболее чудовищным?

— О великом стратеге Сталине, его военном таланте. Фронтом руководил человек, который ни разу не выехал на передовую... Впрочем, и не в этом дело. Самое страшное — это тактика «людской волны». Помню, слушал Дмитрия Волкогонова. Меня потряс его рассказ о телеграммах Сталина: взять населенный пункт любой ценой, не жалеть людей и т. д. Какая же тут мудрейшая стратегия — «любой ценой»? А до чего все виртуозно пропагандировалось! Матросовыми должны были стать все! Какой-то генерал недосмотрит, недодумает, а солдат бросается на амбразуру, исправляя эту ошибку. Некоторые эпизоды войны, о которых я узнал из рассказов ветеранов, потрясают своей бессмысленностью и жестокостью. То же самое я видел в Афганистане. Ну, никак не могу признать, что у нас есть какая-то своя стратегическая, тактическая школа! После стольких лет разных войн...

Сейчас много спорят о Власове. Я не согласен с теми, кто хочет его полностью реабилитировать. В те годы борьба с режимом тоже имела свои законы. Если бы он действительно боролся со сталинщиной, то как-то проявил бы себя раньше. Нет, это был карьерный шаг, шаг политика.

— А может ли, на ваш взгляд, военный быть политиком? Гибким, свободным от синдрома исполнительства? Может ли он управлять государством?

— Да, военный, который занимается политикой,— вещь ненормальная. Но ведь у нас все смешалось. И у нас просто нет профессиональных политиков. Потому многие военные возглавили сейчас Советы разных уровней. Это попытка вырваться из жестких армейских структур, реализовать себя, свой опыт, знания. Военные, уверяю вас, не так плохи у власти, если это люди демократического толка. Они дисциплинированы, у них сильная воля, чувство ответственности за людей. Что касается целого государства... Пиночет ведь доказал, что и военный может... Сейчас ему все поют дифирамбы. Хотя ведь какая бы ни была клетка, хоть с золотыми прутьями, к ней нормальный человек привыкнуть не может.

Впрочем, я не понимаю, какого военного переворота все ждут в нашей стране и почему идут разговоры о великих достоинствах Пиночета. Военный переворот у нас произошел уже очень давно, когда страной начал править отец народов и великий Генералиссимус. С той поры все лидеры страны у нас военные. Весь состав Политбюро, состав Бюро ЦК комсомола — все. Первые секретари обкомов партии всегда являлись членами Военного совета. У нас всегда были и будут перевороты дворцовые. А армия в таких случаях наготове. И сейчас тоже.

— Наготове, наверное, специальные дворцовые войска. Сама же армия — большая ее часть — кочует по стране, возвращаясь из Европы. У нас, по-моему, образовались целые дивизии бомжей в погонах...

— Вывести войска из Восточной Европы нужно было обязательно. Без этого и внутри страны никакого смягчения климата не произошло бы. Но сделано это было неуклюже, непродуманно. И теперь мы пожинаем страшные плоды. Например, прибыли венгерские дивизии. Селить людей негде. Начальство

захватило два дома. А полторы тысячи семей живут в палатках всю зиму. «Гостей» из Восточной Европы просто боятся. Армия охвачена тревогой. В знак протеста против насильственных переселений вспыхивают бунты.

— Почему-то никто не говорит о том, что «гости» из Европы в большинстве своем «блатные»... Ведь туда было очень трудно попасть на службу. Оттуда привозили и деньги, и машины. А сейчас судьба привилегированных военных резко изменилась.

— Там служили не все «блатные», как вы думаете. Но и такие имелись. Мало того, с тех пор как в объединенной Германии, например, начала действовать марка ФРГ, попасть туда хоть на последние год-два стало настолько престижным делом, что за это сейчас бьются в генеральских кабинетах. Службы уже нет, зато — заработки! Плюс бурная коммерция. И солдаты, и офицеры торгуют всем, чем можно,— формой, значками, оружием. Армия перевелась на сувениры... Если бы это пресекалось, если бы за это наказывали! Но воруют все. У нас в ФРГ служат «щитовцы». Они пишут и рассказывают страшные вещи. Полное падение нравов. Я уже не говорю о несметном количестве перебежчиков. Воровать можно. А вот когда офицер пытается выйти из партии, его в 24 часа увольняют. Недавно в ФРГ было два таких случая. Семье одного офицера даже не дали собрать вещи — выслали из Германии немедленно. Видимо, только члену КПСС можно присутствовать при подобном разложении. «Побежденные» немцы предложили нам огромную компенсацию для строительства жилья в СССР. Если бы эту сумму раздать просто так, получилось бы по три тысячи марок на брата. Люди смогли бы как-то сами устроиться в СССР, купить квартиры. Нет. Будут «централизованно» строить какие-то домостроительные комбинаты. Очередная авантюра...

— Меня интересует положение младшего офицерского состава, солдат, которые вступают в «Щит». Как с ними обходятся?

— Просто. Немедленно увольняют из армии. Недавно пришли несколько офицеров, чтобы только взять наши документы и почитать их. Через несколько дней звонят — им предложили уйти из армии. Потому некоторые наши группы не афишируют себя, хотя организации «Щита» есть по всей стране.

Появилась и очень забавная категория людей, которая спекулирует на своей причастности к «Щиту». Хотят уйти из армии, знают, что есть такой беспроигрышный ход — вступить в «Щит»,— и вступают. Сейчас идет якобы военная реформа, которая ставит своей целью «повернуться лицом к человеку». Но это только разговоры. Армия сокращается, а количество генеральских и маршальских должностей увеличивается. Генеральские дачи по-прежнему поражают своими размерами. Идет перестановка фигур в клеточках. Тот мизер, который добавили к армейским окладам,— унизительные крохи. И десантники, и летчики, и подводники, и те, кто служит в Сибири, в Киргизии, все опять будут получать одинаково.

В американской армии проблем не меньше, чем у нас. Но у них больше 50 процентов военного бюджета идет на нужды военнослужащих. А у нас — 14—17 процентов. Гонка же вооружений благополучно продолжается. В 89-м году построили 140 баллистических ракет. 2 подводные лодки — против одной в США. 1800 танков против 600 в Америке. В США на военные расходы идет 6 процентов национального продукта, в СССР — 18. Военно-промышленный комплекс у нас существует и процветает вне всяких курсов внешней политики, вне всякого «нового мышления». Сам по себе... О каких правах человека можно здесь говорить?

Во время Всесоюзного референдума наблюдались поразительные вещи. Капитан Стасенко из Мурманска сжег бюллетени, где 43 процента военных проголосовали за Союз и 55,5 — против. А на новых он зачеркивал нужные слова сам. Так что «за» получилось 92,5 процента. Военное ведомство вообще сразу дало свой процент — 80% «за». Мне известны случаи, когда нумеровали бюллетени, выдаваемые офицерам, чтобы потом выявить, у кого какие убеждения. Так что беспредел продолжается и, я бы даже сказал, крепчает... Об этом я еще сужу из рассказов солдатских матерей. К нам в «Щит», в гостиницу «Россия», приезжают сотни женщин с такими историями, от которых волосы становятся дыбом. Кстати, пустили слух, будто мы берем деньги за юридические консультации у несчастных женщин. Это ложь. Да, у «Щита» есть деньги. Он тратит их на то, чтобы помочь восстановить справедливость. Если нужно — нанять адвоката, поселить человека в гостинице, если нужно — поехать с ним в командировку. Солдатских матерей очень боятся. Это женщины, доведенные до крайней степени отчаяния. Блок «Коммунисты России» в парламенте РСФСР стремится их отделить от «Щита», приручить. Чтоб стали спокойнее, покладистее. Даже на должности берут, оклады дают...

— Какие отношения у «Щита» с рабочим движением, партиями демократического толка, «Демроссией», Моссоветом?

— Прекрасные. Мы надеемся участвовать в «круглом столе», о котором говорил Ельцин. Выступаем против раскола в демократическом движении. О нас тоже пущен слух, будто мы раскололись. Неправда. Это Министерство обороны себя тешит надеждой. У нас собрались люди самого разного склада, мы часто спорим, особенно перед принятием решения. Но это не раскол, а нормальная работа. Сейчас возникло движение «Военные за демократию», что очень важно. Чем больше будет таких «щитов» — тем лучше. Мы только приветствуем пополнение рядов...

— А кто вы сами? Правый? Левый? Центрист? Что вы о себе думаете?

— А я, скорее всего, в «Щите» — консерватор. Я выступаю не только за политическую жизнь «Щита», но вижу острую необходимость социальной защиты военнослужащих. Занимаясь сейчас социальными проблемами солдат, офицеров, мы создаем нечто большее, чем другие политические организации. «Щит» должен бороться за нормальное существование армии — чтобы вернуть человеческое достоинство всем, кто держит оружие. Иначе оружие будет использовано нечеловеческим образом...

Знаете, кто нам помогает и дает советы в этом направлении? Опять же — «побежденные». Армейские профсоюзы ФРГ. У них очень хорошо поставлена служба защиты солдата, офицера. Грустно и горько сознавать, что мы самая негуманная армия в мире.

— О чем вы спрашиваете себя сами чаще всего?

— О том, зачем мне все это было нужно? Сделал ли бы я то, что сделал, еще раз?

Когда я сообщал о перемещении войск к Москве, я знал, что, если буду сидеть тихо, меня ждет хорошее место за границей, где мой предшественник заработал 90 тысяч долларов. Не понадобилось мне это место. Важнее было сказать, предупредить, остаться человеком. А уже через несколько месяцев я говорил вещи более смелые. Страх прошел совсем, закрепощенность, зажатость, неуверенность в себе, которой все мы больны, тоже. Знаете, какое это прекрасное чувство — внутреннее освобождение! Ради него я готов еще раз, и даже не один, все повторить. Я знаю много таких офицеров, как я. Людей, способных броситься на пулемет за свои принципы. Мы твердо решили — или победим, или погибнем. По-моему, нормальное решение для офицера, для военного человека... Так что если завтра мне скажут выйти к войскам с мегафоном и если я буду даже знать, что меня никто не услышит,— я возьму мегафон и выйду. И эти офицеры выйдут. Что бы с нами ни произошло — за нами все равно придут другие... И мы счастливы от этого убеждения.

Беседу вела **НАТАЛЬЯ СЕВЕРИН**
май 1991 г.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

СЕГОДНЯ – БЕЗРАБОТНЫЙ. ЗАВТРА – ПРЕСТУПНИК?

БОРИС ВОРОНОВ,
начальник Управления профилактической службы МВД СССР

В ближайшее время у нас, по прогнозам, появится 10—15 миллионов безработных. Не надо быть изощренным аналитиком, чтобы предположить — новый бурный всплеск преступности не за горами.

Причем мы считаем, что пышным цветом расцветет не только воровство, но и в большом количестве будут совершаться преступления садистские, жестокие, бессмысленные... Отчаявшиеся люди начнут мстить обществу. Сюда же, в эту армию безработных, вольются вчерашние преступники — им невероятно сложно устроиться на работу даже в «мирное» время. А уж сейчас... Боюсь, что надо быть готовым к кровавой вакханалии отверженных.

Что еще наше ведомство может сделать своими силами для снижения роста преступности в условиях безработицы? Попытаемся на этом этапе спасти хотя бы молодежь. Подросток попадает в колонию, как правило, в четырнадцать — шестнадцать лет.

В этой ситуации нелепо ждать от милиции, что она, увеличив свое число, переловит всех преступников или возьмет на учет всех безработных как потенциальных правонарушителей. Зарубежный опыт показывает, что полицейские так и не смогли ничего сделать до тех пор, пока само государство не стало решать эту проблему с помощью хорошо отлаженной системы пособий, которые хоть на какой-то период дали возможность снять напряженность ситуации.

Но что делать нам — система вспомоществования безработным до конца не разработана, казна пуста, экономика развалена? Без содействия властей милиция бессильна обуздать джинна, выпущенного из бутылки «гарантированного права на труд». Потому-то уже сегодня мы пытаемся взять ситуацию под контроль. Во-первых, активно сотрудничаем с Госкомтрудом, с профсоюзами, выходим в Верховный Совет СССР с конкретными предложениями. Недавно, например, мы представили проект Закона «О социальной адаптации граждан, отбывших уголовное наказание, а также иных лиц, утративших социально полезные связи», предусматривающий определенные льготы для предприятий, принимающих на работу лиц этой категории. Во-вторых, мы разрабатываем методологию и политику решения этих вопросов, предлагаем определенные модели... Республики и регионы могли бы внедрять их, сообразуясь с местными условиями. Ведь, заключив Союзный договор, республики получат широкие права, и социально-экономические проблемы им придется решать самостоятельно.

И если мы сейчас не подумаем, что он будет делать лет через пять, когда выйдет на свободу, нам снова придется «бороться с преступностью». Следовательно, уже в исправительном учреждении надо *готовить человека к освобождению.* Мы попробовали сделать это в Абовянской колонии в Армении и в Биробиджанской в Хабаровском крае. Договорились с местными предприятиями и *рассчитали* (это не наше дело, зато наш контингент), какие профессии *будут нужны* в регионе к моменту освобождения подростков. Главная задача — помочь ребятам получить в неволе именно *эти* специальности. Двусторонняя связь с предприятиями, обычная школа, облегченный режим... Все это позволяет подростку быстрее адаптироваться, упрощает его будущий контакт с обществом. Да и оно легче примет назад провинившегося. Если мы верно рассчитаем потребности предприятий в специалистах, то проблема безработицы для освободившихся, даже и не решенная полностью, по крайней мере не будет такой острой. Нельзя забывать, что именно для этой категории лиц отсутствие работы наиболее странно, и это рикошетом бьет по всему обществу.

Во взрослых колониях мы меняем систему не так круто: там пытаемся дать человеку возможность не потерять прежнюю квалификацию. Для этого планируем по возможности создавать свои, «ведомственные», малые предприятия и цеха. Тогда освободившемуся будет легче конкурировать на рынке труда — он не потеряет навыков. Кроме того, создаем фонды социальной адаптации среди судимых за пределами колоний. Люди, прошедшие через все мытарства после освобождения, помогают «новичкам» не скатиться опять в тюрьму. Это опыт Бухары, Куйбышева...

И уж совсем «не своим делом» мы занялись в Хабаровском крае — разработали систему «Трудовые ресурсы». Разве в стране сегодня кто-нибудь знает, где что лежит и сколько? А уж рабочие руки и вовсе не считаны... Если же все будет помнить ЭВМ, людям и предприятиям станет проще найти друг друга. А сколько человек тем самым мы спасем от отчаяния, угрюмой безысходности, стрессов, которые нередко заканчиваются самоубийством?

Причины, подводящие человека к катастрофе — преступлению или самоубийству,— чаще всего кроются в недугах экономических (пожилые люди, матери-одиночки, сокращенные за ненадобностью и лишенные куска хлеба) и социальных (алкоголики, наркоманы, проститутки). Одной милиции тут, конечно, не справиться. Она может лишь вскрыть нарыв, но болезнь, от которой он появился, не вылечит.

Лет 10 назад в США поставили задачу возрождения нации. Через это в свое время прошла и Япония. Первым делом там взялись за отрезвление общества. Но не так, как мы в 1985 году, а планомерно перестраивая всю систему отношений к этому пороку, начиная со школы. Почему они начали именно с пьянства? Уж не потому ли, что алкоголики — первые в списке увольняемых, отовсюду гонимых? Именно они совершают наиболее тяжкие и зверские преступления...

Убежден, что в первую очередь мы должны оказывать помощь вчерашним преступникам и социально-больным, потому что именно эти люди более других подвержены опасности встать на неправедный путь. Скандинавы и американцы это уже давно поняли. И сейчас они все свое внимание обращают на то, чтобы создать человеку такие социально-экономические условия, при которых преступление стало бы попросту *невыгодным.*

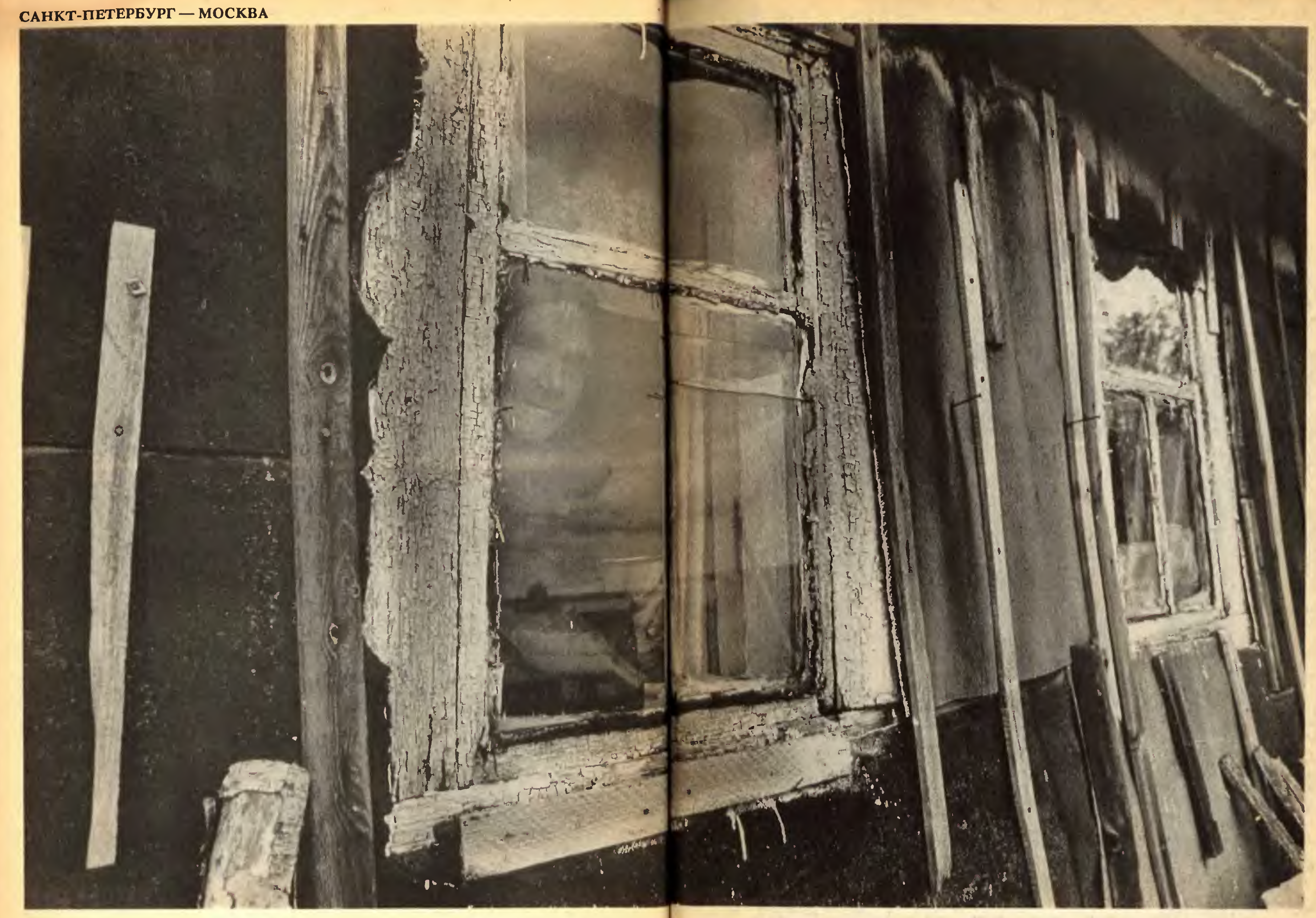

Рубрику ведет
кандидат исторических наук
ВЛАДИМИР НИКИТИН

ЛАТЫНЬ И РОЗГИ...

Мы уже привыкли к постоянным изменениям окружающей нас действительности: возвращаются старые названия улиц и городов, сносятся одни памятники и ваяют другие... Ветер перемен коснулся и средней школы, чьи устои еще недавно казались незыблимыми. Не успели оглянуться и вместо привычных десятилеток — кругом одни гимназии и лицеи. Какой же была русская гимназия, которую мы в свое время отвергли?

